

К. Дж. Сэнсом

Горбун лорда Кромвеля

К. Дж. Сэнсом

1537 год, Англия. Полным ходом идет планомерное уничтожение монастырей, объявленных рассадниками порока и измены. Однако события в монастыре маленького городка Скарнси развиваются отнюдь не по сценарию, написанному главным городка Томасом Кромвелем. Его эмиссар зверски убит, обезглавленное тело найдено в луже крови неподалеку от оскверненного алтаря. Кто это сделал? Колдуны, приверженцы черной магии? Или контрабандисты? Или сами монахи? Расследовать убийство поручено Мэтью Щардлейку, горбуну, чей ум способен распутывать самые сложные преступления. Приехав в монастырь, он почти сразу обнаруживает, что это убийство – не первое, совершенное в стенах обители...

ГЛАВА 1

Я находился в Сюррее по делам кабинета лорда Кромвеля, когда патрон срочно потребовал моего возвращения. Дело, порученное мне, было связано с передачей земель недавно упраздненного монастыря во владение некоему члену парламента, на чью поддержку лорд Кромвель рассчитывал. Однако же бумаги, подтверждающие право на владение лесными угодьями, куда-то исчезли. Впрочем, отыскать их не составило труда. Разрешив эту проблему, я принял приглашение члена парламента провести несколько дней в кругу его семьи. Я с радостью воспользовался возможностью немного отдохнуть и насладиться последними ясными днями осени, прежде чем вернуться в Лондон и вновь приступить к своим обязанностям. Кирпичный дом сэра Стивена отличался вместительностью и правильностью пропорций, и я предложил хозяину запечатлеть его особняк на бумаге. Предложение мое было принято с благодарностью, но, увы, к тому времени, как прибыл посланник, я успел сделать лишь несколько предварительных набросков.

Молодой гонец, привезший мне письмо, покинул Уайтхолл поздним вечером, провел в седле всю ночь и прибыл в имение сэра Стивена на рассвете. Едва взглянув на него, я узнал в нем одного из посыльных, которых лорд Кромвель использовал для особо важных поручений. Исполненный самых тревожных предчувствий, я взломал министерскую печать. В письме, подписанном секретарем Греем, говорилось, что лорд Кромвель требует моего немедленного прибытия в Вестминстер.

Еще совсем недавно перспектива встречи с патроном, достигшим столь головокружительных высот власти, ввергла бы меня в состояние величайшего беспокойства. Но в течение последнего года мною овладела какая-то странная апатия; иными словами, я изрядно утомился и от политики и от судопроизводства, бесконечные людские хитрости и уловки нагоняли на меня скуку. Меня угнетало также, что имя лорда Кромвеля повсюду порождало страх – даже больше, чем имя короля. По слухам, даже толпы наглых и назойливых лондонских нищих пускались наутек при приближении его кареты. Нет, вовсе не о

таком мире, погруженном в испуг и смятение, мечтали мы, молодые реформаторы, споря до хрипоты во время бесконечных обедов. Мы с Эразмом ^[1] искренне надеялись, что горячая вера и милосердие смогут преодолеть религиозные противоречия между людьми; но в начале зимы 1537 года дело дошло до мятежа, количество казненных росло с каждым днем, а земли уничтоженных монастырей служили причиной самых бурных раздоров.

Осень в тот год выдалась сухая, и дороги оставались в весьма приличном состоянии. Вследствие своего телесного изъяна я не способен к быстрой верховой езде, тем не менее до Саутуорка я добрался вскоре после полудня. Мой добрый старый конь Канцлер за месяц, проведенный в деревне, отвык от городского шума и запахов и теперь заметно тревожился; я всецело разделял его настроение. Проезжая по Лондонскому мосту, я потупил взгляд, дабы не видеть отрубленных голов казненных государственных изменников. Головы эти, выставленные на длинных шестах, представляли собой довольно тягостное зрелище. Над ними с пронзительными криками кружились чайки. Должен признать, я всегда отличался излишней чувствительностью, и даже охота на медведя не доставляла мне ни малейшего удовольствия.

На мосту, застроенном домами так тесно, что казалось, некоторые из них вот-вот свалятся в реку, по обыкновению во множестве толпились люди. Я заметил, что многие купцы носят траур по королеве Джейн, которая за две недели до того скончалась от родильной горячки. Лавочники зазывали покупателей, высунувшись из окон своих магазинов, расположенных на первых этажах. На верхних этажах женщины торопливо убрали вывешенное на просушку белье, ибо на западном краю неба показалось несколько темных дождевых туч. Соседки оживленно переговаривались громкими пронзительными голосами, и при моей склонности к язвительным сравнениям я нашел их весьма похожими на возбужденную стаю ворон.

Я тяжело вздохнул, вспомнив о своих обязанностях. Во многом благодаря покровительству лорда Кромвеля я в возрасте тридцати пяти лет располагал процветающей адвокатской практикой и имел прекрасный новый дом. Служить лорду Кромвелю означало служить великому делу реформы ^[2]; по крайней мере, до сей поры, я колебимо верил в это. По всей вероятности, дело, по которому

патрон вызвал меня, отличалось особой важностью, так как обычно поручения передавались мне через Грея. Самого верховного секретаря и главного правителя – именно эти должности занимал ныне лорд Кромвель – я не видел уже более двух лет. Я крепче натянул поводья и направил Канцлера в толпу торговцев и путешественников, уличных воров и ловких проходимцев – иными словами, в огромный человеческий муравейник, именуемый Лондоном.

Проезжая Ладгейт-Хилл, я заметил прилавок, на котором лежали яблоки и груши. К тому времени я изрядно проголодался и потому, спешившись, купил немного фруктов. Стоя около Канцлера и скармливая ему яблоко, я увидел на другой стороне улицы, у таверны, толпу человек в тридцать, которые возбужденно переговаривались, явно чем-то взволнованные. Я предположил, что людей этих собрал вокруг себя какой-нибудь очередной помешанный, начитавшийся Библии и вообразивший себя пророком. Если так, то ему следовало остерегаться появления констебля.

В задних рядах толпы мелькнуло несколько хорошо одетых людей. В одном из них я узнал Уильяма Пеппера, адвоката Палаты перераспределения монастырского имущества. Рядом с ним стоял молодой человек в ярком камзоле с разрезами. Гадая о том, какая причина могла привести Пеппера на подобное сборище, я направил к толпе Канцлера, тщательно избегая сточных канав, заполненных нечистотами. Когда я приблизился, Пеппер обернулся в мою сторону.

– О, Шардлейк, неужели это вы? Где вы так долго пропадали, старина? За этот сезон вы ни разу не появились в суде. Честное слово, я уже начал по вас скучать! – Он указал на своего спутника и произнес: – Позвольте вам представить Джонатана Майнтлинга, недавнего выпускника корпорации адвокатов, ныне успешно практикующего в королевском суде. Джонатан, перед вами Мэтью Шардлейк, самый хитроумный горбун из всех, что когда-либо выступали в судах Англии.

Я поклонился молодому человеку, пропустив мимо ушей неделикатное упоминание Пеппера о моем увечье. Дело тут было отнюдь не только в его дурных манерах, и я прекрасно понимал это. Не так давно я выиграл у него довольно важный процесс, а адвокаты, как известно, остры на язык и никогда не упустят случая отомстить.

– Что здесь происходит? – осведомился я.

– Видите ли, старина, в этой таверне сейчас находится некая женщина, у которой есть некая чудесная птица, привезенная из Индии [3], – со смехом объяснил Пеппер. – Говорят, эта птица болтает по-английски не хуже нас с вами. С минуты на минуту счастливая владелица должна выйти и показать нам свое сокровище.

Около таверны улица начинала идти под уклон, мы же стояли на возвышении, и, несмотря на свой невысокий рост, я имел возможность хорошо рассмотреть происходившее. В дверях таверны появилась старая толстая женщина в грязном поношенном платье. В руках она держала нечто вроде железного шеста с перекладиной, на которой сидела самая удивительная птица из всех, что мне доводилось когда-либо видеть. Размерами она превосходила самую крупную ворону, короткий толстый клюв ее кончался грозного вида крючком, а красное и золотистое оперение было настолько ярким, что на фоне уличной грязи едва не слепило глаза. Завидев диковину, толпа пришла в движение.

– А ну, отойдите! – резким пронзительным голосом закричала владелица птицы. – Я вынесла вам Табиту, как и обещала. Но если вы будете толкаться вокруг, она нипочем не станет разговаривать.

– Мы хотим послушать, как она говорит! – раздались голоса из толпы.

– Задарма она разговаривать не будет! – заявила старая карга. – А если каждый из вас даст Табите по фартингу, тогда она покажет вам, на что способна.

– Любопытно посмотреть, в чем тут хитрость, – насмешливо фыркнул Пеппер.

Тем не менее, вместе со всеми остальными он бросил к подножию шеста медную монету. Старуха подобрала с грязной мостовой все монетки до единой и обратилась к птице.

– Ну, Табита, теперь можешь говорить, – разрешила она. – Скажи: «Храни Господь короля Гарри! Упокой Господи душу бедной королевы Джейн!»

Птица, судя по всему, не обратила на слова старухи ни малейшего внимания. Она по-прежнему переступала на своих чешуйчатых лапках и не сводила с толпы круглых стеклянных глаз. Внезапно она раскрыла клюв и изрекла пронзительным голосом, поразительно напоминавшим голос хозяйки:

– Храни Господь короля Гарри! Упокой душу королевы Джейн!

Сказать, что собравшиеся были потрясены, означало не сказать ничего. Те, кто стоял в передних рядах, подались назад, многие осеняли себя крестным знаменем. Пеппер озадачено присвистнул.

– Что вы на это скажете, Шардлейк?

– Право, не знаю, – пожал я плечами. – Вероятно, здесь и в самом деле какая-то хитрость.

– Пусть скажет что-нибудь еще! – раздался в толпе голос какого-то смельчака. – Прикажи ей говорить!

– Табита, скажи: «Смерть Папе! Смерть римскому епископу!» – распорядилась старуха.

– Смерть Папе! Римский епископ! Храни Господь Короля Гарри! – завопила птица и расправила крылья, так что зеваки в тревоге затаили дыхание.

Я, однако же, сумел рассмотреть, что опасаться нечего: крылья были подрезаны, и диковинная птица не имела возможности улететь. Произнеся свою впечатляющую речь, птица принялась озабоченно чистить клювом перья у себя на груди.

– Приходите завтра к собору Святого Павла, еще не такое услышите! – воскликнула старая карга. – Расскажите всем, кого знаете, о Табите, говорящей птице из Индий. Мы с ней придем к собору ровнехонько в двенадцать. Да, вот такие птицы водятся в стране Перу. Там их тьма-тьмуца. И все они сидят в своих гнездах и разговаривают по-человечески.

С этими словами старуха, проворно подобрав с земли еще пару монет, схватила шест с отчаянно бьющей крыльями птицей и исчезла в дверях таверны.

Люди, возбужденно обмениваясь впечатлениями, начали расходиться. Я взял Канцлера под уздцы и двинулся шагом вдоль по улице. Пеппер и его молодой друг шли рядом.

Диво, которому Пеппер только что стал свидетелем, заставило его отказаться от обычного пренебрежительного тона.

– Я слышал уйму историй о чудесах, которые творятся в стране Перу, той, что завоевали испанцы! – в волнении восклицал он. – И я считал все это выдумками, которые не стоит принимать на веру! Но после того, что мы сейчас видели... О, Пресвятая Дева!

– Не сомневаюсь, все это не более чем мошенничество, – невозмутимо заметил я. – Вы не обратили внимания на глаза этой птицы? Пустые, стеклянные глаза, без всякого проблеска ума! А помните, как она вдруг прекратила говорить и начала чистить перья? Существо, наделенное разумом, никогда так не поступит.

– Тем не менее, птица разговаривала, сэр, – возразил Майнглинг. – Мы слышали это собственными ушами.

– Но говорить можно, не понимая смысла слов. Думаю, птица просто повторяла слова старой ведьмы. Ведь и собака бежит к хозяину, когда он зовет ее. Кстати, мне доводилось слышать о говорящих сойках.

Оказавшись в конце улицы, мы остановились.

– Возможно, вы правы, Шардлейк, – усмехнулся Пеппер. – Ведь паства в церкви тоже тупо повторяет за священником латинские молитвы, не понимая ни слова.

В ответ я молча пожал плечами.

Подобное замечание относительно латинской мессы показалось мне излишне пренебрежительным, но сейчас у меня не было ни малейшего желания затевать спор на религиозные темы.

– Увы, я вынужден вас покинуть, – заявил я, отвесив поклон. – Мне назначен прием у лорда Кромвеля, в Вестминстере.

На молодого человека мое сообщение произвело сильное впечатление, да и на Пеппера тоже, хотя он приложил все усилия, чтобы это скрыть. С самой безразличной миной я вскарабкался в седло и пришпорил Канцлера. Адвокаты – это величайшие сплетники, которых Господь когда-либо посылал на эту грешную землю. Я понимал, что моей деловой репутации отнюдь не повредит, если Пеппер растрезвонит повсюду о личной аудиенции, которой удостоил меня главный правитель. Эта отрадная мысль согревала мне душу, однако удовольствие мое вскоре было отравлено непогодой. Когда я проезжал по Флит-стрит, первые дождевые капли упали на пыльную дорогу, и вскоре дождь хлынул как из ведра. Порывы резкого ветра бросали холодные струи мне в лицо, однако я был вынужден продолжать путь, прикрыв голову капюшоном дорожного плаща.

К тому времени как я добрался до Вестминстерского дворца, дождевые струи превратились в сплошные потоки. Улицы опустели, а

с несколькими промокшими до нитки всадниками, попавшимися мне навстречу, мы обменялись сочувственными восклицаниями.

Несколько лет назад король оставил Вестминстер, перебравшись в великолепный новый дворец в Уайтхолле. В настоящее время Вестминстер использовался главным образом для заседаний различных судебных палат. Палата, в которой подвизался Пеппер, была основана сравнительно недавно и занималась перераспределением имущества малых монастырей, ликвидированных в минувшем году. Здесь же располагались конторы служащих лорда Кромвеля, численность которых в последнее время возросла неимоверно. Таким образом, Вестминстер являлся весьма оживленным местом.

Обычно во внутреннем дворе во множестве толпились облаченные в черное адвокаты, бурно обсуждавшие подробности недавних процессов. В укромных уголках государственные чиновники приглушенно спорили или строили свои бесконечные заговоры. Но сегодня дождь загнал всех под крышу, и двор был почти пуст. Лишь несколько бедно одетых, насквозь промокших людей понуро стояло у дверей Палаты перераспределения. То, несомненно, были монахи из уничтоженных монастырей. Как видно, они явились в суд, дабы испросить обещанного королевским актом направления в приходы. Чиновник, в обязанности которого входило отвечать на их запросы, отсутствовал – возможно, то был господин Майнтлинг, встреченный мною у таверны. Внимание мое привлек пожилой человек с гордым и благородным лицом, в одеянии цистерцианского монаха. Капли дождя стекали с его капюшона. Появившись в монашеской одежде поблизости от кабинета лорда Кромвеля, старик рисковал навлечь на себя новые неприятности.

Бывшие монахи обычно имеют унылый и несчастный вид, но на лицах этих людей застыло выражение самого неизбывного отчаяния. Присмотревшись, я заметил, что взгляды их устремлены к двум большим повозкам, стоявшим у стены. Возчики, на чем свет стоит, ругая дождь, заливавший им глаза, торопливо разгружали телеги. Поначалу мне показалось, что они складывают вдоль стен дрова, однако, когда Канцлер подошел поближе, я разглядел, что в телегах нечто иное – ларцы для мощей, распятия, покрытые богатой резьбой, деревянные и гипсовые статуи святых. Я понял, что это предметы

церковной утвари, принадлежавшие монастырям, существованию которых реформа положила конец. Все эти реликвии, которым еще совсем недавно поклонялись, как величайшим святыням, ныне валялись под дождем, подобно грудам ненужного хлама. Я невольно содрогнулся, но, поборов неприятное чувство, холодно кивнул бывшим монахам и направил Канцлера в арку.

Поставив жеребца в стойло, я насухо вытерся полотенцем, которое подал мне конюх, и отправился во дворец. Стражник, которому я предъявил письмо лорда Кромвеля, провел меня сквозь лабиринт запутанных коридоров во внутренние покои дворца. Наконечник его начищенного до блеска копья сверкал подобно путеводной звезде.

Мой провожатый распахнул передо мной тяжелую дверь, по обеим сторонам которой застыли два других стражника, и я оказался в длинном, узком зале, ярко освещенном множеством свечей. Некогда в этом зале стоял огромный трапезный стол, но теперь помещение было сплошь заставлено конторками, за которыми озабоченные клерки разбирали кипы бумаг. Старший из них, круглый коротышка с перемазанными в чернилах пальцами, бросился мне навстречу.

– Господин Шардлейк? Мы не ожидали вас так рано! – воскликнул он.

Поначалу я удивился тому, что коротышка, которого я ни разу в глаза не видел, сразу узнал меня. Но в следующее мгновение я сообразил, что его, должно быть, снабдили описанием моей персоны, а горбуна нетрудно отличить от прочих по одной-единственной примете.

– С утра стояла прекрасная погода, и я проделал путь достаточно быстро, – пояснил я. – Дождь разразился всего несколько минут назад, – счел я необходимым добавить, указывая на свои насквозь промокшие штаны.

– Главный правитель приказал привести вас к нему, как только вы приедете, – заявил коротышка.

Вслед за ним я прошел через весь зал, мимо шелестящих бумагами клерков. Ветер, который мы подняли при ходьбе, заставлял мигать свечи. Только сейчас я начал понимать, какой плотной сетью моему патрону удалось оплести страну. И священники, и представители местных магистратур имели собственных осведомителей, в обязанность которых входило передавать им все слухи, а также

сообщать о малейших проявлениях недовольства, могущих привести к государственной измене. Каждый подобный случай расследовался по всей строгости закона, и наказания из года в год ужесточались. Перемены в церковной сфере уже повлекли за собой одно восстание; несомненно, новый мятеж мог потрясти страну до основания.

Коротышка остановился перед массивной дверью в конце зала. Постучав, он распахнул дверь и вошел.

– Господин Шардлейк, милорд, – провозгласил он с низким поклоном.

В противоположность залу, где работали клерки, кабинет лорда Кромвеля был погружен в полумрак. Лишь свет одного-единственного подсвечника, стоявшего на столе, разгонял по углам тени ненастного дня. Люди, занимающие высокое государственное положение, имеют обыкновение украшать стены своих кабинетов богатыми гобеленами, однако лорд Кромвель обходился без подобных изысков. Вдоль стен сплошь стояли высоченные шкафы с множеством ящиков, повсюду теснились письменные столы, заваленные сообщениями и докладами. В камине горело огромное полено, издававшее громкий треск.

В комнате было так темно, что поначалу я не разглядел лорда Кромвеля. Лишь когда глаза мои привыкли к сумраку, я различил очертания его приземистой фигуры. Лорд Кромвель стоял у стола в дальнем конце комнаты и, озабоченно нахмурившись, изучал содержимое какой-то шкатулки. Его большой тонкогубый рот изогнулся в пренебрежительной гримасе. Выражение лица патрона не предвещало ничего хорошего. Пожалуй, пришло мне на ум, посмей я чем-то вызвать его нерасположение, он может в любую минуту проглотить меня и даже не подавится. Но тут лорд Кромвель поднял голову, и выражение лица его мгновенно изменилось. Зная его не первый год, я успел привыкнуть к подобным стремительным переменам. На губах его заиграла любезная улыбка, а руку он вскинул в знак приветствия. Я отвесил поклон, такой низкий, на какой только был способен. После долгого пребывания в седле поясница у меня затекла, и я невольно поморщился.

– Входите, входите, Мэтью! – В зычном хриловатом голосе патрона звучала искренняя радость. – Вы отлично справились с делами

в Кройдоне. Я очень доволен, что клубок проблем, связанных с Черной Фермой, наконец распутан.

– Рад служить, милорд.

Приблизившись, я заметил, что на нем черный камзол – край его виднелся из-под отороченной мехом мантии. Лорд Кромвель поймал мой взгляд.

– Вы знаете, что королева отошла в лучший мир?

– Да, милорд. Эта печальная новость дошла до меня.

Мне было известно, что после казни Анны Болейн лорд Кромвель был очень близок с семейством Джейн Сеймур, которое в немалой степени способствовало его карьере.

– Король просто обезумел от горя, – пробурчал лорд Кромвель.

Я бросил взгляд на стол. К моему удивлению, он был заставлен шкатулками и ларцами различных форм и размеров. Насколько я мог судить, все они были сделаны из золота или серебра, многие украшены драгоценными камнями. Сквозь вставки из старого помутневшего стекла я разглядел, что внутри, на бархатных подушках, покоятся лоскутки истлевшей ткани и остатки костей. В том ларце, который лорд Кромвель по-прежнему держал в руках, находился череп ребенка. Главный правитель тряхнул шкатулку так, что череп лязгнул зубами. На лице лорда Кромвеля мелькнула угрюмая усмешка.

– Возможно, это вас интересует, – процедил он. – Сии священные реликвии привезли сюда, дабы я обратил на них особое внимание.

С этими словами лорд Кромвель поставил шкатулку на стол и указал на латинскую надпись, выведенную на ее крышке.

– Прочтите это, – распорядился он.

– *Barbara sanctissima*, – прочел я вслух и с интересом взглянул на череп, на макушке которого еще сохранилось несколько длинных волос.

– Итак, перед вами череп святой Варвары, – насмешливо изрек Кромвель, похлопав по крышке ларца. – Юной девственницы-христианки времен Римской империи. Если вы помните, она была убита собственным отцом-язычником. Да, эти святые мощи прибыли к нам из Клуниатского монастыря в Лидсе.

Лорд Кромвель взял в руки другую шкатулку, серебряную, украшенную крупными камнями, походившими на опалы.

– А вот еще одна святая Варвара, – сообщил он. – На этот раз из Боксгровского женского монастыря в Ланкашире. – Он рассмеялся коротким хриплым смехом. – Говорят, в Индиях водятся двуглавые драконы. А в древние времена, судя по всему, водились двуглавые девицы.

– Господи Иисусе, – пробормотал я, не сводя глаз с черепов. – Хотел бы я знать, кому действительно принадлежали эти бранные останки.

Лорд Кромвель снова рассмеялся отрывистым, похожим на лай смехом и похлопал меня по плечу.

– Узнаю моего Мэтью, – заявил он. – Я знаю, дружище, что вы всегда смотрите в корень. Сейчас мне необходим ваш острый ум. Мой человек из Палаты перераспределения сообщил, что золотая шкатулка и в самом деле сделана во времена Римской империи. Тем не менее, она будет отправлена на переплавку вместе со всеми остальными. Что касается черепов, их следует попросту выбросить. Люди не должны поклоняться костям.

– Здесь у вас собралась целая коллекция мощей, – заметил я и отошел к окну.

Дождь по-прежнему хлестал как из ведра, заливая двор, где возчики все еще выгружали церковную утварь из телег. Лорд Кромвель пересек комнату и встал у окна рядом со мной. Несмотря на то, что титул пэра предписывал ему носить пурпур, костюм лорда Кромвеля мало, чем отличался от моего. На нем была черная мантия и плоская черная шапочка – обычный наряд судейских и канцелярских чиновников. Правда, шапочка была сшита из бархата, а мантия оторочена мехом бобра. Я заметил также, что в длинных каштановых волосах лорда Кромвеля появились седые пряди.

– Это я распорядился привезти сюда весь этот хлам, – сообщил лорд Кромвель, указывая во двор. – Его необходимо как следует высушить. В следующий раз, когда мне доведется сжечь изменника-паписта, я использую эти деревяшки вместо дров, – произнес он с угрюмой усмешкой. – Пусть люди увидят собственными глазами, что на костре из своих святых еретики визжат так же громко, как и на костре из добрых сосновых поленьев. Пусть увидят, что Господь не собирается приходить на помощь изменникам. – Выражение лица его

вновь стремительно изменилось и из зловещего стало озабоченным. – Садитесь же, Мэтью. У нас с вами много дел.

Он уселся за письменный стол и указал мне на стул, стоявший рядом.

Усаживаясь, я невольно поморщился от боли в спине.

– Вид у вас усталый, Мэтью, – заметил патрон, неотрывно глядя на меня своими большими карими глазами. Подобно его лицу, глаза эти беспрестанно меняли выражение и сейчас были холодны и спокойны.

– Да, дорога немного утомила меня, – кивнул я. – Пришлось много времени провести в седле.

Я окинул взглядом стол. Он был завален бумагами, на некоторых из них поблескивала королевская печать. Тут же стояло несколько маленьких золотых шкатулок, которые лорд Кромвель, как видно, использовал в качестве пресс-папье.

– Хорошо, что вам удалось отыскать документы на право владения лесами, – изрек лорд Кромвель. – Не сделайте этого, рассмотрение дела в суде лорд-канцлера могло затянуться на многие годы.

– Бумаги спрятал у себя бывший казначей монастыря, – пояснил я. – Он взял их, когда монастырь был уничтожен. Несомненно, местные крестьяне хотели, чтобы леса были переданы в общественное пользование. Сэр Ричард подозревал, что бумаги захватил другой помещик, который тоже был не прочь завладеть лесами. Однако я решил для начала потрясти казначея – ведь он был последним, кто имел дело с этими документами.

– Прекрасно. Вы всегда отличались проницательностью, Мэтью.

– Я выследил его в деревенской церкви, где он служил приходским священником. Именно там он хранил документы. Он недолго отпирался и вскоре счел за благо отдать документы мне.

– Вне всякого сомнения, крестьяне заплатили этому пройдохе. Монахи падки на деньги. Вы передали его в руки правосудия, Мэтью?

– Уверен, никаких денег он не получал, – возразил я. – Скорее всего, он просто хотел помочь крестьянам. Земли там бедные, и люди еле сводят концы с концами. Поэтому я решил, что лучше оставить дело без последствий.

Лорд Кромвель откинулся на спинку стула. У губ его залегла суровая складка, взгляд стал непроницаемым.

– Так или иначе, Мэтью, этот бывший монах совершил преступление, – процедил он. – В назидание всем прочим вам следовало отдать его под суд. Надеюсь, что впредь вы не будете проявлять излишней снисходительности. Времена сейчас такие, что мне не нужны мягкосердечные помощники, Мэтью. Мне нужны люди, не знающие жалости. – Внезапно глаза его вспыхнули гневом – нечто подобное я наблюдал лишь десять лет назад, во время первой встречи с лордом Кромвелем. – Нация пустоголовых и счастливых дикарей, бессмысленно внимающих слову Божьему, – это не просто «Утопия» Томаса Мора, не просто фантазия закоренелого еретика. Именно об этом мечтала наша разложившаяся, погрязшая в пороках Церковь.

– Да, да, я совершенно согласен с вами.

– Паписты не чураются даже самых грязных средств, чтобы не дать нам возможности построить воистину христианское государство. И клянусь кровью Господа нашего, я тоже готов бороться с ними любыми способами.

– Милорд, поверьте, мне очень жаль, если я совершил ошибку.

– До меня уже доходили слухи о вашем излишнем мягкосердечии, Мэтью, – произнес лорд Кромвель более спокойным тоном. – Я знаю, вы всегда строго блюдете закон. Но возможно, вам порой не хватает божественного огня и рвения.

Лорд Кромвель имел привычку время от времени прямо, не мигая, смотреть в глаза собеседнику, пока тот не почувствует себя побежденным и не опустит глаза. Через несколько секунд, робко подняв голову, злосчастный обнаруживал, что взгляд пронзительных карих глаз по-прежнему устремлен на него. Сейчас патрону вздумалось проделать подобный трюк со мной. Я ощущал, как сердце молотом колотится у меня в груди. Откуда лорду Кромвелю известно о моей апатии, о моих сомнениях и растерянности? Ведь я так тщательно скрывал свои чувства и ни с кем не делился своими соображениями.

– Милорд, я был и остаюсь непримиримым врагом папизма, – заверил я.

Но стоило мне произнести эти слова, мысль о моих бесчисленных предшественниках, твердивших то же самое под этим неумолимым взглядом, о людях, чья верность реформе подвергалась сомнению, сжала мне сердце. Пронзительный укол страха заставил меня

содрогнуться, и я несколько раз глубоко вздохнул, надеясь, что лорд Кромвель ничего не заметил. Выдержав томительную паузу, он кивнул.

– У меня есть для вас задание, Мэтью, – изрек он. – Задание, которое вполне отвечает вашим талантам и способностям. От того, как вы его выполните, во многом зависит будущее реформы.

Лорд Кромвель нагнулся, взял со стола маленькую шкатулку и открыл ее. Внутри, на украшенной изящной резьбой серебряной подставке, была укреплена склянка, наполненная каким-то красным порошком.

– Это кровь святого Пантелеймона, с которого язычники заживо содрали кожу, – вполголоса сообщил лорд Кромвель. – Ее доставили из Девона. Монахи утверждали, что ежегодно в день Святого Пантелеймона кровь снова становится жидкой. И каждый год сотни людей устремлялись в этот монастырь, чтобы своими глазами увидеть великое чудо. Паломники на коленях подползали к этой склянке и просили святого об исцелении от недугов. Но посмотрите, в чем тут фокус. – Он перевернул шкатулку. – Видите это маленькое отверстие сзади? В стене, около которой стоит шкатулка, тоже было сделано отверстие, и монах при помощи пипетки наполнял склянку подкрашенной водой. И в результате потрясенные люди становились свидетелями чуда.

– Мне уже приходилось слышать о подобных случаях мошенничества, – заметил я, внимательно рассматривая шкатулку. Я даже сунул палец в отверстие в задней стенке.

– Вся жизнь в монастырях проникнута обманом, – с пылом заявил лорд Кромвель. – Обманом, мошенничеством, стяжательством, идолопоклонничеством. Втайне все они по-прежнему хранят верность римскому епископу. – Он перевернул шкатулку, так что несколько крупинок красного порошка просыпалось из склянки на стол. – Монастыри – это язва на теле нашей страны, и я выжгу эту язву каленым железом.

– Да, начало этому положено. Малые монастыри уже уничтожены.

– Это всего лишь царапина на поверхности. Однако деньги, которые мы забрали у малых монастырей, разожгли аппетит короля. Теперь ему хочется поскорее добраться до больших, тех, что располагают значительными средствами. Подумать только, в стране

две сотни монастырей, и им принадлежит шестая часть всех богатств Англии!

– Вы уверены, что это правда? Монастыри действительно так богаты?

Лорд Кромвель кивнул.

– В этом нет никаких сомнений. Но после мятежа, что вспыхнул прошлой зимой, когда две тысячи изменников потребовали восстановления монастырей, я предпочитаю действовать осторожно. Король заявил, что более не желает идти напролом, и он совершенно прав. И теперь, Мэтью, я хочу добиться, чтобы монастыри добровольно давали согласие на собственный роспуск.

– Но трудно представить, чтобы...

По губам лорда Кромвеля пробежала кривая ухмылка.

– Не спешите возражать, Мэтью. Как говорится, даже для того, чтобы убить свинью, существует несколько способов. А теперь прошу вас, слушайте внимательно. Я намерен поделиться с вами секретными сведениями.

Он наклонился ко мне и заговорил тихо, но внятно.

– Два года назад, когда проводилась инспекция монастырей, я требовал, чтобы все факты, свидетельствующие о падении нравов среди монахов, брались на учет. – Он кивнул в сторону шкафов, стоявших вдоль стен. – Все эти сведения хранятся здесь. Описания случаев содомии, блуда, подстрекательства к измене. А также тайной продажи ценного монастырского имущества. В каждом монастыре у меня есть свои осведомители, и число их неуклонно растет. – Губы лорда Кромвеля вновь тронула угрюмая усмешка. – Мне пришлось казнить в Тайборне дюжину аббатов, и, должен сказать, я правильно выбрал для этого время. Церковники поняли, что мне лучше не перечить. Я сумел запугать их, заставил беспрекословно выполнять мои распоряжения.

И, усмехнувшись, он неожиданно подбросил шкатулку в воздух, поймал ее и опустил на стол между бумагами.

– Мне удалось убедить короля выбрать дюжину монастырей и подвергнуть их особенно сильному давлению, – продолжал лорд Кромвель. – В течение двух последних недель я послал в эти монастыри своих представителей с предложением добровольно дать согласие на роспуск. В этом случае всем монахам будет назначено

денежное пособие, причем для аббатов – весьма значительное. В противном случае, монастыри будут подвергнуты судебному преследованию. Так, монастырю в Льюисе будет предъявлено обвинение в подстрекательстве местных жителей к государственной измене. По поводу других мы тоже располагаем сведениями самого порочащего характера. Я не сомневаюсь, как только мне удастся добиться от нескольких монастырей добровольного согласия на роспуск, все прочие осознают, что игра проиграна, и предпочтут отказаться от сопротивления. Эмиссары были отправлены, и все шло именно так, как я рассчитывал. До вчерашнего дня. – Лорд Кромвель взял со стола какое-то распечатанное письмо. – Вы слышали о монастыре в Скарнси, Мэтью?

– Нет, милорд.

– В этом нет ничего удивительного. Так вот, это старинный бенедиктинский монастырь, расположенный на границе Кента и Сассекса. Что касается города, то это порт на берегу Ла-Манша, ныне пребывающий в полном запустении. Монастырь, подобно многим другим, издавна являлся прибежищем зла, порока и измены. Согласно сведениям, которые предоставил нам местный мировой судья, убежденный сторонник реформ, в последнее время аббат распродает монастырские земли по заниженным ценам. Я послал туда Робина Синглтона разобраться во всем этом деле.

– Я знаю Синглтона, – сообщил я. – Как-то раз мне пришлось выступать против него в суде. Он, бесспорно, человек весьма волевой и решительный. – Я помолчал несколько секунд и добавил: – Впрочем, опытным адвокатом его не назовешь.

– Для дела, которое я поручил ему, особой искусственности в судебных увертках не требовалось, – заявил лорд Кромвель. – Да, он, как вы выразились, человек волевой и решительный, и именно на эти качества я рассчитывал. Мы располагали лишь косвенными свидетельствами, и я надеялся, что Синглтон сумеет запугать монастырских пройдох, обойдясь без веских доказательств. Впрочем, в помощь ему я дал большого знатока канонического права, профессора Кембриджа и убежденного реформатора по имени Лоренс Гудхэпс.

Лорд Кромвель покопался в лежавших на столе бумагах и протянул мне письмо.

– Вот что я получил от Гудхэпса вчера утром.

Письмо было нацарапано торопливыми каракулями на листе бумаги, вырванном из бухгалтерской книги.

«Милорд,

Я пишу вам в спешке, намереваясь отправить это письмо с мальчиком из города, ибо я не питаю доверия ни к кому из обитателей монастыря. Господин Синглтон убит, причем самым изуверским способом. Этим утром его нашли на монастырской кухне, лежащим в луже крови с отрубленной головой. Несомненно, это злодеяние совершил кто-то из врагов вашей светлости. Впрочем, все монахи в один голос отрицают свою причастность к убийству. Той же ночью здешняя церковь была осквернена и хранившиеся там мощи Раскаявшегося Вора с окровавленными звездами исчезли. Я сообщил о случившемся мировому судье, и мы с ним внушили аббату необходимость хранить молчание. Мы опасаемся, что, если это печальное событие будет предано огласке, последствия могут оказаться непредсказуемыми.

Милорд, прошу вас, незамедлительно пришлите в монастырь своего представителя и сообщите, как мне следует поступить.

Лоренс Гудхэпс».

– Итак, ваш эмиссар убит?

– Похоже на то. Старик Гудхэпс, судя по всему, пребывает в полном смятении.

– Но если убийство совершил монах, подобное преступление лишь приблизит упразднение монастыря.

– Да, мы с вами понимаем это, но не убийца, – покачал головой Кромвель. – Полагаю, это злодеяние – дело рук фанатика, безумца, который ненавидит нас так сильно, что ненависть пересиливает страх. Но, прежде всего меня волнуют последствия этого дела. Я уже объяснял, почему мне так важно добиться добровольного роспуска хотя бы нескольких монастырей. Необходим, так сказать, прецедент. Английские законы и английские традиции основаны на прецеденте.

– Да, а здесь мы сталкиваемся с прецедентом совсем иного толка.

– Вы, как всегда, правы. Удар нанесен по власти короля. Старик Гудхэпс поступил совершенно правильно, приложив все усилия, чтобы замять шум. Если эта история получит широкую огласку, все

фанатики, которых, я уверен, в монастырях хватает с избытком, воспримут ее как руководство к действию.

– Королю известно о случившемся?

Кромвель вновь устремил на меня пронзительный взор.

– Если я сообщу об этом королю, избежать огласки нам никак не удастся, – медленно проговорил он. – Несомненно, король придет в ярость. Скорее всего, он пошлет в Скарнси солдат и прикажет вздернуть аббата на церковном шпиле. Таким образом, весь мой план будет разрушен. Нет, это преступление необходимо раскрыть быстро и в обстановке полной секретности.

Я прекрасно понимал, куда клонит патрон. Спина моя отчаянно разболелась, вынуждая меня ерзать на стуле.

– Я хочу, чтобы вы немедленно отправились в монастырь, Мэтью, – заявил лорд Кромвель. – В качестве главного правителя я наделяю вас всеми необходимыми полномочиями. Вы имеете право отдавать любые приказы, получать доступ к любым документам.

– Осмелюсь заметить, милорд, возможно, подобное задание имеет смысл возложить на человека, лучше меня знающего монастырский обиход. Откровенно говоря, я никогда не имел официальных дел с монахами.

– Однако вы воспитывались в монастырской школе, Мэтью, и, следовательно, знаете монастырский обиход достаточно хорошо. Эмиссары, которых я обычно посылаю в монастыри, способны навести на монахов страх, но в данном случае требуется осмотрительность и осторожность. Я бы даже сказал, известная деликатность. Вы можете полностью доверять мировому судье Копингеру. Я никогда не встречал его лично, но, судя по письмам, он является убежденным сторонником реформ. Больше ни одна живая душа в городе не должна знать о случившемся. К счастью, покойный Синглтон не имел семьи, и, значит, скорбящие родственники не будут нам докучать.

– Какими сведениями об этом монастыре мы располагаем? – спросил я, подавив сокрушенный вздох.

Лорд Кромвель полистал огромную книгу. Я узнал одну из копий «Комперты», подробного отчета о ревизии монастырей, проведенной два года назад. Наиболее впечатляющие фрагменты этого отчета зачитывались на заседании парламента.

– Монастырь был возведен еще во времена древних норманнов, он владеет плодородными землями и прекрасными постройками. Ныне в нем проживает тридцать монахов и не менее шестидесяти служек. Как это и положено у бенедиктинцев, они сами полностью обеспечивают собственные нужды. Согласно отчету посетившего монастырь эмиссара, церковь украшена с чрезмерной пышностью, вся заставлена гипсовыми статуями святых. В монастыре хранятся – то есть хранились – некие мощи, якобы принадлежавшие разбойнику, распятому рядом со Спасителем. Они представляют собой руку, прибитую гвоздями к куску дерева, который, по утверждениям монахов, является частью креста. Предполагается, что эта святыня исцеляет калек и увечных, и потому люди приходят издалека, дабы прикоснуться к мощам.

Произнеся последние слова, лорд Кромвель бросил невольный взгляд на мою скрюченную спину; должен признать, не он один поступал подобным образом при упоминании об увечных.

– Судя по письму Гудхэпса, именно эта реликвия пропала в ночь убийства Синглтона.

– Да. К тому же мой эмиссар выяснил, что монастырь в Скарнси является рассадником мужеложества. Впрочем, все эти святые обители на поверку оказались настоящими притонами содомитов. Бывший приор, осквернивший себя подобным грехом, был, разумеется, смещен. Согласно новому законодательству содомия карается смертной казнью. Кстати, это дает нам дополнительные возможности воздействия на монахов. Я рассчитывал, что Синглтон не только расследует дело с продажей земли, о котором мне писал Копингер, но и проверит, сумели ли монахи обуздать свои похоти.

Все, что я услышал от патрона, заставило меня погрузиться в раздумья.

– Ситуация, насколько я понимаю, чрезвычайно запутанная, – заметил я, наконец.

– Именно так, – кивнул лорд Кромвель. – Поэтому я намерен послать в монастырь не просто преданного человека, но человека, наделенного острым и проницательным умом, – такого, как вы, Мэтью. Я уже распорядился отправить к вам домой бумаги, подтверждающие ваши полномочия, а также копии соответствующих глав «Комперты». Завтра вам предстоит тронуться в путь. Письмо Гудхэпса было

написано три дня назад, а для того, чтобы добраться до места, вам потребуется еще три дня. В это время года дороги превращаются в болота.

– До сегодняшнего дня осень стояла на редкость сухая, и дороги, насколько я мог судить, пребывают не в столь уж плачевном состоянии. Полагаю, я сумею добраться до монастыря за два дня.

– Превосходно. Слуг с собой не берите. О том, куда направляетесь, не говорите никому, кроме вашего подопечного, Марка Поэра. Он по-прежнему живет с вами под одной крышей?

– Да. Когда мне случается уехать из Лондона, он ведет мои дела.

– Мне бы хотелось, чтобы он сопровождал вас в предстоящей поездке. Я слышал, что этот малый отличается умом и сметливостью. И в любом случае не плохо, если на вашей стороне будет лишняя пара крепких рук.

– Но, милорд, возможно, мое расследование будет сопряжено с опасностью. К тому же, говоря откровенно, Марк не отличается особым религиозным рвением и не разбирается во всех этих вопросах, связанных с монастырями и папизмом.

– Ему вовсе ни к чему в них разбираться. Главное, чтобы он сохранял верность короне и выполнял все ваши поручения. А если ваше расследование увенчается успехом, это поможет молодому господину Поэру вновь поступить на службу в Палату перераспределения. О скандале, который разразился по его милости, тогда можно будет забыть.

– Марк вел себя на редкость глупо, милорд. Ему следовало знать, что для человека его сословия любовь к дочери рыцаря – непростительная дерзость. – Я глубоко вздохнул. – Но он еще так молод.

– Если бы о его проступке стало известно королю, то можете не сомневаться, он приказал бы высечь вашего Марка кнутом, – проворчал лорд Кромвель. – Кстати, по отношению к вам ваш протеже проявил черную неблагодарность. Ведь это вы устроили его на службу в Палату.

– Я считал своим долгом помочь ему, милорд. Чем-то вроде семейного обязательства.

– Так или иначе, если во время вашей совместной поездки он проявит себя с лучшей стороны, я попрошу Рича вновь сделать его

клерком, то есть взять на то самое место, которое я подыскал ему по вашей просьбе, – любезно произнес лорд Кромвель.

– Я вам глубоко признателен, милорд.

– Мне пора отправляться в Хамптон, Мэтью. Я должен попытаться уговорить короля пересилить скорбь и вновь приступить к государственным делам. Помните, расследование необходимо проводить в обстановке строжайшей секретности. Ни одно слово, ни одно письмо не должно проникнуть за пределы монастыря.

С этими словами лорд Кромвель поднялся и, обойдя вокруг стола, положил руку мне на плечо. Все его приближенные знали, что этот жест является знаком особого расположения.

– Уверен, вы быстро отыщете преступника и, главное, сумеете избежать огласки, – с улыбкой произнес он.

Пошарив на столе между бумагами, он вручил мне крохотную золотую шкатулку. Сквозь стеклянную крышку я рассмотрел еще одну склянку, в которой плескалось несколько капель мутной жидкости.

– Что вы об этом думаете, Мэтью? – осведомился лорд Кромвель. – Может, вы способны определить, из чего это сделано? Лично я не в состоянии.

– Что это?

– Реликвия, в течение ста лет хранившаяся в Билстонском женском монастыре. Считалось, что это молоко Пресвятой Девы.

Я вскрикнул от отвращения, и Кромвель расхохотался.

– Меня удивляет, как они себе представляли процесс получения этого молока от Девы Марии. Но взгляните: оно, по-видимому, помещено туда совсем недавно, иначе как бы оно оставалось в жидком состоянии? Я ожидал, что в задней стене у этой шкатулки тоже есть отверстие, как у той, с кровью святого Пантелеймона. Ан нет, ничего подобного я не обнаружил. Шкатулка сделана так, что открыть ее нельзя. Посмотрите сами. Вот, возьмите это, – и он протянул мне увеличительное стекло, которое обычно используют ювелиры.

Я тщательно осмотрел шкатулку со всех сторон, но не нашел даже мельчайшего отверстия. Напрасно я вертел в руках крошечный золотой ящичек – мне не удалось нащупать потайное устройство, при помощи которого шкатулку можно открыть.

– Загадочная вещица, – признал я, возвращая шкатулку лорду Кромвелю. – Похоже, открыть ее действительно невозможно.

– Очень жаль, – вздохнул он. – Я хотел показать эту вещицу королю. Возможно, это позабавило бы его.

Он проводил меня до дверей и распахнул их, не снимая руки с моего плеча. Все клерки, работавшие в просторном зале, видели, какая милость мне оказана. Но тут взгляд мой упал на два черепа, стоявшие в углу зала. Зубы их насмешливо скалились, в пустых глазницах играли отсветы свечей. По телу моему пробежала невольная дрожь. Отчаянным усилием я попытался сдержать ее, ибо патрон, по-прежнему обнимавший меня за плечи, мог ощутить, что со мной что-то неладно.

ГЛАВА 2

К счастью, когда я покинул Вестминстер, дождь, наконец, прекратился. В сумерках я добрался до собственного дома. Беседа с лордом Кромвелем встревожила меня не на шутку. Только сейчас я осознал, как привык пользоваться его расположением; мысль о том, что в любую минуту я могу это расположение утратить, заставила меня содрогнуться. Но более всего меня насторожило замечание по поводу нехватки у меня огня и рвения, сделанное столь укоряющим тоном. Впредь, решил я, мне следует быть осмотрительнее.

В начале этого года я приобрел просторный новый дом на Канцлерлейн, широкой просторной улице, названной в честь главы правительства его величества; по странному стечению обстоятельств точно такое же имя носила моя лошадь. Дом, крепкий, каменный, со стеклянными окнами, стоил мне целого состояния. Дверь открыла Джоан Вуд, моя домоправительница, которую мой приезд искренне обрадовал. Эта добродушная вдова, после смерти мужа лишившаяся каких-либо средств к существованию, служила у меня уже несколько лет. Ей нравилось окружать меня материнской заботой, чему я ничуть не препятствовал, хотя подчас она держалась с излишней фамильярностью.

Я страшно проголодался и потому попросил Джоан подать ужин пораньше. Выслушав ее заверения в том, что кушанья скоро будут на столе, я отправился в гостиную. Эта комната служила предметом моей особой гордости: деревянные панели, которыми были обшиты ее стены, я собственноручно расписал лесными пейзажами. В камине весело потрескивали поленья, а у огня, на низкой табуретке, сидел Марк. Он представлял собой довольно странное зрелище. Рубашку он снял, обнажив белую мускулистую грудь, и, нимало не смущаясь собственной наготы, пришивал к вороту рубашки огромную агатовую пуговицу, покрытую затейливой резьбой. Рядом с ним лежала подушечка, в которую было воткнуто не менее дюжины иголок, каждая – с длинной белой ниткой. Застать Марка за подобным занятием показалось мне настолько забавным, что я невольно рассмеялся.

Марк поднял голову и расплылся в своей обычной широкой улыбке, обнажив прекрасные зубы, быть может, чуть крупноватые.

– Я знаю, что вы еще днем приехали в Лондон, сэра, – сообщил он. – Курьер лорда Кромвеля привез вам какой-то пакет и сказал, что вы вернулись. Извините, что я не встаю. Если поднимусь, непременно потеряю какую-нибудь из этих проклятых иголок.

Несмотря на улыбку, в глазах Марка мелькнула настороженность. Он догадывался, что лорд Кромвель во время разговора со мной мог упомянуть об одной неприятной истории, героем которой являлся мой легкомысленный протеже.

Пробормотав что-то нечленораздельное в ответ на приветствие Марка, я окинул его взглядом. Каштановые волосы юноши были коротко подстрижены. Король Генрих, вынужденный коротко стричься для того, чтобы скрыть растущую лысину, приказал всем придворным следовать своему примеру; таким образом, короткие стрижки вошли в моду. Марка новая прическа, безусловно, красила; что до моих собственных волос, я не торопился обрезать их, считая, что длинные пряди больше идут к моему угловатому неправильному лицу.

– Что это ты вздумал портняжничать, Марк? Разве Джоан не могла пришить тебе пуговицы?

– Она была слишком занята, готовилась к вашему приезду. Мне не хотелось ее отвлекать.

Я подошел к столу и взял лежавший на нем пухлый том.

– О, я вижу, ты читаешь Макиавелли.

– Вы же сами посоветовали мне почитать его.

– Ну и как тебе нравится эта книга? – спросил я, опускаясь в мягкое кресло.

– Не слишком, – пожал плечами Марк. – Насколько я понимаю, Макиавелли советовал своему герцогу строить власть на хитрости и жестокости.

– Да, он полагал, что подобные качества необходимы сильному правителю, – кивнул я. – А еще он считал, что призывы к добродетели, которыми так богаты книги, не имеют ничего общего с действительностью. «Если правитель, который желает править честно, окружен бессовестными людьми, его падение неизбежно», – процитировал я.

– Это слишком горькая мудрость, – заметил Марк, откусив нитку.

– Так ведь и судьба Макиавелли была горькой. Он написал эту книгу после того, как герцог Медичи, которому она посвящена, подверг его жестокому наказанию. Когда ты вернешься в Вестминстер, тебе лучше не болтать о том, что ты ее читал. Там не слишком-то одобряют подобные идеи.

В глазах Марка вспыхнул радостный огонек.

– Я могу вернуться в Вестминстер? Неужели лорд Кромвель...

– Возможно, вскоре тебе будет предоставлена такая возможность. Мы поговорим об этом за ужином. А сейчас я хочу немного отдохнуть. День сегодня выдался трудный.

С этими словами я тяжело поднялся с кресла и направился к дверям, предоставив Марку без помех заниматься рукоделием.

Джоан и в самом деле отлично подготовилась к моему приезду: в комнате моей полыхал камин, постель была приготовлена и зажженная свеча горела на столе рядом с моей главной ценностью – новейшим изданием Библии на английском языке. На душе у меня стало легче, когда я увидел эту книгу. Лежащая на столе в самом центре комнаты, в ярком круге света, она неодолимо притягивала к себе взор. Я открыл Библию и погладил пальцами выпуклые готические буквы, в свете свечи сверкавшие нарядным глянцем. Рядом с Библией я заметил большой пакет с бумагами. Срезав круглую красную печать перочинным ножом, я обнаружил в пакете подтверждающее мои полномочия письмо, написанное энергичным почерком лорда Кромвеля, переплетенный в кожу том «Комперты» и документы, относящиеся к монастырю в Скарнси.

Несколько мгновений я постоял у окна, глядя в сад, который в сгущавшихся сумерках казался таким мирным и спокойным. Близились зима, и больше всего мне хотелось провести ее дома, в тепле и уюте. Но уже завтра я должен был снова отправиться в путь. Тяжело вздохнув, я растянулся на мягкой постели, с наслаждением ощущая, как расслабляются мои усталые мускулы. Завтра мне вновь предстояла длительная поездка верхом, а с каждым годом подобные испытания становились для меня все более трудными и мучительными.

Увечье мое стало заметно, когда я достиг трехлетнего возраста. Я начал сгибаться вперед и вправо, и никакие корсеты не могли этому воспрепятствовать. К пяти годам я превратился в настоящего горбуна, каковым и остаюсь по сей день. Я всегда завидовал мальчишкам и девчонкам, живущим поблизости от нашей фермы. Они могли бегать, прыгать и играть, а мне, неуклюжему увальню, оставалось лишь служить предметом насмешек. Нередко, заливаясь слезами, я взывал к Господу и даже корил Его за несправедливость.

Отцу моему принадлежали прекрасные пахотные угодья и пастбища неподалеку от Личфилда. Я был единственным сыном, ибо все мои братья и сестры умерли в младенчестве, и то, что его наследник никогда не сможет работать на земле, служило для отца источником постоянной печали. Я ощущал эту печаль особенно остро, хотя отец никогда не упрекал меня. Лишь однажды он спокойно заметил, что близится пора, когда старость и телесные недуги не позволят ему работать. Вскоре нам придется нанять управляющего, сказал отец. Он рассчитывал, что управляющий поможет мне справиться с хозяйством и после того, как я останусь один.

Мне было шестнадцать, когда на нашу ферму прибыл управляющий. Я ожидал его с предвзятым чувством, но стоило Уильяму Поэру появиться на пороге нашего дома, как все мое предубеждение исчезло без следа. Этот крупный темноволосый человек с румяным открытым лицом располагал к себе с первого взгляда. Своей сильной мозолистой рукой он сжал мою, слабую и изнеженную, и представил меня своей жене – миловидному белокурому созданию. За подол ее платья держался Марк, толстощекий крепыш, который уставился на меня, не вынимая изо рта грязного пальца.

К тому времени уже было решено, что я отправлюсь в Лондон, дабы получить образование в Юридической корпорации. В то время всякий, кто хотел финансовой независимости для своего сына, посылал его учиться на адвоката – при условии, разумеется, что отпрыск обладал пригодными для обучения мозгами. Отец полагал, что знание законов поможет мне не только зарабатывать деньги, но и наблюдать за работой управляющего. Он надеялся, что, закончив курс, я вернусь в Личфилд, чего я не сделал.

Я прибыл в Лондон в 1518-м, год спустя после того, как Мартин Лютер бросил вызов Папе у дверей церкви в Виттенберге. Помню, как тяжело мне было привыкнуть к городскому шуму, к снующим по улицам толпам и к постоянной вони, которая раздражала меня сильнее всего. Однако же я быстро сошелся с товарищами по обучению. То были дни жарких дискуссий, когда специалисты по общему праву возражали против распространившегося употребления клерикальных законов. Я был заодно с теми, кто утверждал, что королевские суды должны быть свободны от влияния церкви, ибо, если предметом разбирательства служит нарушение условий договора или клевета, церковники тут совершенно ни при чем. Ограждение суда от церковных посягательств являлось, по моему разумению, необходимым залогом его успешной работы. Но в те годы церковь, подобно гигантскому спруту, протягивала свои щупальца во все сферы государственной жизни, вождедая все больших выгод и позабыв про заветы Священного Писания. Я с жадностью прочел Эразма, и это еще сильнее поколебало то раболепное почтение, которое я с детства питал к церкви. У меня были веские причины испытывать неприязнь к монахам, и теперь я убедился в том, что имею на это полное право.

Закончив курс обучения, я начал обрывать связями и заводить собственные дела. У меня открылся неожиданный талант к судебным прениям, который помогал мне выигрывать самые запутанные процессы. В конце 1520-х годов, когда противоречия между Папой и королем, пожелавшим развестись с Катериной Арагонской, достигли особого накала, я был представлен Томасу Кромвелю, правоведа, занимавшему высокое положение в штате кардинала Уолси.

Я встретил его на собрании общества сторонников реформы, которое собиралось в одной из лондонских таверн, – собиралось тайно, ибо многие книги, которые мы с пылом обсуждали на наших заседаниях, находились под запретом. Познакомившись со мной, Кромвель начал привлекать меня к некоторым делам, находившимся в его ведении. Таким образом, я вышел на широкую стезю и отныне неотрывно следовал за Кромвелем, который, избавившись от Уолси, совершил стремительное восхождение, став секретарем короля, верховным уполномоченным и главным правителем. Следует сказать, что все это время он скрывал от монарха, как велика степень его религиозного радикализма.

Кромвель начал обращаться ко мне за помощью в вопросах законодательства, которые, так или иначе, касались людей, находившихся под его покровительством. Таких людей становилось все больше, ибо он стремился создать разветвленную сеть. Постепенно и сам я стал известен как «человек Кромвеля». Поэтому когда четыре года назад отец спросил меня в письме, не могу ли я устроить сына Уильяма Поэра в какое-нибудь государственное ведомство, находящееся под патронажем лорда Кромвеля, я ответил согласием.

Марк прибыл в Лондон в апреле 1533 года и стал свидетелем коронации Анны Болейн. Пышные торжества в честь женщины, которая впоследствии была объявлена ведьмой и блудницей, доставили юноше немалое удовольствие. Ему было тогда шестнадцать, столько же, сколько и мне, когда я оставил родной дом. Роста Марк был невысокого, зато отличался крепким и пропорциональным сложением. На нежном, ангельском лице сияли огромные голубые глаза, которые он унаследовал от матери. Впрочем, во взоре этих небесных глаз светились ум и наблюдательность – качества, которые, несомненно, являлись личными достоинствами Марка.

Признаюсь, когда Марк прибыл в мой дом, я собирался избавиться от него как можно скорее. У меня не было ни малейшего желания опекать мальчишку, который, вне всякого сомнения, нарушит заведенный мною порядок, начнет громко хлопать дверьми и повсюду разбрасывать бумаги. К тому же одним своим видом Марк напоминал мне о покинутом отчем доме, и эти воспоминания погружали мою душу в печаль. Подчас я представлял своего бедного одинокого отца, которому, наверное, отчаянно хотелось иметь своим сыном этого пышущего здоровьем юнца, а не слабосильного горбуна.

Но постепенно я привык к обществу Марка и более не находил его докучливым. В противоположность моим ожиданиям, юноша отнюдь не походил на деревенского увальня; напротив, он мог служить образчиком скромности и благовоспитанности и даже имел некоторое представление о хороших манерах. Впрочем, на первых порах ему нередко случалось совершать промахи по части этикета – как правило, они касались костюма или поведения за столом. И всякий раз, когда я указывал ему на ошибки, он воспринимал мои замечания с неизменным благодушием и не считал зазорным смеяться над собственной неосведомленностью. Я устроил его на должность

младшего клерка и получал о своем подопечном самые что ни на есть хвалебные отзывы. Поначалу Марк служил в Казначействе, потом перешел в Палату перераспределения монастырского имущества. Мы по-прежнему разделяли с ним кров, но я предоставил юноше полную свободу приходить и уходить, когда ему заблагорассудится. Надо сказать, даже если Марку и случалось посещать в компании подобных себе юнцов таверны или публичные дома, я ни разу не видел его пьяным и не слышал от него ни единого грубого слова.

Против собственной воли я постепенно привязался к Марку. У меня вошло в привычку, сталкиваясь со сложными и запутанными случаями, прибегать к советам юноши, наделенного на редкость пронзительным и острым умом. Естественно, помимо перечисленных достоинств, Марк обладал и недостатками, главным из которых была лень. Впрочем, достаточно мне было выразить свое недовольство, как юноша с пылом принимался за работу. Я упоминал уже о своих горьких мыслях по поводу того, что отец мой наверняка хотел бы видеть своим сыном Марка, а не меня. Признаюсь, вскоре мысли эти уступили место сожалению о том, что Марк не мой собственный сын. В том, что у меня когда-либо появится наследник, я очень и очень сомневался, ибо Кейт, к которой я был привязан всем сердцем, умерла в 1534 году, во время эпидемии чумы. В память о ней я до сих пор носил траурное кольцо, на что, признаюсь, не имел ни малейших оснований. Останься Кейт в живых, она, разумеется, вышла бы за другого.

Час спустя Джоан позвала меня ужинать. На столе уже красовался жирный каплун с гарниром из моркови и репы. Марк сидел на своем месте, в пресловутой рубашке, которая стоила ему стольких трудов, и куртке из тонкой коричневой шерсти. Я заметил, что куртку он тоже не преминул украсить агатовыми пуговицами. Усевшись за стол, я произнес благодарственную молитву и отрезал от каплуна ножку.

– Похоже, удача вновь повернулась к тебе, – нарушил я молчание. – Вполне возможно, лорд Кромвель вскоре разрешит тебе вернуться на службу в Палату перераспределения. Но, прежде всего он хочет, чтобы ты помог мне в выполнении одного важного поручения. Покажи, на что ты способен, а там посмотрим.

Полгода назад Марк вздумал пофлиртовать с одной из фрейлин королевы Джейн. Девушке едва исполнилось шестнадцать, и, бесспорно, она была слишком молода и глупа для придворной жизни. Тем не менее, благодаря усилиям честолюбивых родственников помянутая девица оказалась при дворе. В результате она принесла своему семейству не честь, а бесчестье, ибо, изнывая от скуки, долго бродила по дворцу, пока не попала в просторный зал, где оказалась в окружении адвокатов и клерков. Там маленькая распутница встретила Марка, и охваченная внезапной страстью парочка уединилась в одном из пустых кабинетов, дабы удовлетворить свою похоть. Впоследствии незадачливая фрейлина имела глупость разболтать о случившемся своим товаркам; разумеется, вскоре слухи дошли и до главного придворного камергера. В результате девицу поспешно отправили домой, а бедному Марку пришлось сполна заплатить за несколько минут удовольствия. Растерянный и испуганный, он предстал перед грозными очами высших государственных чиновников и вынужден был отвечать на самые нескромные и откровенные вопросы. Естественно, я был зол на своего легкомысленного подопечного, однако не мог не сочувствовать ему; в конце концов, Марк был еще совсем мальчишкой. Стремясь вызволить Марка из беды, я обратился к лорду Кромвелю с просьбой положить конец этому делу. Главный правитель снисходительно относился к провинностям подобного рода, и просьба моя была удовлетворена.

– Я очень благодарен вам, сэра, – сказал Марк в ответ на мое сообщение о данном нам поручении. – И поверьте, я очень сожалею о случившемся.

– Тебе повезло. Людям нашего сословия редко представляется повторный шанс. Особенно после того, как они совершают столь вызывающие проступки.

– Я знаю, что вел себя непозволительно. Но она... она такая необыкновенная девушка, сэра, – пробормотал Марк. – Такая смелая. И поверьте, это была не только похоть.

– Она – просто глупая девчонка, а ты – безмозглый юнец. Однако тебе уже должно быть известно, что в результате подобных развлечений на свет появляются дети.

– Если бы такое случилось, я непременно женился бы на ней, – с пылом заявил Марк. – Не думайте, сэра, что я лишен чести.

Отправив в рот кусок каплуна, я махнул ножом в сторону Марка, приказывая ему замолчать. Эту тему мы с ним обсуждали не раз.

– Вижу, я был совершенно прав, когда назвал тебя безмозглым юнцом, – прожевав, вздохнул я. – Неужели ты не понимаешь, что ни о каком браке между вами не могло быть и речи? Между тобой и этой девицей пролегает пропасть. Марк, как бы ты ни был глуп, ты все же четыре года прослужил в государственном учреждении. А значит, должен иметь представление об отношениях между сословиями. Нам, простым людям, следует знать свое место. Конечно, бывает так, что человек низкого происхождения, подобно Кромвелю или Ричу, достигает больших высот. Но своим возвышением они обязаны лишь прихоти короля. В любую минуту его отношение к ним может измениться, и тогда их ожидает падение. Если бы главный камергер сообщил о твоих шашнях с фрейлиной королю, а не лорду Кромвелю, тебе не миновать бы Тауэра. Да и кнут хорошенько прогулялся бы по твоей спине, оставив рубцы на всю жизнь. У меня мурашки бегут по коже, когда я думаю о том, что могло бы случиться.

Говоря так, я отнюдь не кривил душой. И в самом деле, история с Марком стоила мне нескольких бессонных ночей, хотя я никогда ему в этом не признавался. Марк сидел молча, смущенно потупившись. Покончив с едой, я ополоснул руки в специальной чаше.

– Но теперь тучи над твоей головой, кажется, развеялись, – примирительно заметил я. – Так что поговорим лучше о делах. Ты подготовил все документы о передаче имущества Феттер-Лейн?

– Да, сэр.

– Я просмотрю их после ужина. Сегодня мне надо изучить еще кое-какие бумаги. – Я сложил салфетку и добавил, пристально глядя на Марка: – Завтра мы с тобой отправляемся на южное побережье.

Вкратце я объяснил ему суть порученного нам дела, умолчав, впрочем, о его политическом значении. У Марка глаза на лоб полезли от удивления, когда я рассказал ему об убийстве. Подавленность его исчезла без следа, и к нему вновь вернулось свойственное юности оживление.

– Выполнение этого поручения может быть связано с опасностью, – предупредил я. – Мы не имеем ни малейшего представления о том, что произошло там на самом деле, и должны быть готовы к любому повороту событий.

– Я вижу, сэръ, что вы обеспокоены.

– Еще бы, ведь это чрезвычайно ответственная миссия. И скажу тебе откровенно, перспектива путешествия в Сассекс не слишком меня радует. Я предпочел бы остаться дома, – сообщил я со вздохом. – Однако, подобно Исайте, мы с тобой должны встать на рассвете и вступить в сражение за Сион.

– Если вы выполните поручение лорда Кромвеля, вас наверняка ждет награда, – заметил Марк.

– Я рассчитываю лишь заслужить его одобрение, – отрезал я.

Марк бросил на меня недоуменный взгляд, и я счел за благо сменить тему разговора.

– Тебе ведь еще ни разу не доводилось бывать в монастыре? – спросил я.

– Нет, – покачал он головой.

– Ты ходил в светскую школу, а значит, не имел возможности воспользоваться теми сомнительными преимуществами, что дает школа церковная. Увы, монахи столь мало сведущи в латыни, что с трудом сами разбирают древние книги, по которым пытаются учить. Если бы не мои природные способности, я был бы сейчас столь же безграмотным, как наша Джоан.

– А нравы в монастырях действительно до такой степени развратны, как об этом говорят? – любопытно спросил Марк.

– Вижу, ты уже ознакомился с «Черной книгой», с выдержками из отчетов о проведенных в монастырях инспекциях.

– Да, как и большинство жителей Лондона.

– Людям нравятся истории о распутных и похотливых монахах, – произнес я и замолчал, так как в комнату вошла Джоан с блюдом заварного крема. – Тем не менее, слухи недалеко от истины. В монастырях и в самом деле царят разврат и разложение, – вновь заговорил я, когда дверь за Джоан закрылась. – Правила, установленные святым Бенедиктом, с которыми я в свое время ознакомился, предписывают монахам вести жизнь, посвященную молитве и труду, избегать всех мирских соблазнов и довольствоваться лишь самым необходимым. Однако большинство монахов живут в каменных зданиях, в окружении слуг, получают со своих земель щедрый доход и предаются всем возможным порокам.

– Но говорят, монахи картезианского ордена вели, самую что ни на есть аскетичную и строгую жизнь. А когда их повезли в Тайборн, чтобы предать казни, они пели гимны и возносили хвалу Господу.

– Да, разумеется, некоторые ордена строго соблюдают установленные правила. Но не забывай, картезианцы были преданы казни потому, что отказались признать короля главой Церкви. Все они – закоренелые сторонники папизма. А теперь, похоже, кое-кто из монахов не брезгует и убийством, – изрек я и добавил со вздохом: – Мне жаль, что тебе придется заниматься подобным делом.

– Благородный человек не должен бояться опасности, – провозгласил Марк.

– Чушь, – отрезал я. – Осторожность никому не помешает. Кстати, ты по-прежнему посещаешь фехтовальные классы?

– Да. Господин Грин говорит, я добился значительных успехов во владении мечом.

– Рад это слышать. Вполне возможно, твое умение нам пригодится. На дорогах орудуют целые шайки нищих, и, возможно, нам придется дать им отпор.

Марк помолчал несколько мгновений, не сводя с меня задумчивых глаз.

– Сэр, я очень хочу снова получить место в Палате перераспределения, но, честно говоря, там проворачиваются не слишком честные дела, – произнес он, наконец. – Половина конфискованных земель отошла к Ричарду Ричу и его прихвостням.

– Ты преувеличиваешь, – покачал я головой. – Палата перераспределения – новое учреждение. И естественно, те, кто занимает там высокие посты, пользуются возможностью отблагодарить тех, кто им эти посты обеспечил. Таковы уж правила, на которых зиждется власть. Я вижу, Марк, ты по-прежнему мечтаешь об идеальном мире. Однако тебе следует быть осторожнее и не говорить все, что приходит на ум. Наверняка ты недавно перечитал «Утопию» Томаса Мора? Не далее как сегодня лорд Кромвель вспоминал об этой книге.

– «Утопия» оставляет человеку надежду на лучшее. А этот итальянец, которого вы мне посоветовали прочесть, погружает в пучину отчаяния.

– Ну, если ты хочешь взять за образец героев «Утопии», тебе следует отказаться от щегольских нарядов и обернуться в дерюгу, – с улыбкой заметил я и указал на его агатовые пуговицы. – Кстати, я никак не могу разглядеть, что изображено на этих пуговицах?

Марк с готовностью скинул куртку и протянул ее мне. Рассмотрев пуговицы поближе, я увидел, что на каждой изображен воин, одной рукой сжимающий меч, а другой обнимающий женщину. За их спинами возвышался олень. Работа, надо признать, была весьма искусная.

– Я купил их на рынке Святого Мартина, совсем дешево, – пробормотал Марк. – Это ведь поддельный агат.

– Теперь я и сам это вижу. Но что означает этот рисунок? Ах да, конечно, верность. Ведь олень – символ верности. – Я вернул Марку куртку. – Меня удивляет эта новая мода на загадочные изображения, над которыми приходится ломать голову, – заметил я. – В жизни и так более чем достаточно загадок и тайн.

– Но, сэр, вы ведь и сами рисуете.

– Да, когда мне удастся выбрать для этого время. Но в меру своих скромных способностей я пытаюсь изображать людей и природу просто, без всяких затей – так, как это делал мастер Гольбейн. По моему разумению, искусство должно разрешать загадки бытия, а не запутывать их еще больше.

– Но неужели даже в юности вам не хотелось украсить себя чем-нибудь вроде... этих пуговиц?

– Мода тогда была совсем другая. И признаюсь, несколько раз я уступал ее искушениям. – Тут на ум мне пришла цитата из Библии, и я произнес с легкой печалью в голосе: – «Когда я был ребенком, я рассуждал по-детски. Став взрослым мужем, я оставил детские рассуждения». Ладно, мне надо идти к себе, – прибавил я после недолгого молчания. – В кабинете меня ждут бумаги.

Несколько неуклюже я поднялся со своего стула, и Марк поспешил ко мне, чтобы помочь.

– Я прекрасно справлюсь сам, – раздраженно остановил я его.

Резкая боль, пронзившая спину, заставила меня поморщиться.

– Разбуди меня на рассвете, – распорядился я. – И скажи Джоан, чтобы приготовила сытный завтрак.

Взяв свечу, я поднялся по лестнице. Меня ожидали загадки куда более сложные, чем головоломные изображения на пуговицах.

ГЛАВА 3

На следующее утро мы с Марком, как и собирались, покинули дом на рассвете. Было второе ноября, День всех усопших. Проведя весь вечер за чтением бумаг, я так утомился, что крепко спал всю ночь и утром проснулся в неплохом настроении. Как ни странно, я ощущал, что душу мою охватило волнение. Некогда я был учеником монахов; впоследствии стал убежденным противником всего того, что они защищали. Ныне мне предстояло проникнуть в их тайны и вывести на свет их злодеяния.

За завтраком я торопил Марка, который все никак не мог окончательно проснуться. Наконец мы вышли на улицу. За ночь погода резко изменилась; холодный, пронзительный ветер, прилетевший с востока, подморозил грязные колеи на дороге. Закутавшись в подбитые мехом дорожные плащи, подняв капюшоны и натянув теплые перчатки, мы уселись на лошадей; порывы ветра, бившего нам прямо в лицо, заставляли слезиться глаза. На поясе у меня висел кинжал; до сей поры, он выполнял исключительно роль украшения, однако сегодня утром я не преминул собственноручно наточить его на кухне. Марк, разумеется, был опоясан мечом; этот превосходный клинок из лондонской стали, он приобрел на свои собственные сбережения, дабы посещать фехтовальные классы.

Переплетя руки в виде ступеньки, он помог мне взобраться на Канцлера, так как сесть в седло без посторонней помощи мне было затруднительно. Затем Марк вскочил на Красноногого, своего могучего чалого жеребца, и мы тронулись. К седлам лошадей были привязаны тяжелые дорожные сумки, где находились наши вещи и деловые бумаги. Марк все еще зевал, не в состоянии полностью стряхнуть с себя сон. Сбросив капюшон, он принялся причесывать свои всклокоченные волосы; впрочем, все его усилия были напрасны, потому что ветер тут же спутывал их вновь.

– Господи, до чего холодно, – жалобно протянул Марк.

– Ты слишком много времени провел в теплых конторах и превратился в настоящего неженку, – усмехнулся я. – Путешествие

пойдет тебе на пользу. Надо, чтобы твоя жидкая кровь немного загустела.

– Того и гляди, скоро пойдет снег, да, сэръ?

– Надеюсь, что нет. Это бы существенно нас задержало.

Проехав по улицам едва пробуждавшегося города, мы оказались на Лондонском мосту. Бросив взгляд вниз по течению реки, за устрашающую громаду Тауэра, я увидел огромный океанский корабль, стоявший на якоре у Собачьего острова; его тяжелый корпус и высокие мачты смутно вырисовывались на фоне свинцово-серой реки, сливавшейся с небом в точности такого же оттенка. Я указал на корабль Марку.

– Любопытно бы знать, откуда он прибыл, – заметил я.

– Да, сегодня люди совершают дальние плавания и открывают страны, о существовании которых их предки даже не догадывались, – откликнулся Марк.

– Из этих стран они привозят всякие диковины, – добавил я, вспомнив удивительную говорящую птицу. – И некоторые из этих диковин помогают им дурачить простаков.

Мы доехали примерно до середины моста. В дальнем его конце валялись осколки черепа. Дочиста обглоданный птицами, он слетел со своего шеста и разлетелся на куски. Этим осколкам предстояло лежать здесь до тех пор, пока их не подберут охотники за сувенирами или же ведьмы, которые используют человеческие кости для своих ритуалов. Вчера в кабинете сэра Кромвеля я видел поддельные останки святой Варвары, сегодня взору моему предстали печальные последствия земного правосудия. Тревожная мысль о недобром предзнаменовании пришла мне на ум, но я тут же отогнал ее прочь, как не стоящий внимания предрассудок.

Дорога, ведущая от Лондона к югу, довольно хороша; вдоль нее тянутся питающие столицу поля, в эту пору уже пустые. Небо, поутру свинцовое, приобрело тусклый молочно-белый оттенок, однако снег все не шел. В полдень мы остановились поблизости от Элтама, чтобы пообедать. Вновь пустившись в путь, мы вскоре достигли Северных Холмов; перед нами расстилались древние леса Южной Англии, голые верхушки деревьев, меж которыми кое-где зеленели сосны и ели, тянулись до самого горизонта.

Дорога сузилась; теперь она петляла среди крутых склонов, поросших лесом, и прелые листья покрывали ее почти целиком. Тут и там в сторону от дороги отходили тропинки, ведущие в отдаленные деревни. Лишь один раз нам встретился ломовой извозчик. На исходе дня мы достигли небольшого городка Тонбриджа и повернули к югу. Мы постоянно были настороже, опасаясь разбойников; однако единственной бандой, которую нам довелось встретить, было стадо оленей, кормившихся вдоль дороги. Завидев нас, пугливые животные немедленно бросились вверх по склону и скрылись в зарослях.

Сумерки уже сгущались, когда за деревьями мы услышали мерный звон церковного колокола. Дорога вновь совершила крутой поворот, и мы оказались на единственной улице маленькой деревушки. Невзрачные домики этого бедного селения были крыты соломой, однако там имелась превосходная церковь, выстроенная в норманнском стиле, и постоялый двор. Все окна церкви были ярко освещены; в сиянии свечей витражные стекла переливались всевозможными оттенками. Могучие удары колокола продолжали сотрясать воздух.

– Сегодня же День всех усопших, – вспомнил Марк. – В церкви скоро начнется праздничная месса.

– Да, и все жители деревни будут молиться, чтобы душам их почивших близких, томящихся в чистилище, было даровано облегчение.

Мы неспешно ехали вдоль по улице, провожаемые подозрительными взглядами маленьких белоголовых ребятишек, наблюдавших за нами из дверей. Взрослых почти не встречалось. Из церкви доносились торжественные звуки мессы.

В ту пору День всех усопших был одним из величайших церковных праздников. Во всех церквях яблоку было негде упасть – люди молились за своих родных и друзей, уповая вызволить их души из чистилища. Однако королевская власть уже тогда относилась к этому празднику неодобрительно; вскоре он был запрещен. Ходили разговоры о том, что лишать людей подобного утешения до крайности жестоко. Но, несомненно, куда спокойнее сознавать, что ближний твой, согласно Господней Воле, находится в раю или в аду, чем верить в чистилище, место, где усопшие на протяжении веков подвергаются невыносимым мукам и страданиям.

Мы спешили у постоялого двора и привязали лошадей к ограде. С трудом ступая на затекших ногах, мы направились к дому, который был всего лишь увеличенной копией всех прочих деревенских домов. Крышу его покрывала солома, и штукатурка во многих местах отвалилась от грязных стен.

Внутри дома огонь был разложен по старинке, на решетке посреди комнаты. Клубы дыма, не попадавшего в круглую трубу над очагом, наполняли помещение. Несмотря на полумрак, мы сумели разглядеть нескольких бородатых стариков, игравших в кости; все они с любопытством уставились на нас. К нам торопливо приблизился какой-то толстяк в фартуке, по всей вероятности, хозяин; окинув нас изучающим взглядом, он, несомненно, оценил по достоинству наши дорогие плащи, подбитые мехом. Я сообщил ему, что нам требуется ужин и ночлег. Толстяк ответил, что с радостью предоставит нам то и другое за шесть пенсов. Говорил он с сильным гортанным акцентом, так что я с трудом понимал его речь. Тем не менее, я не преминул поторговаться и снизил плату до четырех пенсов. Удостоверившись у хозяина, что мы не сбились с пути и действительно двигаемся в сторону Скарнси, я заказал эль и устроился у огня. Марк тем временем отправился в конюшню, дабы позаботиться о лошадях.

Вскоре мой юный товарищ присоединился ко мне, чему я был очень рад, так как беззастенчивые взгляды деревенских стариков успели порядком мне надоесть. Я кивнул им, но они не сочли нужным ответить на приветствие и продолжали поедать меня глазами.

– Ну и любопытный же здесь народ, – вполголоса прошептал Марк.

– Просто в эту глушь не часто заезжают путешественники, – пояснил я. – И можешь не сомневаться, местные жители верят, что встреча с горбуном приносит несчастье. Впрочем, в этом убеждены и многие жители больших городов. Мне не раз случалось заметить, как люди, завидев меня, осеняют себя крестом. И это несмотря на то, что одет я всегда более чем прилично.

На ужин нам подали жирную тушеную баранину и крепкий эль. Отведав этого кушанья, Марк недовольно пробормотал, что баран наверняка прожил долгую трудную жизнь. Пока мы ужинали, в харчевню вошла компания деревенских жителей, все в нарядной одежде. Праздничная церковная служба, как видно, закончилась. Приглушенно переговариваясь, селяне устроились за одним из столов.

Время от времени все они поглядывали на нас, и, разумеется, выражение их лиц было отнюдь не дружелюбным.

Я заметил, что в дальнем конце харчевни сидят трое мужчин, которые, судя по всему, тоже не пользовались расположением сельчан. По крайней мере, никто не обменялся с ними ни единым словом. Вид у всех троих был не слишком привлекательный: грязная, рваная одежда, всклокоченные бороды. Я поймал на себе их изучающие взгляды, однако они рассматривали нас украдкой, вовсе не так откровенно, как все прочие посетители харчевни.

– Видите вон того высокого малого, сэра? – шепотом спросил меня Марк. – Бьюсь об заклад, что его лохмотья – остатки монашеской сутаны.

Тот, о ком говорил Марк, огромного роста верзила с переломанным носом, был облачен в потрепанное одеяние из тонкой черной шерсти, и на спине у него я и в самом деле различил бенедиктинский капюшон. Хозяин, единственный, кто был с нами приветлив, подошел к столу, чтобы наполнить наши стаканы.

– Скажите, приятель, – вполголоса осведомился я, – кто эти трое?

– Служки из монастыря, что был уничтожен в прошлом году, – неодобрительно проворчал хозяин. – Вы сами знаете, сэра, что сейчас происходит. Король решил разделаться с монастырями. Монахам дают приходы, а монастырским служкам остается одно – идти на большую дорогу. Эта тройца слоняется здесь уже около года. Никакой работы для них нет, и милостыни им не подают. Видите вон того тощего парня с отрезанными ушами? Остерегайтесь его.

Посмотрев в дальний угол харчевни, я увидел того, о ком говорил хозяин, – высокого худого человека со спутанными белокурыми волосами. У него и правда не было ушей – лишь дыры, окруженные безобразными шрамами. Я знал, что отсечением ушей наказывают за подлог. Без сомнения, бедолага с отчаяния решил попробовать себя в изготовлении фальшивых денег.

– Однако вы разрешаете им находиться в вашей харчевне, – заметил я.

– В том, что их выбросили на улицу, нет их вины, – пожал плечами хозяин. – Такова сейчас участь сотен.

Тут хозяин осекся, словно решив, что сказал слишком много, и торопливо отошел от нашего стола.

– Думаю, нам с тобой самое время отдохнуть, – сказал я и взял со стола свечу.

Марк кивнул в знак согласия. Мы допили эль и двинулись к лестнице. Когда мы проходили мимо монастырских служек, я нечаянно задел полой плаща край одежды верзилы.

– Ох, Эдвин, теперь не видать тебе счастья, – во всеуслышание заявил один из его товарищей. – Для того чтобы вернуть удачу, тебе придется отыскать карлика и потрогать его.

Вся троица покатила со смеху. Я заметил, что Марк повернулся в их сторону, и предостерегающе опустил руку ему на плечо.

– Не обращай внимания, – прошептал я. – Пусть смеются. Идем.

Едва ли не силой я подтащил своего юного товарища к шаткой деревянной лестнице. Поднявшись, мы оказались в тесной комнатухе под самой крышей; наши дорожные сумки уже лежали на низеньких деревянных кроватях. Крысы, которых здесь, по всей вероятности, было великое множество, при нашем появлении бросились врассыпную; до нас донесся лишь дробный топот множества когтистых лап. Мы уселись на кровати и сняли сапоги.

Марк был вне себя от злости.

– Удивляюсь я вам, сэры! Почему мы должны терпеть оскорбления от всякого сброда?

– Не забывай, мы с тобой окружены неприятелями, и лишние стычки нам вовсе ни к чему. Жители этих районов Южной Англии в большинстве своем – сторонники папизма. Очень может быть, что священник местной церкви каждое воскресенье учит свою паству молиться о смерти короля и о возвращении власти Папы.

– А я думал, вы никогда прежде не были в этих краях, – заметил Марк.

Он вытянул ноги так, что они уперлись в широкую дымовую трубу, которая торчала в центре комнаты и уходила в специальное отверстие, сделанное в крыше. Труба эта была единственным источником тепла в нашем скромном пристанище.

– Ох, как бы нам к утру не превратиться в сосульки, – проворчал я. – Нет, Марк, я никогда здесь не был. Но осведомители лорда Кромвеля исправно присылают ему сведения о состоянии умов во всех графствах. У меня в сумке копии их докладов.

– А вам не кажется, сэ́р, что это чересчур утомительно? – по-прежнему недовольным тоном спросил Марк. – Всегда быть настороже, повсюду выискивать признаки государственной измены. По-моему, раньше ничего подобного не было.

– Наша страна переживает сейчас нелегкие времена, – возразил я. – Вскоре все переменится к лучшему.

– И когда это произойдет? Когда все монастыри будут уничтожены?

– Да. Тогда дело реформы будет в безопасности. А у лорда Кромвеля появится достаточно денег, чтобы защитить королевство от любого внешнего вторжения и облегчить участь народа. Можешь мне поверить, у него великие планы.

– Боюсь, после того как все служащие Палаты перераспределения получают свою долю, денег не хватит даже для того, чтобы купить новую одежду тем бедолагам внизу.

– Напрасные опасения, Марк, – с пылом возразил я. – Крупные монастыри обладают невероятными богатствами. И, несмотря на то, что благотворительность является их первейшей обязанностью, они и не думают помогать бедным. Я собственными глазами видел, как во время голода в Личфилде толпы бедняков окружали монастырские ворота и изголодавшиеся дети вырывали друг у друга несколько жалких фартингов, просунутых сквозь прутья решетки. В те дни мне стыдно было ходить в монастырскую школу. Да и школа, честно говоря, никуда не годилась. А теперь в каждом приходе появятся хорошие школы и средства на их содержание будут выдаваться из королевской казны.

На это Марк ничего не ответил, лишь недоверчиво вскинул бровь.

– Послушай, Марк, убрал бы ты с этой трубы свои ноги! – пробурчал я, неожиданно раздосадованный его скептическим отношением к моим словам. – Богом клянусь, они воняют хуже мокрого барана!

Марк послушно убрал ноги и растянулся на кровати, уставившись в низкий потолок.

– Уверен, сэ́р, все, что вы говорите, правда, – задумчиво произнес он. – Но служба в Палате перераспределения заставила меня усомниться в людском милосердии и бескорыстии.

– И все же не сомневайся, Палата перераспределения – это доброе начинание. И со временем оно принесет добрые плоды. Спору нет,

лорд Кромвель жесток и суров, но к этому его вынуждает необходимость. Прошу тебя, верь в это, – мягко добавил я.

Как только я произнес эти слова, мне вспомнилось выражение угрюмого удовольствия, мелькнувшее на лице лорда Кромвеля в тот момент, когда он говорил о сожжении священников на костре из церковных книг и статуй.

– Верить – это все, что нам остается. Как известно, вера сдвигает горы, не так ли, сэр? – усмехнулся Марк.

– Господи, теперь все встало с ног на голову, – пробормотал я. – Раньше юнцы были идеалистами, а старики циниками, а сейчас все наоборот. Ладно, я слишком устал, чтобы спорить.

Я начал раздеваться, медленно и нерешительно расстегивая пуговицы. Марк, с присущей ему деликатностью, догадался, что мне вовсе не хочется, чтобы чей-то взор видел мой изъяс, и отвернулся к стене. Мы молча разделись и натянули ночные рубашки. Я улегся на свою провисшую кровать и задул свечу.

Прочтя обычные молитвы, я закрыл глаза. Усталость моя была так велика, что мне казалось, я мгновенно усну. Но еще долго я лежал без сна, прислушиваясь к ровному дыханию Марка и к шороху крыс, которые, осмелев, крались в середину комнаты, к теплой трубе.

По своему обыкновению я старался не принимать близко к сердцу мелкие неприятности, однако испуганные взгляды, которые селяне бросали на мой горб, и насмешки аббатских служек чувствительно задели меня. От воодушевления, с которым я двинулся в путь, не осталось и следа. Всю свою жизнь я учился пропускать подобные оскорбления мимо ушей, хотя в юности они нередко доводили меня до иступления. Мне случалось встречать немало калек, души которых были изуродованы еще сильнее, чем тела, вследствие издевательств, сыпавшихся на них градом. Эти несчастные враждебно смотрели на мир из-под насупленных бровей и осыпали проклятиями детей, которые преследовали их на улицах. Я понимал, что куда благоразумнее стать неуязвимым для насмешек, смириться с волею Господа, сотворившего меня горбуном, и пытаться вести такую же жизнь, какую ведут все остальные люди.

Увы, на память мне упорно приходили случаи, когда это было невозможно. Один из таких случаев определил всю мою дальнейшую

жизнь. Мне было тогда пятнадцать, и я учился в монастырской школе в Личфилде. Как и всем ученикам старших классов, мне вменялось в обязанность присутствовать при воскресной мессе, а порой принимать в ней участие в качестве церковного служки. Это было для меня настоящим праздником, в особенности после унылой недели, проведенной в бесплодных сражениях с латинскими и греческими текстами – древние языки нам пытался преподавать отец Эндрю, тучный невежественный монах, большой любитель выпить.

А в воскресенье я, исполненный радости, вступал под своды ярко освещенного храма, где перед алтарем горели свечи, а от распятия и статуй святых, казалось, исходило сияние. Разумеется, я предпочитал те дни, когда мне не приходилось помогать священнику и я мог сидеть на скамье вместе со всеми остальными прихожанами. За алтарем священник произносил слова латинской мессы, которые я понемногу начинал понимать, а прихожане хором отвечали ему.

Теперь, когда традиционную мессу давно уже не служат, трудно представить то чувство причастности великой тайне, которое она пробуждала в душах: запах ладана, благозвучные латинские стихи, возносящиеся под своды храма, торжественный звон колокола в тот момент, когда происходит чудо, в которое верят все собравшиеся, – вино и хлеб превращаются в плоть и кровь Христову.

В последний год пребывания в школе душа моя преисполнилась религиозного пыла. Любуясь просветленными лицами прихожан, я думал о Церкви как о великом сообществе, объединяющем живых и усопших, превращающем людей, пусть на несколько часов, в стадо Великого Пастыря. Я ощущал в себе призвание служить этому стаду; не сомневался, что, став священником, сумею повести за собой людей и заслужить их уважение.

Однако мне не суждено было долго предаваться иллюзиям. Настал день, когда я решил открыть свои мечты брату Эндрю и попросил его уединиться для важной беседы со мной в небольшом кабинете рядом с классной комнатой. Брат Эндрю сидел за столом, изучая какой-то пергамент; день клонился к вечеру, глаза монаха покраснели, а черную сутану покрывали пятна, оставленные едой и чернилами. Дрожащим от волнения голосом я сообщил ему, что ощущаю призвание к поприщу священнослужителя и надеюсь стать послушником, который впоследствии будет посвящен в духовный сан.

Я ожидал, что мой наставник задаст мне множество вопросов, проверяя крепость моей веры, но он лишь предостерегающе вскинул свою пухлую красную руку.

«Юноша, тебе никогда не бывать священником, – отрезал брат Эндрю. – Неужели ты сам этого не понимаешь? Нечего было занимать мое время таким пустым разговором», – добавил он, досадливо сдвигая лохматые брови.

Брат Эндрю редко давал себе труд побриться, и седая щетина покрывала его толстые багровые щеки, подобно инею.

«Я не понимаю вас, брат. Почему я не могу стать священником?»

Он вздохнул, обдав меня запахом перегара.

«Мэтью Шардлейк, вне всякого сомнения, ты читал книгу Бытие, и, следовательно, тебе известно, что Господь создал нас по собственному образу и подобию?» – спросил он.

«Разумеется, мне это известно».

«Ты должен понимать также, что служитель Церкви в первую очередь является воплощением Господнего образа и подобия. Всякий, кто имеет хотя бы малейший телесный недостаток, пусть даже легкую хромоту, не может быть удостоен духовного сана. Что же говорить о тех, кто, подобно тебе, носит на спине здоровенный горб? Как можешь ты служить посредником между простыми людьми, погрязшими во грехе, и величием Господа, если Господь наделил тебя столь отталкивающим обличьем?»

Мне казалось, что я провалился в ледяную прорубь.

«Но это несправедливо, брат, – едва слышно пробормотал я. – Это слишком жестоко».

От злости лицо брата Эндрю побагровело еще сильнее.

«Юноша, ты что, подвергаешь сомнению учение Святой Церкви? – рявкнул он. – Как ты осмелился явиться ко мне и заявить о своем желании принять духовный сан? Ты отдаешь себе отчет в собственной дерзости, презренный еретик?»

Я окинул взором круглую приземистую фигуру монаха, его покрытую жирными пятнами сутану и злобное небритое лицо.

«Значит, я должен выглядеть так же, как вы?» – выпалил я прежде, чем успел подумать о последствиях своих слов.

Издав грозный рев, монах вскочил со стула и вlepил мне сокрушительную затрещину.

«Ты, маленький горбатый уродец! – завопил он. – Убирайся с глаз моих долой!»

Голова моя кружилась, однако я не стал ждать новых затрещин и пустился наутек. Брат Эндрю был слишком тучен, чтобы меня преследовать (год спустя он умер от удара). Я выбежал из собора и поплелся домой, униженный и несчастный. У калитки нашего сада я остановился, наблюдая за тем, как солнце опускалось за верхушки деревьев. Красота весеннего заката казалась мне жестокой насмешкой над моим уродством. Теперь, когда Церковь оттолкнула меня, я чувствовал беспредельное, безнадежное одиночество.

Но вдруг, стоя в сгущавшихся сумерках, я услышал, что Христос говорит со мной. Да, это было именно так, ибо я не могу найти случившемуся никаких иных объяснений. В сознании моем отчетливо зазвучал дивный голос, которого я никогда прежде не слышал.

«Ты не один», – произнес этот голос с непередаваемой теплотой и сердечностью, и я ощутил, как любовь и покой окутали все мое существо.

Не знаю, как долго я стоял у калитки, глубоко вдыхая свежий весенний воздух, но эти мгновения изменили всю мою жизнь. Христос снизошел ко мне, дабы исцелить боль от оскорбления, причиненного жестокими словами, которые Церковь приписывала Ему. В ту ночь, предаваясь жарким молитвам, я надеялся, что мне будет дарована радость услышать этот голос вновь, но этого больше никогда не случилось. Возможно, Христос говорит с нами лишь один раз в жизни. Возможно, многим не дано и этого.

На следующее утро мы с Марком поднялись с первыми проблесками рассвета, раньше, чем деревня начала оживать. Я по-прежнему пребывал в угрюмом расположении духа, и потому говорили мы мало. Ночью мороз усилился, и теперь трава и деревья были подернуты инеем, но, на наше счастье, снег так и не выпал. Мы выехали из деревни и вновь двинулись по узкой дороге, петлявшей меж лесистых склонов.

Мы провели в пути все утро и начало дня; наконец лес начал редеть, и мы оказались посреди сжатых полей, за которыми виднелись очертания Южных Холмов. Дорога привела нас к подножию холма, где паслись поросшие густой шерстью овцы. Поднявшись на холм, мы

увидели раскинувшееся внизу море, медленно катившее свои серые волны. Справа от нас меж невысокими холмами протекала узкая река, которая впадала в море, миновав прибрежную заболоченную полосу. У самого края болота виднелся небольшой городок, а примерно в миле от него – несколько окруженных высокой стеной зданий, возведенных из древнего желтого камня. Над ними возвышалась величественная церковь в норманнском стиле, размерами не уступавшая многим соборам.

– Вот он, монастырь Скарнси, – изрек я.

– Господь вывел нас из всех испытаний целыми и невредимыми, – откликнулся Марк.

– Я полагаю, настоящие испытания ожидают нас впереди, – возразил я.

Когда мы направили усталых лошадей вниз, ветер принес с моря мохнатые тучи и в воздухе закружились первые снежинки.

ГЛАВА 4

Осторожно спустившись с холма, мы двинулись по дороге, ведущей в город. Лошади нервничали, хлопья снега щекотали им морды, заставляя их громко фыркать и мотать головами. К счастью, когда мы въехали на городские окраины, снегопад прекратился.

– Может, заедем к мировому судье? – предложил Марк.

– Нет, – покачал я головой. – Нам надо поскорее добраться до монастыря. Если снег пойдет вновь, сегодня мы так и не попадем туда.

Копыта наших лошадей процокали по мощенной булыжником главной улице Скарнси. Верхние этажи старинных домов нависали над тротуаром; местные жители имели привычку выливать содержимое ночных горшков прямо из окон, так что нам приходилось остерегаться. Мы заметили, что штукатурка, покрывавшая дома, во многих местах облупилась, а немногочисленные лавки имеют довольно жалкий вид. Редкие прохожие бросали на нас безразличные взгляды.

Наконец мы оказались на городской площади. С трех сторон ее окружали невзрачные обветшалые здания, зато четвертая представляла собой широкий каменный причал. Вне всяких сомнений, в былые времена причал этот выходил прямо в море, но сейчас за ним расстилалось поросшее тростником болото, распространявшее сильный запах соли и гниения. Под серым зимним небом болото казалось особенно унылым и навевало грустные размышления. Через болото к морю, стальная полоса которого блестела где-то в миле отсюда, вел канал, такой узкий, что по нему могла проплыть лишь небольшая лодка. Вдали, на болоте, мы различили вереницу осликов, связанных друг с другом веревками; на спинах животных были навьючены корзины. Какие-то люди доставали из этих корзин камни и выкладывали ими берег канала.

По всей видимости, недавно здесь состоялось некое действие, ибо несколько женщин, стоявших у высокого столба в дальнем конце площади, что-то оживленно обсуждали. На высокой табуретке восседала дородная женщина средних лет, ноги которой были прикованы к позорному столбу. Землю вокруг нее покрывали гнилые овощи и фрукты, да и сама она являла собой более чем жалкое

зрелище – одежда ее была густо заляпана тухлыми яйцами и прочей дрянью. На голове у нее красовался треугольный колпак, на котором была выведена краской буква «С» – по всей вероятности, первая буква слова «сварливая». Хотя распухшее лицо несчастной покрывали синяки и один глаз наполовину заплыл, вид у нее был довольно жизнерадостный. Одна из женщин протянула ей кружку эля, и та с наслаждением сделала глоток. Заметив нас, она приветственным жестом вскинула кружку и растянула губы в ухмылке. Тут на площадь выбежала толпа радостно хохочущих детей, вооруженных кочанами гнилой капусты, однако одна из женщин замахала руками, отгоняя их прочь.

– Убирайтесь отсюда, – закричала она. Гортанная ее речь напоминала говор жителей деревни, где мы провели минувшую ночь. – Жена Томаса уже получила свой урок, и он пошел ей на пользу. Теперь она больше не будет донимать своего мужа бранью. Отныне они станут жить в мире и согласии. Через час ее отпустят. Хватит с нее.

Дети отступили на безопасное расстояние, осыпая жену Томаса насмешками и оскорблениями.

– Я смотрю, здесь, вдали от столицы, царят весьма мягкие нравы, – изрек Марк.

Я кивнул в знак согласия. В самом деле, несчастным, прикованным к лондонским позорным столбам, зачастую достаются не тухлые яйца и гнилая капуста, а град камней, выбивающих глаза и зубы.

Мы выехали из города и направили лошадей по дороге, ведущей к монастырю. По обеим сторонам дороги тянулись унылые болота – заросли тростника и лужи гниющей воды. Меня до крайности удивляло, что через эту зловонную трясику проложены тропы и дороги; однако это было именно так, иначе встречавшиеся нам люди непременно сбились бы с пути.

– Некогда Скарнси был процветающим морским портом, – сообщил я. – Но где-то столетие назад берег моря стал заболачиваться, и ты видишь сам, к чему это привело. Неудивительно, что ныне город пришел в запустение. По этому каналу едва может пройти рыбацья лодка.

– Но как горожане зарабатывают себе на жизнь?

– Рыбной ловлей и фермерством. Полагаю так же, что они занимаются контрабандой. Провозят кое-какие товары во Францию.

Им все еще приходится выплачивать пошлины монастырю, чтобы монахи, это сборище бездельников, ни в чем не нуждались. Дело в том, что порт Скарнси был дарован в качестве награды одному из рыцарей Вильгельма Завоевателя. А тот пожертвовал земли ордену святого Бенедикта и построил этот монастырь. Разумеется, взяв деньги из английской казны.

Внезапно тишину нарушил перезвон колоколов, донесшийся со стороны монастыря.

– Похоже, монахи заметили нас и бьют в колокола в честь нашего прибытия, – со смехом предположил Марк.

– Что ж, если это так, у святых братьев зоркие глаза. А может, это одно из их чудес. Клянусь кровью Спасителя нашего, эти колокола трезвонят ужасно громко.

Когда мы приблизились к стенам монастыря, колокола все еще оглушительно гудели. Мне казалось, перезвон эхом отдается у меня под черепом. Я страшно устал, как и всегда к концу дня, проведенного в седле; спина моя разболелась немилосердно, и я ехал, неуклюже распластавшись на широкой спине Канцлера. Однако, приблизившись к воротам монастыря, я поднял голову и по возможности принял гордый вид – с самого начала следовало произвести на монахов должное впечатление. Лишь сейчас я оценил, в каком большом монастыре мы оказались. Высота стен, покрытых штукатуркой и выложенных мелкой галькой, составляла не менее двенадцати футов. Территория, огороженная этими стенами, тянулась от дороги до самого края болот. Немного впереди в стене виднелись огромные железные ворота; мы заметили телегу, груженную бочками и запряженную двумя здоровенными лошадьми. Издавая пронзительное гроыхание, телега двигалась в сторону города, то есть навстречу нам. Поравнявшись с нами, возница приподнял шляпу в знак приветствия.

– Пиво, – заметил я.

– Пустые бочки? – изумился Марк. – Это монахи столько выпили?

– Нет, почему же, полные. Монастырю принадлежит монополия на снабжение города пивом. Так что монахи могут устанавливать какую угодно цену. Это записано в монастырском уставе.

– Значит, если кто из местных жителей напьется вдрызг, то только благодаря священному пиву?

– Именно так. Кстати, монастыри довольно часто занимаются пивоварением – дело это, как ты понимаешь, прибыльное. Основатели-норманны создали монахам все условия для безбедного существования, лишь бы те исправно возносили молитвы о спасении их душ. В результате все остались довольны, за исключением тех, кому пришлось за это платить. Слава Богу, этот трезвон, наконец, прекратился. – Я издал вздох облегчения. – Ну, поехали. Следуй за мной и держи язык за зубами.

Мы подъехали к массивным железным воротам, украшенным резьбой в виде геральдических животных. Разумеется, ворота были на запоре. Взглянув наверх, я заметил, что в окне домика привратника мелькнуло чье-то лицо и тут же исчезло за занавеской. Я спешился и постучал в небольшую калитку, расположенную рядом с воротами. Через несколько минут, она распахнулась, и пред нами предстал высокий, лысый, как колесо, человек в грязном кожаном фартуке. Он смерил нас неприятливым взглядом и проскрежетал:

– Что надо?

– Я – посланник короля, – изрек я ледяным тоном. – Будьте любезны проводить нас к аббату.

В глазах привратника зажглись подозрительные огоньки.

– Мы никого не ждем, – пробурчал он. – Это закрытый монастырь. У вас есть бумаги?

Я сунул руку в карман камзола и протянул ему бумаги.

– Насколько мне известно, данный монастырь, носящий имя святого Доната, принадлежит бенедиктинскому ордену. А бенедиктинский орден отнюдь не является закрытым. Люди могут свободно входить в стены обитателей этого ордена. Или, может быть, мы сбились с пути и попали в другой монастырь? – спросил я, придав своему голосу изрядную долю сарказма. Невежа-привратник мрачно взглянул на меня исподлобья, затем скользнул глазами по бумагам – было ясно, что он не умеет читать, – и вернул их мне.

– Вы обогатили их содержание парой жирных пятен, старина, – усмехнулся я. – Кстати, как вас зовут?

– Багги, – буркнул он. – Я провожу вас к отцу аббату, господа.

Он отошел в сторону, и мы въехали в калитку, оказавшись среди мощных колонн, поддерживающих домик привратника.

– Пожалуйста, подождите.

Я кивнул, и привратник заковылял прочь.

В ожидании я прогуливался меж колонн, рассматривая внутренний двор монастыря. Прямо передо мной возвышалась величественная церковь, построенная, как и все прочие монастырские сооружения, из белого французского известняка, ныне пожелтевшего от времени. Церковь была выдержана в норманнском стиле, окна у нее были широкие, и она совершенно не походила на современные храмы с их узкими стрельчатыми окнами и высокими арками, уходящими в небеса. Благодаря тому, что длина здания составляла не менее трех сотен футов, а высота обеих башен – всего около ста, церковь казалась грандиозным, но приземистым сооружением, пустившим в земле корни.

Слева, у дальней стены, я разглядел обычные служебные помещения – конюшни, мастерскую каменотеса, пивоварню. Во дворе кипела бурная деятельность, знакомая мне по Личфилду: торговцы и ремесленники сновали туда-сюда, обсуждая дела с монахами, которых легко можно было отличить по бритым головам и черным сутанам ордена бенедиктинцев; я заметил, что сутаны эти сшиты из превосходной тонкой шерсти и из-под них видны добротные кожаные башмаки. Земля во внутреннем дворе была утоптана множеством ног и усыпана соломой. По двору носилось несколько крупных шотландских овчарок – они сотрясали воздух лаем и беззастенчиво справляли свои естественные надобности. Иными словами, во дворе монастыря царила оживленная деловая атмосфера, отнюдь не соответствующая предназначению удаленной от мира святой обители.

Справа от церкви, за внутренней стеной, располагались помещения, где жили и молились монахи. У дальней стены стоял одноэтажный дом, окруженный небольшим ухоженным садом – большинство растений там было снабжено специальными ярлычками, тонкие и слабые деревца подпирали колышки.

– Ну, Марк, – тихонько спросил я, – как тебе нравится в монастыре?

Вместо ответа Марк замахнулся на одну из огромных собак, которая приближалась к нам, угрожающе оскалив зубы. Пес немного подался назад и зашелся злобным лаем.

– Я и думать не думал, что в монастыре столько зданий, – заметил Марк. – По-моему, во время вражеской осады тут могло бы отсидеться

не менее двух сотен человек.

– Ты неплохо считаешь, Марк. Этот монастырь был построен с расчетом на то, что здесь разместится сотня монахов и сотня служек. А ныне, по данным «Комперты», всем этим – домами, земельными угодьями, местными монополиями – пользуются всего тридцать монахов и шестьдесят служек. Как ты понимаешь, все они катаются, как сыр в масле.

– Они нас заметили, сэра, – прервал меня Марк.

И действительно, надсадный лай пса привлек к нам внимание – теперь взоры всех собравшихся во дворе были устремлены на нас, и взоры эти, надо сказать, отнюдь не лучились приветливостью. Встретившись глазами с кем-нибудь из нас, люди торопливо отворачивались и принимались встревоженно перешептываться. Лишь один высокий монах, стоявший у церковной стены, смотрел на нас не отрываясь. Вид у него был изможденный, он опирался на костыль, а белое его одеяние с длинным наплечником контрастировало с черными сутанами бенедиктинцев.

– Если я не ошибаюсь, это монах картезианского ордена, – сказал я.

– Мне казалось, все картезианские монастыри уничтожены, и больше половины монахов казнено за измену, – пробормотал Марк.

– Так оно и есть. Однако половина все-таки осталась в живых. Любопытно, что он здесь делает?

Тут за спиной моей раздался кашель. Обернувшись, я увидел, что привратник вернулся с коренастым монахом лет сорока. В каштановых волосах, обрамлявших его тонзуру, виднелась седина, а грубоватые, резкие черты кирпично-красного лица смягчали круглые, лоснящиеся от жира щеки, свидетельствующие о жизни в довольстве и сытости. На груди его сутаны был вышит ключ – отличительный знак занимаемой им должности. За ним стоял рыжеволосый худенький мальчик в серой рясе послушника. Судя по тревожно бегающим глазам, мальчик явно был чем-то испуган.

– Ты можешь возвратиться к своим обязанностям, Багги, – произнес незнакомец, и я мгновенно различил в его речи сильный шотландский акцент.

Привратник неохотно повиновался.

– Я здешний приор, брат Мортимус из Кесло.

– А где аббат?

– К сожалению, сейчас его нет в монастыре. В отсутствие отца аббата я замещаю его и несу ответственность за все, что происходит в монастыре Святого Доната, – изрек приор и бросил на нас пронзительный взгляд. – Насколько я понимаю, сэры, вы прибыли сюда, получив печальные известия от доктора Гудхэпса. Увы, нам не было сообщено заранее о вашем приезде, и потому мы не имели возможности приготовить вам комнаты.

От брата Мортимуса исходил столь крепкий запах прокисшего пота, что я вынужден был отступить на несколько шагов назад. Годы, проведенные в обществе монахов, приучили меня к тому, что святые братья отнюдь не благоухают, ибо хранят верность убеждению, согласно которому телесная чистота – вредная и греховная прихоть и мыться следует не более шести раз за весь год.

– Лорд Кромвель направил нас сюда, как только получил письмо доктора Гудхэпса, – сообщил я. – Он снабдил меня самыми широкими полномочиями и поручил провести тщательное расследование изложенных в письме событий.

Приор почтительно склонил голову.

– Приветствую вас в монастыре Святого Доната. Прошу простить, если манеры нашего привратника показались вам несколько грубыми. Он всего лишь следовал предписаниям, согласно которым мы должны по возможности оберегать нашу обитель от вторжения посторонних.

– Дело, приведшее нас сюда, не терпит отлагательств, – сурово сказал я. – Первым делом будьте любезны сообщить, действительно ли мертв королевский эмиссар Робин Синглтон?

Лицо приора приняло скорбное выражение.

– Увы, несчастный мертв, – произнес он, осенив себя крестным знаменем. – Убит неизвестным злоумышленником самым что ни на есть изуверским способом. Ужасное событие.

– Нам следует как можно быстрее увидеться с аббатом.

– Я отведу вас в его дом. Отец аббат должен вскоре вернуться. Все мы будем молиться о том, чтобы вам удалось пролить свет на свершившееся здесь злодеяние. Кровавопролитие на священной земле – что может быть ужаснее!

Приор сокрушенно покачал головой, а потом, повернувшись к послушнику, который смотрел на нас во все глаза, бросил совсем другим тоном, грубым и раздраженным:

– Уэлплей, ты что, к месту прирос? Отведи лошадей в конюшню!

Юноша, тоненький и хилый, казался совсем ребенком. На вид ему едва можно было дать шестнадцать лет, хотя, скорее всего, ему уже исполнилось восемнадцать, ибо послушниками становятся лишь те, кто достиг этого возраста. Я отстегнул от седла сумку, в которой находились бумаги, передал ее Марку, и послушник повел лошадей к конюшням. Сделав несколько шагов, он повернулся, чтобы еще раз взглянуть на нас, попал ногой в кучу собачьих испражнений, поскользнулся и упал навзничь. Лошади испуганно отпрянули в сторону, во дворе раздался дружный смех. Лицо приора Мортимуса побагровело от гнева. Он торопливо подошел к юноше, который едва успел подняться на ноги, и с силой толкнул его, так, что тот снова упал прямо на собачье дерьмо. Раздался новый взрыв смеха.

– Клянусь кровью Спасителя нашего, Уэлплей, свет не видал второго такого болвана! – рявкнул приор. – Ты что, нарочно устроил тут представление перед посланником короля?

– Нет, господин приор, – дрожащим голосом ответил послушник. – Прошу прощения.

Я подошел к ним, взял Канцлера за поводья и, стараясь не испачкаться о собачье дерьмо, приставшее к одежде юноши, помог бедолаге подняться.

– Все эти крики и хохот могут испугать лошадей, – мягко заметил я. – Не переживай, парень. Подобные неприятности могут случиться с каждым.

С этими словами я вручил послушнику поводья. Бросив робкий взгляд на приора, который побагровел еще сильнее, он повернулся и побрел к конюшням.

– А теперь, сэр, будьте любезны, проводите нас в дом аббата, – обратился я к приору.

Устремленный на меня взгляд шотландца полыхал злобой, а лицо из багрового стало пунцовым. Однако голос его звучал по-прежнему почтительно.

– С удовольствием, сэр, – ответил он. – Мне жаль, что вы стали свидетелями столь неприятного зрелища. Но, как я уже имел честь заметить, я отвечаю за порядок в этой обители. Королю угодно было внести немало изменений в наш обиход. И юных наших братьев следует с младых ногтей приучать к покорности и смирению.

– Насколько я понимаю, братия вашего монастыря не слишком охотно следует новым правилам, установленным лордом Кромвелем? – осведомился я.

– Нет, сэр, что вы, – испугался приор. – Я имел в виду совсем другое. Я говорил лишь о необходимости строгой дисциплины и порядка.

– Не думаю, что поскользнуться на собачьем дерьме – такой уж серьезный проступок, – отрезал я. – Возможно, будет разумнее призвать к порядку собак и запретить им бегать по двору.

Приор уже готовился возразить, но передумал и издал короткий хриплый смешок.

– Вы правы, сэр, собакам не место в монастырском дворе. Но отец аббат ни за что не позволит держать их взаперти. Он полагает, что они должны все время бегать, чтобы не утратить резвость. Видите ли, собаки нужны ему для охоты.

Пока он говорил, лицо его изменило свой первоначальный кирпично-красный оттенок и стало темно-багровым. Про себя я решил, что приор, судя по всему, страдает разлитием желчи.

– Значит, ваш аббат заядлый охотник? – уточнил я. – Любопытно, как отнесся бы святой Бенедикт к тому, что один из его последователей предается столь кровавой и жестокой забаве.

– Аббат сам устанавливает для себя правила, – многозначительно изрек приор.

Он провел нас мимо нескольких служебных зданий. Впереди я увидел уютный двухэтажный домик, окруженный садом, в котором росли розовые кусты. То было удобное и красивое жилище состоятельного джентльмена, которое даже на Канцлер-лейн смотрелось бы вполне уместно. Когда мы проходили мимо конюшен, я успел разглядеть, как злополучный Уэлплей устраивает лошадей в стойла. Словно почувствовав мой взгляд, юноша обернулся и встретился со мной глазами. Мы прошли мимо пивоварни и кузницы, где ярко горел огонь, столь притягательный в этот холодный день. Затем следовало довольно большое здание, сквозь открытые двери которого были видны каменные плиты, покрытые затейливыми узорами. Рядом с этим зданием на улице стоял широкий стол, на котором были разложены рисунки и планы. Какой-то седобородый

человек в фартуке каменщика, скрестив руки на груди, прислушивался к жаркому спору двух монахов.

– Н-невозможно, брат, – непререкаемым тоном изрек старший из монахов.

Это был невысокий, упитанный человечек лет сорока, с круглым бледным лицом и маленькими темными глазками, жестко смотревшими исподлобья. Вокруг его тонзуры вились темные волосы.

– Если мы с-станем использовать к-канский камень, на это уйдет уйма денег, – заявил он, взмахнув над чертежами своей пухлой ладонью. – И в результате монастырь наш б-будет разорен.

– Спору нет, тут потребуются большие затраты, – сказал каменщик. – Конечно, если вы хотите сделать все надлежащим образом.

– Церковь необходимо отремонтировать надлежащим образом, – убежденно произнес второй монах. Голос у него был глубокий и звучный. – В противном случае все пропорции здания будут нарушены. Если ты не согласен со мной, брат казначей, я буду вынужден переговорить с аббатом.

– Делай что хочешь, до добра это не доведет, – отрезал круглолицый монах и осекся, заметив незнакомцев.

Он проводил нас своими черными острыми глазками и вновь склонился над чертежами. Второй монах, лет тридцати, был высок и хорошо сложен. Лицо его, изборожденное ранними морщинами, отличалось красивыми и правильными чертами, а волосы, обрамлявшие тонзуру, были желты, как солома. Я успел разглядеть также, что у него большие светло-голубые глаза. Он томно посмотрел на Марку, который ответил ему холодным взглядом. Когда мы приблизились, монахи поклонились приору, получив в ответ едва заметный кивок.

– Все это очень интересно, – прошептал я Марку. – Создается впечатление, что над этим монастырем вовсе не нависает угроза упразднения. Они говорят о реконструкции церкви так, будто уверены – их обитель простоят вечно.

– А вы заметили, как пялился на меня тот высокий монах?

– Еще бы. Это тоже весьма интересно.

Мы уже приближались к дому, когда старый монах в белой рясе, стоявший у церковной стены, выступил вперед и оказался на дорожке

прямо перед нами. Это был тот самый картезианец, которого мы уже видели во внутреннем дворе. Приор поспешил ему навстречу.

– Брат Джером! – сердито крикнул он. – Сейчас не время для твоих выходок! Прошу тебя, возвращайся к своим молитвам.

Картезианец, едва удостоив приора презрительным взглядом, обошел его, словно неодушевленный предмет. Я заметил, что он приволакивает правую ногу и при ходьбе тяжело опирается на костыль. Левая его рука явно была повреждена и безжизненно висела вдоль туловища. На вид ему было около шестидесяти лет, редкие волосы были куда блее, чем его потрепанная, покрытая пятнами ряса. Но яростные глаза старого монаха так и сверкали на бледном изможденном лице. С неожиданной ловкостью, увернувшись от приора, пытавшегося преградить ему путь, он подошел прямо ко мне.

– Так ты посланец лорда Кромвеля? – спросил он надтреснутым дребезжащим голосом.

– Да, сэр.

– Все, взявшие меч, мечом погибнут. Известны тебе эти слова?

– Евангелие от Матфея, глава двадцать шесть, стих пятьдесят два, – ответил я. – Но что вы хотите этим сказать? – Мысль о злодеянии, приведшем меня сюда, мгновенно пришла мне на ум. – Вы намерены сделать признание?

В ответ монах разразился презрительным смехом.

– Нет, горбун, я просто напомнил тебе слова Господа нашего, ибо они истинны.

Приор Мортимус схватил картезианца за здоровую руку, пытаюсь оттащить его прочь от меня. Тот стряхнул его ладонь и захромал прочь.

– Прошу вас, не обращайтесь на него внимания, – взмолился приор. Лицо его побледнело, и малиновые прожилки вен резко проступили на жирных щеках. – Бедняга не в своем уме, – добавил он, поджав губы.

– Но откуда он здесь? Что делает в вашем монастыре монах картезианского ордена?

– Видите ли, мы разрешили ему жить здесь, снисходя к его достойному жалости состоянию. К тому же об этом просил его родственник, чьи земли находятся по соседству с нашими.

– А из какого он монастыря?

– Он прибыл из Лондона, – с явной неохотой сообщил приор. – Мы так и зовем его – Джером из Лондона.

У меня глаза на лоб полезли от удивления.

– Так, значит, он из того самого монастыря, где приор и половина монахов отказались присягнуть на верность королю, и были подвергнуты казни?

– Но брат Джером принял присягу, – сказал приор. – Правда, не сразу. Господину Кромвелю пришлось приложить для этого определенные усилия. – Он многозначительно посмотрел на меня. – Вы понимаете, о чем я говорю?

– Его пытали на дыбе?

– Да, Джерома подвергли страшным истязаниям. Тогда-то он и повредился в уме. Впрочем, страдания, которые он перенес, – лишь заслуженная кара за неповиновение, не так ли? А сейчас мы держим его у себя из милосердия. И надо признать, зачастую он испытывает наше терпение.

– А что он имел в виду, когда процитировал Евангелие?

– Одному Богу известно. Я же говорю, этот человек не в своем уме.

С этими словами приор повернулся и открыл калитку. Вслед за ним мы вошли в сад, где среди голых колючих ветвей цвело несколько зимних роз. Я обернулся, но хромоногий монах уже скрылся из виду. Однако воспоминание о его горящем взоре заставило меня содрогнуться.

ГЛАВА 5

Приор постучал в дверь, и она незамедлительно распахнулась. На пороге стоял здоровенный малый в синем одеянии монастырского служки. Он обеспокоенно скользнул взглядом по нашим лицам.

– Эти господа прибыли из Лондона по поручению главного правителя, – сообщил приор. – Они желают срочно видеть аббата. Он дома?

Служка согнулся в почтительном поклоне.

– Вы прибыли по поводу этого ужасного убийства, господа, – пробормотал он. – К сожалению, нас никто не предупредил о вашем приезде. Аббат Фабиан еще не вернулся, хотя мы ожидаем его с минуты на минуту. Но входите, прошу вас.

Он провел нас в просторный зал, обшитый панелями, на которых были изображены охотничьи сцены.

– Полагаю, вам будет удобнее подождать в приемной, – предложил приор.

– А где сейчас доктор Гудхэпс?

– В своей комнате наверху.

– Прежде всего, мы поговорим с ним.

Приор кивнул служке, и тот провел нас по широкой лестнице на второй этаж. Остановившись у закрытой двери, приор громко постучал. До нас донесся приглушенный возглас, затем звук поворачиваемого в замке ключа. Дверь со скрипом распахнулась, и какой-то бледный растрепанный человек недовольно уставился на нас.

– Приор Мортимус, – произнес он визгливым голосом, – зачем так колотить в дверь? Вы меня испугали.

Губы Мортимуса тронула сардоническая усмешка.

– Неужели? Примите мои извинения. Но вы в полной безопасности, любезный доктор. Лорд Кромвель прислал нам своего эмиссара, который намерен расследовать свершившееся преступление.

– Доктор Гудхэпс? – осведомился я. – Я – Мэтью Шардлейк, посланник лорда Кромвеля. Он направил меня сюда, получив ваше письмо.

Доктор минуту помедлил, потом шире распахнул дверь и позволил нам войти в свою спальню. То была довольно просторная комната с широкой кроватью под пологом и толстыми подушками, лежавшими прямо на полу и заменявшими кресла. Единственное окно выходило в шумный внутренний двор. На полу громоздилась целая гора книг, на вершине которой чудом держался поднос с кувшином вина и оловянными кружками. В очаге горел огонь, и мы с Марком разом устремились туда, так как промерзли до костей. Я повернулся к приору, который стоял в дверях, не спуская с нас обеспокоенных глаз.

– Спасибо, брат. Надеюсь, вы будете настолько любезны, что сообщите нам, когда прибудет аббат, – сказал я.

В ответ приор молча поклонился и удалился прочь.

– Во имя нашего Спасителя, заприте скорее дверь, – взвизгнул старый доктор, нервно ломая руки.

Он издал столь глубокий вздох, что его седые редкие волосы взметнулись в воздух. Черное священническое одеяние Гудхэпса было измято и покрыто пятнами, а по аромату, распространяемому его дыханием, нетрудно было догадаться, что он изрядно накачался вином.

– Так значит, лорд Кромвель получил мое письмо? Хвала Всевышнему! Я боялся, что письмо будет перехвачено! И сколько же человек прибыло с вами?

– Нас всего двое. Вы разрешите мне сесть? – спросил я, осторожно опускаясь на одну из подушек.

Стоило мне сесть, как согбенная спина испытала огромное облегчение. Как видно, господин Гудхэпс лишь в этот момент заметил мое увечье. Он перевел взгляд на Марка, который как раз отстегивал от пояса перевязь с мечом.

– Я вижу, юноша вооружен. Он сумеет защитить нас?

– Сумеет, если возникнет такая необходимость. А вы уверены в том, что нам понадобится защита?

– Еще бы, сэр. После того, что здесь случилось... Я не сомневаюсь, господин Шардлейк, что мы окружены врагами.

Я видел, что собеседник мой не на шутку напуган, и ободряюще улыбнулся ему. Испуганного свидетеля, так же как и испуганную лошадь, прежде всего, следует успокоить.

– Теперь, когда мы здесь, вам более не о чем тревожиться, сэр, – заявил я. – Должен сказать, в дороге мы порядком утомились и будем

благодарны, если вы угостите нас вином. А пока мы будем греться у очага, вы подробно расскажете обо всем, что здесь произошло.

– О, сэр, клянусь Пресвятой Девой, никогда прежде я не видел столько крови...

Я предостерегающе вскинул руку.

– Прошу вас, начните с самого начала. С вашего прибытия в монастырь.

Доктор Гудхэпс налил нам вина, уселся на кровать и принялся тереть пальцами свои спутанные седые волосы.

– У меня не было ни малейшего желания сюда приехать, – со вздохом произнес он. – Я немало потрудился на благо реформы в Кембридже. А для подобных поручений я слишком стар. Но Робин Синглтон в прошлом был моим студентом. И он обратился ко мне за помощью. Вы знаете, он намеревался убедить монахов этого злосчастного монастыря добровольно дать согласие на упразднение обители. И ему нужен был знаток канонического права. К тому же я не мог противиться желанию главного правителя, – с горечью добавил он.

– Да, противиться его желаниям трудно, – кивнул я. – Насколько я понимаю, вы с Синглтоном прибыли сюда неделю назад?

– Да. Нам пришлось проделать тяжелый путь.

– И как проходили ваши переговоры с монахами?

– Как я и предполагал, сэр, они ни к чему не привели. Синглтон с самого начала принялся сыпать угрозами. Заявил, что монастырь погряз в грехе и разврате и самое лучшее, что могут сделать монахи, – согласиться на предложенные пенсии и оставить свою обитель. Но аббату Фабиану слишком хорошо здесь живется, и он отнюдь не собирается отказываться от всех своих благ даже взамен на денежное вознаграждение. Подумайте сами, здесь он ощущает себя богатым землевладельцем, настоящим лордом. А на самом-то деле он всего-навсего сын местного судового поставщика.

Гудхэпс допил последние капли из своей кружки и вновь потянулся к кувшину с вином. Впрочем, я не мог обвинять этого беспомощного старика в том, что он, испуганный и одинокий, пытается утопить свои страхи в вине.

– Аббат Фабиан очень умен и хитер, – продолжал Гудхэпс. – Он прекрасно понимает, что после недавнего восстания главный правитель воздержится от принудительного уничтожения монастырей.

Робин Синглтон, эмиссар, попросил меня хорошенько покопаться в книгах и найти какой-нибудь закон, грубо попираемый в этом монастыре. Он рассчитывал таким образом запугать их. Я сказал, что это пустая трата времени, но Робин Синглтон никогда не был силен в законоведении. Он привык действовать силой. Упокой Господи его душу, – со вздохом добавил Гудхэпс, но, будучи верным реформатором, не стал осенять себя крестным знаменем.

– Вы правы, монахов не так легко запугать, – кивнул я. – Впрочем, думаю, в этом монастыре законы блюдутся отнюдь не строго. Насколько мне известно, здешние монахи были уличены в содомии и краже. И то и другое – более чем серьезные преступления.

Гудхэпс вновь сокрушенно вздохнул.

– Боюсь, лорда Кромвеля ввели в заблуждение. Мировой судья – убежденный реформатор, однако его сообщение о продаже монастырских земель за бесценок не соответствует истине. На самом деле никаких свидетельств того, что при расчетах совершались нарушения, не существует.

– А все эти разговоры о царящем здесь разврате?

– Они тоже не имеют под собой оснований. Аббат настаивает на том, что после официальной ревизии они строго выполняют все предъявленные требования. Правда, бывший приор упорно противился нововведениям. Однако его убрали из монастыря вместе с парочкой самых вздорных монахов, тоже склонных мутить воду. И его место занял этот шотландский верзила.

Я осушил свой стакан, но воздержался от того, чтобы попросить еще. Чуть живой от усталости, я так разомлел от тепла и от выпитого вина, что теперь мне хотелось одного – лечь и забыться сном. Однако я знал, что в течение ближайших часов мне понадобится ясная голова.

– А что вы можете сказать о здешней братии?

– Они ничуть не отличаются от всех прочих монахов, – пожал плечами Гудхэпс. – Ленивы и самодовольны. Позволяют себе играть в карты и охотиться – вы, наверное, видели, что в монастыре полно собак. Сами не отказывают себе ни в чем, а служек держат впроголодь. Но надо признать, они выполняют все последние предписания, совершают церковные службы на английском языке, и я ни разу не заметил в здешних стенах женщин дурного поведения. Этот краснорожий приор строго следит за дисциплиной. Делает вид, что

всей душой поддерживает нововведения лорда Кромвеля. Но я ему не верю. Здесь никому нельзя верить. Старшие монахи на вид – сама кротость и смирение, но на самом деле все они – закоренелые еретики. Хотя, конечно, они ловко скрывают свои истинные убеждения. За исключением этого калеки, картезианца. У него, что на уме, то и на языке. Но он – не член здешнего братства.

– Ах да, брат Джером, – усмехнулся я. – Мы уже имели случай с ним побеседовать.

– Вам известно, кто он такой?

– Нет.

– Родственник королевы Джейн, упокой Господи ее душу. Именно поэтому его и не казнили вместе с другими картезианцами, когда он отказался присягнуть на верность королю. Его пытали до тех пор, пока он не принял присягу, а потом отправили сюда на покой. Кстати, один из самых богатых местных землевладельцев также приходится ему родственником. А я думал, в кабинете лорда Кромвеля известно, что брат Джером находится здесь.

– Бумаги порой теряются даже в кабинете лорда Кромвеля, – с улыбкой заметил я.

– Все прочие монахи терпеть не могут брата Джерома, потому что он беспрестанно их оскорбляет, – продолжал Гудхэпс. – Упрекает их в лени и мягкотелости. Ему запрещено выходить за пределы монастырской ограды.

– Вне всякого сомнения, эмиссар Синглтон беседовал со многими монахами, надеясь выведать их неприглядные тайны, – заметил я. – Скажите, те, на кого пало подозрение в содомии, по-прежнему находятся здесь?

– И нет ли среди них высокого монаха с растрепанными светлыми волосами? – впервые за все время подал голос Марк.

– А, вы говорите о Габриеле, ризничем, – пожал плечами Гудхэпс. – Да, он один из них. На вид этого никак не скажешь, не правда ли? Высокий, здоровенный малый. Но иногда в его взгляде сквозит нечто странное. Эмиссар Синглтон пытался надавить на монахов, но все они твердят, что невинны, как небесные ангелы. Эмиссар Синглтон поручил мне расспросить монахов, узнать у них некоторые подробности относительно их обихода. Но хоть я и ученый, я не слишком искусен по части подобных бесед.

– Насколько я понимаю, эмиссар Синглтон не стяжал больших симпатий среди здешней братии? Кстати, мне несколько раз доводилось с ним встречаться. По моим наблюдениям, он был несколько вспыльчив.

– Да, из-за собственной несдержанности он легко наживал себе врагов. Впрочем, его это мало волновало.

– Расскажите мне о его смерти.

Старый доктор втянул голову в плечи и погрузился в тяжелые воспоминания.

– В конце концов, Синглтон убедился, что давить на монахов – бессмысленное занятие. Тогда он поручил мне составить список всех возможных нарушений канонического закона, в которых только можно обвинить монастырь. А сам проводил все время, просматривая архивные документы и счета. Однако никакой крамолы не обнаружил. Синглтон начал беспокоиться, ведь ему предстояло держать отчет перед лордом Кромвелем. В последние два дня я его почти не видел. Он, не поднимая головы, сидел в казначействе над расчетными книгами.

– А что он искал?

– Я уже говорил вам, любые нарушения. Он был готов ухватиться за любую мелочь. У него был опыт нового итальянского ведения счетов, знаете, когда все умножается на два.

– Да, двойная бухгалтерия. Значит, в законах он разбирался неважно, а в счетах хорошо?

– Верно, – со вздохом подтвердил Гудхэпс. – В последний вечер мы по обыкновению ужинали вдвоем. Мне показалось, что настроение у Синглтона несколько улучшилось. Он сказал, что после ужина собирается посмотреть некую расчетную книгу, которую получил у казначея. Кстати, сам казначей в тот вечер куда-то уехал из монастыря. Так что его здесь не было... когда это случилось.

– А как он выглядит, этот казначей? Не тот ли это низенький толстый монах с черными глазами, которого мы видели у мастерской каменотеса? Он как раз спорил из-за денег.

– Да, это он. Брат Эдвиг. Наверняка он спорил с ризничим из-за расходов на ремонт церкви. Мне он нравится, брат Эдвиг. Человек практического склада. Терпеть не может бросать деньги на ветер. В нашем колледже такой казначей тоже не помешал бы. Да, что касается

ведения повседневных дел монастыря, приор Мортимус и брат Эдвиг прекрасно с этим справляются. Они, что называется, крепко держат бразды правления.

Сообщив это, Гудхэпс вновь приложился к кружке с вином.

– А что произошло после ужина?

– Я проработал около часа, затем помолился и улегся в постель.

– И сразу уснули?

– Да. Но около пяти утра я внезапно проснулся. В коридоре раздавались торопливые шаги, чьи-то взволнованные голоса. А потом в дверь что есть мочи забарабанили – в точности так, как это недавно сделал приор. – Тяжелые воспоминания заставили Гудхэпса содрогнуться. – Открыв дверь, я увидел, что в коридоре стоит аббат, а за ним толпится не меньше дюжины монахов. Стоило взглянуть на лицо аббата, чтобы понять – он испуган до потери рассудка. Он сообщил мне, что посланник лорда Кромвеля мертв. Сказал, что, несомненно, произошло убийство. Я оделся и вслед за аббатом поспешил вниз. Все обитатели монастыря были на ногах и пребывали в страшном волнении. До меня доносились отголоски приглушенных разговоров о запертых дверях и о лужах крови. Я слышал даже, что кто-то упомянул о том, что убитого наказал Господь. Принесли факелы, и через дортуары монахов мы направились на кухню. Там было так холодно, в этих темных бесконечных коридорах. И всюду группками стояли монахи и служки, встревоженные, испуганные. Наконец дверь в кухню распахнулась. Господь милосердный...

К моему удивлению, на этот раз Гудхэпс не удержался и торопливо перекрестился.

– Там пахло, как в лавке мясника, – сообщил он со сдавленным смешком. – В комнате горело множество свечей, они были повсюду – на столах, на шкафах. Я наступил в какую-то липкую лужу, и приор потянул меня за рукав. Взглянув себе под ноги, я заметил, что на полу разлита какая-то темная жидкость. Я не сразу понял, что это такое. А потом я увидел, что посреди комнаты лежит на животе Робин Синглтон. Его одежда была сплошь покрыта темными пятнами. Было ясно: с ним что-то не так, но глаза мои отказывались верить увиденному. А потом я осознал, что у него нет головы. Оглядевшись по сторонам, я увидел ее, эту голову, – она лежала под маслбойкой и

пристально смотрела на меня. Лишь тогда я догадался, что лужа у меня под ногами – это кровь.

Гудхэпс закрыл глаза, отдаваясь тягостному воспоминанию.

– Господи Боже, сказать, что я пришел в ужас, означает не сказать ничего.

Он открыл глаза, одним глотком опорожнил свою кружку и вновь потянулся к кувшину, однако я отодвинул его в сторону.

– Думаю, на сегодня вам достаточно, доктор Гудхэпс, – мягко предостерег я. – Прошу вас, продолжайте.

На глаза старика навернулись слезы.

– Я сразу подумал, что Синглтона убили монахи. Они казнили его, а теперь настала моя очередь. Я смотрел на них, выглядывая в их толпе своего палача, человека с топором. Все они казались мне такими суровыми и жестокими. Этот безумный картезианец тоже был здесь. Он злобно ухмыльнулся и закричал: «Мне отмщение, сказал отец наш Небесный».

– Он выкрикнул именно это?

– Да. Аббат приказал ему замолчать и подошел ко мне. «Господин Гудхэпс, вы должны решить, как нам теперь поступить», – произнес он дрожащим голосом. И тут я понял, что все они испуганы не менее моего.

– Можно мне кое-что сказать? – вмешался Марк.

Я кивнул в знак согласия.

– Этот картезианец никак не мог отрубить голову кому бы то ни было. Тут требуется немалая сила. К тому же для нанесения такого удара необходимо сохранять равновесие, а он здорово хромает.

– Да, ты прав, – кивнул я и вновь повернулся к старому доктору. – И что же вы ответили аббату?

– Он говорил что-то о необходимости поставить в известность городские власти. Но я твердо знал: прежде всего, необходимо сообщить о случившемся лорду Кромвелю. Подобное убийство неизбежно сопряжено с политикой. Да, еще аббат рассказал мне, что старый Багги, привратник, обходя монастырь ночью, видел Синглтона. И якобы тот сообщил ему, что намерен встретиться с одним из монахов.

– А в котором часу это произошло? Или старик этого не помнит?

– Разумеется, не помнит. Он вообще имеет слабое представление о времени. Сказал лишь, что Синглтон явно был недоволен, столкнувшись с ним, и разговаривал, по своему обыкновению, грубо и резко.

– Понятно. Что произошло потом?

– Я приказал монахам хранить молчание. Сказал, что отныне ни одно письмо не должно быть отправлено без моего разрешения. А сам незамедлительно написал лорду Кромвелю и отправил письмо с деревенским посыльным.

– Вы поступили совершенно правильно, господин Гудхэпс. Рассудительность не отказала вам даже в самую трудную минуту.

– Спасибо за добрые слова. – Доктор Гудхэпс промокнул глаза рукавом. – Так или иначе, я едва не заболел от страха. Отдав распоряжения, я заперся в своей комнате и с тех пор не выходил отсюда. Поверьте, господин Шардлейк, мне очень жаль, что в этой ситуации я не проявил должного мужества. Мне следовало провести расследование, не дожидаясь вашего приезда. Но, увы, я лишь ученый.

– Ничего, теперь мы здесь, и мы добьемся правды. Скажите, а кто обнаружил тело?

– Брат Гай, который ходит за больными в лазарете. Такой высокий, темноволосый. Он сказал, что ему понадобилось зайти в кухню за молоком для одного из больных. У него есть ключ. Он отпер наружную дверь, по небольшому коридору дошел до кухни. Войдя туда, он сразу наступил в лужу крови и поднял тревогу.

– Значит, дверь в кухню обычно запирается на ночь?

– Да, – кивнул Гудхэпс. – Иначе монахи и служки мигом растащили бы все съестные припасы. Вы сами знаете, набивать брюхо – любимое занятие большинства святых братьев. Неслучайно многие из них так разжирели.

– Значит, у убийцы был ключ. Это указывает на то, что он был из числа монахов. Впрочем, об этом говорят и сведения о некой предполагаемой встрече, сообщенные привратником. Но в вашем письме говорится о том, что здешняя церковь подверглась осквернению. Если я не ошибаюсь, были похищены святые мощи?

– Да, – подтвердил Гудхэпс. – Мы все стояли в кухне, когда прибежал один из монахов и сказал, – тут доктор судорожно вздохнул, – что на алтаре принесен в жертву черный петух. А потом

выяснилось, что пропали мощи Раскаявшегося Вора. Монахи уверены, что в монастырь проник кто-то посторонний, осквернил церковь и похитил мощи. Эмиссар, совершая позднюю прогулку, увидел грабителя, и тогда тот убил его.

– Но каким образом посторонний мог проникнуть в запертую кухню?

– Возможно, он подкупил кого-то из служек, – пожал плечами, предположил Гудхэпс. – Тот на время дал ему ключи, и злоумышленник сделал копию. Именно так думает аббат. Ведь монастырский повар – это всего лишь служка. И у него, разумеется, есть ключ от кухни.

– А что вы можете сказать о пропавших мощах? Они действительно имеют ценность?

– Ох, о них я вспомнить не могу без содрогания. Только представьте себе истлевшую руку, прибитую гвоздями к куску дерева! Хранились мощи в большом золотом ларце, отделанном драгоценными камнями. Я так полагаю, то были самые настоящие изумруды. Считалось, что эти мощи способны исцелять недуги, в особенности, сломанные и искривленные кости. Но, сами понимаете, это всего лишь сказка, выдуманная монахами для того, чтобы морочить неразумных. – На мгновение в голосе его послышалась страсть убежденного реформатора. – Несомненно, пропажа мощей расстроила монахов куда сильнее, чем смерть Синглтона, – добавил он.

– Вы кого-нибудь подозреваете? – задал я главный вопрос. – Как вы думаете, кто мог совершить убийство?

– Откровенно говоря, я теряюсь в догадках. Монахи обвиняют во всем поклонников дьявола. Утверждают, что и похищение мощей, и убийство – их рук дело. Но и сами монахи ненавидят нас, реформаторов. В этом монастыре ненавистью пропитан даже воздух. Сэр, теперь, когда вы здесь, могу я отправиться домой?

– Пока что вы мне необходимы, доктор Гудхэпс. Но возможно, вскоре вы сможете уехать.

– По крайней мере, теперь, когда вы и этот славный юноша рядом, я не буду чувствовать себя таким одиноким в стане врагов.

Раздался стук в дверь, и на пороге показался служка.

– Сэр, аббат Фабиан вернулся.

– Отлично. Марк, помоги мне подняться. У меня страшно затекли ноги.

Марк протянул мне руку, и я с усилием встал.

– Благодарю вас, доктор Гудхэпс. Позднее мы вернемся к нашему разговору. Кстати, что случилось с бухгалтерскими книгами, которые так тщательно изучал эмиссар?

– Их забрал казначей, – сообщил старый доктор и покачал седовласой головой. – И как только подобное преступление могло случиться? Я мечтал лишь о реформе Церкви. Но в результате мир стал более жестоким, и количество совершаемых в нем злодеяний лишь возросло. Восстания, предательства, убийства. Порой мне кажется, нам никогда не преодолеть вездесущего зла.

– Тот, кто творит зло, непременно будет наказан, – убежденно произнес я. – В это я верю неколебимо. Идем, Марк. Нам пора побеседовать с досточтимым аббатом.

ГЛАВА 6

Вслед за служкой мы спустились вниз по лестнице и, миновав темный коридор, оказались в просторной комнате, стены которой были увешаны фламандскими гобеленами – выцветшими от старости, но все равно чрезвычайно красивыми. Окна выходили на монастырское кладбище, где во множестве росли деревья; двое служек сгребали в кучи последние сухие листья.

– Отец аббат переодевается. Ему необходимо сменить костюм для верховой езды. Он просил вас немного подождать, – сообщил служка и с поклоном удалился.

Мы подошли к очагу и стали греть спины. В центре комнаты находился громадный письменный стол, заваленный бумагами и пергаментными свитками. Около стола стояло удобное мягкое кресло, напротив – несколько стульев. Я заметил на столе медный поднос, на котором красовалась аббатская печать, а рядом с ней – фляга с вином и серебряные стаканы. Всю стену за столом сплошь закрывали книжные полки.

– Надо же, как хорошо живут монастырские аббаты, – насмешливо заметил Марк, оглядевшись по сторонам.

– О да, обычно они занимают весьма уютные особнячки, – подхватил я. – Первоначально аббаты жили вместе с прочей братией, в более чем аскетичной обстановке. Но несколько веков назад аббатам было разрешено иметь свой дом и свои доходы, не облагаемые налогом. И теперь они купаются в довольстве и неге, а делами монастырей в основном занимаются приоры.

– А почему король не внесет изменения в закон? Не понимаю, по какой причине аббаты не платят налогов?

– В прошлом короли хотели обеспечить себе поддержку аббатов в Палате лордов, – пояснил я. – А сейчас... что ж, думаю, аббатам недолго осталось наслаждаться своими привилегиями.

– Насколько я понимаю, на самом деле монастырем управляет этот краснорожий шотландец?

– Похоже, он относится к числу любителей распускать руки, – произнес я, оглядая стол и рассматривая книжные полки. На одной из

них я заметил свод английских законов. – Ты видел, с каким удовольствием он лупил того несчастного мальчишку?

– Вид у парня был жалкий. По-моему, он нездоров.

– Несомненно. Любопытно было бы знать, почему послушника заставляют выполнять черную работу, которой обычно занимаются служки.

– А я считал, что тяжелая работа – обязанность всех монахов и они должны в поте лица зарабатывать хлеб свой.

– Да, таковы предписания святого Бенедикта. Но за последние сто лет во всех бенедиктинских монастырях вряд ли найдется хотя бы один монах, который выполнял бы эти предписания. Грязную работу святые братья предпочитают оставлять служкам. Служки не только готовят и ухаживают за лошадьми, но топят очаги, стелют монахам постели, а порой даже помогают им раздеваться и одеваться. Кто знает, каких еще услуг потребуют избалованные и изнеженные святые братья...

Я взял печать с подноса и принялся рассматривать ее в свете пламени. Она была сделана из стали. Я показал Марку изображение святого Доната в римской тоге, выгравированное на печати. Перед святым лежал на плетеных носилках какой-то человек, протянувший в мольбе руки. Гравировка была выполнена на редкость искусно, можно было рассмотреть каждую складочку широких одеяний.

– Святой Донат возвращает умершего к жизни, – пояснил я. – Незадолго перед нашим отъездом я дал себе труд заглянуть в «Жития святых».

– Он умел воскрешать мертвых? Так же, как Христос, воскресивший Лазаря?

– Согласно преданию, однажды святой Донат увидел, как усопшего несут к могиле. За носилками, заливаясь слезами, шла вдова. Какой-то человек подошел к ней и потребовал вернуть деньги, которые ему задолжал усопший. Тогда святой Донат приказал умершему подняться и привести в порядок свои земные дела. Тот сел на носилках и заявил, что выплатил все долги. После этого он опочил вновь. Деньги, деньги, деньги – вот что извечно занимало людей больше всего.

Тут раздались торопливые шаги, дверь распахнулась, и в комнату вошел высокий широкоплечий человек лет пятидесяти. Из-под его черной бенедиктинской сутаны виднелись бархатные штаны и

башмаки с серебряными пуговицами. Лицо его, с горбатым римским носом и несколько грубыми чертами, цвело здоровым румянцем. Густые каштановые волосы, обрамлявшие тонзуру, были аккуратно подстрижены. Губы его расплылись в улыбке, когда он приблизился к нам.

– Я – аббат Фабиан, – произнес он. Манеры аббата были исполнены воистину патрицианского достоинства. Однако в его глубоком и звучном голосе мне послышались тщательно скрываемые нотки тревоги. – Добро пожаловать в монастырь Святого Доната. *Rax vobiscum.*

– Господин Мэтью Шардлейк, эмиссар главного правителя, – представился я.

Я намеренно не дал должного ответа – «И с вами» – на латинское приветствие аббата «Мир с вами», ибо отнюдь не желал быть втянутым в бормотание на латыни.

Аббат неспешно кивнул и окинул взглядом мою согбенную фигуру. Его глубоко посаженные голубые глаза расширились от удивления, когда он заметил, что я держу в руках монастырскую печать.

– Сэр, прошу вас, будьте осторожны, – процедил он. – Этой печатью мы скрепляем все официальные документы. Она никогда не покидает стен этой комнаты. Согласно правилам, только я имею право держать ее в руках.

– В качестве посланника короля я имею право держать в руках все, что мне потребуется, господин аббат, – отрезал я.

– Да, сэр, разумеется. – Глаза аббата неотрывно следили за печатью, которую я опустил на поднос. – Полагаю, сэр, после долгого пути вы изрядно проголодались. Если не возражаете, я прикажу подать ужин.

– Благодарю вас, но лучше сделать это несколько позднее.

– Мне очень жаль, что пришлось заставить вас ждать. Но у меня были срочные дела с управляющим дальним имением. Мы еще не покончили с расчетами за урожай. Позвольте предложить вам вина?

– Разве что совсем немного.

Он налил мне вина, потом повернулся к Марку.

– Могу я узнать, кто вас сопровождает?

– Это Марк Поэр, мой помощник.

Аббат недовольно вскинул бровь.

– Господин Шардлейк, нам предстоит обсудить весьма серьезную проблему. Я полагаю, будет лучше, если наш разговор состоится с глазу на глаз. Юноша может отправиться в покои, которые уже приготовлены для вас.

– Полагаю, господин аббат, ему лучше остаться. Да будет вам известно, господин Поэр сопровождает меня по требованию главного правителя. Он будет присутствовать при нашем разговоре до тех пор, пока я сам не прикажу ему удалиться. Вы хотите взглянуть на бумаги, удостоверяющие мои полномочия?

При этих словах Марк бросил на аббата насмешливый взгляд.

Щеки аббата залились краской.

– Как вам будет угодно, – промолвил он, склонив голову.

Я достал документы и протянул ему. Руки аббата слегка дрожали, когда он взломал печать.

– Я уже переговорил с доктором Гудхэпсом, – сообщил я.

Лицо аббата приняло непроницаемое выражение, а крючковатый нос его слегка сморщился, словно ощутив враждебный запах Кромвеля, исходивший от документов.

Я посмотрел в окно. Работники, закончив сгребать листья, подожгли их, и в серое вечернее небо устремилась тонкая струйка дыма. Ранние сумерки уже начали сгущаться.

Аббат пробежал бумаги глазами, потом положил их на стол и вновь посмотрел на меня, сцепив руки на животе.

– Это убийство – без сомнения, самое ужасное событие, случившееся в нашем монастыре за всю его историю, – изрек он. – Полагаю, вам известно, что оно сопровождалось осквернением церкви. Все это... повергло меня в отчаяние.

Я кивнул:

– Лорд Кромвель тоже был весьма обеспокоен, узнав о происшедшем. Он не желает, чтобы по стране поползли слухи об этом прискорбном событии. Надеюсь, все обитатели вашего монастыря хранили молчание?

– Разумеется, сэр. И монахам и служкам было сказано: если хоть одно слово проникнет за стены обители, им всем придется держать ответ перед главным правителем.

– Рад слышать, что вы столь неукоснительно выполняете полученные распоряжения. Пожалуйста, проследите за тем, чтобы все

письма, прибывающие в монастырь, прежде всего, доставлялись мне. И, разумеется, ни одно письмо не должно быть послано без моего одобрения. А теперь поговорим о визите эмиссара Синглтона. Насколько я понимаю, он был здесь отнюдь не желанным гостем?

Аббат тяжело вздохнул.

– Что я могу сказать? Две недели назад я получил письмо из канцелярии лорда Кромвеля. Там говорилось, что в наш монастырь вскоре прибудет эмиссар, который обсудит с нами некоторые весьма важные вопросы. Едва прибыв, эмиссар Синглтон сделал заявление, поразившее меня, как гром среди ясного неба. Он сообщил, что цель его визита – заставить нас дать добровольное согласие на упразднение монастыря. – Аббат не сводил с меня глаз, в которых теперь светились не только тревога, но и откровенный вызов. – Да, эмиссар настаивал на том, что согласие на роспуск должно быть именно добровольным, – повторил аббат. – Ему во что бы то ни стало, нужно было добиться этого, и он пускал в ход разные способы – от денежных посулов до каких-то туманных угроз. Впрочем, должен сказать, что все его намеки на беззакония, якобы творившиеся в нашем монастыре, не имели под собой ни малейших оснований. Документ о добровольном упразднении, который он предлагал мне подписать, являл собой пример самой беззастенчивой клеветы. Там содержались признания в том, что вся наша жизнь проникнута ложью и притворством, что мы предаемся разврату и по-прежнему справляем церковные службы, следуя бессмысленному римскому обычаю. – В голосе аббата зазвучала откровенная обида. – В то время как все службы в нашем монастыре совершаются в полном соответствии с распоряжениями главного правителя, и каждый из братьев принес клятву, в которой отказался признавать власть Папы.

– Разумеется, – кивнул я. – В противном случае ваш монастырь ожидали бы весьма неприятные последствия.

Я заметил, что на сутане аббат носит знак пилигрима, означающий, что он совершил паломничество к гробнице Пресвятой Девы в Уолсингеме. Впрочем, не в столь давнем прошлом подобное паломничество совершил и сам король.

Аббат глубоко вздохнул и продолжил:

– Признаюсь, между мною и эмиссаром Синглтоном не раз вспыхивали жаркие споры. Я пытался убедить его в том, что

существующие ныне законы не позволяют главному правителю приказать мне и моим монахам покинуть свою обитель. И в этом доктор Гудхэпс, знаток канонического права, вынужден был согласиться со мной.

– На это мне нечего было возразить.

– Возможно, нам следует перейти к обстоятельствам убийства, – сказал я. – Именно это событие занимает меня сейчас более всего.

Аббат угрюмо кивнул.

– Четыре дня назад, после обеда, между мною и эмиссаром Синглтоном вновь произошла длительная и, осмелюсь сказать, совершенно бесплодная беседа. Потом мы расстались, и я более не видел его в тот день. Он занимал комнаты, расположенные здесь же, в этом доме, но они с доктором Гудхэпсом всегда ужинали отдельно. Окончив дневные дела, я, как обычно, лег спать. В пять часов утра в комнату мою ворвался брат Гай, служитель лазарета. Он сообщил мне, что только что был в кухне и обнаружил там тело эмиссара Синглтона, плавающее в луже крови. Сказал, что у несчастного отрублена голова. – Лицо аббата искажилось от отвращения, и он затряс головой, словно отгоняя ужасающую картину. – Не дай вам Бог, сэр, когда-нибудь увидеть каменный пол, сплошь залитый кровью. А потом, когда монахи пошли к заутрене, выяснилось, что церковь подверглась осквернению.

Аббат смолк, и глубокая складка залегла меж его бровей. Я видел, что ему и в самом деле тяжело вспоминать о случившемся.

– Каким же образом была осквернена церковь?

– Алтарь заливала кровь. То была кровь черного петуха. Он валялся перед алтарем, обезглавленный. Боюсь, господин Шардлейк, мы столкнулись с происками колдунов.

– Насколько мне известно, из церкви также пропали святые мощи?

Аббат закусил губу.

– Да, была похищена величайшая святыня Скарнси. Рука Раскаившегося Вора, который был распят вместе с Христом. Нетленная длань, прибитая к кресту гвоздями. Брат Габриель обнаружил, что святыня исчезла тем же утром, но несколько позднее.

– Это ведь весьма ценная вещь, не так ли? Если я не ошибаюсь, мощи находились в золотом ларце, украшенном изумрудами.

– Да. Но поверьте, утрата драгоценного ларца огорчила всех нас куда меньше, чем утрата его содержимого. При одной мысли о том, что святые мощи, обладающие столь великой силой, попали в грязные руки колдуна или ведьмы...

– Полагаю, посланник короля был умерщвлен без помощи колдовства, – перебил я.

– У некоторых братьев существуют серьезные сомнения на этот счет. В кухне нет никаких орудий, посредством которых можно отсечь человеку голову.

Я подался вперед, опершись руками на колени. Сделал я это главным образом для того, чтобы облегчить ноющую боль в спине. Однако в подобной позе чувствовалось нечто угрожающее, и я прекрасно это сознавал.

– Ваши отношения с эmissаром Синглтоном никак нельзя было назвать теплыми, – процедил я. – Насколько я понял из ваших слов, он всегда ужинал в своей комнате?

Аббат развел руками.

– Поверьте, господин Синглтон был окружен в нашем монастыре почетом и уважением, приличествующим его высокой миссии королевского посланника. Он не пожелал разделить со мной стол, и я не смел настаивать на противном. Но прошу вас, – аббат слегка возвысил голос, – позвольте мне повторить: я рассматриваю его смерть как ужасное несчастье. Будь моя воля, я давно бы предал его останки христианскому погребению. То, что тело до сих пор не предано земле, беспокоит монахов. Многие опасаются, что в обители будет являться призрак убитого. Однако доктор Гудхэпс настоял на том, что тело следует оставить непогребенным до вашего приезда. Он полагал, что вы пожелаете осмотреть его.

– Весьма разумное предположение. В самое ближайшее время я непременно осмотрю тело.

Взгляд аббата, устремленный на меня, стал еще внимательнее.

– Вы хотите расследовать это злодеяние в одиночку, не привлекая городские власти?

– Да. К тому же я намерен разгадать эту тайну как можно быстрее. Но, разумеется, я рассчитываю на вашу помощь и сотрудничество, отец аббат.

Аббат вновь развел руками.

– Я готов сделать все, что в моих силах. Но, откровенно говоря, я не представляю, с какой стороны братья за это дело. Задача кажется мне непосильной – по крайней мере, для одного человека. В особенности если убийца прибыл из города, в чем я не сомневаюсь.

– Но на чем зиждется ваша уверенность? Мне уже сообщили, что в ночь убийства привратник видел господина Синглтона. И эмиссар сообщил ему, что собирается встретиться с кем-то из монахов. Кроме того, откуда посторонний мог взять ключ от монастырской кухни?

Аббат нагнулся вперед, пожирая меня глазами.

– Сэр, это дом Господа Нашего, и дело его обитателей – служить Христу, – с пылом произнес он, благоговейно склонив голову при упоминании имени Спасителя. – Наш монастырь стоит вот уже четыре столетия, и никогда в нем не совершалось злодеяния, подобного этому. Но мир за его стенами погряз в грехе и разврате. Несомненно, какой-нибудь безумец или, скорее, мерзостный колдун мог проникнуть в пределы святой обители, намереваясь осквернить ее. Именно об этом говорит совершенное в алтаре святотатство. Полагаю, эмиссар Синглтон столкнулся со злоумышленником или, возможно, с несколькими злоумышленниками, направляясь к месту встречи с кем-то из монахов. Что до ключа от кухни, он был у самого эмиссара. Не далее как в день накануне своей смерти он потребовал ключ у приора Мортимуса.

– Понятно. А у вас есть какие-нибудь соображения по поводу того, с кем эмиссар Синглтон намеревался встретиться?

– Увы, нет. Об этом знал лишь убитый... И конечно, тот, второй. Сэр, я не берусь судить о нравах местных жителей, но в том, что в городе полно мошенников, можно не сомневаться. Добрая половина горожан промышляет контрабандой – провозит шерсть во Францию.

– Завтра, когда я встречу с мировым судьей, господином Копингером, я непременно поставлю его в известность.

– Вы собираетесь привлечь к расследованию... мирового судью?

Аббат слегка прищурил глаза. Это известие явно не доставило ему удовольствия.

– Лишь его одного, и никого больше. Скажите, а сколько лет вы уже служите здесь аббатом?

– Четырнадцать. И все четырнадцать протекли в мире и спокойствии. До того, как...

– Но два года назад у вас возникли затруднения, не так ли? – перебил я аббата. – Во время ревизии были выявлены кое-какие неблагоприятные обстоятельства.

Щеки аббата вновь залились краской.

– Да. Признаюсь, тогда в монастыре было обнаружено гнездо порока. Бывший приор не оправдал оказанного ему доверия. Втайне он предавался разврату. Что ж, искушения подстерегают человека даже в святых обителях.

– Значит, ваш бывший приор предавался разврату и беззаконию.

– Но как только правда вышла наружу, его незамедлительно удалили из монастыря. И, разумеется, лишили духовного сана. Приор – второй человек в обители после меня, именно на нем лежит ответственность за благоденствие и достойное поведение монахов. Наш бывший приор сумел ввести меня в заблуждение. Он хитро скрывал свои темные дела. Но теперь приор Мортимус навел в монастыре порядок. Этого не отрицал даже эмиссар Синглтон.

Я кивнул.

– Если я не ошибаюсь, в вашем монастыре работают шестьдесят служек?

– Да. Вы видели сами, у нас здесь большое хозяйство и множество зданий.

– А монахов сейчас всего тридцать?

– Сэр, я никогда не поверю, что кто-нибудь из моих служек, не говоря уже о монахах, всей душой преданных Христу, мог совершить столь отвратительное деяние, – отчеканил аббат.

– Увы, господин аббат, подозрение лежит на всех обитателях монастыря. Не будем забывать о том, что эмиссар Синглтон прибыл сюда с твердым намерением добиться добровольного упразднения монастыря. И, несмотря на то, что его величество великодушно предоставляет монахам денежное содержание, не сомневаюсь – многие из них не имели ни малейшего желания расставаться со столь процветающей обителью.

– Монахи не имели понятия о цели приезда эмиссара Синглтона. Они знали лишь, что он является посланником главного правителя. Приор Мортимус сообщил братии, что эмиссар прибыл, дабы разрешить проблему, связанную с правом собственности на одно из наших имений. Таково было требование самого господина Синглтона.

Об истинной цели его визита знали лишь мои приближенные, старшие монахи.

– Кто именно?

– Разумеется, приор Мортимус, а также брат Габриель, ризничий, брат Эдвиг, казначей, и брат Гай, лекарь. Все они провели в нашем монастыре много лет – за исключением брата Гая, который поступил нам в прошлом году. После убийства по монастырю поползли различные слухи о том, зачем к нам приезжал эмиссар. Но на все расспросы я по-прежнему отвечаю, что его интересовал лишь статус одного из наших земельных владений.

– Вы поступаете чрезвычайно разумно, отец аббат. Именно этой версии мы и будем придерживаться впредь. Хотя, не скрою, нам с вами предстоит вернуться к вопросу о добровольном упразднении монастыря.

Несколько секунд аббат хранил молчание, а потом заговорил, тщательно подбирая слова:

– Сэр, даже теперь, в этих ужасных обстоятельствах, я продолжаю настаивать на своих правах. В Указе, предписывающем роспуск малых монастырей, особо оговаривается, что крупные обители содержатся в полном порядке. Не существует никаких законных оснований для уничтожения нашего монастыря. Если бы мы отступили от последних предписаний, это могло бы послужить поводом для роспуска. Но мы в точности выполняем все правила. Не знаю, какие причины заставляют главного правителя столь настойчиво желать уничтожения нашей обители. Мне доводилось слышать о том, что от других монастырей также потребовали добровольного согласия на роспуск. Но я могу повторить вам лишь то, что много раз повторял господину Синглтону: я никогда не дам этого согласия и в случае упорного давления прибегну к защите, которую мне предоставляет закон.

Завершив свою речь, аббат откинулся на спинку стула. На щеках его горели багровые пятна, губы были упрямо поджаты, а в глазах светилась решимость.

– Я вижу, вы являетесь глубоким знатоком законов, – изрек я.

– Я изучал законы в Кембридже много лет назад. Сэр, вы правовед и, следовательно, прекрасно понимаете, что неукоснительное соблюдение законов – основа нашего общества.

– Вы совершенно правы, господин аббат. Но законы меняются. За указом, на который вы ссылались, могут последовать другие.

Аббат молча смотрел на меня, однако на его лице не дрогнул ни один мускул. Он не хуже моего знал о том, что в стране, охваченной волнениями и недовольством, вряд ли выйдут новые указы, предписывающие роспуск монастырей.

– А теперь, господин аббат, я буду очень признателен, если вы позволите мне осмотреть тело бедного Синглтона, – нарушил я напряженное молчание. – После этого его можно будет предать земле. Мне хотелось бы также, чтобы кто-нибудь из монахов показал мне монастырь. Но возможно, это лучше сделать завтра. Сейчас уже слишком темно.

– Разумеется, завтра вы сможете осмотреть все монастырские здания. Что касается тела, оно находится на попечении брата лекаря, в помещении, которое мы сочли наиболее подходящим и безопасным. Позвольте мне еще раз повторить: я готов приложить все усилия, чтобы содействовать вам в выполнении вашей задачи. Хотя, не скрою, раскрытие свершившегося злодеяния представляется мне невозможным.

– Я очень благодарен вам за помощь и понимание, господин аббат.

– Для вас и вашего спутника уже приготовлены гостевые комнаты. Они расположены здесь же, на втором этаже.

– Благодарю вас. Но я бы предпочел поселиться поближе к месту, где совершилось преступление. Скажите, в вашем лазарете тоже есть гостевые комнаты?

– Да, но я полагаю, посланнику короля более пристало остановиться в одном доме с аббатом...

– Мне будет удобнее расположиться в лазарете, – сказал я тоном, не терпящим возражений. – А еще мне необходим полный комплект ключей от всех монастырских помещений.

– Вы представляете себе, о каком количестве ключей идет речь? – с недоверчивой улыбкой осведомился аббат. – В нашем монастыре великое множество дверей.

– Я в этом не сомневаюсь. И все же мне необходим полный комплект ключей.

– Существует всего три таких комплекта. Один находится у меня. Два других – у приора и у привратника. Мы постоянно ими

пользуемся.

– Повторяю, господин аббат, мне необходим комплект ключей. Причем я надеюсь получить его в самом ближайшем будущем.

С этими словами я поднялся. Затекшую спину мою пронзила резкая боль, так что я едва удержался от стога. Я двинулся к дверям, Марк последовал за мной. Аббат Фабиан, явно пребывавший в замешательстве, тоже поднялся со своего кресла и принялся расправлять складки сутаны.

– Я распоряжусь, чтобы вас проводили к брату лекарю, – сказал он.

Мы вышли в коридор. Аббат, поклонившись, торопливо удалился. Я же дал своему лицу отдохнуть от самоуверенного и высокомерного выражения, в котором больше не было нужды.

– Как вы думаете, даст он нам ключи? – спросил Марк.

– Полагаю, даст. Он трепещет перед Кромвелем. Богом клянусь, этот человек хорошо понимает, что ему выгодно, а что нет. Как сказал Гудхэпс, он вышел из низов. И конечно, ему до смерти не хочется расставаться с таким тепленьким местечком, как этот монастырь.

– Судя по правильной речи, он получил хорошее образование.

– Правильную речь можно выработать. Многие люди затрачивают на это бездну усилий. По речи лорда Кромвеля никак не скажешь, что он родился в Путни. И уж если на то пошло, по твоему произношению трудно догадаться, что ты провел детство на ферме.

– А вы заметили, как ему не понравилось, когда вы отказались остановиться в его доме?

– Еще бы. Старина Гудхэпс тоже будет расстроен. Но, увы, придется им с этим смириться – я совершенно не хочу все время находиться на виду у аббата. К тому же нам с тобой следует быть в самом центре событий.

Через несколько минут появился приор Мортимус с огромной связкой ключей в руках. Ключей было никак не меньше тридцати, и некоторые, громадные, покрытые затейливой резьбой, несомненно, были сделаны столетия назад. Растянув губы в фальшивой улыбке, приор вручил мне связку.

– Умоляю вас, сэр, обращайтесь с ними бережно. В нашем монастыре есть лишь один запасной комплект ключей.

Я передал связку Марку.

– Изрядная тяжесть. Носить их придется тебе. Так значит, это запасной комплект?

Приор предпочел не расслышать моего вопроса.

– Аббат попросил меня отвести вас в лазарет, – сообщил он. – Брат Гай ожидает вас.

Вслед за ним мы вышли из особняка аббата, вновь прошли мимо монастырских строений, двери которых теперь были закрыты. Ночь выдалась безлунная и на редкость холодная. Усталость делала меня особенно уязвимым перед холодом, и дрожь пробирала меня до костей. Мы миновали церковь, откуда доносилось пение хора. То было стройное, благозвучное многоголосие, сопровождаемое музыкой органа. В Личфилде я не слышал ничего подобного.

– Кто исполняет у вас должность регента? – поинтересовался я.

– Брат Габриель, ризничий. У него большие способности к музыке. Брат Габриель наделен многочисленными талантами.

В голосе приора мне послышались насмешливые нотки.

– Мне кажется, время уже слишком позднее для вечерни?

– Да, сегодня мы немного припозднились. Но вчера был День всех усопших, и братья все это время провели в церкви.

Я осуждающе покачал головой.

– Насколько я замечаю, все монастыри следуют своему собственному распорядку, удобному для монахов, но весьма отличному от того, что заповедовал святой Бенедикт.

– Да, лорд Кромвель совершенно прав, настаивая на том, что монахов следует держать в строгости и не позволять им отступлений от устава, – согласно кивнул приор. – Я делаю все, что в моих силах, чтобы соблюдать предписанный распорядок и избегать серьезных отклонений.

Миновав помещения для монахов, мы вошли в ухоженный садик, уже виденный мною раньше. Садик примыкал к лазарету, который оказался гораздо больше, чем я предполагал. Приор повернул железное кольцо на тяжелой двери, и мы вошли в дом вслед за ним.

Мы оказались в длинной комнате, вдоль стен, которой тянулись два ряда кроватей, по большей части пустовавших. Это сразу навело меня на мысль о том, сколь значительно сократилось число монахов-бенедиктинцев в последнее время; несомненно, в пору перед Великой Чумой, когда строился этот лазарет, их было намного больше. Лишь на

трех кроватях лежали больные в ночных рубашках, все трое – старики. Один из них, толстый краснощекий монах, с аппетитом поглощал сушеные фрукты; он встретил нас любопытным взглядом. Второй даже не повернул головы в нашу сторону. Приглядевшись к нему получше, я понял, что он слеп: глаза его закрывали мутные бельма. Третьим был глубокий старик с изборожденным морщинами лицом. Он что-то беспрестанно бормотал, как видно, в бреду. Над ним возвышалась фигура в белом чепце и длинном синем одеянии. Я с удивлением увидел, что это женщина. Она осторожно вытирала пот со лба больного.

В дальнем конце комнаты, перед маленьким алтарем, стоял стол, и за ним примерно с полдюжины монахов с азартом играли в карты. Руки у всех были перевязаны бинтами, на которых виднелись свежие следы крови. Заметив нас, они принялись настороженно переглядываться. Женщина, ухаживавшая за больным стариком, повернулась, и я увидел, что она молода, лет двадцати с небольшим. Она была высока и прекрасно сложена, и хотя лицо ее, с высокими скулами и несколько резкими чертами, нельзя было назвать красивым, оно неодолимо притягивало взгляд. Не сводя с нас своих умных голубых глаз, она торопливо пересекла комнату и, лишь приблизившись, смиренно опустила взор.

– Это новый эмиссар короля. Он желает увидеть брата Гая, – властным тоном сообщил приор. – Он и его спутник останутся здесь, в лазарете, так что приготовьте для них комнаты.

Я ощутил, как между ним и девушкой пробежала искра неприязни. Однако она склонила голову и произнесла:

– Да, брат.

После этого она повернулась, прошла между кроватями и исчезла в маленькой двери за алтарем. Ее уверенные, исполненные достоинства манеры ничуть не походили на угодливую суетливость, свойственную большинству служанок.

– Женщина в мужской обители – это недопустимое нарушение правил, – сурово изрек я.

– Подобно многим монастырям, мы имеем разрешение пользоваться услугами женщин в лазарете, – пояснил приор. – Для ухода за больными необходимы нежные женские руки. Впрочем, я не думаю, что руки этой дерзкой девицы отличаются особой нежностью.

Несомненно, она чересчур задирает нос, а брат лекарь излишне к ней снисходителен.

– Брат Гай?

– Да, брат Гай из Молтона – что, как вы сами увидите, вовсе не означает, что он родился в Молтоне.

Тут вернулась девушка.

– Я провожу вас в кабинет брата Гая, господа, – сказала она.

В голосе ее, мягком и приглушенном, ощущался местный акцент.

– С вашего позволения, я вас оставлю. Приор поклонился и вышел.

Судя по восхищенному взгляду, которым девушка окинула Марка, она оценила его костюм. Собираясь в путь, юный щеголь вырядился во все самое лучшее: из-под его отороченного мехом плаща выглядывал голубой бархатный камзол, надетый на желтую шелковую рубашку, и всю эту роскошь удачно дополняли новехонькие башмаки. Налюбовавшись нарядом Марка, девушка перевела взгляд на его лицо; женщины частенько заглядывались на моего милovidного подопечного, но выражение лица этой девушки удивило меня: во взгляде ее, несомненно, мелькнула грусть. Марк, которому столь пристальное внимание явно польстило, расплылся в самодовольной улыбке, и щеки Девушки вспыхнули румянцем.

– Пожалуйста, проводите нас, – сказал я, решив положить конец их переглядываниям.

Вслед за девушкой мы оказались в узком темном коридоре, по обеим сторонам которого виднелись двери. Одна из них была открыта, и, заглянув в нее, я увидел еще одного старого монаха, сидевшего на постели.

– Это ты, Элис? – ворчливо спросил он, когда мы проходили мимо.

– Да, брат Пол, – мягко откликнулась девушка. – Через несколько минут я подойду к вам.

– Меня снова донимает озноб.

– Я принесу вам подогретого вина.

Это обещание заставило старика улыбнуться. Девушка остановилась перед одной из дверей.

– Вот здесь находится кабинет брата Гая, господа.

В темноте я нечаянно задел ногой за каменный сосуд, стоявший у дверей. К моему удивлению, он оказался теплым, и я наклонился, дабы получше рассмотреть, что это такое. Вдоль стены стояло несколько

кувшинов, наполненных густой темной жидкостью. Я принялся, потом быстро выпрямился и устремил на девушку недоумевающий взгляд.

– Что это?

– Кровь, сэр. Всего лишь кровь. Брат лекарь недавно сделал монахам зимнее кровопускание. Мы сохраняем кровь, она помогает лучше расти кустам и деревьям.

– Я никогда не слышал ни о чем подобном. И, насколько мне известно, монахам, даже исправляющим должность лекаря, запрещено каким бы то ни было образом проливать кровь. Даже если кому-то из братии понадобится кровопускание, для этой цели следует приглашать хирурга или цирюльника.

– Но, сэр, брат Гай – чрезвычайно умелый и опытный лекарь. Он говорит, в тех местах, откуда он родом, кровь всегда сохраняют для различных нужд. Он просил вас подождать несколько минут, пока он сделает кровопускание брату Тимоти.

– Хорошо. Благодарю. Вас зовут Элис, не так ли?

– Элис Фьютерер, с вашего позволения, сэр.

– Передайте брату Гаю, что мы подождем, Элис. Мы вовсе не хотим, чтобы из-за нас он оставил своего пациента и тот истек кровью.

Она поклонилась и удалилась, стуча деревянными подошвами башмаков по каменным плиткам пола.

– Эта молодая особа недурна собой, – со знанием дела заявил Марк.

– Да, весьма. Странно, что такая девушка находится здесь, в монастыре. Кстати, твой бархатный камзол произвел на нее сильное впечатление. Думаю, именно на это ты и рассчитывал, надевая его в дорогу.

– Терпеть не могу кровопусканий, – сказал Марк, явно желая сменить тему. – Как-то раз мне пустили кровь, так после этого я целую неделю был слаб, как котенок. Но говорят, это очень полезно для здоровья. Благодаря кровопусканию все жизненные соки человека приходят в равновесие.

– По-моему, все это досужие выдумки лекарей. Если Бог наделил меня склонностью к черной меланхолии, вряд ли кровопускание способно разогнать ее. Давай-ка лучше посмотрим, что у нас здесь за ключи.

Марк отцепил от пояса кольцо с ключами, и я принялся разглядывать их в тусклом свете настенного светильника, пока не разобрал надпись «Лаз», нацарапанную на одном из них. Не мешкая, я вставил ключ в замочную скважину, повернул, и дверь тотчас распахнулась.

– Но, сэръ, может быть, нам все же лучше подождать лекаря? – предложил смущенный Марк.

– У нас нет времени на то, чтобы соблюдать правила хорошего тона, – отрезал я и снял со стены светильник. – Нельзя упускать возможность узнать что-нибудь о человеке, который обнаружил тело.

Я решительно переступил через порог и оказался в маленькой, очень чистой комнатке с белеными стенами. В воздухе витал крепкий запах лекарств, около стены стояла кушетка для осмотра больных, покрытая чистой белой тканью. С крюков, вбитых в потолок, свисали связки лечебных трав и хирургические инструменты. На одной из стен я заметил астрологическую карту, на другой – массивное распятие в испанском стиле: темный деревянный крест, алебастровое тело Христа и ярко-красная кровь, стекающая из пяти ран. У окна на большом письменном столе аккуратными стопками лежали бумаги, прижатые разноцветными камнями. Пробежав глазами записи, я убедился, что все это – истории болезней и предписания, составленные по-английски и по-латыни.

Потом я внимательно осмотрел снабженные латинскими ярлыками склянки и бутылки, во множестве стоявшие на полках. Сняв крышку с одной из больших банок, я обнаружил там пиявок. Мерзостные создания, потревоженные непривычно ярким светом, принялись судорожно извиваться. В остальных сосудах были снадобья, необходимые каждому лекарю: сушеные ноготки, помогающие от лихорадки, уксус от глубоких порезов, толченые мышинные кости, облегчающие боль в ухе.

На самой верхней полке стояло три книги. Две из них, сочинения Галена и Парацельса, были отпечатаны на французском. Третья, в богатом кожаном переплете, оказалась рукописной. Остроконечные буквы были украшены многочисленными завитушками, и, сколько я ни вглядывался, мне не удалось определить язык неизвестного автора.

– Подойди-ка сюда, Марк.

Марк взглянул на книгу через мое плечо.

– Какой-то средневековый шифр?

– Сам не знаю. Я все время прислушивался, не зашумят ли в коридоре шаги, однако все было тихо. Вежливый кашель, внезапно раздавшийся за моей спиной, заставил меня вздрогнуть.

– Прошу вас, сэр, будьте осторожны с этой книгой, – произнес звучный голос с сильным, но незнакомым мне акцентом. – Для меня она обладает особой ценностью. Это древняя арабская книга, и, уверяю вас, она не входит в изданный королем список запрещенных.

Мы с Марком одновременно обернулись. Перед нами стоял высокий монах лет пятидесяти, с худым, аскетичным лицом. Глубоко посаженные глаза смотрели на нас холодно и невозмутимо. К немалому моему удивлению, лицо его было темно-коричневым, словно мореный дуб. В Лондоне я порой встречал темнокожих людей, главным образом в порту, но говорить с подобным диковинным созданием мне не доводилось ни разу.

– Я был бы вам очень признателен, если бы вы отдали мне книгу, – произнес он мягким и вкрадчивым, но в то же время уверенным голосом. – В свое время ее подарил моему отцу последний эмир Гранады.

Я вручил удивительному монаху драгоценный том, и тот поклонился в знак благодарности.

– Насколько я понимаю, вы господин Шардлейк и господин Поэр? – осведомился он.

– Именно так. А вы брат Гай из Молтона?

– К вашим услугам. У вас есть ключ от моего кабинета? Обычно в мое отсутствие сюда заходит лишь Элис, моя помощница. В комнату, где находятся целебные травы и снадобья, нельзя допускать посторонних. Вы сами понимаете, вещество, которое в малых дозах является лекарством, в больших превращается в яд.

Он многозначительно обвел глазами полки. Я почувствовал, что краснею, как школьник.

– Мы были очень осторожны, брат, – заверил я. – И не тронули ни одной из ваших склянок.

– Очень вам признателен, – с поклоном изрек лекарь. – Какую помощь я могу оказать посланнику его величества?

– Вы хотим остановиться в лазарете. У вас есть комнаты для гостей?

– Конечно. Элис как раз готовит комнату. Но весь коридор здесь забит больными монахами. Они часто требуют внимания ночью, и это может вас беспокоить. Большинство гостей предпочитают дом аббата.

– Лучше мы останемся здесь.

– Разумеется. Но возможно, я могу оказать вам еще какое-нибудь содействие?

Тон монаха-лекаря был исполнен глубокого почтения, но почему-то, разговаривая с ним, я чувствовал себя невежественным пациентом, который не в состоянии перечислить признаки мучающего его недуга. Несмотря на свою странную наружность, этот человек внушал мне нечто вроде благоговейного трепета.

– Мне сообщили, что вы заботитесь о сохранении тела убитого эмиссара?

– Да, это так. Оно находится на мирском кладбище, в одном из склепов.

– Нам бы хотелось осмотреть его.

– Это можно сделать в любое время. Но вероятно, сначала вы пожелаете умыться и отдохнуть после долгого пути. Я так полагаю, ужинать вы будете у аббата?

– Нет, я думаю, нам будет удобнее принимать пищу вместе со всеми монахами, в трапезной. Но вы правы, прежде всего, нам необходимо отдохнуть хотя бы час. Скажите, брат, – добавил я, вспомнив диковинную книгу, – по рождению вы мавр?

– Я родился в Малаге, – с неспешным достоинством сообщил монах. – Теперь она принадлежит Кастилии, но в год моего рождения еще являлась частью Гранадского эмирата. Когда Гранада в тысяча четыреста девяносто втором году вошла в состав Испании, мои родители приняли христианство, но жизнь их от этого не стала легче. Вскоре мы переехали во Францию и обосновались в Лувене, городе, где проживали представители различных народов. Разумеется, родным языком моих родителей был арабский.

Пока брат Гай говорил, на губах его играла легкая улыбка, но угольно-черные глаза смотрели пронзительно и жестко.

– Значит, вы изучали медицину в Лувене?

– Да, именно там.

Я был поражен, так как знал, что тамошний университет относится к числу наиболее престижных в Европе.

– Человек, получивший столь блестящее образование, мог бы служить при дворе короля или знатного вельможи, а не в отдаленном монастыре, – заметил я.

– Вы правы. Однако, будучи испанским мавром, я постоянно сталкивался с различными затруднениями. В течение нескольких лет я перескакивал с места на место, подобно теннисному мячу, который так ловко гоняет ваш король Генрих. – На губах его вновь мелькнула улыбка. – Я кочевал и по Франции и по Англии. Дольше всего, на целых пять лет, я задержался в городке Молтон, что находится в Йоркшире. Поэтому, прибыв сюда два года назад, я назвался Гаем из Молтона. И если слухи, которые ходят по монастырю, соответствуют истине, вскоре мне вновь предстоит отправиться в путь.

Я вспомнил, что брат Гай относится к числу немногих избранных, которым была известна истинная цель приезда Синглтона. Должно быть, мысль эта отразилась в моих глазах, потому что монах утвердительно кивнул.

– Не буду больше утомлять вас своим рассказом, – сказал он. – Идемте, я провожу вас в комнату для гостей, а через час зайду и отведу вас в склеп, где хранится тело эмиссара Синглтона. Прах несчастного ждет христианского погребения, – произнес он с глубоким вздохом и осенил себя крестом. – Душе убиенного, который перед кончиной не имел возможности исповедоваться и причаститься Святых Тайн, трудно обрести покой. Будем же молить Господа, чтобы подобная участь нас миновала.

ГЛАВА 7

Комната, которую нам предоставили в лазарете, оказалась небольшой, но удобной и уютной. Стены ее были обшиты деревянными панелями, пол покрывали свежие тростниковые циновки. В очаге, перед которым стояли кресла, весело горел огонь. Когда брат Гай привел нас в комнату, мы застали там Элис – она как раз выкладывала чистые полотенца рядом с кувшином теплой воды. В жарко натопленной комнате лицо и обнаженные руки девушки порозовели.

– Я подумала, господа, что вам захочется умыться с дороги, – произнесла она, почтительно потупившись.

– Это именно то, в чем мы сейчас нуждаемся более всего, – откликнулся я, улыбаясь и пытаясь поймать ускользающий взгляд девушки.

– Я, прежде всего, нуждаюсь в чем-нибудь, что помогло бы мне согреться, – с ухмылкой сообщил Марк.

Элис еще ниже опустила голову, а брат Гай бросил на Марка строгий взгляд.

– Спасибо, Элис, – кивнул монах. – Ты можешь идти.

Девушка поклонилась и выскользнула за дверь.

– Надеюсь, здесь есть все, что вам понадобится, – сказал брат Гай, обводя комнату глазами. – Я сообщу аббату, что вы будете ужинать в трапезной.

– Прекрасная комната, – заверил я. – Мы очень признательны вам за ваши заботы, брат.

– Если вам что-нибудь потребуется, обратитесь к Элис, – произнес монах и вновь сурово посмотрел на Марка. – Но прошу вас, не забывайте о том, что у нее много хлопот по уходу за больными и престарелыми монахами. Она – единственная женщина в монастыре, за исключением нескольких старух, что помогают на кухне. И она находится под моим покровительством и защитой.

Марк вспыхнул, а я поклонился монаху-лекарю и почтительно сказал:

– Мы примем это к сведению, брат.

– Благодарю вас, господин Шардлейк. А теперь, если не возражаете, я вас оставляю.

– Заплесневелый извращенец, – проворчал Марк, когда дверь за монахом закрылась. – Надо же, на его драгоценную Элис даже взглянуть нельзя! А ей, между прочим, это было очень даже приятно.

– Он несет за девушку ответственность, – отрезал я. – И не желает, чтобы всякие легкомысленные юнцы приводили ее в смущение.

Марк, не слушая меня, сокрушенно рассматривал единственную кровать. То было старинное двухъярусное сооружение, где под широкой постелью хозяина находится выдвигаемое на колесиках деревянное ложе для слуги. Марк незамедлительно выдвинул его, угрюмо ощупал тонкий соломенный тюфячок, а потом сбросил плащ и уселся, вытянув ноги.

Я тем временем склонился над тазом и принялся с наслаждением плескать в лицо теплой водой. Откровенно говоря, я чувствовал себя до крайности усталым; перед глазами у меня кружились новые лица, которые мне довелось увидеть за последние несколько часов.

– Слава Богу, мы, наконец, одни, – простонал я, опускаясь в кресло. – Клянусь ранами Спасителя нашего, я смертельно устал.

Марк обеспокоенно взглянул на меня.

– У вас опять разболелась спина, сэр?

– Надеюсь, завтра мне станет лучше.

– Вы уверены? – не успокаивался Марк. – Здесь есть салфетки, мы можем сделать вам припарки... Я отлично с этим справлюсь...

– Не надо никаких припарок! – рявкнул я. – Сказано тебе, завтра мне станет лучше.

Я терпеть не могу, когда кто-нибудь смотрит на мою безобразную спину. Только перед своим доктором я предстаю обнаженным, да и то лишь в тех случаях, когда боль начинает чересчур мне досаждать. При одной мысли, что Марк увидит мой горб, по коже у меня пробежали мурашки. Уж верно, зрелище этот пробудит в нем не только жалость, но и отвращение, ибо отвращение ко всякого рода уродствам присуще человеческой природе. Чтобы прекратить разговор о собственном нездоровье, я решительно встал, подошел к окну и уставился в темноту. Через несколько секунд я обернулся. Марк по-прежнему глядел на меня с выражением тревоги и незаслуженной обиды. Я извиняющимся жестом вскинул руку.

– Прости, Марк. Я напрасно на тебя накричал.

– Я не хотел вас обидеть.

– Я это знаю. Просто я жутко устал, и, откровенно говоря, на душе у меня скребут кошки.

– Но почему?

– Лорд Кромвель рассчитывает, что я в самом скором времени представлю ему результаты расследования. А я отнюдь не уверен, что сумею быстро распутать это дело. Отправляясь сюда, я надеялся... сам не знаю на что. Представлял, что среди монахов отыщется одержимый фанатик, которого к нашему приезду уже заключат под стражу. Или, по крайней мере, мы сразу обнаружим неопровержимые улики, позволяющие выявить злоумышленника. Но ты сам видишь, все не так просто. Полагаться на помощь Гудхэпса не приходится – бедняга так напуган, что шарахается от собственной тени. Что касается аббата и старших монахов, то все они очень и очень себе на уме. Все, что мы имеем, – это безумный картезианец, который во всеуслышание рассуждает о постигшей убитого божьей каре. Да еще разговоры о неких городских колдунах и магах, якобы ночью вломившихся в монастырь, похитивших мощи для своих темных целей и заодно прикончивших Синглтона. Господи Иисусе, я не представляю, с какого конца братья за этот клубок! А аббат – крепкий орешек и большой дока по части законов. Я прекрасно понимаю, почему Синглтон не сумел взять его на испуг.

– Так или иначе, сэр, вы сделаете все, что в ваших силах.

– Увы, лорду Кромвелю важен результат, а не затраченные мною усилия, – вздохнул я и, растянувшись на кровати, уставился в потолок.

Обычно, принимаясь за новое дело, я испытываю приятное воодушевление, но сейчас мною овладела полная растерянность. Мне никак не удавалось найти нить, которая проведет меня сквозь запутанный лабиринт.

– Этот монастырь – довольно мрачное местечко, – заметил Марк. – Все эти длинные темные коридоры, в которых полно глубоких ниш и арок. Есть где притаиться убийце.

– Да, я еще по школьным годам помню, какими бесконечными и страшными казались мне монастырские коридоры. Бывало, бежишь с поручением и не знаешь, в какую дверь толкнуться. – Я покачал головой, отгоняя тягостные воспоминания, и произнес нарочито

бодрым тоном: – Но сейчас я вовсе не школьник на побегушках. Я – посланник короля, и мои полномочия открывают мне доступ ко всем монастырским секретам. Это – самый обычный монастырь, и завтра, когда мы здесь осмотримся, он уже не будет казаться нам пугающим и загадочным.

Ровное дыхание Марка подсказало мне, что мой юный товарищ спит. Я снисходительно улыбнулся, смежил усталые веки и, как мне показалось, уже в следующее мгновение услышал громкий стук в дверь и голос проснувшегося Марка. Я встал с постели, к собственному удивлению обнаружив, что короткий сон освежил меня и придал мне сил. Распахнув дверь, я увидел на пороге брата Гая со свечой в руке. Колеблющееся пламя отбрасывало причудливые тени на его встревоженное лицо с серьезными глазами.

– Вы готовы осматривать тело, сэр?

– Я всегда готов к выполнению своих обязанностей, – ответил я и потянулся за плащом.

В холле лазарета Элис вручила брату Гаю масляную лампу. Он набросил поверх рясы теплую накидку и повел нас по мрачному длинному коридору с высокими сводчатыми потолками.

– Это самый короткий путь через монастырский двор, – пояснил он, распахивая дверь на улицу.

С трех сторон замкнутый двор был окружен зданиями, в которых жили монахи, а на четвертой стояла церковь. Сейчас, освещенный мягким светом, льющим из множества окон, двор, к моему удивлению, являл собой отрадную и приятную глазу картину.

Вокруг двора тянулась крытая галерея, поддерживаемая резными колоннами. Много лет назад монахи, скорей всего, предавались здесь изучению богословия; в прежние суровые времена считалось, что холод и ледяной ветер никак не могут помешать научным занятиям. Но ныне галерея служила лишь местом бесед и прогулок. Напротив одной из колонн находился специальный каменный сосуд для мытья рук, с маленьким фонтанчиком, издающим негромкое мелодичное журчание. Витражные окна церкви отбрасывали на землю разноцветные тени. В отблесках света я заметил какие-то странные пылинки, кружившиеся в воздухе, и некоторое время с недоумением наблюдал за ними. Наконец до меня дошло, что это вновь пошел снег. Земля у нас под ногами была

уже вся припорошена белым. Брат Гай сделал нам знак следовать за ним.

– Мне сказали, это вы обнаружили тело? – спросил я.

– Да. В ту ночь мы с Элис не спали, ухаживали за братом Августом. У него сильнейшая лихорадка, и он чувствовал себя прескверно. Я решил дать ему теплого молока и спустился в кухню.

– Насколько я понимаю, обычно дверь в кухню запирается на ночь?

– В обязательном порядке. Иначе служки, да и некоторые монахи тоже, будут постоянно туда наведываться, стремясь до отказа набить свои утробы. Но у меня есть ключ, так как порой мне необходимо брать кое-что для больных.

– Вы отправились в кухню около пяти часов утра?

– Да, незадолго до этого часы пробили пять.

– Заутреня уже началась?

– Нет, заутреня у нас начинается позднее. Где-то около шести.

– Вот как? А согласно правилам, предписанным святым Бенедиктом, она должна начинаться в полночь.

– Святой Бенедикт составлял свои правила для благословенной теплой Италии, сэр, – с мягкой улыбкой возразил монах. – Думаю, нет большого греха в том, чтобы студеной английской зимой соблюдать их столь уж неукоснительно. Каждое утро мы справляем службу, и Господь внимает святым словам, а время не имеет большого значения. Сейчас нам придется пройти через дом для собраний.

Брат Гай распахнул еще одну дверь, и мы оказались в просторном помещении, стены которого были расписаны библейскими сюжетами. Вдоль стен стояли стулья и мягкие кресла, неподалеку от очага, в котором весело потрескивал огонь, тянулся длинный стол. В комнате было очень тепло, воздух казался густым от запаха потных человеческих тел. Около дюжины монахов коротало здесь время в этот холодный зимний вечер; некоторые разговаривали, другие читали, несколько человек сидели у стола, играя в карты. На столе красовалась объемистая бутылка с зеленым французским ликером, а рядом с каждым из игроков стоял хрустальный стакан, наполненный этим напитком. Я осмотрелся вокруг, выискивая картезианца, однако нигде не заметил его белой рясы. Лохматый содомит брат Габриель и востроглазый упитанный казначей также отсутствовали.

Молодой монах с впалыми щеками и жидкой бородкой, судя по расстроенному выражению лица, только что проиграл.

– С тебя причитается шиллинг, брат, – жизнерадостно провозгласил высокий монах с мертвенно-бледным лицом.

– Тебе придется подождать. Я попрошу в долг у управляющего, – пробормотал неудачник.

– Ты больше не получишь ни гроша, брат Ателстан! – воскликнул пожилой плотный монах, сидевший поблизости, и назидательно поднял палец. Лицо его было обезображено крупной бородавчатой опухолью. – Брат Эдвиг говорит, ты так много берешь в долг, что уже получил содержание за год вперед...

Заметив нас, монах осекся. Его товарищи поспешно вскочили со своих мест и приветствовали меня поклонами. Один из них, молодой и такой тучный, что даже бритый его затылок был покрыт складками жира, уронил свой стакан.

– Септимус, ну ты и увалень! – прошипел его сосед, пихая беднягу локтем в бок.

Тот лишь озираясь по сторонам бессмысленным взором слабоумного. Монах с обезображенным лицом сделал шаг вперед и вновь поклонился с самым подобострастным видом.

– Я брат Джуд, сэра, помощник казначея.

– Господин Мэтью Шардлейк, посланник короля. Я смотрю, вы не отказываете себе в мирских развлечениях.

– Братии необходимо отдохнуть перед вечерней мессой, сэра. Не соблаговолите ли попробовать ликера? Его присылают к нам из одного из французских женских монастырей.

Я отрицательно покачал головой и сурово проронил:

– Сегодня мне предстоит еще много работать. Кстати сказать, в пору расцвета вашего ордена монахи завершали свой день великим молчанием, а не стаканчиком ликера.

Брат Джуд растерянно потупился, но потом все же отважился возразить:

– Это было давно, сэра, еще до Великой Чумы. С тех пор многое изменилось. Мир приблизился к своему концу и...

– А мне казалось, ныне мир процветает, – перебил я. – По крайней мере, у нас, в Англии, где правит мудрый король Генрих.

– О да, конечно, – окончательно растерялся монах. – Я только хотел сказать...

Простите брата Джуда, сэра, он сказал, не подумав, – вступил в разговор другой монах, высокий и тощий. – Я – брат Хью, управляющий. Мы знаем, что жизнь нашей обители нуждается в серьезных переменах, и приветствуем их, – заявил он, смерив своего незадачливого товарища уничижительным взглядом.

– Рад слышать, – ответил я. – Это существенно облегчит предстоящую мне задачу. Идемте, брат Гай. Нам надо осмотреть труп.

Тут голос подал молодой жирный монах, тот, что уронил стакан.

– Простите, добрый господин, – пробормотал он – Простите, что я такой неуклюжий. У меня жутко болят ноги. Все сплошь покрыты язвами.

Он устремил на нас взгляд, полный неподдельного страдания. Брат Гай положил руку ему на плечо.

– Если ты будешь соблюдать умеренность в пище, Септимус, тебе вскоре станет легче, – пообещал он. – А сейчас твоим бедным ногам приходится выдерживать слишком большой вес. Вот они и болят.

– У меня слабая плоть, брат Гай. Я не могу без мяса.

– Порой я сожалею о том, что Собор в Латерне снял запрет с употребления мяса в монастырях, – повернулся к нам брат Гай. – Извини, Септимус, нам надо идти. Кстати, тебе, наверное, будет приятно услышать, что тело эмиссара Синглтона будет вскоре предано земле.

– Слава Богу. А то я боюсь проходить мимо мирского кладбища. Покойник, оставшийся без погребения, способен принести много бед. Да ведь и умер он без исповеди, без отпущения грехов...

– Да, да. Тебе тоже пора идти. Скоро начнется вечерняя месса.

Брат Гай легонько подтолкнул толстяка и направился к двери на противоположном конце комнаты. Выйдя вслед за ним, мы вновь оказались на морозном воздухе. Перед нами расстилалось ровное пространство, на котором возвышались лишь надгробные камни. Во тьме угадывались очертания каких-то сооружений, как я догадался, фамильных склепов. Брат Гай поднял капюшон своей сутаны, чтобы защитить голову от снега, который валил теперь крупными хлопьями.

– Вы должны простить брата Септимуса, сэра, – произнес он. – Как вы уже догадались, это несчастное слабоумное создание.

– Не часто увидишь такую громадную тушу, – усмехнулся Марк. – Неудивительно, что у него болят ноги.

– Монахам приходится помногу часов проводить в холодной церкви, господин Поэр, – отрезал брат Гай. – И толстый жировой покров служит им добрую службу. Все мы подолгу стоим на ногах, и от этого у некоторых возникают язвы. Жизнь в монастыре отнюдь не так легка и приятна, как это может показаться со стороны. А бедный Септимус не в состоянии понять, что обжорство наносит ему страшный вред.

Я поежился от холода и сказал:

– Идемте быстрее. Погода не слишком подходящая, чтобы вести беседы на открытом воздухе.

Высоко держа лампу, брат Гай повел нас меж надгробных камней.

По пути я спросил его, была ли заперта дверь в кухню тем злополучным утром.

– Да, – последовал ответ. – Точнее, была заперта дверь в маленький коридорчик, ведущий в кухню. А сама кухня была открыта, ведь попасть туда другим путем невозможно. Стоило мне войти в кухню, я сразу поскользнулся и едва не упал. Опустил лампу пониже, чтобы осветить пол, и увидел обезглавленное тело в луже крови.

– Доктор Гудхэпс тоже сказал, что поскользнулся, едва вошел в кухню. Значит, кровь еще не успела засохнуть?

– Да, кровь была еще совсем жидкая, – подтвердил монах.

– Из этого следует, что убийство совершилось незадолго до того, как вы вошли в кухню?

– Судя по всему, это так.

– Однако вы никого не видели ни во дворе, ни в коридорах?

– Ни единой души.

Я с удовольствием убедился в том, что моя отдохнувшая голова работает с прежней четкостью, выстраивая логические цепочки мыслей.

– Кто бы ни убил Синглтона, он, несомненно, сильно испачкался в крови, – заявил я. – Пятна крови наверняка остались на его одежде. И следы он должен был оставлять кровавые.

– Я не видел нигде ни одного кровавого следа, – покачал головой брат Гай. – Но признаюсь честно, я их и не высматривал. В те минуты мне было не до того. А потом, когда поднялся весь монастырь, искать

следы было уже поздно. В кухне перебивало множество народу, и они оставили кровавые отпечатки ног повсюду.

Я на несколько мгновений задумался и предположил:

– В то время как вы подняли тревогу, убийца мог скрыться в церкви. Там он осквернил алтарь и похитил мощи. Возможно, вы или кто-нибудь другой заметили кровавые следы, ведущие через внутренний двор к церкви, или внутри самой церкви?

– Церковь вся была залита кровью, – напомнил брат Гай. – Кровью принесенного в жертву петуха. Что до внутреннего двора, перед самым рассветом пошел дождь, который продолжался весь день. Если какие-то следы и были, он смыл их все без остатка.

– А что вы сделали после того, как обнаружили тело?

– Побежал к аббату, разумеется. Вот мы и пришли.

Брат Гай подвел нас к самому вместительному склепу, стоявшему на небольшом возвышении. Подобно большинству монастырских зданий, он был возведен из желтого известняка.

Я моргнул, чтобы стряхнуть снег с ресниц.

– Что ж, брат Гай, войдем внутрь, – произнес я самым невозмутимым тоном.

Брат Гай достал ключ и вставил его в замочную скважину массивной дубовой двери, достаточно широкой, чтобы внести внутрь гроб. Я тем временем мысленно молил Господа укрепить мой слабый желудок и не допустить моего позора.

Нам пришлось нагнуться, чтобы войти в беленое известью помещение с низкими потолками. В склепе стоял пронизывающий холод, ветер проникал туда сквозь маленькое зарешеченное окошко. В воздухе ощущался легкий тошнотворный аромат, присущий всем гробницам. В тусклом свете лампы, принесенной братом Гаем, я разглядел, что вдоль стен стоят каменные саркофаги, на крышках которых высечены изображения их обитателей, с руками, сложенными в жесте мольбы и смирения. Большинство мужчин были изображены в воинских доспехах прежних времен.

Брат Гай опустил лампу на пол и спрятал замерзшие руки в длинные рукава сутаны.

– Склеп принадлежит роду Фицхью, – пояснил он. – Именно это семейство несколько веков назад основало наш монастырь. Все

представители этого рода захоронены здесь, включая последнего, погибшего в прошлом веке во время гражданской войны. С его смертью род прекратился.

Тишину, царившую в склепе, внезапно нарушил резкий металлический звон. От неожиданности я буквально подскочил на месте, и то же самое проделал брат Гай. Темные глаза его расширились от испуга. Обернувшись, я увидел Марка, который нагнулся за упавшей на пол связкой монастырских ключей.

– Извините, сэр, – смущенно пробормотал он. – Сам не знаю, как это случилось. Мне казалось, я крепко привязал кольцо к поясу.

– Господи Боже! – вздохнул я. – Ну и напугал же ты меня! До сих пор поджилки трясутся.

Посреди комнаты стоял высокий металлический подсвечник с толстыми восковыми свечами. Брат Гай зажег их от своей лампы, и помещение наполнилось ярким желтым светом. Брат Гай указал на саркофаг, на крышке которого не было ни надписи, ни рисунка.

– У этой могилы никогда не будет постоянного обитателя, – сообщил он. – Как я уже сказал, последний представитель рода Фицхью погиб в Босуорте, сражаясь за короля Ричарда Третьего. *Sic transit gloria mundi* ^[4], – добавил он с печальной улыбкой.

– Тело Синглтона находится там? – уточнил я.

– Да, – кивнул брат Гай. – Оно там уже четыре дня, но погода стоит холодная, и это помогло ему сохраниться.

Я глубоко вздохнул и решительно заявил:

– Что ж, откройте крышку. Помогите брату Гаю, Марк.

Марк и монах налегли на массивную каменную крышку, пытаясь сдвинуть ее на соседнее надгробие. Поначалу, несмотря на все их усилия, крышка оставалась на месте, но вдруг с неожиданной легкостью соскользнула в сторону. Комнату мгновенно наполнил удушливый запах разложения. Марк, страдальчески сморщив нос, отступил на несколько шагов.

– Не так-то уж хорошо он сохранился, – пробурчал он.

Брат Гай, перекрестившись, заглянул внутрь каменного надгробия. Я, собрав всю свою волю в кулак, приблизился к саркофагу и схватился за его каменный край.

Тело было укутано в белое покрывало, оставлявшее на виду лишь алебастрово-белые лодыжки и ступни с длинными желтыми ногтями

на пальцах. С того конца, где находилась шея, покрывало насквозь пропиталось темной кровью. Лужа крови натекла и под головой, установленной рядом с телом. Я пристально взгляделся в лицо Робина Синглтона, с которым мне не единожды доводилось сталкиваться в суде.

Это был худощавый тридцатилетний мужчина с темными волосами и длинным носом. Я заметил, что бледные щеки мертвеца покрывает свежая щетина, и тут же почувствовал, как желудок мой болезненно сжался при виде этой головы, стоящей на кровавом камне рядом с обрубком шеи. Губы убитого были приоткрыты, меж ними слегка поблескивали зубы. Темно-синие глаза, подернутые мутной смертной пеленой, были широко распахнуты. Я увидел, как крошечное черное насекомое ползет по одному из мертвых век, пересекает переносицу и направляется к другому веку, и к горлу моему подкатил ком. Судорожно сглатывая, я отступил к окну и принялся жадно хватать ртом свежий ночной воздух. Когда мне удалось наконец совладать с приступом тошноты, я заставил свой рассудок вернуться к увиденному. Марк подошел ко мне и обеспокоенно спросил:

– Вы хорошо себя чувствуете, сэр?

– Превосходно, – отрезал я и повернулся к брату Гаю.

Тот стоял, невозмутимо скрестив руки на груди, и задумчиво смотрел на меня. Марк заметно побледнел, однако, набравшись мужества, вновь подошел к саркофагу, чтобы взглянуть на жуткие останки.

– Ну, Марк, что скажешь? – окликнул я его. – Как, по-твоему, был умерщвлен этот человек?

– Мы лишь убедились в том, что слышали много – пожал плечами Марк. – Бедолаге отрубили голову.

– Да уж, трудно предположить, что он умер от лихорадки. Но разве труп его не наводит на определенные соображения? Я, например, думаю, что убийца был довольно высокого роста или, по крайней мере, среднего.

Брат Гай устремил на меня недоуменный взгляд.

– Осмелюсь спросить, что натолкнуло вас на подобное предположение?

– Ну, во-первых, сам Синглтон был рослым мужчиной.

– Трудно судить о росте того, кто лишился головы, – возразил Марк.

– Я встречался с ним во время судебных заседаний. И, помню, для того чтобы смотреть ему в лицо, мне приходилось весьма неудобным образом выворачивать шею. – Я заставил себя подойти к саркофагу и вновь взглянуть на труп. – Мы видим, что голова срезана прямо, а не по косой. Обратите внимание на то, как ровно она стоит. Если во время нанесения удара и убийца и его жертва стояли, а, скорее всего, было именно так, человек небольшого роста нанес бы удар под углом и мы имели бы косой срез.

– Да, вы правы, – кивнул брат Гай, – Клянусь Пресвятой Девой, сэр, вы наблюдательны, как хороший лекарь.

– Спасибо. Хотя, признаюсь, мне не слишком хотелось бы упражнять свою наблюдательность на подобных предметах. Но, увы, однажды мне привелось своими глазами увидеть, как отрубают голову. И я представляю себе... – я помедлил, отыскивая нужное слово, – механику этого дела.

В глазах лекаря вспыхнуло откровенное любопытство, а я так крепко сжал кулаки, что ногти впились в ладони. На мгновение мною овладели воспоминания, которые я упорно гнал прочь.

– И уж если разговор зашел о механике, обратите внимание на то, как чисто убийца выполнил свою работу, – нарочито хладнокровным тоном продолжал я. – Голова отсечена одним ударом. Такое не всегда удается даже опытным палачам. А ведь их жертвы стоят на коленях, положив шею на специальную колоду.

Марк вновь бросил взгляд на отрубленную голову и кивнул.

– Наверное, обращаться с топором не так просто, – заметил он. – Я слышал, что палач нанес Томасу Мору несколько ударов, прежде чем, наконец, отделил его голову от шеи. Но что, если наш убитый нагнулся? Например, ему надо было поднять что-нибудь с пола? Или же убийца заставил его наклониться?

– Дельное соображение, Марк, – заявил я после минутного размышления. – Но если бы в момент нанесения удара Синглтон наклонился, мертвое тело было бы согнуто в поясице. Брат Гай скажет нам, так ли это было.

Я вопросительно посмотрел на монаха.

– Он лежал совершенно прямо, – задумчиво произнес брат Гай. – После убийства в монастыре было много разговоров о том, что снести человеку голову одним ударом чрезвычайно трудно. При помощи кухонных ножей, даже самого большого из них, такого не сделаешь. Именно поэтому многие братья подозревают, что тут не обошлось без колдовства.

– Но при помощи какого орудия можно отрубить голову стоящему человеку, вот в чем вопрос? – Я обвел глазами своих спутников. – Я полагаю, преступник действовал не топором, у топора слишком толстое лезвие. А тут нужно тонкое и чрезвычайно острое такое, как у меча. Что ты скажешь, Марк? Ты ведь у нас знаток оружия.

– Думаю, вы правы, – заявил Марк. – Похоже, убитому повезло, – добавил он с нервным смешком. – Лишь короли и представители высшей знати удостоиваются чести быть казненными при помощи меча.

– Да, ибо острое лезвие дарует быстрый конец.

– Я слышал, Анне Болейн отрубили голову мечом, – добавил Марк.

– Значит, смерть эмиссара Синглтона походила на смерть королевы-ведьмы, – прошептал брат Гай, осеняя себя крестом.

– Именно это мне и пришло в голову, – вполголоса сообщил я. – Я уже говорил вам, что мне однажды довелось видеть, как отсекают голову. И это была голова Анны Болейн.

ГЛАВА 8

Мы ждали на воздухе, пока брат Гай закроет склеп. Снег валил густой пеленой, мохнатые белые хлопья кружились в воздухе. Пушистый белый ковер уже прикрыл землю.

– Хорошо, что снегопад не застал нас в пути, – заметил Марк.

– Да, но, надеюсь, нам предстоит вернуться, а если снегопад в самом ближайшем времени не прекратится, дороги превратятся в месиво. Возможно, нам придется отправиться в Лондон морем.

Брат Гай, закончив возиться с ключами, присоединился к нам.

– Сэр, нам хотелось бы завтра предать земле тело несчастного эмиссара Синглтона, – сказал он. – Братья переживают, что останки его до сих пор не могут обрести покоя.

– А где вы собираетесь похоронить его? Насколько мне известно, у него не было родственников, так что вряд ли кто-нибудь пожелает перевозить его в семейный склеп.

– Если вы не возражаете, мы похороним его здесь, на мирском кладбище.

– Думаю, надо предать его земле, не откладывая, – кивнул я. – Я уже видел все, что мне надо. И это зрелище крепко отпечаталось в моей памяти. Боюсь, даже слишком крепко.

– Да, сэр, и осмотр тела натолкнул вас на множество важных соображений.

– Но все это лишь догадки и домыслы.

Сейчас, когда брат Гай шел рядом со мной, я ощутил, что от него исходит слабый приятный запах, напоминающий аромат сандалового дерева. В отличие от прочей братии лекарь, как видно, отнюдь не считал зловоние добродетелью.

– Я сообщу отцу аббату, что необходимо сделать приготовления для похорон, – сказал он со вздохом облегчения.

Тут церковные колокола оглушительно загудели, заставив меня содрогнуться.

– Никогда прежде я не слышал такого громкого звона, – заметил я. – Еще подъезжая к вашей обители, я обратил внимание на то, что колокола у вас какие-то особенные.

– Просто они слишком велики для такой невысокой башни, – пояснил брат Гай. – Впрочем, у этих колоколов и в самом деле занятная история. Прежде они висели в одном из древнейших соборов Тулузы.

– И почему же их сняли оттуда?

– О, им выпала сложная судьба. Собор был разрушен во время одного из арабских набегов. Колокола арабы захватили с собой в качестве трофея. Впоследствии, когда Испания вновь стала христианской, колокола эти обнаружили в Саламанке. Их передали в дар монастырю в Скарнси, который тогда только что открылся.

– Все это очень интересно, но, думаю, вам неплохо было бы обзавестись другими колоколами, поменьше.

– Мы уже привыкли.

– Боюсь, я никогда не привыкну к подобному грохоту.

На губах брата Гая мелькнула печальная улыбка.

– Что ж, всему виной мои арабские предки. Ведь это из-за них колокола попали сюда.

Когда мы вошли во внутренний двор, монахи длинной вереницей покидали церковь. Картина эта глубоко запечатлелась в моей памяти: почти три десятка бенедиктинцев в черных одеяниях друг за другом пересекают каменный двор. Руки у всех спрятаны в рукава, капюшоны подняты, чтобы защититься от снега, который бесшумно падал, покрывая плечи идущих пушистыми белыми воротниками. Разноцветные отблески освещенных церковных окон падали на процессию и на припорошенные снегом камни монастырского двора. Это было на редкость красивое зрелище, и неожиданно для себя самого я почувствовал, что тронут до глубины души.

Брат Гай отвел нас в комнату для гостей и, пообещав вскоре вернуться, чтобы проводить нас в трапезную, удалился. Мы стряхнули снег с плащей, а потом Марк выдвинул свое узкое ложе и растянулся на жестком тюфяке.

– Сэр, значит, вы полагаете, что Синглтона убил человек, вооруженный мечом? Но как он это сделал? Подкараулил его в кухне и незаметно подкрался сзади?

Я принялся распаковывать свою дорожную сумку, раскладывая книги и бумаги.

– Возможно, – откликнулся я на вопрос Марка. – Но меня занимает другое: что понадобилось Синглтону на кухне в четыре часа утра?

– Наверное, именно там он назначил встречу с кем-то из монахов. Помните, он говорил об этой встрече привратнику?

– Да, это наиболее вероятное объяснение. Кто-то договорился встретиться с Синглтоном в кухне, скорее всего, пообещав сообщить некие важные сведения. А когда тот явился, его убили. Или, точнее сказать казнили. Потому что мне произошедшее чрезвычайно напоминает казнь. Согласись, вонзить ему нож в спину было бы куда проще, чем отрубать голову.

– Судя по всему, покойный Синглтон обладал изрядной силой, – заметил Марк. – Хотя теперь, когда его голова красуется рядом с телом, об этом трудно судить.

Марк рассмеялся, явно нарочито, и я понял, что увиденное в склепе произвело на него не менее гнетущее впечатление, чем на меня самого.

– О его силе ничего не могу тебе сообщить. А вот то, что он принадлежал к тому разряду законников, к которому я питаю глубокое презрение, могу сказать со всей определенностью. Синглтон не знал законов и не уважал их. А те, что знал, зачастую пытался вывернуть наизнанку. Действовал он при помощи запугивания и обмана, при случае не чурался и подкупа. Но, разумеется, при всем этом он отнюдь не заслужил столь жестокой расправы.

– А я и забыл, что в прошлом году вы присутствовали при казни королевы Анны Болейн, – сказал Марк.

– Я бы тоже хотел об этом забыть.

– Но сегодня то, что вы были очевидцем этой казни, сослужило вам добрую службу.

Я кивнул и добавил с усмешкой:

– Помню, когда я только поступил на обучение в корпорацию адвокатов, был у нас такой преподаватель, сержант Хамптон. Он учил нас собирать свидетельские показания. Так вот, он любил задавать вопрос: «Какие обстоятельства являются наиболее важными в любом расследовании?» И сам на него отвечал: «Наиболее важных обстоятельств не существует, все одинаково важно, и каждое следует рассматривать под различными углами».

– Ох, сэръ, вы меня пугаете, – вздохнул Марк. – Если мы будем выполнять совет вашего учителя, то проторчим здесь до скончания

времен. – Он с наслаждением потянулся и сообщил: – Я готов проспать часов двенадцать, даже на этих дурацких досках.

– Спать еще не время, – возразил я. – Нам необходимо поближе познакомиться со здешней братией, и за ужином это будет удобнее всего. Всякий раз, когда попадаешь в новое место, прежде всего, постарайся узнать его обитателей. Вставай, Марк. Тот, кто служит лорду Кромвелю, не должен валяться без дела.

С этими словами я толкнул ложе Марка, и он, громко завопив, исчез под моей кроватью.

Следуя в трапезную за братом Гаем, мы долго шагали по темным коридорам, потом поднялись по крутой лестнице и, наконец, оказались у цели. Трапезная представляла собой помещение впечатляющих размеров, с высокими сводчатыми потолками, которые поддерживали внушительные колонны. Несмотря на свои размеры, комната казалась уютной благодаря многочисленным гобеленам, покрывавшим стены, и толстым циновкам, устилавшим пол. В углу возвышался аналой, покрытый искусной затейливой резьбой. Толстые свечи, горевшие в нескольких канделябрах, бросали мягкий свет на два больших стола, сервированных отличной посудой и приборами. Один стол, рассчитанный на двенадцать персон, стоял у самого очага, другой, намного длиннее, находился подальше от огня. Кухонные служки носились туда-сюда, расставляя на столах кувшины с вином и серебряные судки, из-под крышек которых пробивались соблазнительные запахи. Я внимательно осмотрел приборы, лежавшие на ближайшем к огню столе.

– Серебро, – заметил я, обращаясь к брату Гаю. – И тарелки тоже серебряные.

Это стол для старших монахов, – пояснил брат Гай. – Обычные монахи едят из оловянной посуды.

– А простые люди в Англии довольствуются деревянной, – не без сарказма добавил я.

Тут в трапезную торопливо вошел аббат Фабиан. Служки приветствовали его поклонами, на которые он ответил снисходительным кивком.

– Аббат, вне всякого сомнения, ест из золотых тарелок, – шепнул я на ухо Марку.

Аббат, вымученно улыбаясь, приблизился к нам.

– Мне сообщили, сэр, что вы выразили желание разделить общий ужин в трапезной. Возможно, вы все же перемените свое намерение? За моим столом сегодня будет подан прекрасный ростбиф.

– Спасибо, отец аббат, но мы лучше поужинаем здесь.

– Как вам будет угодно, – пожал плечами аббат. – Я полагал, что к вам присоединится доктор Гудхэпс. Но он решительно отказался покидать свою комнату.

– Брат Гай сообщил вам, что я осмотрел тело эмиссара Синглтона и теперь его можно похоронить? – перевел я разговор на другое.

– Да, сообщил, – кивнул аббат. – Перед ужином я объявлю братии, что завтра тело убиенного будет предано земле. Сегодня моя очередь читать перед трапезой Священное Писание. По-английски, в соответствии с последними указаниями, – многозначительно добавил он.

– Превосходно.

Тут у дверей раздался шум, и в комнату стали входить монахи. Двое старших монахов, которых мы уже видели прежде, – белокурый ризничий брат Габриель и темноволосый казначей брат Эдвиг – шли рядом, однако при этом хранили молчание. Эти двое являли собой странную пару: один, высокий и стройный, шагал, слегка наклонив голову, другой, тучный и приземистый, семенил рядом с весьма самоуверенным видом. Они подошли к столу, около которого уже стояли приор, двое старших монахов, которых я видел в доме собраний, и брат Гай. Все прочие монахи заняли свои места за длинным столом. Среди них я заметил старого картезианца. Увидав, что я смотрю на него, он ответил мне взглядом, полным ненависти. Аббат негромко сказал:

– Мне известно, что сегодня брат Джером вел себя по отношению к вам... недопустимым образом. Приношу свои извинения. С братом Джеромом трудно совладать. Но здесь, в трапезной, он рта не раскроет. Он принял обет, согласно которому ему следует принимать пищу в молчании.

– Я слышал, его взяли сюда по просьбе одного из членов семейства Сеймур? – осведомился я.

– Да, за него хлопотал наш сосед, сэр Эдвард Уэнтворт. Но просьба исходила из кабинета лорда Кромвеля. – Аббат пристально взглянул на

меня. – Лорд Кромвель хотел отправить Джерома прочь из Лондона. В качестве дальнего родственника королевы Джейн он создавал определенные трудности.

Я понимающе кивнул.

– И давно брат Джером находится у вас?

Аббат неприязненно взглянул на насупленного картезианца.

– Полтора года. Срок, который показался всем нам весьма долгим.

Я, не таясь, разглядывал монахов, сидевших за длинным столом. Они тоже бросали на меня любопытные и настороженные взгляды, словно я был диковинным зверем, неизвестно как попавшим в их трапезную. Я отметил, что в большинстве своем монахи были пожилыми или средних лет. Молодых лиц было мало, а юношей в синих сутанах послушников всего трое. Один из старых монахов, с трясущейся от дряхлости головой, испуганно скользнул по мне глазами и украдкой перекрестился.

Тут внимание мое привлекла фигура, неуверенно топтавшаяся у дверей. Я узнал юношу-послушника, который отводил наших лошадей в конюшню. Он стоял, робко переминаясь с ноги на ногу и пряча что-то за спиной.

Приор Мортимус метнул в него гневный взгляд.

– Саймон Уэлплей! – рявкнул он. – Твое наказание еще не закончено. Сегодня тебе не полагается ужина. Займи свое место в углу.

Юноша, понутив голову, побрел в дальний, самый холодный и темный угол трапезной. Теперь я заметил, что он сжимает в руках остроконечный дурацкий колпак с выведенной на нем по трафарету буквой «П». Залившись румянцем, несчастный послушник напялил колпак на голову. Все остальные насмешливо наблюдали за ним.

– А что означает эта буква «П»? – поинтересовался я.

– «Пагуба», – ответил аббат. – Боюсь, сей юный послушник вновь нарушил правила. Прошу вас, садитесь.

Мы с Марком уселись рядом с братом Гаем, а аббат подошел к аналою. Я увидел, что на аналое лежит Библия, и с удовлетворением отметил, что это английский вариант, а не латинская Вульгата [5], полная вымыслов и искажений.

– Братья, – торжественно провозгласил аббат Фабиан, – ужасающие события последних дней повергли нас всех в величайшую печаль. Я рад приветствовать в стенах нашей обители посланника

главного правителя, эмиссара Шардлейка, который прибыл сюда, дабы расследовать это богопротивное преступление. Он будет беседовать со многими из вас, и вы все должны оказывать ему помощь и содействие, которые подобает оказывать представителю лорда Кромвеля.

Я бросил на аббата внимательный взгляд. Последние его слова можно было истолковать двояко.

– Господин Шардлейк дал разрешение предать земле тело эмиссара Синглтона, и послезавтра, после заутрени, состоится погребальная церемония, – продолжал аббат.

Это сообщение монахи встретили одобрительным гулом.

– А теперь приступим к чтению. Я прочту вам главу седьмую из Апокалипсиса, – сказал аббат и, раскрыв Библию, принялся звучно читать: – «И после сего видел я четырех Ангелов, стоящих на четырех углах земли...»

Я был немало удивлен тем, что аббат выбрал для вечернего чтения Апокалипсис, ибо знал, что эта книга пользуется особой любовью у горячих сторонников реформы, жаждущих доказать миру, что они проникли во все тайны и неизъяснимые символы, которыми исполнено это суровое пророчество. Отрывок, избранный аббатом, был посвящен Господнему призыву спасенных в День Страшного Суда. Я почувствовал, что выбор его был не случаен. Он словно бросал мне вызов, отождествляя свою обитель с сонмищем праведников.

– «И он сказал мне: это те, которые пришли от великой скорби; они омыли одежды свои и убелили одежды свои кровию Агнца...»

– Аминь, – торжественно произнес аббат, затем закрыл Библию и гордой поступью вышел из трапезной: несомненно, в особняке его уже ждал ростбиф.

Как только дверь за аббатом закрылась, монахи принялись оживленно болтать, а служки засновали туда-сюда, разливая суп. Отведав густой овощной похлебки, изрядно сдобренной пряностями, я нашел, что она чрезвычайно вкусна. С самого утра у меня маковой росинки во рту не было, и в течение нескольких минут еда полностью поглотила все мое внимание. Утолив голод, я взглянул на злополучного Уэлплея, который застыл в своем темном углу, неподвижный, как статуя. Я повернулся к приору, сидевшему напротив меня.

– Что, бедному послушнику не будет позволено даже попробовать этого замечательного супа?

– Он останется без ужина сегодня и еще в течение четырех дней, – процедил приор. – Воздержание от пищи и присутствие при общей трапезе является частью его наказания. Неразумных юнцов необходимо учить. Или вы находите меня слишком суровым, сэр?

– А сколько лет этому юноше? По виду ему никак не дашь восемнадцати.

– Тем не менее, ему почти двадцать. Хотя вы правы, он такой хилый, что выглядит моложе своих лет. Послушничество его затянулось, так как ему никак не удается овладеть латынью. Впрочем, надо отдать юнцу должное, он обладает музыкальными способностями и помогает брату Габриелю. Бесспорно, латынь – это не столь важно. Покорность – вот чему необходимо научить Саймона Уэлплея. Помимо прочих проступков, он избегал служб на английском, и именно поэтому на него возложено покаяние. А когда кто-то из вверенных мне людей заслуживает наказания, я не боюсь быть излишне суровым. Провинившийся должен получить хороший урок, который сохранится в его душе надолго. А также послужит предостережением для всех прочих.

– Вашими устами г-глаголет истина, б-брат приор, – одобрительно кивая, подхватил казначей. Встретив мой взгляд, он растянул губы в улыбке, на мгновение перекосившей его круглое лицо. – Я брат Эдвиг, сэр, к-казначей, – представился он и опустил серебряную ложку в тарелку, которую опустошил в считанные мгновения.

– Значит, вы отвечаете за то, как расходуются денежные средства монастыря? – осведомился я.

– Д-да, а также за то, чтобы с-средства эти не оскудевали и расходы не превышали бы д-доходы, – сообщил толстяк.

Несмотря на заикание, голос его был полон гордости и самодовольства.

– Если я не ошибаюсь, сегодня я уже видел вас во дворе, – сказал я. – Вы обсуждали... строительные вопросы с одним из братьев вашей обители.

С этими словами я посмотрел на высокого белокурого монаха, который, впервые увидав Марка, проводил его откровенно похотливым взглядом. Сейчас он сидел напротив моего юного товарища и украдкой

пожирал его глазами. Встретившись взглядом со мной, он склонил голову и представился:

– Габриель из Ашфорда, сэр. Я здешний ризничий, а также регент хора. А еще на моем попечении находится монастырская библиотека. Нам здесь приходится совмещать обязанности, ибо численность братии не так велика, как в прежние времена.

– Я слышал, сто лет назад монахов здесь было вдвое больше, не так ли? – осведомился я. – Численность их и в самом деле изрядно сократилась. И насколько я понял, ваша церковь нуждается в ремонте?

– Весьма нуждается, сэр. – Брат Габриель перегнулся ко мне через стол и при этом толкнул брата Гая, так что тот едва не пролил суп. – Вы уже осматривали нашу церковь?

– Еще не успел. Я намереваюсь посетить ее завтра.

– Можете мне поверить, это одна из красивейших норманнских церквей на всем южном побережье. Ей не менее четырехсот лет, и ее можно сравнить лишь с лучшими бенедиктинскими храмами в Нормандии. Но, увы, в одной из стен образовалась глубокая трещина, которая угрожает обрушить все здание. Необходимо срочно отремонтировать церковь и при этом использовать лишь канский камень, так как стены должны соответствовать внутренней отделке...

– Брат Габриель, – резко оборвал его приор. – Господин Шардлейк прибыл сюда вовсе не для того, чтобы любоваться нашей церковью. Его привели сюда куда более важные дела. А что до церкви, то, возможно, на его вкус она покажется слишком пышной, – многозначительно добавил он.

– Но я полагаю, новые догматы веры не имеют ничего против прекрасной архитектуры? – осведомился брат Габриель.

– Не имеют, – заверил я. – Разумеется, за исключением тех случаев, когда паства поклоняется величию храма, а не величию Господа. Ибо это ведет к идолопоклонничеству.

– Что вы, я вовсе не это имел в виду, – с жаром возразил ризничий. – Я говорил лишь о том, что прекрасное здание радует взор своими гармоничными пропорциями, единством всех линий...

Брат Эдвиг слушал его с насмешливой гримасой.

– Брат Габриель – большой з-знак по ч-части архитектуры, – подал он голос. – И если пойти у него на п-поводу, наш монастырь останется без средств. Представьте себе, он настаивает на т-том, что

для ремонта церкви мы д-должны доставить из Франции огромные глыбы известняка. Хотелось б-бы знать, как он собирается переправить их через болото?

– А разве монастырь не располагает достаточными средствами? – осведомился я. – Из документов я понял, что доход с принадлежащих ему земель составляет более восьмисот фунтов в год. А арендная плата в последнее время постоянно растет.

Пока я говорил, служки проворно расставляли на столах судки с тушеными овощами и блюда, на которых дымились жирные карпы. Среди служек я заметил одну женщину, старуху с крючковатым носом. У меня мелькнула мысль, что бедной Элис придется здесь невесело, если она вынуждена довольствоваться обществом этой старой карги. Я вновь повернулся к брату казначею, намереваясь продолжить занимавшую меня беседу.

– П-по различным причинам в-в п-последнее время нам пришлось продать большую ч-часть наших земель, – нахмурившись, сообщил он. – А сумма, которую б-брат Габриель хочет истратить на ремонт церкви, превышает ту, что п-предназначена на строительные расходы в течение пяти лет. Попробуйте карпа, сэр, – попытался он перевести разговор на другое. – Он с-совсем свежий. Не далее как сегодня утром еще п-плавал в нашем пруду.

– Но вы, несомненно, могли бы одолжить необходимую сумму под залог земель и потом выплачивать ее из ежегодных доходов? – не оставлял я интересовавшей меня темы.

– Благодарю вас за поддержку, сэр, – подхватил брат Габриель. – Именно об этом я постоянно твержу брату Эдвигу.

Складка, залегшая меж бровей казначея, стала еще глубже. Он даже отложил ложку и раздраженно всплеснул пухлыми руками.

– Р-разумное ведение хозяйства не предполагает столь расточительного отношения к финансам, – заявил он. – П-процентные выплаты съедят все наши доходы, словно мыши сыр. К тому же отец аббат настаивает на с-строгом с-соб-блюденнии...

Он так разволновался, что не сумел совладать со своим заиканием и был вынужден смолкнуть.

– Аббат настаивает на строгом соблюдении бюджета, – пришел к нему на помощь приор.

Он передал мне тарелку с карпом и, взяв нож, принялся с увлечением разделять рыбу, лежавшую на собственной тарелке. Брат Габриель смерил приора уничижительным взглядом, но воздержался от возражений и отпил превосходного белого вина из стакана.

– Впрочем, распорядиться доходами и расходами вашего монастыря – это отнюдь не мое дело, – заключил я, пожав плечами.

– Извините, что я так р-разгорячился, сэ-эр, – произнес брат Эдвиг, сумевший наконец отдышаться. – Д-дело в том, что мы с б-братом Габриелем давно ведем этот спор, и всякий раз он ухитряется вывести меня из себя.

Он вновь растянул губы в улыбке, показав на удивление крепкие белые зубы. Я снисходительно кивнул и перевел взгляд на окно, за которым по-прежнему валил снег. От окна ощутимо тянуло сквозняком. Я сидел лицом к очагу, и щеки у меня пылали, но по спине пробежал холодок. Послушник, сидевший у окна, закашлялся. Голова юноши, увенчанная дурацким колпаком, была в тени, но я разглядел, что тело его под сутаной бьет крупная дрожь.

Тишину, стоявшую в трапезной, внезапно разбил хриплый раскатистый голос.

– Безумцы! О каком ремонте церкви вы говорите? Разве вы не знаете, что мир катится к своему концу? Антихрист среди нас! – Картезианец привстал со своей скамьи и вещал, воздев руки. – Тысячи лет святые обители служили Господу нашему, а теперь этому пришел конец. Вскоре мерзость запустения воцарится в святых местах! И лишь громовой хохот дьявола будет эхом отдаваться в стенах, где раньше возносились молитвы.

Голос старика перешел в пронзительный крик, исступленный взор перебежал с одного лица на другое. Монахи потупили головы, стараясь не встречаться с ним глазами. Неожиданно брат Джером потерял равновесие и неловко упал на скамью. Лицо его исказила гримаса боли.

Приор Мортимус поднялся и ударил кулаком по столу.

– Клянусь страданиями Господа нашего, это переходит все границы! Брат Джером, немедленно отправляйся в свою келью! Там ты будешь находиться! до тех пор, пока аббат не решит, как с тобой поступить. Уведите его!

Монахи, сидевшие за столом рядом с картезианцем, проворно подхватили его под мышки, поставили на ноги и вытащили прочь из трапезной. Как только дверь за ними закрылась, по комнате пронесся вздох облегчения, вырвавшийся одновременно почти у всех собравшихся. Приор Мортимус повернулся ко мне.

– Я должен вновь принести вам свои извинения от лица всей нашей братии, сэр, – громко произнес он.

Монахи встретили его слова одобрительным гулом.

– Я понимаю, что поведение брата Джерома произвело на вас удручающее впечатление. Единственным оправданием ему может служить то, что рассудок его непоправимо поврежден.

– Хотел бы я знать, кого он считает антихристом? – пожал я плечами. – Неужели мою скромную особу? Нет, вряд ли. Скорее всего, он имел в виду лорда Кромвеля или его величество короля.

– Нет, сэр, что вы. Прошу вас, не придавайте значения бреду безумца.

За столом, где сидели старшие монахи, поднялся встревоженный шепот. Приор Мортимус сердито поджал свои тонкие губы.

– Будь моя воля, я завтра выгнал бы Джерома из монастыря, – заявил он. – Пусть бы шатался по улицам и оглашал их своими безумными криками до тех пор, пока его не посадили бы в Тауэр. Но, скорее всего, он попал бы в Бедлам, где ему самое место. Аббат держит Джерома в монастыре лишь потому, что не хочет портить добрососедских отношений с его кузеном, сэром Эдвардом. Вам ведь известно, что Джером является родственником почившей королевы? Я молча кивнул.

– Но его дикие выходки заходят слишком далеко, – продолжал приор. – Джерома необходимо удалить из монастыря.

Я протестующе вскинул руку.

– Вам не о чем беспокоиться. Я не собираюсь раздувать дела из вздора, который несет сумасшедший калека.

Сказав это, я ощутил, что все сидевшие за столом вновь вздохнули с облегчением.

– К тому же для моего расследования необходимо, чтобы брат Джером оставался в монастыре, – добавил я, понизив голос так, чтобы расслышать меня могли лишь старшие монахи. – Я собираюсь задать

ему несколько вопросов. Скажите, к эмиссару Синглтону он относился со столь же откровенной неприязнью, как и ко мне?

– Должен признать, да, – кивнул приор. – Как только эмиссар прибыл, брат Джером подошел к нему во дворе и обозвал лжецом и клятвопреступником. Эмиссар Синглтон в долгу не остался и назвал Джерома римским ублюдком.

– Лжец и клятвопреступник. Это куда более конкретные оскорбления, чем те, которыми он осыпал меня. Любопытно, почему он обвинил эмиссара Синглтона именно в этих прегрешениях?

– Одному Богу известно, что творится в голове у безумца.

Брат Гай наклонился ко мне через стол и заговорил страстно и убежденно:

– Сэр, бедняга Джером, бесспорно, утратил рассудок и сам не ведает, что говорит. Но поверьте, он никак не мог убить эмиссара Синглтона. Я ведь осматривал Джерома и знаю, что левая его рука серьезно повреждена вследствие пыток на дыбе, связки порваны и никогда уже не заживут. Правая нога тоже находится в плачевном состоянии. Вы видели сами, Джером едва сохраняет равновесие и с трудом передвигается. Он и оружие не сумел бы удержать в руках, не говоря уж о том, чтобы нанести сокрушительный удар. Во Франции мне случалось лечить государственных преступников, прошедших через пытки, – добавил он, понизив голос. – Но в Англии я сталкиваюсь с жертвой правосудия в первый раз. Мне говорили, что до недавнего времени применение пыток находилось в Англии под запретом.

– Закон разрешает применение пыток в тех случаях, когда речь идет о преступлениях, представляющих угрозу для государства, – с непроницаемым лицом отчеканил я. Встретившись глазами с Марком, я прочел в его взгляде разочарование и печаль. – Разумеется, то, что правосудию приходится прибегать к столь суровым мерам, весьма прискорбно, – добавил я со вздохом. – Но вернемся к несчастному Синглтону. Без сомнения, телесные немощи брата Джерома не позволили бы ему убить эмиссара собственноручно. Но он мог найти сообщника.

– Нет, сэр, что вы, – вновь загомонили монахи.

Лица моих сотрапезников красноречиво свидетельствовали о том, что они охвачены тревогой и страхом. Обвинение в убийстве и

государственной измене могло повлечь за собой ужасные последствия для каждого из них. Но я понимал, что эти люди привыкли скрывать свои истинные чувства. Брат Гай, обеспокоенно нахмутив брови, вновь наклонился ко мне через стол.

– Сэр, поверьте, ни один из монахов нашего монастыря не разделяет мыслей брата Джерома. Воистину он послан сюда нам на погибель. Все, что мы хотим – это проводить свои дни в мире и в молитвах о процветании нашей страны и о здравии его королевского величества. Мы храним верность королю и в отпращивании церковных служб строго соблюдаем все предписанные требования.

– Устами моего брата г-глаголет истина, – громко заявил казначей. – Мне остается лишь с-сказать «Аминь».

– Аминь, – хором повторили сидящие за столом.

– Рад слышать, что в вашем монастыре царит подобное настроение, – одобрительно кивнул я. – Но от фактов не уйдешь: эмиссар Синглтон мертв и убийство произошло в стенах вашей обители. Вопрос в том, кто же его убил? Может, у вас есть какие-нибудь соображения на этот счет, брат казначей? Или у вас, брат приор?

– Это с-сделали г-горожане, – заявил брат Эдвиг, от волнения заикаясь сильнее, чем обычно. – С-среди этого с-сброда наверняка полно ведьм и п-поклонников дьявола. Они п-проникли в монастырь, дабы осквернить нашу церковь и похитить с-святые мощи. А эмиссар Синглтон, который шел на какую-то з-заранее назначенную встречу, увидал их. И т-тогда они его убили. А человек, с которым н-намеревался встретиться эмиссар, наверняка испугался и убежал прочь.

– Господин Шардлейк предполагает, что смертельный удар был нанесен мечом, – сообщил брат Гай. – Трудно представить, что у кого-то из здешних жителей есть подобное оружие.

Я повернулся к брату Габриелю. Он глубоко вздохнул, теребя пальцами свои спутанные белокурые пряди.

– Утрата длани Раскаившегося Вора – это большое несчастье, – с жаром произнес он. – Это величайшая святыня, и я содрогаюсь при мысли о том, что ныне она оказалась в нечестивых руках и может быть использована в пагубных целях.

Гримаса неподдельного отчаяния исказила его лицо. Я вспомнил фальшивые останки святых, которые мне показывал лорд Кромвель, и вновь поразился тому, как велика вера в силу святых мощей.

– Мне уже много раз доводилось слышать о колдовстве, – заметил я. – Я так понимаю, вы располагаете достоверными сведениями о живущих поблизости колдунах?

Приор покачал головой.

– Нет, я не стал бы этого утверждать. Конечно, городе есть пара знахарок, которые занимаются целительством и ворожбой. Но это всего лишь старые карги, которые бормочут какие-то заклинания над отварами из трав.

– Кто знает, какое обличье принимает зло в этом мире, исполненном греха? – негромко спросил брат Габриель. – Здесь, в святой обители, мы находимся под надежной защитой от происков дьявола. Но за этими стенами зло не знает преград, – добавил он содроганием.

– А что вы скажете о служках? – продолжал расспрашивать я. – Ведь в монастыре работает шестьдесят человек.

– Однако живет здесь не более дюжины, остальные – проходящие, – сообщил приор. – На ночь все рабочие помещения запираются, господин Багги и его помощник несколько раз совершают обход, проверяя, все ли в порядке. Я лично слежу за этим.

– В монастыре живут самые старые, проверенные служки, – добавил брат Габриель. – С какой стати им убивать королевского эмиссара?

– А с какой стати это делать кому-нибудь из монахов или горожан? – возразил я. – Впрочем, именно это я и пытаюсь выяснить. Завтра я поговорю с некоторыми из вас, – пообещал я, обводя взглядом встревоженные лица монахов.

В трапезную вновь вошли служки, убрали грязные тарелки и поставили на столы миски с пудингом. Пока не удалились, никто из сидевших за столом не проронил ни слова. Казначей отправил себе в рот полную ложку пудинга.

– Недурственно, – промычал он с набитым ртом. – В такую стужу горячий пудинг – самая подходящая еда.

Внезапно в дальнем углу комнаты раздался грохот. Все вскочили со своих мест и, повернувшись на шум, увидели юного послушника, без

чувств лежащего на полу. Брат Гай издал отрывистый возглас и, путаясь в полах сутаны, бросился к Саймону Уэлплею, не подающему никаких признаков жизни. Я поспешил вслед за ним, брат Габриель и побагровевший от злости приор последовали моему примеру. Юноша был бледен, как полотно. Когда брат Гай осторожно приподнял его голову, он застонал и приоткрыл глаза.

– Все хорошо, мальчик, – мягко сказал брат Гай. – Ты потерял сознание. Ты ушибся, когда падал?

– Голова, – прошептал юноша. – Я ударился головой. Простите, я не хотел...

В уголках его глаз выступили слезы, и он зарыдал так, что впалая грудь его сотрясалась. Приор Мортимус презрительно фыркнул. Во взгляде брата Гая, устремленном на приора, вспыхнул неприкрытый гнев.

– Неудивительно, что мальчик упал без чувств, господин приор! Когда он в последний раз нормально ел? Вы что, не видите, как он исхудал? От него остались кожа да кости.

– Он получает хлеб и воду, – заявил приор. – Тебе прекрасно известно, брат лекарь, что на него наложено наказание. Правила, установленные святым Бенедиктом, позволяют подобные наказания и...

– Святой Бенедикт никогда не стал бы морить голодом одного из слуг Господних! – прервал его брат Габриель дрожащим от ярости голосом. – Саймон с утра до вечера работает в конюшнях, а потом вы заставляете его часами стоять на холоде.

Рыдания послушника перешли в приступ мучительного кашля, он задыхался, хватая ртом воздух, мертвенно-бледное лицо его приняло багровый оттенок. Лекарь приложил ухо к его впалой груди, где что-то хрипело и клокотало.

– Его легкие полны мокроты, – сообщил он. – Необходимо поместить Саймона в лазарет.

Приор вновь презрительно фыркнул.

– Не моя вина в том, что этот мальчишка слаб, как муха. Я надеялся, что физический труд сделает его более крепким и выносливым. Ему необходима закалка и...

– Брат Гай, ты можешь своей властью поместить Саймона в лазарет? – возвысил голос брат Габриель. – В противном случае я

схожу к аббату Фабиану и попрошу его прекратить издевательство.

– Поступайте с этим идиотом, как вам заблагорассудится! – процедил приор и важной поступью вернулся к столу. – Недопустимая снисходительность и попустительство! В обращении с юношеством требуется строгость, а не мягкосердечие.

Он окинул трапезную вызывающим взором. Брат Габриель и брат Гай, поддерживая под руки жалобно всхлипывающего и кашляющего послушника, повели его к дверям. Брат Эдвиг, прочистив глотку, обратился к приору.

– Брат приор, я думаю, нам пора произнести б-благодарственную молитву и п-покинуть трапезную. Близится время вечерней службы.

Приор Мортимус кивнул, торопливо прочел благодарственную молитву, и монахи встали со своих мест. Те, кто сидел за длинным столом, почтительно ожидали, пока старшие монахи покинут трапезную. Когда мы подходили к дверям, брат Эдвиг наклонился ко мне и проговорил полным подобострастия голосом:

– Господин Шардлейк, м-мне очень жаль, что в-вам дважды помешали ужинать. П-поверьте, очень жаль. Прошу вас, п-простите нас.

– Я вовсе не в претензии, брат. Чем больше я наблюдаю жизнь вашей обители, тем больше у меня рождается соображений относительно моего расследования. Кстати, если речь зашла о расследовании, я был бы очень признателен, если бы завтра вы выбрали время побеседовать со мной. А еще я надеюсь, что вы окажете мне любезность и позволите просмотреть ваши расчетные книги. Нам с вами необходимо обсудить некоторые вопросы, имеющие непосредственное отношение к вверенному мне делу.

Признаюсь, обескураженная гримаса брата казначея доставила мне немало удовольствия. Я кивнул ему на прощание и подошел к Марку, стоявшему у окна. По-прежнему шел снег, укутывая землю белым покрывалом и приглушая все звуки. За сплошной снежной пеленой трудно было разглядеть фигуры монахов, которые вереницей двигались к церкви. Колокола вновь начали свой перезвон, возвещая о начале службы, последней на сегодняшний день.

ГЛАВА 9

Как только мы оказались у себя в комнате, Марк выдвинул свою узкую кровать и растянулся на ней. Разумеется, я устал не меньше моего юного товарища, однако не спешил следовать его примеру, ибо ощущал необходимость упорядочить все разрозненные впечатления сегодняшнего дня. Сполоснув лицо водой из кувшина, я уселся у окна. Из церкви доносилось пение хора.

– Слышишь, монахи служат вечернюю мессу, – обратился я к Марку. – Просят Господа не оставить их души наступающей ночью. Скажи, какое впечатление произвело на тебя святое братство Скарнси?

– Не знаю, – простонал Марк. – Я слишком устал, чтобы думать.

– И все же дай себе труд пошевелить мозгами, лежебока. Сегодня твой первый день в монастыре. Неужели у тебя нет никаких соображений?

Марк неохотно поднялся на локте и сосредоточенно нахмурил брови. В колеблющемся свете свечей лицо юноши казалось старше, чем в действительности: переменчивые тени, скользя по его лбу и щекам, делали более глубокими едва наметившиеся мимические складки. Когда-нибудь, подумал я, на месте этих призрачных морщин появятся настоящие, такие же, как те, что ныне бороздят мое собственное лицо.

– Мне кажется, жизнь этого монастыря полна противоречий, – изрек, наконец, Марк. – С одной стороны они здесь ограждены от всех искушений внешнего мира. Носят черные одеяния, целыми днями молятся. Как сказал этот брат Габриель, они здесь защищены от греха, что царит повсюду. Кстати, вы заметили, что за ужином этот похотливый пес так и пожирал меня глазами? Но с другой стороны, монахи живут здесь в холе и неге, которым позавидовали бы многие миряне. В домах тепло, повсюду ковры и гобелены, а что до пищи, то сегодняшний ужин был одним из самых вкусных в моей жизни. Да еще и в карты режутся, словно это не монастырь, а таверна.

– Да, ты прав. Если бы святой Бенедикт увидел, какой роскошью окружили себя его так называемые последователи, он был бы возмущен в точности так же, как и лорд Кромвель. Аббат Фабиан

ощущает себя настоящим лордом, да, в сущности, и является им. Ведь, подобно большинству монастырских аббатов, он заседает в Палате.

– Мне показалось, приор не слишком жалуется аббата.

– Приор Мортимус строит из себя убежденного сторонника реформы, противника роскоши и праздности. И тем, кто находится под его началом, он не дает спуска. Осмелюсь предположить, он из тех, кто получает наслаждение, измываясь над людьми.

– Этот приор напомнил мне одного из моих школьных учителей, – ухмыльнулся Марк.

– Школьные учителя не имеют обыкновения доводить своих подопечных до обморока, – возразил я. – Будь он учителем и обращайся с учениками так, как с этим несчастным юношей, родители быстро нашли бы на него управу. Кстати говоря, в монастыре нет монаха, который занимался бы исключительно послушниками. Они находятся в полной власти приора.

– Хорошо, что лекарь заступился за того бедолагу. Вообще брат Гай, по-моему, славный малый. Хотя цветом лица напоминает пережаренный тост.

Я кивнул:

– Брат Габриель тоже пытался помочь несчастному мальчику. И пригрозил приору, что пожалуется аббату на его произвол. Не думаю, что аббат Фабиан очень озабочен благодеянием послушников. Однако жестокость приора на этот раз явно зашла слишком далеко. Теперь, чтобы избежать скандала, ему придется сдерживаться и на некоторое время отказать себе в излюбленном развлечении – преследовать и изводить беззащитных. Итак, мы с тобой имели возможность познакомиться со всеми теми, кто знал об истинной цели приезда эмиссара Синглтона. Их пятеро: аббат Фабиан, приор Мортимус, брат Габриель, брат Гай. И казначей, как там его...

– Б-брат Эдвиг... – передразнил Марк заику.

– Да, красноречием он не отличается, – улыбнулся я. – Тем не менее, в монастыре он обладает немалым влиянием.

– Мне он показался скользкой жабой, – сообщил Марк.

– Скажу откровенно, я тоже с первого взгляда проникся к нему неприязнью, – признался я. – Но нам не следует отдаваться во власть первого впечатления. Поверь, самый большой мошенник, которого я

когда-либо встречал, обладал безупречными рыцарскими манерами. К тому же в ночь убийства Синглтона казначея не было в монастыре.

– Но зачем кому бы то ни было из монахов убивать Синглтона, вот чего я никак не возьму в толк?

– Ведь этим они только усугубили свое и без того шаткое положение. Совершенное здесь преступление дает лорду Кромвелю веские основания для закрытия монастыря.

– А что, если преступником двигали личные мотивы? – возразил я. – Что, если Синглтон выведал чью-нибудь неприглядную тайну? Ведь он провел в монастыре несколько дней. Возможно, он собирался предъявить кому-нибудь из монахов серьезные обвинения.

– Доктор Гудхэпс сказал, что Синглтон очень тщательно проглядывал расчетные книги. Как раз этим он и занимался накануне убийства, – напомнил Марк.

– Именно поэтому мне тоже необходимо просмотреть эти книги, – кивнул я. – Но вернемся к странному способу, которым Синглтона лишили жизни. Если убийца хотел заставить его навеки замолчать, достаточно было вонзить нож ему под ребра. Это намного проще, чем сносить голову. И зачем понадобилось осквернять церковь?

– Интересно, где убийца спрятал меч, если он действительно нанес смертельный удар именно этим оружием? – задумчиво покачал головой Марк. – И куда он дел ларец с мощами? И свою одежду, она же наверняка насквозь пропиталась кровью.

– В таком огромном монастыре можно найти сотню укромных мест, – заметил я и добавил после недолгого раздумья: – Но с другой стороны, в большинстве своем помещения постоянно используются.

– А служебные постройки, которые мы видели? Мастерская каменотеса, пивоварня и все такое?

– Нет, они совершенно не годятся на роль тайных хранилищ. Там постоянно толкуются люди. Когда мы с тобой как следует осмотримся в монастыре, то, возможно, сумеем понять, где здесь можно что-нибудь спрятать.

– А что, если убийца попросту зарыл в землю и меч и свою окровавленную одежду? – со вздохом предположил Марк. – Из-за этого снега мы никак не сумеем определить, где земля была недавно вскопана.

– Да, если тайник в земле, мы вряд ли его найдем. Так или иначе, завтра мы приступаем к расследованию. Я подробно расспрошу двух непримиримых противников, ризничего и казначея. А ты тем временем поговори с этой девушкой, Элис.

– Брат Гай весьма недвусмысленно дал понять, что мне следует держаться от нее подальше.

– А я посылаю тебя не флиртовать с ней, а поговорить. Всего лишь поговорить, помни об этом. Не вздумай допускать с девушкой какие-нибудь вольности. Нам вовсе ни к чему неприятности с братом Гаем. Ты умеешь обращаться с женщинами, этого у тебя не отнимешь. Судя по виду, Элис отнюдь не глупа. И наверняка ей известно немало здешних секретов.

– Да, но мне бы не хотелось, чтобы она... чтобы она подумала, что я к ней равнодушен, – смущенно пробормотал Марк, ворочаясь на своем узком ложе. – Неловко морочить девушке голову лишь для того, чтобы вытянуть у нее сведения.

– Мы с тобой прибыли сюда именно для того, чтобы собирать сведения, – отрезал я. – А морочить девушке голову и в самом деле совершенно ни к чему. Скажи ей, если она откроет тебе какие-нибудь важные факты, ей не придется об этом жалеть. Ее ждет награда, и она сможет устроиться в другое, более подходящее место. Такой девушке, как Элис, вовсе не пристало хоронить себя заживо в монастыре.

– О, сэр, я вижу, она и на вас произвела сильное впечатление, – расплылся в улыбке Марк. – А вы заметили, какие у нее блестящие голубые глаза?

Она совершенно не походит на обычных служанок, – подчеркнуто безразличным тоном произнес я.

– Тем позорнее вводить ее в заблуждение, рассчитывая, что у нее развяжется язык.

– Марк, если ты собираешься служить закону и короне, ты непременно должен научиться развязывать людям языки.

– Да сэр. – В голосе Марка по-прежнему звучало сомнение. – Но я... но мне бы не хотелось подвергать Элис опасности.

– Мне тоже этого не хотелось бы. Но, увы, мы все здесь в опасности. Не забывай, очень может быть, что по монастырю бродит убийца.

Несколько мгновений Марк хранил молчание.

– А разве вы не считаете, что предположение аббата насчет происков местных колдунов может соответствовать истине? – спросил он, наконец. – Ведь церковь была осквернена, и, похоже...

– Нет, я убежден, что городские колдуны и ведьмы, если они и существуют, не имеют никакого отношения к смерти Синглтона, – перебил я. – Вне всякого сомнения, убийство было задумано заранее. А что касается осквернения церкви, то, возможно, это всего лишь попытка направить следствие по ложному пути. Разумеется, аббату хотелось бы, чтобы преступление оказалось делом рук горожан, проникших в монастырь под покровом ночи.

– По-моему, ни один христианин, будь он реформатором или папистом, не возьмет на себя грех осквернить церковь, – заметил Марк.

– И все же кто-то совершил это мерзостное деяние, – вздохнул я и прикрыл веки, будто налитые свинцом от усталости.

Голова моя отказывалась служить. С трудом открыв глаза, я встретился с пристальным взглядом Марка.

– Сэр, вы сказали, что обезглавленное тело эмиссара Синглтона напомнило вам о казни королевы Анны Болейн, – произнес он.

– Да, – кивнул я. – У меня до сих пор мурашки бегают по коже, когда я вспоминаю об этой казни.

– Ее внезапное падение и жуткая участь поразили всех. Хотя в народе эта королева, мягко говоря, не пользовалась любовью.

– Ее попросту ненавидели. Называли Полуночной Вороной.

– Говорят, ее отсеченная голова пыталась заговорить.

Я умоляющим жестом вскинул руку.

– Довольно об этом, Марк. Я не желаю вспоминать об этом событии. Будь моя воля, ноги моей там не было бы. Но в качестве государственного чиновника я был обязан присутствовать на казни. На сегодня хватит разговоров. Пора спать.

Марк был явно разочарован, однако не стал возражать и принялся подбрасывать поленья в огонь. Потом он растянулся на своем ложе, и я последовал его примеру. Со своей высокой кровати я видел в окно, что снег все еще идет и белый покров на монастырском дворе становится все толще. Судя по освещенным окнам, кое-кто из монахов до сих пор не спал. Времена, когда братия зимой укладывалась засветло, чтобы в

полночь уже быть на ногах и предаваться молитве, безвозвратно канули в прошлое.

Несмотря на усталость, я долго ворочался в постели. Навязчивые мысли никак не давали мне покоя. Главным предметом моих раздумий была девушка по имени Элис. Опасность нависла над каждым, кто находился в этом монастыре, месте, где свершилось жестокое убийство. Но одинокая женщина, без сомнения, была особенно беззащитна. К тому же по нескольким брошенным Элис словам и взглядам я составил ясное представление о ее характере, и этот характер вызвал у меня симпатию. Такою же была Кейт.

Несмотря на то, что я испытывал настоятельную потребность забыться сном, усталый мой рассудок упорно возвращал меня к воспоминаниям трехлетней давности. Кейт Уайндхем была дочерью лондонского торговца сукном, обвиненного в неверных расчетах с оптовым покупателем. Дело было передано в церковный суд на том основании, что контракт, заключенный при сделке, был признан подобием клятвы, данной Господу. Подоплека столь очевидной натяжки заключалась в том, что истец находился в родственных отношениях с архидьяконом, обладающим в суде немалым влиянием. Мне удалось добиться передачи дела в королевский суд, где претензии покупателя были признаны несостоятельными. В знак благодарности мой клиент, вдовец, пригласил меня на обед, где я был представлен его единственной дочери.

Кейт обладала живым и ясным умом и получила соответствующее этому уму образование, ибо ее отец отнюдь не считал, что знания идут во вред женщине. К тому же у нее было прелестное личико в форме сердечка и густые каштановые волосы, свободно спадавшие на плечи. Впервые в жизни я встретил женщину, с которой мог беседовать на равных. Больше всего ей нравилось обсуждать со мной различные тонкости законов, деятельность суда и даже будущее церкви – кстати, несправедливость, которую претерпел отец Кейт, превратила их обоих в ярых поборников реформы. Вечера, проведенные в разговорах с ней и ее отцом, дни, когда Кейт сопровождала меня в долгих пеших прогулках, несомненно, были самыми счастливыми в моей тусклой жизни.

Я полностью отдавал себе отчет в том, что Кейт видит во мне всего лишь друга – она частенько повторяла с шутливым укором, что я

обращаюсь с ней слишком вольно, в точности как с приятелем-мужчиной. И все же надежды на то, что дружба ее может перерасти в нечто большее, упорно шевелились в моей душе. Мне случалось влюбляться и прежде, но я еще ни разу не отважился предложить руку и сердце предмету своих чувств, полагая, что телесный мой изъян не дает мне права рассчитывать на взаимность. Прежде мне необходимо составить неплохое состояние, говорил я себе; лишь богатство способно возместить внешнюю неприглядность. Однако же я мог предложить Кейт то, что она, бесспорно, способна была оценить: увлекательные разговоры, единство интересов, круг друзей, равных ей по уму и развитию.

До сего дня меня терзают мысли о том, как повернулись бы события, открой я свои чувства раньше. Так или иначе, я опоздал. Однажды вечером, явившись в их дом без предупреждения, я застал Кейт в обществе Пирса Стаквилля, компаньона ее отца. Поначалу это ничуть меня не встревожило, ибо, хотя Пирс был чертовски хорош собой, прочие его достоинства исчерпывались безупречными манерами, которые, подозреваю, дались ему с большим трудом. Однако несколько минут спустя я с удивлением заметил, как в ответ на его идиотские остроты Кейт заливается смущенным румянцем; рядом с этим болваном моя возлюбленная превратилась в жеманную кокетку. С этого дня все прежние наши беседы были забыты. Кейт говорила только о Пирсе, о том, что он сказал или сделал, и при этом на губах у нее играла нежная улыбка, разрывавшая мне сердце.

Наконец я открыл Кейт, что питаю к ней нечто большее, чем дружба. Признание было сделано на редкость глупо и неуклюже, я отчаянно мялся и запинаясь на каждом слове. Но самым ужасным было не внезапно напавшее на меня косноязычие, а то неподдельное удивление, с которым встретила мое признание Кейт.

«Мэтью, для меня все это – полная неожиданность, – заявила она. – Я всегда считала, что мы с вами – хорошие друзья. Никогда раньше я не слышала вас ни единого намека на иные чувства. Вот уж не думала, что вы настолько скрытны».

Дрожащим голосом я осведомился, суждено ли моим чувствам остаться безответными.

«Если бы вы открылись мне полгода назад, возможно, все было бы иначе», – с грустью проронила Кейт.

«Мне слишком хорошо известно, что моя внешность способна пробудить лишь отвращение, но не страсть».

«Подобное убеждение сослужило вам плохую службу! – с внезапным пылом воскликнула Кейт. – У вас приятное лицо, живое и мужественное, вы умны, деликатны и учтивы. Напрасно вы придаете столько значения своей согбенной спине. Можно подумать, на всем свете вас одного постигло подобное увечье. Вы слишком носитесь с собственными недостатками, Мэтью, и недооцениваете своих достоинств».

«Но тогда...»

Кейт покачала головой, на глазах у нее выступили слезы.

«Поздно. Я люблю Пирса. И он уже попросил у отца моей руки».

Позабыв свою обычную сдержанность, я принялся отговаривать ее от этого опрометчивого шага. Я твердил, что рядом с этим тупым и невежественным малым она умрет со скуки. На это Кейт резонно возразила, что вскоре у нее появятся дети, которые поглотят все ее внимание. Растить детей и заботиться о доме – не это ли удел, назначенный женщине Господом? На это мне нечего было сказать. Мне оставалось лишь удалиться.

Никогда более я не видел Кейт. Неделью спустя эпидемия бубонной чумы налетела на Сити, подобно урагану. Сотни людей, поражаемых недугом, сотрясались от озноба, обливались потом и в течение двух дней умирали в своих постелях. Болезнь была равно жестока к представителям как низших, так и высших классов. Она унесла и Кейт и ее отца. В качестве душеприказчика старика я устраивал их похороны. В памяти моей навечно отпечатались два деревянных гроба, медленно опускаемые в землю, и искаженное отчаянием лицо Пирса Стаквилля. В эти горестные мгновения я понял, что он любил Кейт не меньше моего, и кивнул ему с грустной улыбкой. Он ответил мне взглядом товарища по несчастью, полным боли и сочувствия. Провожая Кейт в последний путь, я мысленно возблагодарил Бога за то, что Он помог мне избавиться от пагубного заблуждения, согласно которому души умерших пребывают в чистилище, где испытывают невыносимые муки. Теперь я точно знаю, что безгрешная душа Кейт спасена и ей дарован вечный покой.

Сейчас, когда я пишу эти строки, слезы застилают мои глаза. Я не мог удержаться от слез и той зимней ночью в монастыре Скарнси. Я

тихо плакал, стараясь не всхлипывать, так как меньше всего хотел разбудить Марка, который осыпал бы меня ненужными расспросами. Наконец слезы очистили мою душу, и я уснул.

Однако той ночью мне снова приснился давний кошмар. Картины казни королевы Анны не являлись мне уже давно, но стоило мне увидеть обезглавленное тело Синглтона, мучительные видения вернулись. Во сне я вновь пережил все томительные подробности того солнечного весеннего утра, когда я в густой толпе народа стоял у покрытого соломой эшафота. Я находился в первых рядах толпы; лорд Кромвель приказал всем своим подчиненным присутствовать на казни, тем самым выражая одобрение происходящему. Сам он стоял неподалеку, у самого эшафота. Он добился стремительного возвышения в качестве представителя партии Анны Болейн; ныне при его действительном участии королеве было предъявлено обвинение в супружеской измене, за которую ей предстояло поплатиться жизнью. Лицо лорда Кромвеля, с сурово насупленными бровями и сжатым ртом, могло служить воплощением беспощадного правосудия.

Деревянный настил вокруг плахи покрывал толстый слой соломы, и привезенный из Франции палач в зловещем черном капюшоне застыл со скрещенными на груди руками. Я окинул помост взглядом в поисках меча, который, согласно единственному пожеланию королевы, должен был обеспечить ей скорый и безболезненный конец, но не нашел орудия казни. Впрочем, озираться по сторонам мне было затруднительно, ибо, подобно всем прочим, я стоял, почтительно опустив голову. На казни присутствовали величайшие люди государства – лорд-канцлер Одли, сэр Ричард Рич, граф Саффолк.

Поэтому те, кому достались места в первых рядах, хранили благоговейное молчание, в то время как сзади доносился оживленный гул голосов. Помню, взор мой упал на яблоневое дерево в полном цвету. Черный дрозд уселся на одну из ветвей и завел свою жизнерадостную песню, не обращая на толпу ни малейшего внимания. Я не сводил глаз с птицы, завидуя ее беззаботности.

Тут шум в толпе усилился, и появилась королева. Она шла в окружении фрейлин, капеллана в стихаре и стражников в красных мундирах. Она показалась мне до крайности хрупкой и изможденной, под просторным белым плащом угадывались очертания узких

костлявых плеч, волосы были убраны под чепец. Подойдя к плахе, она оглянулась, словно ожидая, что вот-вот к месту казни явится посланник короля с известием о помиловании. За девять лет, проведенных на престоле, она имела возможность как следует ознакомиться с деятельностью суда и потому должна была знать, что надеяться не на что: зрители собрались и захватывающее пышное представление не подлежит отмене. Я заметил, что взгляд огромных карих глаз, обведенных темными кругами, скользит по эшафоту, и понял, что королева, подобно мне, ищет смертоносный меч.

Во сне события катились к развязке стремительнее, чем в действительности; не было ни долгих молитв, ни последнего слова королевы Анны, со смертного помоста попросившей собравшихся молиться о здравии и благоденствии короля. Потом королева опустилась на колени, лицом к толпе, и разразилась рыданиями. Хриплые ее крики эхом отдавались у меня в ушах. «Господи, прими мою душу, – молила осужденная на смерть женщина. – Отец наш небесный, сжался надо мной!» Палач наклонился и достал огромный меч, который был спрятан под соломой. «Вот, значит, где он был», – только и успел подумать я. В следующее мгновение клинок со свистом рассек воздух, голова казненной отделилась от туловища, и из разрубленной шеи фонтаном брызнула кровь. Я ощутил мучительный приступ тошноты и закрыл глаза. По толпе прошел одобрителный гул, переросший в многократное «ура!». Когда палач с сильным французским акцентом произнес полагающиеся в подобном случае слова: «Так погибнут все враги короля», я вновь открыл глаза. Солома вокруг плахи и одежда палача насквозь пропитались кровью, по-прежнему хлеставшей из обезглавленного трупа. Палач схватил голову королевы за волосы и показал толпе.

Паписты утверждают, что в этот момент все свечи в Дувре зажглись сами собой. Я знаю, что по стране ходит множество подобных легенд. Сам я могу подтвердить лишь одно: глаза казненной королевы жили и она обвела толпу безумным блуждающим взором, губы ее шевелились, словно пытаясь что-то произнести, по толпе пронесся испуганный шепот, кто-то пронзительно вскрикнул, множество рук пришло в движение, творя крестное знамение. Правда, голова казненной жила не более полуминуты, а вовсе не полчаса, как потом рассказывали склонные к преувеличениям очевидцы

произошедшего. Но в ночном кошмаре я заново пережил каждую из этих томительных секунд, я вновь молил мертвые глаза закрыться, молил мертвые губы не шевелиться более. Наконец палач швырнул голову в ящик для стрел, заменивший казненной гроб. Голова упала с тяжелым стуком, и тут я проснулся от собственного крика. Мгновение спустя я понял, что на самом деле кошмар мой прерван осторожным стуком в дверь.

Я лежал, тяжело дыша, и липкий пот, выступивший у меня на лбу, казалось, превращался в ледяные крупинки. Стук повторился вновь, до меня донесся негромкий, но настойчивый голос Элис:

– Господин Шардлейк! Проснитесь, сэр!

Стояла глубокая ночь, огонь в очаге почти потух, и в комнате царил холод. Марк стонал и ворочался во сне.

– В чем дело? – спросил я дрожащим голосом.

Сердце мое все еще не могло успокоиться и молотом билось в груди.

– Брат Гай просит вас немедленно прийти.

– Подождите несколько минут, – сказал я, тяжело поднялся с постели и зажег свечу от одного из тлеющих в очаге угольков.

Марк тоже проснулся и уселся на своем убогом ложе, взлохмаченный и недоумевающий.

– Что случилось? – спросил он.

– Не знаю. Оставайся здесь.

Я торопливо оделся и открыл дверь. В коридоре стояла девушка в белом переднике поверх синего платья.

– Простите за беспокойство, сэр. Но Саймон Уэлплей очень плох. Он хочет срочно поговорить с вами. Брат Гай приказал мне разбудить вас.

– Вы поступили совершенно правильно, – кивнул я и вслед за девушкой двинулся по холодному коридору.

Одна из дверей в конце коридора была открыта, и оттуда доносились голоса – звучный и уверенный, принадлежавший брату Гаю, и еще один, слабый и прерывистый. Заглянув в комнату, я увидел юного послушника, лежавшего на соломенном тюфяке. Лицо его блестело от пота, из груди вырывалось хриплое дыхание, он что-то бормотал в бреду. У постели сидел брат Гай и обтирал лоб юноши влажным куском ткани.

– Что с ним? – спросил я, не в силах скрыть охватившего меня беспокойства: я прекрасно знал, что тяжелое хриплое дыхание и обильный пот являются признаками чумы.

Лекарь перевел на меня строгий внимательный взгляд.

– Загустение мокроты в легких, – ответил он. – Ничего удивительного, если вспомнить, что мальчика оставляли без еды и заставляли часами стоять на холоде. Сейчас у него сильный жар. Но он постоянно твердит, что хочет поговорить с вами. Я знаю, он не успокоится, пока не настоит на своем.

Я сделал несколько шагов по направлению к кровати. Подходить к больному слишком близко я не решался, опасаясь, что на меня могут попасть капли его мокроты. Юноша устремил на меня взгляд воспаленных глаз.

– Вы ведь посланник короля, – с усилием прошептал он. – И вы прибыли сюда, чтобы свершить правосудие?

– Да, я посланник короля и прибыл сюда, дабы выяснить, кто виновен в смерти эмиссара Синглтона.

– Он не первая жертва, – выдохнул больной. – Не первая. Я знаю.

– Что ты имеешь в виду? Ты хочешь сказать, в монастыре был убит кто-то еще?

Тут щуплое тело Саймона сотряс приступ мучительного кашля. Я слышал, как что-то свистело и клокотало в его хилой груди. Когда кашель наконец отпустил несчастного, он, совершенно обессиленный, откинулся на подушку. Взгляд его упал на Элис.

– Хорошая, добрая девушка, – пролепетал он. – Я предупреждал ее об опасности.

Саймон залился слезами, жалобно всхлипывая. Мгновение спустя всхлипывания переросли в новый приступ кашля, такой сильный, что казалось, грудь больного вот-вот разорвется на части. Я повернулся к Элис.

– Что он хочет сказать? О чем он предупреждал вас?

Однако лицо девушки выражало неподдельное недоумение.

– Я ничего не понимаю, сэр. Он ни о чем меня не предупреждал. Насколько мне помнится, до сегодняшнего дня мы с ним и словом не перемолвились.

Я перевел глаза на брата Гая, который, судя по всему, разделял недоумение Элис. Он не сводил обеспокоенного взгляда с больного.

– Ему очень худо, сэр, – сказал брат Гай. – Думаю, будет лучше дать ему покой.

– Нет, брат, это невозможно. Мне необходимо расспросить его. Может, вы догадываетесь о том, что он хочет сказать?

– Нет, сэр. Я знаю не больше, чем Элис.

– Господин Уэлплей, соберитесь с силами и объясните мне, что вы имели в виду, – обратился я к несчастному мальчику. – Элис говорит, вы ни о чем ее не предупреждали.

– Элис хорошая девушка, – простонал больной. – Такая добрая и ласковая. Я должен был предупредить ее...

Он вновь зашелся кашлем, и брат Гай решительно встал, загораживая от меня кровать.

– Извините, сэр, но я должен просить вас более не тревожить больного. Я полагал, что разговор с вами поможет ему успокоиться. Но видите сами, он бредит и не может ничего толком сказать. Сейчас я дам ему снотворный настой.

– Прошу вас, сэр, будьте милосердны, – добавила Элис. – Вы сами видите, бедный мальчик едва жив.

Я бросил взгляд на Саймона, который, похоже, лишился сознания.

– Его болезнь действительно так опасна? – спросил я брата Гая.

– Либо в самое ближайшее время произойдет кризис, либо лихорадка убьет его, – ответил он, скорбно поджав губы. – Мальчик подвергался здесь слишком суровому обращению, – добавил он со сдержанным гневом. – Я собираюсь сообщить об этом аббату, когда он утром заглянет проведать больного. На этот раз приор Мортимус зашел слишком далеко.

– Мне необходимо выяснить, что Саймон имел в виду, – заявил я непререкаемым тоном. – Завтра я непременно найду и снова попытаюсь поговорить с ним. Если его состояние ухудшится, немедленно дайте мне знать.

– Разумеется, сэр. А теперь прошу извинить меня. Я должен приготовить настой.

Я кивнул, и брат Гай вышел из комнаты. Поймав взгляд Элис, я улыбнулся ей, стараясь придать своему лицу добродушное и приветливое выражение.

– Все это чрезвычайно странно, – заметил я. – Быть может, Элис, у вас есть хоть какие-то догадки? Вначале Саймон сказал, что

предупредил вас, потом – что должен был предупредить.

– Уверяю вас, сэр, он ничего не говорил мне. Когда его поместили в лазарет, он сразу впал в забытие. А потом его начал мучить жар, он стал бредить и звать вас.

– Но что он имел в виду, когда сказал, что Синглтон – не первая жертва?

– Клянусь, сэр, я не имею об этом понятия.

В голосе девушки проскользнули тревожные нотки. Я внимательно посмотрел на нее и произнес как можно мягче и вкрадчивее:

– Скажите, Элис, а у вас не возникало ощущения, что вам угрожает какая-нибудь опасность?

– Нет, сэр.

Лицо девушки залилось румянцем, и я с удивлением отметил, что в глазах ее мелькнули гнев и презрение.

– Порой кое-кто из монахов ведет себя со мной неподобающим образом. Но с помощью брата Гая мне всегда удается дать им должный отпор. К тому же подобные происки неприятны, но не представляют опасности.

Я кивнул, вновь убедившись в том, что догадки мои о сильном характере Элис соответствуют истине.

– Наверное, Элис, вы не слишком счастливы здесь? – спросил я доверительным тоном.

Девушка пожалала плечами.

– Я занимаюсь благим делом. И брат Гай очень добр ко мне.

– Элис, если вам понадобится моя помощь или вы захотите сообщить что-нибудь, прошу вас, обращайтесь ко мне безотлагательно. Мысль о грозящей вам опасности не дает мне покоя.

– Спасибо, сэр. Я очень вам признательна.

В голосе Элис звучала настороженность. У нее не было никаких оснований доверять мне больше, чем монахам. «Возможно, с Марком она окажется разговорчивее», – подумал я. Тут больной принялся метаться в постели, пытаюсь сбросить одеяло, и Элис повернулась к нему.

– Спокойной ночи, Элис, – сказал я на прощание.

Элис пыталась успокоить Саймона и откликнулась, не оборачиваясь:

– Спокойной ночи, сэр.

Я вышел в холодный гулкий коридор. Подойдя к окну, я заметил, что снегопад наконец прекратился. Ровный, не нарушенный ни единым следом снежный покров сверкал и искрился в лунном сиянии. Глядя на пустынный двор, на недвижные черные тени зданий, я чувствовал себя таким неприкаянным и одиноким, словно находился в одном из лунных кратеров.

ГЛАВА 10

Проснувшись поутру, я не сразу понял, где нахожусь. Непривычно яркий солнечный свет заливал незнакомую комнату. В следующее мгновение я вспомнил все и сел на кровати. Марк, которого я, вернувшись после неудавшегося разговора с больным послушником, застал крепко спящим, был уже на ногах. Он успел натянуть штаны, подбросить поленьев в огонь, вскипятить воды и теперь брился. Выглянув в окно, я зажмурился – так ярко блестел на солнце снег, уже прочерченный длинными цепочками птичьих следов.

– Доброе утро, сэр, – приветствовал меня Марк, изучая собственное отражение в тусклом медном зеркале.

– Сколько сейчас времени?

– Недавно пробило девять. Лекарь сказал, завтрак ждет нас в лазаретской кухне. Он знал, что вчера мы очень устали, и не стал нас будить.

– У нас с тобой не так много времени, чтобы валяться в постели! – пробурчал я, поспешно одеваясь. – Давай, кончай быстрее скрести свою физиономию бритвой и надевай рубашку.

– А вы разве не будете бриться?

– Монахам придется терпеть меня небритым.

Мысль о предстоящем расследовании не давала мне сидеть на месте.

– Хватит возиться, Марк, – вновь поторопил я. – Мне надо как следует осмотреть монастырь и поговорить со старшими монахами. А у тебя есть замечательная возможность поболтать с Элис. Когда вволю насладишься беседой, прогуляйся по монастырю, посмотри, где тут можно спрятать меч и ларец с мощами. Нам надо без промедления искать ответы на все возникшие вопросы, потому что новые вопросы не заставят себя ждать.

Зашнуровывая штаны, я рассказал Марку о странных намеках Саймона Уэлплея.

– Он сказал, в монастыре был убит кто-то еще? – поразился Марк. – Господи Иисусе! С каждым часом это дело становится все более запутанным.

– Да уж. И времени, чтобы распутать этот клубок, у нас в обрез. Идем.

Мы вышли в коридор и направились в кабинет брата Гая. Он сидел за столом, читая свою древнюю арабскую книгу.

– А, проснулись, – произнес он с легким акцентом.

Неохотно закрыв книгу, брат Гай провел нас в маленькую комнату, где с потолка свисали пучки сушеных трав. Сделав нам знак садиться, он поставил на стол хлеб, сыр и кувшин со светлым пивом.

– Как ваш больной? – спросил я, принимаясь за еду.

– Слава Богу, сегодня утром ему лучше. Жар спал, и мальчик крепко спит. Позднее к нему зайдет аббат.

– А вы бы не могли рассказать мне историю послушника Уэлплея?

– Насколько я знаю, он сын мелкого фермера, живущего неподалеку от Тонбриджа, – с грустной улыбкой сообщил брат Гай. – Он из тех, кто слишком мягок и слаб для этого жестокого мира. Подобные нежные души зачастую ищут тихого пристанища и потому стремятся в святые обители. Полагаю, именно в этом Господь видел их предназначение.

– Значит, такие, как брат Саймон, надеются обрести здесь убежище от жестокого мира?

– Да, они хотят служить Богу и миру своими молитвами. Разве это не лучше, чем подвергаться насмешкам и гонениям, которые неизбежно ждут их за стенами обители? Впрочем, для брата Саймона обстоятельства сложились не лучшим образом. Вряд ли будет справедливо сказать, что он обрел в монастыре надежное убежище.

Я внимательно посмотрел на лекаря.

– Вы правы. Он подвергся здесь жестоким насмешкам и гонениям, которых хотел избежать. Когда мы покончим с едой, брат Гай, я хотел бы вместе с вами осмотреть кухню, где вы обнаружили тело. Боюсь, мы сегодня слишком поздно встали.

– Разумеется, я отведу вас в кухню. Но я не могу надолго оставлять больных.

– Я не собираюсь злоупотреблять вашим временем. Получаса будет вполне достаточно, – заверил я, допил пиво, поднялся и закутался в плащ. – Господин Поэр останется здесь. Вчера он слишком утомился, и сегодня утром я позволил ему немного отдохнуть. Идемте, брат.

Мы прошли через главное помещение лазарета, где я увидел Элис, склонившуюся над постелью старого монаха. Никогда прежде мне не доводилось встречать такого древнего старика, как этот монах. Дышал он редко и прерывисто, и каждый вздох явно стоил ему огромных усилий. Зато сосед умирающего старца был его полной противоположностью – упитанный и румяный, он сидел в постели и сам с собой играл в карты. Слепой монах спал, сидя в кресле.

Брат Гай распахнул входную дверь и тут же отступил, потому что целый пласт снега, свалившись с порога, оказался на полу комнаты.

– Нам лучше надеть боты, – заметил брат Гай. – Иначе мы насквозь промочим ноги.

Он ушел за непромокаемой обувью, оставив меня на улице, под ослепительным голубым небом. Пар от моего дыхания клубился в неподвижном воздухе. За всю свою достаточно долгую жизнь я не мог припомнить более холодного дня. Снег был таким легким и пушистым, каким бывает лишь в дни жесточайших морозов. Говорят, по свежим сугробам любит разгуливать дьявол. Все дорожки занесло, и я порадовался, что захватил с собой палку: без нее мне было бы трудно сохранять равновесие. Тут вернулся брат Гай с двумя парами крепких кожаных бот.

– Мы держим их для монахов, которым приходится выходить за пределы монастыря, – пояснил он. – Дороги здесь круглый год грязные.

Мы затянули кожаные шнурки и двинулись по снегу, который доходил нам до середины голени. Смуглое лицо брата Гая казалось еще темней на фоне сверкающей белизны. Лишь небольшое расстояние отделяло нас от входа в кухню. Я заметил, что братский корпус и лазарет имеют общую стену, и спросил своего провожатого, нет ли в этой стене двери.

– Да, раньше такая дверь была, – кивнул он. – Но во время Великой Чумы ее заколотили, чтобы сократить риск распространения заразы. С тех пор она так и стоит заколоченная.

– Прошлой ночью, увидав больного юношу, я испугался, что у него чума, – признался я. – Мне случалось видеть, как люди за несколько дней сторают от этой беспощадной болезни. Но разумеется, в гнилом и затхлом воздухе городов она распространяется куда быстрее, чем здесь.

– К счастью, мне редко приходилось иметь дело с больными чумой, – ответил брат Гай. – Причина большинства болезней, которыми страдают братья, – долгие молитвы в холодной церкви. И преклонный возраст, разумеется.

– У вас есть еще один больной, состояние которого показалось мне удручающим. Я имею в виду старика.

– Да, это брат Франциск. Ему девяносто четыре года. Он вступил в ту жизненную пору, когда человек впадает в детство, и к тому же захворал малярией. Полагаю, его пребыванию в этом мире скоро придет конец.

– А толстяк? Чем страдает он?

– У него язвы на ногах, такие же, как у брата Септимуса, только хуже. Я дренировал их, и теперь он отдыхает и набирается сил. Заставить его подняться на ноги будет непросто, – добавил брат Гай со снисходительной улыбкой. – Братья, даже выздоровев, покидают лазарет с большой неохотой. Брат Эндрю, например, стал постоянным нашим обитателем. С тех пор как он ослеп, он боится самостоятельно передвигаться. Боится даже выйти из палаты.

– И много престарелых монахов находится на вашем попечении?

– Двенадцать человек. Здешние обитатели живут подолгу. Четверем из моих подопечных больше восьмидесяти лет.

– Это доказывает, что монахи избегают тягот и горестей, которые сокращают жизнь большинства мирян.

– Или же наша вера укрепляет не только душу, но и тело. Мы пришли.

Брат Гай открыл передо мной массивную дубовую дверь. В полном соответствии с описанием, которое он дал мне минувшим вечером, в кухню вел небольшой коридор. Дверь в его конце была распахнута, и до меня доносились голоса, лязг ножей и звон посуды. Мои ноздри сразу защекотали соблазнительные запахи. Попав в просторную чистую кухню, я увидал с полдюжины служек, занятых приготовлением обеда.

– Итак, брат, когда вы вошли в кухню той злополучной ночью, где лежало тело? – обернулся я к брату Гаю.

Под любопытными взглядами служек лекарь сделал несколько шагов.

– Вот здесь, около большого стола. Тело лежало на животе, ногами к двери. А голова была вон там.

И он указал на железный чан с надписью «Масло». Я не сводил с него глаз, так же как и позабывшие о своих занятиях служки. Один из них перекрестился.

– Создается впечатление, удар был нанесен, как только эmissар вошел в дверь, – предположил я.

Я заметил, что около того места, где лежало тело, стоит большой посудный шкаф. За ним вполне мог спрятаться убийца и, выждав подходящий момент, выскочить и нанести удар. Я подошел к шкафу, потом быстро сделал шаг вперед и взмахнул в воздухе палкой, так резко, что несколько служек испуганно отскочили.

– Да, здесь достаточно места, чтобы как следует замахнуться, – заключил я. – Теперь я имею представление о том, как действовал убийца.

– Обладая острым клинком и сильной рукой, это можно проделать, – задумчиво изрек брат Гай.

– И к тому же убийца владел мечом весьма искусно, – добавил я, оглядывая служек. – Кто из вас главный повар?

Вперед выступил бородач в покрытом пятнами фартуке.

– Я, сэр, – сказал он, низко поклонившись. – Ральф Спинли, к вашим услугам.

– Значит, вы здесь главный, господин Спинли. И у вас, конечно, есть ключи от кухни?

– Да, сэр.

– Войти сюда можно только одним путем – через ту дверь, что ведет во внутренний двор?

– Да, сэр.

– Скажите, а дверь в кухню запирается?

– В этом нет необходимости. Мы запираем лишь дверь во внутренний двор.

– У кого еще есть ключи?

– У брата лекаря, у аббата и у приора. И у господина Багги, привратника. Он проверяет, все ли в порядке, когда совершает ночной обход. А больше ключей ни у кого нет. Если кому-то требуется войти в кухню, он обращается ко мне. Сюда нельзя пускать кого попало, сэр, иначе от припасов быстро ничего не останется. И святые братья

лишатся пропитания. Со здешним народом, сэр, надо держать ухо востро. Взять, к примеру, брата Габриеля. Хоть он и старший монах, а по утрам частенько бродит по коридору, выжидает, вдруг мы зазеваемся. Каждый не прочь побаловать себя чем-нибудь вкусненьким и...

– А как быть, если кому-то необходимо срочно попасть в кухню, а вас по какой-то причине нет в монастыре? – перебил я словоохотливого повара.

– За ключами можно обратиться к господину Багги или брату приору, – ответил повар и добавил с улыбкой: – Хотя не всякий решится побеспокоить их даже в случае крайней необходимости.

– Благодарю вас, господин Спинли, вы очень помогли мне.

Я зачерпнул рукой немного сладкого заварного крема из стоявшей поблизости миски и отправил в рот. Повар наблюдал за мной с несколько растерянным видом.

– Очень вкусно, – одобрительно кивнул я. – Не буду более отнимать вашего драгоценного времени, брат Гай. Надеюсь, вы будете столь любезны и подскажете мне, где найти брата казначея. Я хотел бы побеседовать с ним.

Брат Гай указал мне, где находится монастырское казначейство, и я побрел по снегу, поскрипывавшему под моими кожаными ботами. В отличие от вчерашнего дня сегодня во дворе было тихо и безлюдно. В такой холод и люди и собаки предпочитали сидеть дома. Размышляя над обстоятельствами убийства, я все более убеждался в том, что смертельный удар Синглтону нанес человек, прекрасно владеющий мечом и обладающий незаурядной физической силой. Трудно было представить, чтобы кто-нибудь из здешних обитателей мог совершить такое. Аббат, бесспорно, был крупным, рослым мужчиной, так же как и брат Габриель, однако владение мечом – искусство, доступное лишь представителям высших сословий, а не монахам. На память мне тут же пришли слова повара о том, что Габриель частенько бродит около кухни. Все это очень странно, подумал я. Брат ризничий отнюдь не производил впечатления чревоугодника, способного тайком утащить со стола лакомый кусок.

Я окинул взглядом занесенный снегом двор и со вздохом подумал, что до Лондона нам сейчас никак не добраться. Не слишком приятно

было сознавать, что мы с Марком волею случая стали кем-то вроде пленников, отрезанных от всего мира. И скорее всего, здесь, в этих стенах, находится убийца. Тут я обратил внимание, что бессознательно иду по самой середине двора, подальше от теней, бросаемых стенами, от дверей, за каждой из которых может подстергать опасность. Я вздрогнул. В полном одиночестве, среди белого сверкающего безмолвия мне стало не по себе, и я вздохнул с облегчением, когда увидел Багги и рядом с ним – одного из служек. Вооружившись лопатами, они расчищали дорожку, ведущую к главным воротам монастыря.

Когда я подошел, привратник, раскрасневшийся от работы, вскинул голову. Его помощник, крепкий молодой парень, лицо которого было обезображено многочисленными бородавками, смущенно улыбнулся и поклонился. Оба они так разгорячились от усилий, что распространяли вокруг себя крепкий запах пота.

– Доброе утро, сэр, – произнес Багги.

В тоне его не осталось и следа прежней грубости; вне всякого сомнения, он получил указание обращаться со мной со всей возможной почтительностью.

– Жуткий холод сегодня.

– Да, сэр, прохладно. Зима в этом году пришла рано.

– Уж если мы встретились, мне хотелось бы задать вам несколько вопросов, господин Багги. Относительно ваших ночных обходов.

Привратник кивнул, опершись на лопату.

– Я совершаю обход дважды за ночь. В девять часов и в половине четвертого. Кто-нибудь из нас – или я, или Дэвид – обходит двор и проверяет двери всех помещений.

– А ворота? Вы запираете их на ночь?

– Да, а как же иначе. В девять часов. И открываю в девять часов утра, после заутрени. Когда ворота заперты, в монастырь не проберется даже собака.

– И кошка тоже, – добавил молодой служка.

Взгляд у него был живой и сообразительный. Как видно, природа обделила его внешней привлекательностью, но не умом.

– Насчет кошек я не стал бы утверждать с уверенностью, – возразил я. – Они обладают немалой ловкостью и могут вскарабкаться на стену. Как, впрочем и люди.

Подобное предположение явно пришлось привратнику не по душе.

– Вряд ли найдется кошка, способная вскарабкаться на стену высотой двенадцать футов, – процедил он. – О людях я уж и не говорю. Вы видели здешние стены, сэр. Они из гладкого камня, без всяких уступов и трещин. За них не зацепишься.

– Значит, стены вокруг монастыря совершенно неприступны?

– Это не совсем так, сэр. У задней стены камень немного раскрошился. Но та стена выходит на топкое болото, и к ней невозможно подобраться, особенно ночью. Достаточно сделать неверный шаг, и тебя с головой затянет в трясину. Чмок, и поминай как звали, – добавил Багги, взмахнув рукой.

– Если в монастырь невозможно проникнуть, зачем тогда вы совершаете обходы?

Багги придвинулся ко мне ближе, и я невольно отшатнулся, спасаясь от запаха немытого потного тела. Привратник, впрочем, не обратил на это ни малейшего внимания.

– Дьявол искушает людей, сэр, – доверительно сообщил он. – Даже здесь, в монастыре, можно впасть в грех. Во времена старого приора никакого порядка здесь не было. Приор Мортимус приказал мне совершать обход. И ежели случится заметить, что кто-то из монахов бродит по монастырю, все равно с какой целью, я должен незамедлительно ему докладывать. Я так и поступаю, – заявил он с самодовольной улыбкой. – Можете не сомневаться, меня не возьмешь ни испугом, ни посулами.

– Вы, конечно, помните ночь, когда был убит эмиссар Синглтон. Может, вы заметили что-нибудь странное? Например, признаки того, что в монастырь пробрался посторонний?

Багги покачал головой.

– Нет, сэр. В ту ночь я сам совершал обход и могу клясться, что между половиной четвертого и половиной пятого все было в точности как обычно. Я проверил дверь, ведущую в кухонный коридор, и она была заперта. Что до эмиссара, то он мне встретился собственной персоной, – важно добавил привратник.

– Да, я слышал об этом. И где же вы его увидели?

– Я как раз проверял двери братского корпуса, когда заметил – кто-то идет. Понятное дело, я его окликнул. Это был эмиссар Синглтон, полностью одетый, словно он и не ложился.

– Что же заставило его подняться в такой глухой ночной час?

– Он сказал, сэр, что у него назначена встреча. – Багги вновь самодовольно улыбнулся, явно наслаждаясь оказанным ему вниманием. – А еще он вот что сказал: мол, если увидишь кого из братьев и тот скажет, что идет на встречу с эмиссаром, пропусти его, не задерживая.

– Значит, он собирался тайно переговорить с кем-то из монахов?

– Похоже, что так, сэр, похоже, что так. И столкнулись-то мы с господином Синглтоном совсем близко от двери в кухню. Буквально в нескольких шагах.

– А сколько было времени, вы не запомнили?

– Наверное, около четверти пятого. Я почти закончил свой обход.

Я указал глазами на огромное здание за спиной Багги.

– Церковь запирается на ночь?

– Нет, сэр, никогда. Но я по обыкновению обошел вокруг церкви, и все было спокойно. В половине пятого я вернулся в свою сторожку. Приор Мортимус дал мне маленькие часы, – добавил он с гордостью, – и потому я всегда точно знаю, сколько времени. Я оставил у ворот Дэвида, а сам завалился в постель. Только спать мне пришлось недолго. В пять часов поднялась суматоха.

– Итак, эмиссар Синглтон собирался встретиться с кем-то из монахов. Создается впечатление, что именно этот монах – виновник свершившегося злодеяния.

– Никого из посторонних той ночью в монастыре не было, – заявил Багги после минутного раздумья. – Вот все, что я могу сказать. Украдкой пробраться в монастырь невозможно.

– Не стал бы утверждать это столь категорично, – возразил я. – Но все же присутствие посторонних в монастыре той ночью маловероятно. Благодарю вас, господин Багги, вы очень помогли мне.

Я повернулся и двинулся прочь, а привратник и его помощник вновь налегли на лопаты.

Теперь я направил свои стопы к зеленой двери, за которой располагалось монастырское казначейство. Войдя без стука, я очутился в комнате, обстановка которой была мне привычна с молодых лет: вдоль беленых стен тянулись полки, заставленные бухгалтерскими книгами, повсюду теснились письменные столы, заваленные

документами и счетами. За столами сидели два монаха, погруженные в работу. Один из них, пожилой, красноглазый, считал деньги. Другой, молодой, бородатый, нахмурившись, листал учетную книгу. В нем я узнал того самого злополучного юнца, что прошлым вечером проигрался в карты. У дальней стены стоял сундук, запертый навесным замком впечатляющих размеров; вне всякого сомнения, именно там и находилась монастырская казна.

При моем появлении оба монаха вскочили на ноги.

– Доброе утро, – приветствовал я их. Вместе со словами изо рта у меня вырвалось облачко пара – комната не отапливалась. – Я хотел бы увидеть брата Эдвига.

Молодой монах указал глазами на одну из дверей.

– Брат Эдвиг сейчас беседует с аббатом...

– Они там? Я присоединюсь к ним, – заявил я и, не обращая внимания на протестующие жесты обоих монахов, подошел к двери.

Распахнув ее, я оказался на лестнице. Она вела на небольшую площадку с окном, из которого открывался вид на заснеженный двор. Там же находилась дверь, из-за которой раздавались голоса. Я замер, затаив дыхание, однако не смог разобрать ни слова. Оставалось лишь открыть дверь и войти.

Теперь я прекрасно слышал раздраженный голос аббата:

– Мы должны запросить больше. Нам не пристало отдавать такой изрядный кусок меньше чем за три сотни.

– Господин аббат, д-деньги н-нам нужны сейчас. Если он г-готов выложить за землю наличные, нельзя упускать т-такой случай!

Несмотря на заикание, в голосе казначея слышались металлические нотки. Тут аббат обернулся и, завидев меня, пришел в откровенное замешательство:

– О, господин Шардлейк...

– Сэр, мы с-сейчас обсуждаем п-проблемы, не имеющие никакого отношения к интересующему вас д-делу, – выпалил казначей, вспыхнув от досады.

– Боюсь, сейчас в вашем монастыре нет проблем, не имеющих отношения к интересующему меня делу, – хладнокровно возразил я. – Если я всякий раз буду стучать и ждать разрешения войти, это вряд ли пойдет на пользу расследованию, которым я занят в настоящее время.

Брат Эдвиг, сделав отчаянное усилие, подавил приступ злости. Передо мной вновь стояло живое воплощение любезности и исполнительности.

– Да, сэр, вы п-правы, – пробормотал он, взмахнув пухлыми руками. – Прошу п-простить мне мою неучтивость. Мы с отцом аббатом об-бсуждали ф-фи-нансовые дела. Нам необходимо продать некоторые земли, дабы изыскать с-средства на ремонт церкви. В-вы сами понимаете, это никак не с-связано...

Лицо его вновь залила краска, и он замолчал, не в силах подобрать подходящие слова.

– Это никак не связано с печальным событием, приведшим вас в наш монастырь, – пришел к нему на помощь аббат, полностью взявший себя в руки.

– Брат казначей, я полагаю, что именно этот вопрос может иметь самое непосредственное отношение к упомянутому вами печальному событию, – заявил я, опускаясь на стул у письменного стола с множеством ящиков. Помимо этого стола, нескольких стульев и полок, уставленных бухгалтерскими книгами, в комнате более не было никакой мебели. – Я был бы вам признателен, если бы вы пролили свет на некоторые факты.

– Я к в-вашим услугам, сэр.

– Доктор Гудхэпс сообщил мне, что накануне своей гибели эмиссар Синглтон просматривал расчетную книгу, которую получил у вас. А после его гибели книга исчезла.

– Но она в-вовсе не исчезла, сэр. Она по-прежнему находится в моем к-кабинете.

– Возможно, вы будете столь любезны и сообщите мне, какого рода сведения содержатся в этой книге.

Казначей погрузился в задумчивость.

– С-сразу трудно п-припомнить, сэр, – пробормотал он. – Если мне не изменяет память, там п-перечислены расходы на лазарет. Мы вносим расходы на различные с-службы, лазарет и ризницу, в отдельные книги. А п-потом сводим воедино и с-составляем единый п-перечень расходов монастыря...

– Мне сообщили, что эмиссар Синглтон интересовался несколькими расчетными книгами. Вероятно, сохранились записи, позволяющие уточнить, какие именно книги он просматривал.

– Да, т-такие записи есть, – нахмурившись, кивнул казначей. – Однако эmissар неоднократно б-брал с полки книги, не потрудившись сказать об этом мне или моим п-помощникам.

– Так значит, вы не знаете точно, какие именно книги он просматривал?

Казначей вновь всплеснул пухлыми руками.

– Откуда мне это з-знать, если он не с-считал нужным ставить меня в известность? Мне очень жаль, но...

Я понимающе кивнул.

– Надеюсь, теперь в вашей конторе все в порядке?

– Хвала Всевышнему, да.

– Рад слышать это, – произнес я, поднимаясь. – Будьте так добры, распорядитесь доставить все расчетные книги за последний год в мою комнату. И те, где перечислены расходы по отдельным статьям, тоже...

– Как, сэр, вы хотите просмотреть все книги за год?

Вид у казначея был столь изумленный, словно я приказал ему скинуть сутану и нагишом прогуляться по монастырскому двору.

– Но это весьма затруднит нашу работу. Без этих книг мы не сможем вести расчеты и...

– Они нужны мне всего лишь на одну ночь. Самое большее, на две.

Брат казначей явно не хотел уступать, но тут вмешался аббат Фабиан.

– Мы должны беспрекословно выполнять все требования посланника короля, брат Эдвиг. Сэр, книги будут незамедлительно доставлены в вашу комнату.

– Очень вам признателен. Кстати, господин аббат, прошлой ночью я навестил того несчастного послушника. Молодого Уэлплея.

– Да, я слышал об этом, – со скорбным видом кивнул аббат. – Мы с братом Эдвигом навестим больного позднее.

– Я очень з-занят, – пробурчал казначей. – Необходимо подсчитать, сколько мы п-потратили на благотворительность за последние месяцы...

– Тем не менее, брат Эдвиг, вы являетесь моим ближайшим помощником после приора Мортимуса и потому обязаны сопроводить меня к постели страждущего, – непререкаемым тоном заявил аббат. – К тому же брат Гай подал жалобу на приора, и мы...

– Брат Гай предъявил приору весьма серьезные претензии, – вмешался я. – Он утверждает, что вследствие излишне сурового обращения жизнь юного послушника подвергается опасности.

– Уверяю вас, сэр, я самым тщательным образом проверю все обстоятельства данного дела, – заявил аббат, вскинув руку.

– Позволено ли мне будет узнать, господин аббат, какой именно проступок совершил этот юноша? За что его подвергли столь жестокому наказанию?

Аббат в некотором замешательстве пожал плечами.

– Если говорить откровенно, господин Шардлейк...

– Да, прошу вас, будьте предельно откровенны.

– Этому юноше не по душе новые порядки. Главным образом, церковная служба по-английски. Он привык к латинской мессе, к латинским песнопениям. И утверждает, что при переходе на английский язык служба утратит часть своего благолепия.

– Странно, что в таком юном возрасте он столь тверд в своих привычках.

– Саймон очень музыкален и помогает брату Габриелю в работе с хором. Одаренный юноша, бесспорно, но чересчур самонадеянный. Ему не хватает кротости и смирения, приличествующих его положению. Представьте только, он позволяет себе громко высказываться в доме собраний, хотя послушнику это не пристало...

– Вот как? И о чем же он высказывался? Я надеюсь, в отличие от брата Джерома, он не призывал пренебречь распоряжениями короля?

– Ни один из моих монахов, сэр, повторяю, ни один не станет призывать к бунту и неповиновению, – твердо произнес аббат. – Что касается брата Джерома, он не принадлежит к нашему братству. К тому же он лишился рассудка.

– Я помню это. Так значит, Саймона Уэлплея в наказание за излишнюю строптивость отправили работать в конюшни и заставили питаться хлебом и водой. Что ж, вас нельзя упрекнуть в излишней снисходительности в отношении этого юноши.

– Саймон множество раз совершал серьезные проступки, – залившись краской, пробурчал аббат. – Возможно, брат приор проявил излишнюю суровость, но...

– Вы сказали, Саймон помогает брату Габриелю работать с хором, – перебил я. – Насколько я помню, с братом Габриелем недавно

вышла довольно неприглядная история?

Аббат принялся нервно тереть рукав своего одеяния.

– На исповеди Саймон Уэлплей признался... что испытывает нечестивое вождление, – выдавил он из себя. – По отношению к брату Габриелю. Да, сэр, он согрешил, но лишь в мыслях. Брат Габриель ничего не знал об искушении, которому дьявол подвергает бедного послушника. Два года назад у него действительно были неприятности... но с тех пор он чист. Приор Мортимус никогда не допустит, чтобы в нашем монастыре повторилось нечто подобное. Он строго блюдет нравы братии, очень строго.

– Ни один из братьев не занимается исключительно наставлением послушников, так ведь? В монастыре слишком мало монахов.

– Со времен Великой Чумы численность монахов во всех монастырях значительно уменьшилась, – печально сказал аббат. – Но теперь, когда под мудрым руководством короля религиозная жизнь страны становится все более полной и насыщенной, можно рассчитывать и на возрождение святых обителей. Я надеюсь, что все больше молодых людей будут испытывать тяготение к служению Господу...

Я очень сомневался, что аббат верит своим словам. Признаки того, что устремления короля далеки от возрождения монастырей, были слишком очевидны, и не заметить их мог лишь слепец или безумец. Однако голос аббата звучал слишком бодро, слишком уверенно, и глаза его возбужденно блестели; возможно, он искренне надеялся, что монастырям удастся не только выжить, но и обрести былое могущество. Я бросил взгляд на казначея; тот взял со стола какую-то бумагу и сосредоточенно изучал ее, всем своим видом показывая, что ему не до разговоров.

– Кто знает, что готовит нам будущее? – глубокомысленно изрек я и двинулся к дверям. – Приношу вам свою глубокую благодарность, господа. Не смею более отвлекать вас от дел. К тому же мне необходимо осмотреть церковь и поговорить с братом Габриелем.

Аббат проводил меня настороженным взглядом, а казначей так и не поднял голову от бумаг.

Вновь выйдя на воздух, я ощутил настоятельную потребность посетить уборную. Прошлым вечером брат Габриель показал мне, где

она находится; для того чтобы скорее попасть туда, следовало пройти через лазарет и пересечь хозяйственный двор.

Я торопливо прошагал через вестибюль лазарета и оказался в хозяйственном дворе. Поток сточных вод, вытекающий из примыкающего к лазарету банного корпуса и уборной, жизнерадостно булькал, не замерзая на морозе. Я отдал дань изобретательности строителей монастыря, проявивших такую заботу о обитателях. Даже в Лондоне немногие дома были снабжены подобными удобствами, и я подчас с тревогой думал о том, что же будет, когда глубокая выгребная яма в моем саду в конце концов переполнится. По двору, расчищенному от снега, громко квохтая, разгуливали куры. Пара свиной развалилась на соломе, лениво поглядывая на мир поверх низких стен дощатого загона. Рядом я увидел Элис, которая выливали в свиное корыто помой из ведра. Я направился напрямик к ней. Телесные мои нужды могли подождать.

– У вас множество обязанностей, Элис. Заботитесь не только о больных, но и о свиньях.

– Да, сэр, – почтительно улыбнувшись, ответила Элис – Для прислуги всегда найдется работа.

Я заглянул в свинарник, раздумывая, нельзя ли спрятать что-нибудь под слоем соломы и навоза. Впрочем, коричневые, поросшие клочковатой шерстью животные, несомненно, мигом разрыли бы тайник. Запятнанную кровью одежду они, скорей всего, сожрали бы, но меч и ларец с мощами вряд ли возбудили бы их аппетит. Я окинул взглядом хозяйственный двор.

– Я вижу, у вас здесь только куры, – обратился я к Элис. – Неужели нет ни одного петуха?

– Нет, сэр, – покачала она головой. – Бедный Джонас погиб. Это ведь его обезглавили на алтаре. На редкость красивый был петух. Бывало, так важно вышагивал, что невозможно удержаться от смеха.

– Да, петухи очень забавные создания. Выступают так надменно, словно воображают себя королями в окружении подданных.

– Именно таким и был Джонас, – улыбнулась Элис. – Знали бы вы, как лукаво он на меня поглядывал! Иногда устраивал настоящие представления – грозно кричал, бил крыльями. Но на самом деле был трусоват: стоило к нему приблизиться, пускался наутек.

К немалому моему изумлению, голубые глаза девушки наполнились слезами, и она низко склонила голову, чтобы скрыть их. Вне всякого сомнения, Элис обладала не только отвагой и выносливостью, но и нежным, отзывчивым сердцем.

– Трудно представить себе более мерзкое преступление, чем осквернение церкви, – произнес я.

– Бедный Джонас, – пробормотала девушка и глубоко вздохнула, пытаясь успокоиться.

– Скажите, Элис, а когда вы обнаружили, что петух исчез?

– Наутро после убийства.

Я вновь окинул взглядом хозяйственный двор.

– Сюда ведь можно попасть только через лазарет, не так ли?

– Да, сэр.

Я удовлетворенно кивнул. Еще одно подтверждение тому, что убийца являлся обитателем монастыря и был прекрасно знаком с расположением всех монастырских служб и зданий. Тут резкая боль в животе подсказала мне, что медлить более нельзя. Неохотно расставшись с Элис, я поспешил к своей цели.

Никогда прежде мне не доводилось бывать в монастырской уборной. В школе в Личфилде по поводу этого заведения ходило множество скабрёзных шуток, однако уборная в Скарнси ничем особенным не отличалась. В просторной комнате царил полумрак, ибо единственное окно находилось под самым потолком. Вдоль стены тянулась деревянная скамья с круглыми отверстиями. В дальнем конце комнаты находились закрытые кабинки, предназначенные для старших монахов. Я направился к ним, пройдя мимо двух восседавших на общей скамье святых братьев. Одним из них, был молодой помощник казначея. Второй как раз встал, привел в порядок свое одеяние и неловко поклонился мне.

– Ты что, собираешься проторчать здесь все утро, брат Ателстан? – обратился он к своему товарищу.

– Оставь меня в покое. Меня мучают колики.

Я зашел в кабинку, запер дверь на засов и с облегчением опустился на сиденье. Удовлетворив нужду, я некоторое время сидел, прислушиваясь к далекому бульканью воды. На ум мне вновь пришла Элис. Если монастырь закроют, она останется без работы и крова. Я

ломал голову над тем, как помочь девушке; возможно, мне удастся подыскать ей место в городе. Грустно было сознавать, что девушка столь выдающихся достоинств вынуждена скитаться по чужим углам. Как она горевала о смерти петуха, как привлекательна она была в печали! Как мне хотелось взять ее за руку, успокоить, утешить! Я покачал головой, отгоняя наваждение. Предупредив Марка, чтобы он не позволял себе ничего лишнего с Элис, я сам мечтаю о подобных вольностях.

Вдруг какой-то звук отвлек меня от размышлений, заставил вскинуть голову и затаить дыхание. Кто-то расхаживал по уборной. Двигался он чрезвычайно тихо, и все же я слышал осторожные шаги, шарканье кожаных подошв о каменный пол. Сердце мое колотилось как бешеное, ощущение опасности охватило меня с новой силой. Я бесшумно поднялся, завязал штаны и нащупал рукоятку кинжала. Нагнувшись, я приложил ухо к дверям кабинки. До меня донеслось приглушенное дыхание: кто-то стоял у самых дверей.

Я закусил губу. Молодой монах, страдающий от желудочных колик, надо полагать, уже ушел, и я нахожусь в уборной один на один с неизвестным, быть может, с убийцей Синглтона. Признаюсь, мысль об этом привела меня в смятение.

Дверь кабинки открывалась наружу. Стараясь не произвести ни единого звука, я отодвинул засов, потом отступил на шаг и ударом ноги распахнул дверь. Раздался испуганный вскрик, и взору моему предстал брат Ателстан. Он отскочил назад и теперь махал в воздухе руками, пытаясь сохранить равновесие. К великому своему облегчению, я увидел, что в руках у него нет никакого оружия. Когда я приблизился к нему, сжимая кинжал, глаза монаха от страха округлились, как блюдца.

– Что вы замышляете? – рявкнул я. – Я слышал, вы стояли у дверей.

Молодой монах судорожно вздохнул, его выступающий кадык заходил туда-сюда на тонкой шее.

– Уверяю вас, сэр, я не собирался причинять вам вред! Я как раз хотел постучать, когда вы распахнули дверь!

Он был бледен, как полотно. Поняв, что противник не представляет угрозы, я опустил кинжал.

– Зачем вы подошли к дверям? – процедил я.

Испуганный взгляд монаха метался по сторонам.

– Сэр, мне необходимо поговорить с вами с глазу на глаз, – пролепетал он. – Поэтому я выжидал, когда мы с вами останемся одни.

– И о чем же вы намерены говорить?

– Здесь не место для подобной беседы, сэр, – резонно возразил монах. – В любую минуту сюда могут войти. Прошу вас, сэр, некоторое время спустя подойдите к пивоварне. Я буду ждать вас там. Она находится рядом с конюшнями, и сегодня там нет ни души.

Я внимательно разглядывал брата Ателстана. Казалось, он вот-вот лишится чувств от волнения.

– Хорошо. Только я приду со своим помощником.

– Разумеется, сэр, как вам будет...

Тут в уборную вошел долговязый тощий брат Джуд. Брат Ателстан осекся и быстро вышел. Эконом, которого телесная нужда, без сомнения, отвлекла от составления меню вкусного и питательного обеда для монахов, бросил на меня любопытный взгляд. Поклонившись, он направился к кабинке, закрыл дверь и с лязгом задвинул затвор. Тут только я заметил, что весь дрожу. Я трясся, как осиновый лист, с головы до пят.

ГЛАВА 11

Несколько раз глубоко вздохнув, я вновь обрел присутствие духа и поспешил в лазарет. Марка я застал на лазаретской кухне. Он сидел за столом и беседовал с Элис, которая мыла посуду. Вид у девушки был оживленный и довольный, в поведении ее вовсе не было той скованности, которая появлялась в моем присутствии. Я ощутил легкий укол ревности.

– У вас есть выходные? – поинтересовался Марк.

– Да, я свободна полдня каждую неделю. Иногда, если у нас нет тяжелых больных, брат Гай позволяет мне отдыхать целый день.

Тут они оба обернулись и заметили меня.

– Марк, нам надо поговорить, – сухо проронил я.

Марк последовал за мной в нашу комнату, где я рассказал ему о предстоящей встрече с братом Ателстаном.

– Ты пойдешь со мной. И захвати с собой меч. Судя по всему, этот малый не представляет опасности. Он сам боится всего на свете. Но осторожность никогда не бывает излишней.

Мы вышли в главный двор, где Багги и его помощник по-прежнему разгребали снег, и направились к пивоварне. Проходя мимо конюшни, я заглянул в распахнутые двери; конюх сгребал сено, а лошади, пуская ноздрей густой пар, наблюдали за ним. Уж конечно, подобная тяжелая работа была губительна для слабого и болезненного юноши, такого, как Саймон Уэлплей.

Я распахнул дверь в пивоварню. Там было тепло. В очаге тихо тлел огонь. Лестница вела в сушильню, расположенную наверху. В главном помещении, заставленном бочками и чанами, не было ни души. Я вздрогнул, услышав какой-то шорох и, подняв голову, увидел сидевших на стропилах кур.

– Брат Ателстан! – позвал я громким шепотом.

За нашими спинами раздался какой-то приглушенный звук, и Марк потянулся к мечу. Из-за огромной бочки появилась тощая фигура молодого монаха. Он поклонился.

– Спасибо, что пришли, господа.

– Я надеюсь, что лишь желание сообщить действительно важные сведения заставило вас побеспокоить меня в уборной. Мы здесь одни?

– Да, сэр. Сегодня пивовару здесь делать нечего. Хмель еще не высох.

– По-моему, курам не место в пивоварне. Здесь повсюду их дерьмо. Монах напряженно улыбнулся, теребя свою жиденькую бородку.

– Наш пивовар утверждает, что куриное дерьмо только улучшает вкус пива. Добавляет к нему легкую горчинку, – сообщил он.

– Думаю, горожане, покупающие ваше пиво, вряд ли с ним согласятся, – насмешливо заявил Марк.

Брат Ателстан приблизился, не сводя с меня настороженного взгляда.

– Сэр, вам, разумеется, известно, что согласно последним распоряжениям лорда Кромвеля всякий монах, желающий подать жалобу, должен обращаться не к своему аббату, а непосредственно в кабинет главного правителя.

– Да, конечно. Вы что, собираетесь подать жалобу?

– Нет, скорее, я хочу сообщить вам некоторые факты. – Монах глубоко вздохнул, словно набираясь смелости. – Я знаю, что лорд Кромвель собирает сведения о беспорядках в монастырях. Я также слышал, что за подобные сведения он предоставляет награду.

– Да, если это и в самом деле ценные сведения, – усмехнулся я, с интересом разглядывая монаха.

Мне часто приходилось иметь дело с доносчиками, и в последнее время численность этого презренного племени возросла неимоверно. Возможно, в ту роковую для себя ночь Синглтон собирался встретиться именно с братом Ателстаном? Но, судя по всему, молодой человек впервые выступал в подобной роли. Он вождеделел получить награду, однако умирал от испуга.

– Я думаю, это очень ценные сведения, – пролепетал он. – Думаю, они помогут вам выяснить, кто убил эмиссара Синглтона.

– Перейдем к делу, – отрезал я. – Что вы намерены мне сообщить?

– Это касается старших монахов, сэр. Тех, что занимают высокие должности. Так вот, им не по нраву распоряжения лорда Кромвеля. Более строгие правила, церковная служба на английском и все такое. Я сам слышал, как они говорили об этом в доме собраний. Тихонько перешептывались друг с другом.

– Что именно вы слышали?

– Они говорили, все эти распоряжения измыслили люди, которые не имеют представления о жизни в монастырях. Аббат, брат Гай, брат Габриель и брат Эдвиг, под началом которого я служу, – они все так думают.

– Вы забыли приора Мортимуса.

– Этот всегда согласен с большинством, – пожал плечами брат Ателстан.

– Подобного правила придерживается не он один. Скажите, брат Ателстан, а не мечтает ли кто-нибудь из ваших старших монахов о возвращении власти Папы? Или, может, они осуждают развод короля или деяния лорда Кромвеля?

– Нет, сэр, ничего такого они не говорили, – сказал брат Ателстан после минутного раздумья. – Но если это вам нужно, я готов заявить, что они выступали против короля и лорда Кромвеля.

– Вряд ли ваши разоблачения прозвучат убедительно, – усмехнулся я. – Уж слишком вы мямлите и трясетесь. Да и глаза боитесь поднять от пола. Суду будет так же трудно принять на веру ваши слова, как и мне сейчас.

Молодой монах вновь принялся теревить свою бородку.

– Если я могу быть полезен вам или лорду Кромвелю, сэр, – пробормотал он, – то я буду счастлив оказать любое содействие.

– Могу я узнать, брат Ателстан, в чем причина вашего намерения во что бы то ни стало погубить старших монахов? С вами плохо здесь обращаются?

– Я работаю под началом брата Эдвига. И этот изверг буквально сживает меня со свету.

– Но почему? И каким образом он досаждал вам?

– Он заставляет меня работать как проклятого. Если при сведении баланса не хватает хотя бы пенни, он требует, чтобы я вновь проверил все расчеты. Недавно я совершил небольшую ошибку, и теперь он держит меня в конторе днями и ночами. Хорошо, что сегодня он куда-то уехал, иначе я не решился бы отлучиться на столь долгое время.

– Понятно, – кивнул я. – Ваш патрон настолько жесток, что заставляет вас исправлять совершенные вами же ошибки. И вы решили, что жизнь ваша станет легче, если вы навлечете на него гнев

лорда Кромвеля. А заодно и на брата Габриеля и на прочих старших монахов.

Брат Ателстан устремил на меня исполненный недоумения взгляд.

– Но разве лорд Кромвель не требует от монахов, чтобы они сообщали обо всех случаях неповиновения и отступления от новых распоряжений? Я всего лишь хотел ему помочь.

– Брат Ателстан, я прибыл сюда, дабы расследовать обстоятельства смерти эмиссара Синглтона, – произнес я с тяжким вздохом. – Если вы располагаете сведениями, которые могут пролить свет на эти обстоятельства, я готов вас выслушать. Если же нет, вы напрасно занимаете мое время.

– Мне очень жаль.

– Прошу вас, оставьте нас.

Молодой монах, похоже, хотел сказать что-то еще, но потом счел за благо промолчать и торопливо покинул пивоварню. Я пнул ногой стоявшую рядом бочку и злобно рассмеялся.

– Господи, что за низкая тварь! Напустил столько туману, а сам не сумел придумать даже толковый поклеп.

–хлопот с этими доносчиками много, а пользы от них мало, – заметил Марк и тут же подскочил, громко выругавшись: куриное дерьмо упало ему на куртку.

– Да, доносчики вроде этих кур – им все равно, кого выпачкать в дерьме, – философски изрек я, прохаживаясь по пивоварне. – Господи, стыдно вспомнить, но, когда этот олух стоял за дверью моей кабинки, у меня душа ушла в пятки. Я подумал, убийца Синглтона решил расправиться и со мной.

Марк серьезно поглядел на меня.

– Скажу откровенно, сэр, мне не слишком нравится разгуливать по этому монастырю в одиночку. Того и гляди, начнешь шараться от собственной тени. Думаю, нам с вами лучше держаться вместе.

– Нет, у нас слишком много работы, – возразил я. – Возвращайся в лазарет. Кажется, ты хорошо поладил с Элис.

– Когда вы вошли, она как раз рассказывала мне о своей жизни, – с самодовольной улыбкой сообщил Марк.

– Отлично. Ступай, продолжи эту увлекательную беседу. А я отправлюсь в церковь, к брату Габриелю. Возможно, у него тоже возникнет желание поведать мне историю собственной жизни.

Насколько я понимаю, времени для того, чтобы осмотреть территорию монастыря, у тебя пока не было?

– Нет, сэр.

– Что ж, надеюсь, ты все же найдешь для этого часок. Кстати, когда соберешься на прогулку, возьми у брата Гая кожаные боты. – Я внимательно поглядел на Марка и многозначительно добавил: – И прошу тебя, будь осторожен.

У церковных дверей я немного помедлил, наблюдая, как один из кухонных работников устало бредет по снегу. Его штаны из грубой дешевой шерсти промокли насквозь чуть ли не до колена, и я мысленно поблагодарил брата Гая за кожаные боты. Служкам, как видно, непромокаемой обуви не полагалось. Прижимистый брат Эдвиг никогда не позволил бы подобного расточительства.

Повернувшись, я стал обозревать церковный фасад. Громадные деревянные двери, не менее двадцати футов высотой, обрамляла затейливая каменная резьба, изображавшая горгулий и других чудовищ. Лица монстров, призванных отпугивать от церкви духов зла, стерлись от времени, однако по-прежнему сохраняли живость и выразительность. Монастырская церковь, подобно исполинским соборам, украшающим главные площади городов, призвана была поражать людское воображение, являя собой подобие царствия небесного. В такой обстановке вера в силу молитвы, способной выволить души усопших из чистилища, возрастала многократно, так же как и вера в целительную силу святых мощей. С усилием открыв тяжелую дверь, я вошел в пустынное гулкое помещение.

Величественные сводчатые арки центрального нефа возносились на высоту не менее чем сто футов; их поддерживали расписные колонны. Пол был выложен желтой и синей плиткой. Взор мой сразу же устремился к алтарной перегородке. Она была расписана фигурами святых, а на вершине ее, в ярком свете свечей, возвышались статуи, изображавшие Иоанна Крестителя, Пресвятую Деву и Спасителя. В большое окно в восточном конце церкви, устроенное для того, чтобы помещение заливали лучи утреннего света, был вставлен искусный витраж в оранжевых и желтых тонах. Благодаря этому свет, проникающий в главный неф, приобретал нежный умиротворяющий оттенок, смягчающий пестроту красок настенной росписи. Вне всякого

сомнения, строители, возводившие церковь, знали, как создать атмосферу покоя и благолепия.

Я медленно прошелся по нефу. Вдоль стен стояли раскрашенные статуи святых и маленькие ковчеги, покрытые атласом; перед каждым из них горела свеча. Церковный служка, бесшумно ступая, заменял догоревшие свечи новыми. Я поочередно заглянул в боковые часовни; в каждой из них был свой алтарь, освещенный свечами, а около него стояли статуи. Мне пришло в голову, что каждая из этих часовен, с их алтарями, статуями и гробницами, могла служить неплохим местом для тайника.

В обеих боковых часовнях монахи служили мессу о заказе кого-то из местных жителей. Состоятельные люди, напуганные перспективой долгих страданий в чистилище, отнимали немало средств от своих семей и перечисляли их монахам, в надежде, что монастырская месса поможет избавить их души от грядущих мытарств. Любопытно, на сколько дней сокращает пребывание в чистилище здешняя месса: в некоторых монастырях говорят о ста днях, в других обещают целую тысячу. Увы, столь сильное средство спасения души доступно лишь богатым. А те, кто не имеет денег, чтобы заказать церковную службу, будут томиться в чистилище весь срок, положенный от Бога. Не зря мы, реформаторы, называем чистилище доходным местом. Латинское пение, несмотря на всю свою стройность и благозвучность, пробудило во мне приступ раздражения.

Дойдя до алтарной перегородки, я огляделся по сторонам. Клубы пара, вырывавшиеся из моего рта, ибо в церкви было едва ли теплее, чем на улице, таяли в желтоватом воздухе. По обеим сторонам алтарной перегородки я заметил лестницы, позволяющие подняться на хоры. Еще раз окинув церковь взором, я заметил, что вдоль стен тянется узкая навесная дорожка, огороженная перилами. Над дощатой дорожкой стены образовывали сводчатую арку. Слева на стене, от самой крыши до пола, зияла широкая щель, окруженная темными пятнами сырости. Я вспомнил, что норманнские церкви и соборы, на вид чрезвычайно крепкие и прочные, в действительности такими не являются. Толщина стен подобных сооружений иногда достигает двадцати футов, однако наряду с дорогостоящим камнем здесь зачастую использовались дешевые и ненадежные строительные материалы.

Краска на стене, по которой бежала трещина, облупилась, внизу я заметил груды штукатурки. Закинув голову, я разглядел, что в нишах над навесной дорожкой тоже стоят статуи; все они изображали фигуру святого Доната, склонившуюся над усопшим, ту самую, что я уже видел на монастырской печати.

Трещина пересекла одну из ниш, и статуя, которая прежде стояла там, теперь лежала на досках. Рядом я увидел чрезвычайно сложное устройство из канатов и веревок; веревки, прикрепленные к стене у дорожки, уходили вверх, в башню церковного колокола, где, по всей вероятности, были закреплены их противоположные концы.

На веревках болталась деревянная корзина, способная вместить двух человек. По всей вероятности, в этой корзине можно было двигаться вниз и вверх по стене, следя за состоянием росписи и статуй и убирая те из них, что нуждались в реставрации. Я сразу понял, что это хитроумное приспособление было чрезвычайно опасным; понял я и то, что церковь действительно нуждалась в серьезном ремонте. Если казначей и дальше будет отказывать в средствах на дорогостоящие восстановительные работы, трещина, неумолимо расширяясь под действием дождя и мороза, поставит под угрозу все здание. И в конце концов настанет день, когда прекрасная церковь рухнет, вполне вероятно, погребя под обломками всех обитателей монастыря.

Помимо негромкого пения монахов в боковых часовнях, ни один звук не нарушал царившей в церкви тишины. Однако, прислушавшись, я различил приглушенные голоса и, двинувшись туда, откуда они доносились, оказался у небольшой распахнутой двери, за которой горели свечи. Я узнал приятный глубокий голос брата Габриеля.

– Я имею полное право знать, как он себя чувствует, – гневно произнес он.

– Если вы будете бродить вокруг лазарета, вновь пойдут слухи, – ответил ему грубый голос приора.

Мгновение спустя приор с багровым от злобы лицом выскочил из дверей. Заметив меня, он вздрогнул от неожиданности.

– Я ищу ризничего, – сообщил я. – Надеюсь, он не откажется показать мне церковь.

Приор кивнул в сторону распахнутой двери.

– Брат Габриель там, сэр. Думаю, в такой холод он будет только рад возможности оставить свой стол и немного размять члены. Всего

наилучшего.

Он торопливо поклонился и удалился прочь, шаги его отдавались эхом под гулкими сводами.

Войдя в дверь, я оказался в маленькой комнате, заставленной книжными полками; брат ризничий сидел за столом и проглядывал какие-то ноты. В комнате царил пронизывающий холод, а прислоненная к стене статуя Пресвятой Девы с отбитым носом производила удручающее впечатление. Брат Габриель сидел в теплом плаще, накинутом поверх сутаны. Его изборожденное преждевременными морщинами лицо выражало тревогу; бесспорно, это было лицо сильного человека, удлиненное, с резкими и мужественными чертами. Однако уголки тонкого рта были печально опущены, а под глазами темнели мешки. Заметив меня, брат Габриель встал и растянул губы в улыбке.

– Сэр, господин Шардлейк. Чем могу служить?

– Я надеюсь, брат ризничий, что вы покажете мне церковь. И прежде всего алтарь, подвергшийся осквернению.

– Как вам будет угодно, – без большого желания произнес брат Габриель, но все же встал и направился к дверям.

– Брат Габриель, вы ведь отвечаете не только за поддержание церкви в должном состоянии, но и за церковный хор?

– Да. И еще за монастырскую библиотеку. Если желаете, я могу показать вам наше книгохранилище.

– Благодарю вас. Я слышал, что послушник Уэлплей помогал вам работать с хором.

– Да. До того как его сослали в конюшни, мерзнуть и надрываться, сгребая навоз, – с горечью ответил брат Габриель. Потом, словно спохватившись, он добавил более мягко: – Он очень талантливый юноша, хотя порой относится к делу с излишним пылом. – Взгляд беспокойных глаз монаха устремился на меня. – Простите, сэр, но я знаю, вы остановились в лазарете. Возможно, вам известно, как себя чувствует послушник Уэлплей?

– Брат Гай надеется, что скоро он пойдет на поправку.

– Слава Богу. – Брат Габриель осенил себя крестом. – Мне так жаль бедного мальчика.

Когда мы с братом Габриелем вновь оказались в нефе, монах немного оживился; он с воодушевлением рассказывал мне об истории

той или иной статуи, архитектуре здания и способе производства цветных витражных стекол. Казалось, в разговорах о столь близких его сердцу предметах он позабыл о своих тревогах; мысль о том, что я, убежденный реформатор, могу не разделять его восторгов, ему и в голову не приходила. Первое мое впечатление о брате Габриеле как о человеке простодушном и бесхитростном лишь подтвердилось после беседы с ним. Но именно из таких людей зачастую выходят религиозные фанатики. Окинув взглядом высокую, крепко сбитую фигуру брата Габриеля, я вновь убедился – у него достаточно сил, чтобы нанести удар мечом. Правда, пальцы у него были длинные и тонкие, зато запястья – широкие и мощные.

– Скажите, брат Габриель, а вы давно поступили в монастырь? – осведомился я.

– Я принял постриг в возрасте девятнадцати лет. Никакой другой жизни я не знаю. И никогда не желал узнать.

Брат Габриель остановился у ниши, где возвышался пустой каменный пьедестал, покрытый черной тканью. У стены я заметил целую гору палок и костылей, которые обычно используют калеки; тут же валялся корсет из тех, что обычно надевают на горбатых детей пытаюсь их выпрямить; я сам носил такой, хотя он и не принес мне ни малейшей пользы.

– Здесь находилась длань Раскаявшегося Вора, – со вздохом сообщил брат Габриель. – Утрата чудодейственных мощей – это большое несчастье для нашей обители. Благодаря этой святыне множество недужных обрели исцеление.

При этих словах он не удержался и скользнул взглядом по моей горбатой спине, потом поспешно отвел глаза и указал на груды костылей.

– Все это оставили люди, которых исцелило прикосновение к святым мощам. Они более не нуждались ни в костылях, ни в палках и оставили их здесь в знак благодарности.

– А как долго эти мощи находились в вашем монастыре?

– Их привезли из Франции монахи, которые в тысяча восемьдесят седьмом году основали монастырь Святого Доната. В течение нескольких веков мощи находились во Франции, а до этого в Риме – тоже в течение столетий.

– Я полагаю, ларец, в котором хранились мощи, обладал немалой ценностью. Мне сказали, он был сделан из золота и украшен крупными изумрудами.

– Видите ли, люди, исцелившиеся благодаря святым мощам, были счастливы заплатить за это. Когда, согласно новым распоряжениям, мы запретили оставлять деньги за поклонение чудодейственной реликвии, паломники были разочарованы.

– Насколько я понимаю, ларец был довольно большой?

– Да, – кивнул брат Габриель. – В библиотеке хранится его изображение. Если хотите, мы можем его посмотреть.

– Не премину взглянуть. Благодарю вас, брат Габриель. Скажите мне, а кто обнаружил пропажу мощей?

– Я. И именно я первым увидел, что алтарь осквернен.

– Прошу вас, расскажите мне, как все это случи лось.

Я уселся на выступ одной из колонн. Сегодня спина беспокоила меня немного меньше, но я знал, что слишком долгое пребывание на ногах пойдет мне во вред.

– Я поднялся в пять, как всегда, и отправился в церковь, чтобы приготовить все к заутрене. Ночью здесь горит лишь несколько свечей перед статуями, поэтому мы с моим помощником, братом Эндрю, не сразу заметили неладное. Первым делом мы отправились на хоры. Брат Эндрю зажег свечи, а я достал книги, в которых содержатся утренние молитвы. Тут брат Эндрю заметил следы крови на полу. Кровавый след вел... – брат Габриель вздрогнул и сокрушенно вздохнул, – в алтарную часть. Там, на столе перед главным алтарем, лежал черный петух с перерезанным горлом. Весь алтарь был осыпан черными окровавленными перьями. А по обеим сторонам от сатанинского жертвоприношения горели свечи. Не приведи Господи вновь увидеть что-нибудь подобное! – заключил он и перекрестился.

– Вы покажете мне, где это случилось, брат Габриель?

Просьба моя привела монаха в некоторое замешательство.

– После осквернения церковь была освящена, – сообщил он. – И мне не хотелось бы вновь обсуждать столь богомерзкое кощунство у алтаря.

– Тем не менее я попрошу вас провести меня на место преступления.

С явной неохотой брат Габриель провел меня на хоры. На память мне пришло замечание Гудхэпса о том, что монахи куда больше расстроены осквернением церкви, чем смертью Синглтона.

На хорах стояли две длинные деревянные скамьи, почерневшие от времени и покрытые причудливой резьбой. Брат Габриель указал на выложенный плиткой пол между ними.

– Вот здесь мы заметили кровь. След вел туда.

Вслед за ним я прошел в алтарную часть, где возвышался главный алтарь, покрытый белой пеленой. Перегородку, отделявшую его от хоров, украшала резьба в виде золотых листьев. В воздухе был разлит густой запах ладана. Брат Габриель указал на два серебряных подсвечника в центре алтарного престола, где во время Мессы лежат дискос и чаша.

Я неколебимо убежден в том, что церковная служба должна быть проста и понятна и лишена всяких излишеств. А самое главное, она должна непременно вестись на нашем родном языке, дабы находить отклик в душе каждого верующего. Исполненные неясного смысла латинские слова, загадочные и таинственные обряды лишь отвлекают от размышлений о Боге и вечности. Возможно, вследствие этих убеждений, возможно, вследствие рассказов о произошедшем здесь кощунстве богато украшенный алтарь показался мне враждебным; я не мог смотреть на него без содрогания. Мне казалось, я не просто нахожусь на месте преступления, но ощущаю присутствие зла, могущественного и вездесущего. Лицо брата Габриеля, стоявшего рядом со мной, было исполнено неподдельной скорби.

– Вот уже двадцать лет я служу Господу, – негромко произнес он. – В самые суровые и холодные зимние дни я стоял здесь, смотрел на этот дивный алтарь, и мрак, царивший в моей душе, исчезал при первых лучах света, проникавших сквозь церковное окно. Это не просто солнечный свет, это свет надежды, свет веры, даруемый нам Господом. Но теперь, стоит мне взглянуть на алтарь, перед внутренним моим взором встает безобразная картина, которую я имел несчастье увидеть. Поверьте мне, это сотворил дьявол.

– Согласен, брат Габриель, – кивнул я. – Однако дьявол действовал человеческими руками, и я должен найти его пособника.

Вернувшись на хоры, я опустился на скамью и сделал брату Габриелю знак сесть рядом со мной.

– Когда вы увидели, что здесь произошло, как вы поступили?

– Я сразу сказал брату Эндрю, что необходимо сообщить о случившемся приору. Но тут в церковь ворвалось несколько монахов. От них мы узнали, что эmissар Синглтон убит. Вместе с ними мы покинули церковь.

– Тогда вы еще не знали, что похищены святые мощи?

– Нет. Мы обнаружили это позднее. Около одиннадцати я проходил мимо ниши и увидел, что ларец с мощами исчез. Без сомнения, их похитил тот, кто осквернил алтарь.

– Возможно. Насколько я понял, вы входите в церковь по специальной лестнице, соединяющей храм с братским корпусом. Дверь на эту лестницу запирается на ночь?

– Разумеется. Я отпер ее.

– Значит, злоумышленник вошел в церковь через главную дверь, которая всю ночь остается открытой?

– Да. Согласно нашим правилам, каждый, будь то монах, служка или посетитель, может войти в храм в любое время дня и ночи.

– Вы сказали, что встали около пяти. Вы уверены в этом?

– Уверен. Вот уже восемь лет как я следую определенному распорядку.

– Значит, злоумышленник действовал в полумраке при тусклом свете немногочисленных свечей он разлил по полу кровь петуха и, возможно, похитил мощи. Оба преступления, и убийство и осквернение церкви произошли между четвертью пятого – именно в это время Багги встретил эmissара – и пятью. В пять вы уже были в церкви. Кем бы ни был преступник, проворства ему не занимать. Это заставляет предположить, что он прекрасно знаком с расположением монастырских зданий, согласны?

Брат Габриель пристально посмотрел на меня.

– Да. Ваше предположение справедливо.

Но городские жители не присутствуют на службах в монастырской церкви. Во время больших церковных праздников паломникам позволяется прикоснуться к мощам, однако они не допускаются в алтарную часть, не так ли?

– Да. Лишь монахам позволено входить в алтарную часть.

– Итак, лишь монахи хорошо ориентируются в церкви. И еще служки, которые здесь работают, – вроде того человека, что убирает

догоревшие свечи и зажигает новые.

– Джеффри Уолтерсу семьдесят лет, и он совершенно глух, – заявил брат Габриель, строго взглянув на меня. – Все здешние служки работают в монастыре многие годы. Я хорошо их знаю. Ни один из них не способен на подобное злодеяние.

– Значит, остаются монахи. Аббат Фабиан и ваш друг казначей настаивают на том, что убийство и святотатство – дело рук проникшего в монастырь чужака. Я вынужден с ними не согласиться.

– Мне подобное предположение отнюдь не представляется невозможным, – задумчиво произнес ризничий.

– Поделитесь со мной своими догадками, прошу вас.

– Этой осенью, вставая по утрам, я неоднократно замечал на болоте огни – мое окно в дортуаре выходит прямо на болота. Я решил, что это контрабандисты. Их в этом городе множество.

– Аббат тоже упоминал о местных контрабандистах. Но мне кажется, болото – слишком опасное место.

– Вы правы. Однако контрабандистам известны тропинки, ведущие от островка твердой земли, где сохранились развалины церкви, к реке. По реке они доставляют лодки с шерстью, которую переправляют во Францию. Аббат несколько раз обращался к городским властям, но они не предприняли никаких мер. Несомненно, многие городские чиновники сами греют руки на контрабанде.

– Значит, вы полагаете, что некто знающий в болоте все тропы мог проникнуть в монастырь и незаметно выбраться из него?

– По крайней мере, это вполне вероятно. Стена со стороны болота пребывает в плачевном состоянии и не может служить серьезной преградой.

– А вы рассказали аббату о том, что видели огни на болоте?

– Нет. Я уже говорил вам, все его обращения к городским властям остались безрезультатными. А после горестных событий, произошедших на прошлой неделе, я впал в глубокую печаль и был не в состоянии размышлять... Но теперь... – Во взгляде его мелькнула надежда. – Возможно, это объяснит все. Эти люди, контрабандисты, преступники по своей природе. Один грех неизбежно влечет за собой другой, более тяжкий, и неудивительно, что они впали в богохульство...

– Разумеется, все обитатели монастыря были бы рады переложить вину на чужаков, – отрезал я.

Брат Габриель обратил ко мне застывшее лицо.

– Господин Шардлейк, я отдаю себе полный отчет в том, что в наших молитвах, в нашей преданности мощам и изображениям святых вы видите лишь глупые игры бездельников, привыкших жить в сытости и достатке, в то время как народ терпит нужду и бедствия, – отчеканил он.

Я склонил голову, не считая нужным возражать.

– Наша жизнь, проводимая в молитвах, – это попытка приблизиться к Христу и отдалиться от погрязшего в грехах мира, – с неожиданным пылом произнес монах. – Каждая служба, проведенная в этом храме, каждое слово молитвы – это шаг к Христу. Каждая статуя, каждый витраж напоминают о Его славе и заставляют забыть о царящем в мире зле.

– Я не сомневаюсь в искренности вашей веры, брат.

– Да, я знаю, наша жизнь здесь излишне легка. Пища излишне вкусна и обильна, одежда тепла и удобна. Не того желал от своих последователей святой Бенедикт. Но главная наша цель по-прежнему отвечает его учению.

– И какова же эта цель? Искать единения с Господом?

Брат Габриель впери в меня горящий взор.

– Да, сэр. И поверьте, путь, которым мы идем, не так прост и легок. Тот, кто утверждает, что жизнь монахов лишена тягот, ошибается. Люди одержимы греховными вожделениями, которые разжигает в их душах дьявол. Монахи также подвержены искушениям и соблазнам. Подчас мне кажется, чем горячее наше стремление приблизиться к Господу, тем более усердствует враг рода человеческого, стремясь совратить нас с пути истинного. И побороть его происки становится все труднее.

– А вам ее приходило в голову, что кого-то из ваших братьев дьявол искушал совершить убийство эмиссара и тот не сумел побороть искушение? – вкрадчиво осведомился я. – Помните, я говорю сейчас от имени главного правителя, который, в свою очередь представляет верховного главу церкви, короля.

Брат Габриель посмотрел мне прямо в глаза.

– Я не верю, чтобы кто-нибудь из нашей братии мог совершить подобное преступление, – четко произнес он. – Если бы у меня возникли хоть малейшие подозрения, я бы незамедлительно сообщил о них аббату. Как я уже сказал вам, по моему разумению, преступника надо искать среди местных контрабандистов.

Я кивнул.

– Однако в связи с вашим монастырем ходили упорные разговоры о весьма тяжких грехах. Вы, конечно, помните о скандале, следствием которого явилось смещение прежнего приора. И вы сами сказали, один грех неминуемо влечет за собой другой.

Брат Габриель вспыхнул.

– То, о чем вы говорите, не имеет ни малейшего отношения к преступлению, свершившемуся на прошлой неделе, – пробормотал он. – И все это осталось в прошлом.

Внезапно он встал и прошелся вдоль скамьи, словно пытаясь унять охватившее его волнение.

Я тоже встал и подошел к монаху. На лице брата Габриеля застыло непроницаемое выражение; на лбу, несмотря на холод, выступили капли пота.

– К сожалению, не все осталось в прошлом, брат Габриель, – заметил я. – Аббат сообщил мне, что одной из причин, по которым Саймон Уэлплей был подвергнут столь тяжкому наказанию, явились греховные чувства, которые юный послушник питал к другому монаху. И этот монах – не кто иной, как вы.

Брат Габриель резко повернулся ко мне.

– Саймон Уэлплей еще неразумное дитя! – воскликнул он. – Я не могу нести ответственность за его греховные помыслы. Тем более я понятия не имел об этих помыслах до тех пор, пока он не признался в этом приору Мортимусу. Иначе я положил бы этому конец. Да, это правда, не сумев побороть грязные желания плоти, я вступал в связь с мужчинами. Однако я признался в этом грехе на исповеди, был подвергнут покаянию и с тех пор освободился от греховных вожделений. Да, сэр, теперь вы знаете о моем падении. Насколько мне известно, в кабинете главного правителя любят подобные истории.

– Моя единственная цель – выяснить истину о случившемся. Поверьте, я не стал бы беречь вашу душу из праздного любопытства.

Казалось, брат Габриель хотел сказать что-то еще, однако счел за благо помолчать и лишь глубоко вздохнул.

– Желаете осмотреть библиотеку? – спросил он нарочито равнодушным тоном.

– Да, не отказался бы.

Мы спустились в главный неф.

– Кстати, я видел трещину, – заметил я, после того как некоторое время мы шли рядом в полном молчании. – Церковь и в самом деле нуждается в серьезном ремонте. А казначей, насколько я понимаю, не желает пускаться в большие расходы?

– Именно так. Брат Эдвиг твердит, что расходы на ремонт должны находиться в прямой зависимости от наших ежегодных доходов. Средств, которые он выделяет, едва хватает, чтобы предотвратить увеличение трещины.

– Понятно, – кивнул я.

«Если это так, на что идут средства от продажи земель, о которых говорили аббат и казначей?» – пронеслось у меня в голове.

– Брат Эдвиг, как видно, относится к числу тех людей, которые следуют сомнительному правилу – чем дешевле, тем лучше, – философски изрек я. – Пусть вокруг них все приходит в упадок, они будут думать лишь об экономии.

– Брат Эдвиг уверен, что экономия – это его святая обязанность, – с досадой подхватил брат Габриель.

– Да, ваш казначей, судя по всему, не слишком склонен к благотворительности. Так же, как и ваш приор.

Брат Габриель бросил на меня быстрый взгляд, но не произнес ни слова.

Когда мы вышли из церкви, свет холодного зимнего дня ударил мне в глаза, заставляя их слезиться. Солнце поднялось уже высоко и, хотя по-прежнему не грело, светило ослепительно ярко. Во дворе было расчищено несколько дорожек, и монахи спешили по своим делам. Черные их одеяния мелькали тут и там на фоне сверкающей белизны.

Здание библиотеки, расположенное рядом с церковью, удивило меня своими размерами. Свет, проникая сквозь высокие окна, заливал уставленные книгами полки. Почти все письменные столы были свободны, лишь за одним послушник изучал огромный пухлый том, а

за другим старый монах сосредоточенно переписывал какой-то манускрипт.

– Охотников заняться чтением не так много, – заметил я.

– Да, библиотека постоянно пустует, – с сожалением подтвердил брат Габриель. – Если кому-то из братьев нужна книга, он предпочитает взять ее с собой в дортуар. Как продвигается дело, брат Стивен? – осведомился он, подойдя к старому монаху.

Старик поднял на нас утомленные глаза.

– Потихоньку, брат Габриель, – ответил он.

Я бросил взгляд на его работу. Он переписывал старинную Библию; заглавные буквы и фигуры, украшавшие текст были выписаны на толстом пергаменте с изумительным искусством, краски оставались яркими и лишь слегка выцвели от времени. Копия, над которой трудился монах, не имела ничего общего с оригиналом, буквы были неровными, краски тусклыми. Брат Габриель одобрительно похлопал старика по плечу.

– *Nec aspera terrent* ^[6], брат, – изрек он и вновь повернулся ко мне. – Я покажу вам изображение ларца и длани Раскаявшегося Вора.

По узкой винтовой лестнице ризничий провел меня на верхний этаж. Здесь также было множество полок, на которых теснились древние тома. Повсюду толстым слоем лежала пыль.

– Наше собрание обладает огромной ценностью, – с гордостью произнес брат Габриель. – Некоторые книги скопированы с греческих и римских манускриптов в те времена, когда переписывание книг было настоящим искусством. Еще пятьдесят лет назад вы не нашли бы внизу ни одного свободного места. За каждым столом сидел монах-переписчик. Но с тех пор как книгопечатание получило такое широкое распространение, искусство переписчиков пришло в упадок. Все довольствуются этими дешевыми печатными книгами, с их уродливыми квадратными буквами, которые наползают одна на другую.

– Возможно, печатные книги не так красивы, как рукописные. Зато теперь слово Божье стало более доступным для простых людей.

– Став более доступным, стало ли оно более понятным? – с жаром возразил брат Габриель. – И способна ли книга, имеющая столь неприятный вид, пробудить в человеческой душе чувство благоговейного восторга?

Он снял с полки один из толстых томов и открыл его, тут же закашлявшись от пыли. Под строчками греческого текста были изображены крошечные танцующие создания.

– Считается, что это список с утраченного труда Аристотеля «О комедии», – сообщил он. – Разумеется, это подделка, сделанная в Италии, в тринадцатом веке. Но работа все равно изумительная!

Брат Габриель закрыл книгу и повернулся к громадному тому, который стоял на полке рядом со свернутыми в рулоны картами. Он принялся поправлять эти рулоны, и я подошел, чтобы помочь ему. К немалому моему удивлению, монах едва не оттолкнул меня.

– Нет! Не трогайте это!

Я недоуменно вскинул брови. Щеки брата Габриеля вспыхнули.

– Простите, сэр, – пробормотал он, овладев собой. – Эти свертки такие пыльные. Я просто не хотел, чтобы вы запачкались.

– Но что это?

– Всего лишь старые планы нашего монастыря. Иногда ими пользуются строители.

Брат Габриель снял с полки тяжеленный том, с усилием дотащил его до стола и принялся бережно перелистывать страницы.

– Это иллюстрированная опись хранящихся в монастыре реликвий, – пояснил он. – Она была составлена два века назад.

На листах пергамента были в красках изображены статуи святых, которые я уже видел в церкви, и другие ценные предметы, например аналой, стоящий в трапезной. Каждый рисунок сопровождался латинским комментарием, а также сведениями о размерах произведения. В центре книги было помещено изображение большого квадратного ларца, украшенного драгоценными камнями. Под стеклянной крышкой, на пунцовой бархатной подушке, лежал кусок темного дерева, к которому огромным гвоздем была приколочена человеческая рука, почерневшая и иссохшая; рисунок был так точен, что я разглядел каждое сухожилие. Из комментариев я узнал, что ширина ларца составляла два фута, а высота – фут.

– Значит, ларец был украшен изумрудами, – заметил я. – Крупные камни. Как видно, ларец похитили из-за его огромной ценности?

– Разумеется. Хотя каждому христианину следовало бы знать, что, совершая подобное злодеяние, он теряет свою бессмертную душу.

– Я всегда полагал, что грабители, распятые вместе с Христом, были не прибиты к кресту, а привязаны к нему веревками. Это было сделано, дабы обречь их на более длительные мучения. По крайней мере, на многих изображениях я видел их именно привязанными.

– Тут трудно утверждать что-нибудь с уверенностью, – пожал плечами монах. – Согласно Евангелию, Спаситель умер первым. Но он был подвергнут истязаниям еще до распятия.

– Да, статуи и картины производят на нас сильное впечатление, но порой вводят в заблуждение, – заметил я. – Брат Габриель, вы не находите, что случившееся в церкви весьма напоминает парадокс?

– Что вы имеете в виду, сэр?

Эта длань принадлежала грабителю. Она превратилась в мощи, за прикосновение к которым люди платили до тех пор, пока на это не был наложен запрет. А потом ее похитил другой грабитель.

– Да, возможно, это парадокс, – нехотя согласился брат Габриель. – Но этот парадокс для всех нас обернулся трагедией.

– Один человек в состоянии унести такой большой ларец?

– Во время пасхальной процессии его несли двое. Конечно, человек, обладающий недюжинной силой, способен поднять ларец в одиночку. Но вряд ли он унесет его далеко.

– Но до болот, возможно, дотащит?

– Возможно, – кивнул головой монах.

– Я думаю, мне тоже следует бросить взгляд на болота, если, конечно, вы подскажете мне, как туда пройти.

– Разумеется. В задней стене есть калитка.

– Благодарю вас, брат Габриель. Ваша библиотека восхитительна.

Брат Габриель вывел меня из здания и указал в сторону кладбища.

– Идите вон по той тропе, мимо фруктового сада и пруда, и увидите калитку. Правда, боюсь, тропа сейчас занесена снегом.

– Ничего, на мне непромокаемые боты. Что ж, брат Габриель, увидимся за ужином. Кстати, там вы встретитесь и с моим молодым помощником, – не без ехидства добавил я.

Ризничий вспыхнул и опустил голову.

– Да... да, конечно.

– Еще раз примите мою благодарность за оказанную помощь, брат Габриель. И за откровенность тоже. Не смею больше вас задерживать.

Я кивнул и двинулся по указанной тропе. Обернувшись, я увидел, как ризничий, понуро опустив голову, бредет к церкви.

ГЛАВА 12

Я миновал служебные помещения и мастерские и через маленькую калитку вошел на мирское кладбище. Днем оно казалось вовсе не таким большим, как ночью. Снег наполовину скрывал надгробные камни, под которыми покоились состоятельные горожане, заплатившие за право обрести последний приют в монастырских стенах, и опочившие в монастыре приезжие. Я разглядел три больших семейных склепа, подобные усыпальнице семьи Фицхью, которую мы посетили прошлой ночью. За кладбищем виднелись ряды фруктовых деревьев, протягивающих в безоблачное холодное небо свои голые ветви.

Мне пришло в голову, что каждый из склепов может служить прекрасным местом для тайника. Нащупав на поясе связку монастырских ключей, я направился к ближайшему из них. Закоченевшими, негнуцимыми пальцами я долго перебирал ключи, пока не нашел подходящий.

Я поочередно заходил в склепы и осматривал их, однако среди холодных мраморных надгробий не нашлось ничего интересного. На каменных полах лежал толстый слой пыли, и, судя по всему, в течение нескольких лет сюда не проникала ни одна живая душа. Один из склепов принадлежал выдающемуся семейству Хастингсов; я знал, что последний представитель этого рода погиб во время гражданской войны. И все же память о тех, кто лежит здесь, сохранится на долгие годы, подумал я, вспоминая зауспокойную мессу, которую слышал сегодня в церкви; имена их каждый день будут звучать в молитвах монахов, будут возноситься к гулким церковным сводам. Я затряс головой, отгоняя печальные размышления, и поспешил в сторону фруктового сада, где на голых деревьях кричали голодные вороны. Пробираясь по снегу среди могильных камней, я порадовался, что захватил с собой палку.

Открыв деревянную калитку, ведущую в сад, я зашагал меж припорошенными снегом деревьями. Вокруг царили безмолвие и неподвижность. Оказавшись здесь, вдали от людей, я ощутил, что настало время как следует подумать.

После стольких лет вновь оказавшись в монастыре, я испытывал странное чувство. Во время учебы в Личфилде я был всего лишь мальчишкой-калекой, на которого никто не обращал особого внимания. Теперь я, посланник лорда Кромвеля, был облечен всеми полномочиями, какими только может обладать в монастыре представитель светской власти. Но как и тогда, в детстве, я ощущал себя одиноким и окруженным неприязнью. Конечно, были и некоторые различия: в детстве меня презирали, сейчас – боялись; однако мне не следовало злоупотреблять своим положением, дабы не отпугнуть возможных свидетелей.

Разговор с братом Габриелем произвел на меня удручающее впечатление. Этот человек жил в прошлом, в мире рукописных, искусно расписанных книг, древних песнопений, гипсовых статуй. Я догадывался, что в этом чудном мире он ищет спасения от неумолимых и настойчивых искушений. Страдальческое лицо монаха, вынужденного под моим давлением рассказать о своем грехопадении, стояло перед моим внутренним взором. За свою служебную деятельность я многократно сталкивался и с ловкими лжецами и с изворотливыми мошенниками; признаю, мне доставляло удовольствие допрашивать этих людей, уличать во лжи, припирать их к стене неопровержимыми доказательствами, ловить признаки растерянности и испуга на их лицах. С братом Габриелем все обстояло по-другому; чувство собственного достоинства не позволяло ему хитрить и изворачиваться, вынудить у него признание в тяжком грехе оказалось делом слишком легким. Без труда добившись своего, я не испытывал ни малейшего удовлетворения. К тому же я на собственном опыте знал, каково быть мишенью злобы и презрения.

Я слишком хорошо помнил, как насмешки и издевательства других детей, в играх которых я не мог принимать участия, доводили меня до отчаяния; я даже просил отца забрать меня из монастырской школы и обучать дома. На это он ответил, что, однажды скрывшись от мира, я вряд ли найду в себе силы вновь вступить в него. Отец мой был человеком строгим и непреклонным; после смерти моей матери, случившейся, когда мне было десять лет, характер его лишь ожесточился. Возможно, он был прав; однако, бредя по заснеженной тропе меж обнаженных деревьев, я горько сожалел о том, что пути моей успешной карьеры вновь занесли меня в монастырь.

Воспоминания, пробудившиеся в моей душе, оказались слишком тягостными. Я прошел мимо голубятен, за которыми виднелся большой пруд, заросший камышом. То был искусственный водоем, вырытый для того, чтобы разводить в нем рыбу. В пруд впадал небольшой ручей, вытекавший через пропускную трубу в задней стене. Рядом с трубой находилась деревянная калитка. Я вспомнил, что в монастырях всегда есть специальные устройства для оттока сточных вод. Монастырь Святого Доната, судя по всему, тоже возводили люди, знавшие толк в водопроводном деле; наверняка они установили где-нибудь очистное приспособление, благодаря которому сточные воды не загрязняют рыбный пруд. Я немного постоял опершись на палку, браня себя за угрюмые мысли. Мне надо думать о расследовании, которое мне поручили, и только о нем; нет более бессмысленного занятия, чем ворошить пережитые в прошлом обиды.

Наконец мне удалось отогнать прочь воспоминания и повернуть нить собственных рассуждений к недавно открывшимся обстоятельствам дела. Конечно, я сумел кое-что выяснить, хотя, надо признать, достижения мои остались весьма скромными. Так, я пришел к выводу, что преступление вряд ли совершено чужаком, тайно проникшим в монастырь. Однако хотя пятеро старших монахов были осведомлены об истинной цели приезда Синглтона, я не мог представить, что кто-то из них, охваченный припадком ненависти, убил эмиссара. Ведь каждый из монахов прекрасно понимал, что подобный безумный поступок способен лишь приблизить конец их обители. Впрочем, все они были людьми замкнутыми и скрытными, их помыслы и чаяния по-прежнему оставались для меня загадкой. Что до брата Габриеля, то, по моему разумению, этот человек, одержимый тайной мукой, вполне мог быть подвержен и приступам исступления.

Возможно, Синглтон был убит, потому что ему удалось выведать сведения, порочащие кого-то из монахов. Это предположение представлялось мне наиболее правдоподобным. Однако нельзя сбрасывать со счетов необычный способ убийства. Того и гляди, мне придется расспрашивать всех обитателей здешнего монастыря, включая последнего служку, подумал я с тяжким вздохом; страшно себе представить, сколько времени это займет. Самому мне отчаянно хотелось как можно быстрее вырваться из этого зловещего и опасного места; да и лорд Кромвель настаивал на скорейшем разрешении дела.

Однако, как справедливо сказал Марк, мы можем сделать лишь то, что в наших силах и не более. Мне предстоит кропотливый поиск фактов, привычный для большинства юристов. И прежде всего я должен проверить, действительно ли посторонние могли проникнуть в монастырь со стороны болота. «Выяснить все обстоятельства, – бормотал я себе под нос, бредя по снегу. – Абсолютно все обстоятельства» .

Я подошел к пруду. Он был покрыт тонкой коркой льда, но теперь, в ярком солнечном свете, проникающем в глубину воды, я различал силуэты крупных карпов, медленно проплывающих меж водорослями.

Внезапно какой-то странный блеск привлек мое внимание. Подойдя к самой кромке льда, я устремил взгляд на дно пруда. Поначалу мне ничего не удавалось разглядеть, и я уже решил, что игра света ввела меня в заблуждение. Но тут солнечный луч разрезал гущу водорослей, и я снова увидел блеск. Опустившись на колени, не обращая внимания на то, что снег щиплет мои голые руки, я вытянул шею, напряженно всматриваясь вниз. Вне всякого сомнения, на дне пруда сверкала полоска желтого металла. Пропаший ларец был сделан из золота, мечи, как правило, имеют золотую рукоять. Мне, несомненно, стоило выяснить, что скрывается на дне пруда. Мысль о том, чтобы самому лезть в ледяную воду, вызвала у меня содрогание; однако я мог вернуться сюда с Марком. Поднявшись, я торопливо отряхнулся от снега и поспешил к калитке.

Подойдя к стене, я собственными глазами убедился в том, что во многих местах камень раскрошился; тут и там стены покрывали небрежные, наспех сделанные заплаты. Я отцепил от пояса связку ключей и выбрал из них тот, что подходил к тяжелому старинному замку. Калитка со скрипом отворилась, и я сделал несколько осторожных шагов по тропе, начинавшейся прямо за стеной. Всего лишь несколько дюймов твердой земли отделяло стену от болотистой хляби. Я понятия не имел, что болото подходит к монастырю так близко. Тропа, идущая вокруг монастыря, кое-где тонула в жидкой грязи; болото подмывало стену, угрожая обрушить ее. Местами человек, не обделенный ловкостью и силой, вполне мог вскарабкаться на стену, пользуясь выступами разрушенного камня. «Черт побери», – пробормотал я себе под нос, раздосадованный тем, что не могу сбросить со счетов возможность вторжения извне.

Я окинул взглядом покрытое снегом болото. Тут и там виднелись заросли заиндевелого тростника и замерзшие лужи стоячей воды; болото тянулось до самой реки, широкая лента которой сверкала вдали. На другой стороне реки темнела возвышенность, поросшая лесом. Нигде не замечалось ни малейшего движения, лишь парочка каких-то морских птиц перепархивала вдали с кочки на кочку. Потом птицы взмыли в воздух и, огласив холодное голубое небо печальными криками, исчезли.

На полпути меж монастырской стеной и рекой я заметил в болоте выступающий холм. На нем виднелись какие-то развалины. По всей видимости, то было место, о котором упоминал брат Габриель, остров, где первоначально был возведен монастырь. Охваченный любопытством, я сошел с тропы и, опираясь на палку, сделал шаг в сторону острова. К моему удивлению, земля под снегом оказалась твердой. Набравшись смелости, я сделал еще один шаг и вновь ощутил под ногами твердую землю. Но то был лишь тонкий слой замерзшей травы; я убедился в этом, когда нога моя внезапно провалилась в чавкающую жижу. Я пронзительно вскрикнул и выронил посох. Трясина неумолимо засасывала мою ногу; я ощущал, как холодная липкая вода заливают кожаные боты, как ледяные струйки текут по голени.

Раскинув руки в стороны, я пытался удержать равновесие, с ужасом думая о том, что вот-вот упаду лицом в жидкую грязь. Левая моя нога по-прежнему стояла на твердой земле, и я перенес на нее весь вес собственного тела, опасаясь, что она вот-вот тоже провалится в бездонную глубь. К счастью, этого не случилось, и, обливаясь потом от страха и физического напряжения, я сумел-таки вытянуть из трясины правую ногу. Недовольно бурча и чавкая, испускавшее гнилостный запах болото рассталось со своей жертвой. Сделав несколько шагов, я без сил опустился на тропу; сердце мое бешено колотилось. Палка по-прежнему валялась на снегу, но я не стал рисковать, пытаясь достать ее. Оглядывая насквозь промокшую, облепленную черной тиной ногу, я на чем свет стоит клял себя за неосторожность. Любопытно, какую мину скорчил бы лорд Кромвель, узнай он только, что посланник, на которого он возлагал столь большие надежды, забрел в болото и утонул, закончив на этом свое бесславное поприще.

– Поделом тебе, старый осел, – произнес я вслух.

Тут шорох, раздавшийся за моей спиной, заставил меня резко обернуться. У распахнутой калитки стоял брат Эдвиг в теплом плаще поверх сутаны и с изумлением смотрел на меня.

– Г-господин Ш-шардлейк, с вами все в п-порядке? – спросил он, и я понял, что он слышал, как я осыпал себя ругательствами.

– Да, брат Эдвиг, – ответил я и со всем доступным мне проворством вскочил на ноги. Грязный и промокший, я, несомненно, производил довольно жалкое впечатление, отнюдь не отвечавшее моему высокому положению. – Я неожиданно оступился. И едва не утонул в болоте.

Брат Эдвиг сокрушенно покачал головой.

– В-вам не с-следовало сюда ходить, сэр. Это очень опасное место.

– Только что я имел возможность в этом убедиться. А вы, брат Эдвиг, я вижу, собрались куда-то? Решили немного отдохнуть от праведных трудов?

– Д-да, мне захотелось н-немного прогуляться. П-прогулка на свежем воздухе – лучший способ освежить г-голову. Мы с аббатом как раз навещали б-больного послушника, а после я решил п-пройтись.

Я недоверчиво взглянул на упитанного приземистого казначея. Трудно было представить, чтобы этот толстяк без всякой определенной цели пробирался сквозь заснеженный фруктовый сад.

– Я л-люблю п-приходить сюда и смотреть на р-реку, – сообщил брат Эдвиг. – Это очень успокаивает.

– Да, как и пешая прогулка.

– В-вы правы, сэр. Позвольте я п-помогу вам. Вы с-сильно п-перепачкались.

– Ничего страшного, – ответил я, стараясь сдержать бившую меня дрожь. – Но в самом деле, мне надо скорее вернуться в монастырь.

Мы с братом Эдвигом вошли в калитку и побрели через сад. Я старался идти как можно быстрее, промокшая нога моя на глазах превращалась в глыбу льда.

– Как себя чувствует больной послушник? – осведомился я.

– Ему н-немного лучше, но эти г-грудные болезни на редкость к-коварны, – со вздохом сообщил брат Эдвиг. – Прошлой зимой я сам хворал г-грудной лихорадкой. Две недели мне п-пришлось провести в п-постели, – добавил он, покачав головой при этом грустном воспоминании.

– А как вы считаете, не проявил ли приор излишней суровости в отношении Саймона Уэлплея?

Брат Эдвиг вновь покачал головой, явно не одобряя вопроса.

– Т-трудно с-сказать, сэр. В монастыре н-необходима дисциплина. И брат приор строго с-следит за соблюдением в-всех правил.

– Однако, переходя определенные границы, строгость порой превращается в неоправданную жестокость.

– Л-люди должны соблюдать п-правила, – упорствовал монах. – Им н-необходимо знать, что за каждый п-проступок их неминуемо ждет н-наказание. – Он пристально посмотрел на меня. – Разве вы придерживаетесь иного мнения, сэр?

– Смотря что считать проступком. Возможно, я тоже совершил проступок, сунувшись в это болото. Тем более меня много раз предупреждали, что это опасно.

– Вы с-совершили ошибку, сэр, а не п-проступок. И уж конечно, не п-прегрешение. А я сейчас говорю о т-тех, кто упорствует в своих заблуждениях. Им необходимо п-преподать суровый урок. К тому же я не думаю, что б-брат приор виноват в б-болезни послушника. Этот юноша слишком слаб и т-тщедушен. Такому не много н-надо, чтобы захворать.

– Я вижу, брат Эдвиг, этот мир представляется вам чрезвычайно простым и ясным, – заметил я, насмешливо вскинув брови. – Вы видите в нем лишь черное и белое.

Круглое лицо брата Эдвига приняло недоуменное выражение.

– А к-как же иначе, сэр, – пробормотал он. – В этом мире есть ч-черное и есть белое. Грех и добродетель. Бог и дьявол. П-правила устанавливаются не нами. Нам остается лишь следовать им.

– Да. Но теперь эти правила устанавливает король, а не Папа, – напомнил я.

– Конечно, сэр, – с готовностью согласился брат Эдвиг, не сводя с меня преданных глаз. – Тем более незыблемыми представляются нам эти п-правила.

Если в доносе брата Ателстана содержалась хоть малая доля правды, то слова брата Эдвига ничуть не соответствовали его истинным убеждениям. Впрочем проверить, что у него на уме, было невозможно.

– Я слышал, что в ночь убийства эмиссара Синглтона вы отлучались из монастыря, брат Эдвиг? – перевел я разговор на другую тему.

– Д-да. Нашему монастырю п-принадлежат земли в Уинчелси. Отчет управляющего п-показался мне н-неудовлетворительным, и я отправился туда, чтобы все п-проверить на месте. Я б-был в отъезде три дня.

– Могу я узнать, к каким результатам привела ваша проверка?

– Конечно, с-сэр. Я обнаружил, что управляющий н-нас обсчитывает. Впрочем, виной т-тому, скорей всего, была ошибка, а не жульничество. Т-тем не менее я его уволил. Мне не нужны люди, которые не умеют т-толком считать.

– Вы ездили один?

– Н-нет, я брал с собой одного из с-своих п-помощников. Старого б-брата Уильяма, которого вы видели в казначействе. – Брат Эдвиг пристально посмотрел на меня. – Ту злосчастную ночь я п-провел в доме управляющего. Ночь, когда б-был убит эмиссар Синглтон. Упокой Господи его душу, – добавил он, возведя очи к небесам.

– У вас много обязанностей, брат Эдвиг, – заметил я. – Хорошо, что у вас есть помощники. Старик и молодой человек.

Брат Эдвиг окинул меня внимательным взглядом.

– Да. Хотя, п-признаюсь, от юнца пока мало п-проку.

– Вот как?

– К-к сожалению, у брата Ателстана нет никаких с-способностей к подсчетам. К-кстати, я п-приказал ему найти книги, о которых вы г-говорили. С-скоро они будут доставлены в вашу к-комнату.

Тут брат Эдвиг поскользнулся и едва не упал. Я поддержал его под локоть.

– Благодарю вас, сэр. Пресвятая Дева, до чего н-надоел этот с-снег.

Остаток пути браг Эдвиг сосредоточенно смотрел себе под ноги, и мы почти не разговаривали. Оказавшись во внутреннем дворе, мы расстались; брат Эдвиг вернулся в свое казначейство, а я направился к лазарету. Я чувствовал, что настала пора немного перекусить. Мысли мои вертелись вокруг казначея; этот самодовольный толстяк, в ведении которого находились все монастырские капиталы, ощущал себя чрезвычайно важной персоной. Но несомненно, он был всей душой

предан монастырю. На что он готов во имя своей обители? Способен ли он, скажем, на мошенничество, которое, по его мнению, пойдет монастырю во благо? Или же подобное нарушение границы меж черным и белым представляется ему недопустимым? Этот человек не вызывал у меня ни малейшей симпатии, но, как сказал я прошлой ночью Марку, на этом основании никак нельзя подозревать его в убийстве. И напротив, расположение, которым я проникся к брату Габриелю, никоим образом не освобождало его от подозрений. Я тяжело вздохнул. Когда имеешь дело с людьми, трудно сохранять беспристрастность.

В лазарете царили тишина и покой. Я прошел через большую палату. Старик неподвижно лежал в постели, слепой монах спал в своем кресле, а кровать толстого монаха была пуста; возможно, брату Гаю удалось убедить его, что настало время покинуть лазарет. В очаге приветливо горел огонь, и я подошел к нему чтобы обогреться.

Когда я стоял у огня и наблюдал, как от мокрых танов поднимаются струйки пара, до слуха моего донесся шум – бессвязные надсадные крики, топот, плач, грохот разбитой посуды. Шум все усиливался.

Я пребывал в полном недоумении, когда дверь распахнулась и в палату ворвалась целая толпа народу – Элис, Марк, брат Гай. Среди них металась тонкая фигура в белой ночной рубашке. Я с удивлением узнал Саймона Уэлплея. Он мало напоминал то бессильное создание, с которым я разговаривал прошлой ночью. Лицо юноши заливал багровый румянец, расширенные глаза горели огнем, изо рта струйкой стекала слюна. Он расталкивал окружающих и явно пытался что-то сказать, но из груди его вырывалось лишь тяжелое прерывистое дыхание.

– Господи Боже, что случилось? – обратился я к Марку.

– Похоже, сэръ, этот малый спятил!

– Держите его! Держите! – кричал брат Гай.

Он сделал знак Элис, и она, широко раскинув руки, стала приближаться к беснующемуся Саймону. Брат Гай и Марк последовали ее примеру. Втроем они окружили больного, который замер на месте, затравленно озираясь по сторонам.

Слепой монах проснулся и сел на кровати, встревоженно тряся головой.

– Что происходит? – спросил он дребезжащим голосом. – Это ты, брат Гай?

Тут случилось нечто ужасное. По всей вероятности, Уэлплей заметил меня и тут же изогнулся дугой, явно пытаясь изобразить горбатого. Более того, он принялся что есть мочи размахивать руками, сжимая и разжимая кулаки. Подобная манера появляется у меня, когда я волнуюсь, – по крайней мере, так говорили мне те, кто видел меня в суде. Но откуда это мог знать Уэлплей? В какое-то мгновение я вновь почувствовал себя затравленным школьником, мишенью для насмешек и издевательств. Наблюдая за согбенным, нарочито жестикулирующим безумцем, я ощущал, как волосы у меня становятся дыбом.

Голос Марка вернул меня к действительности.

– Помогите нам! – кричал он. – Держите его, сэр, ради всего святого, а не то он уйдет!

С бешено колотящимся сердцем я тоже раскинул руки и начал приближаться к взбесившемуся послушнику. При этом я неотрывно смотрел в его глаза, и, признаюсь, это было жуткое зрелище; потемневшие от расширенных зрачков, глаза эти буквально вылезали из орбит, и взгляд их был совершенно безумен. Передразнивая меня, он в то же время меня не узнавал. На ум мне пришли слова брата Габриеля о происках дьявола. «Что, если сатана вселился в это щуплое тело?» – подумал я с внезапным ужасом.

Мы подошли к безумцу почти вплотную, когда он неожиданно метнулся в сторону и юркнул в открытую дверь.

– Он в банном корпусе! – воскликнул брат Гай. – Оттуда ему не выбраться. Будьте осторожны, пол там скользкий.

Он устремился вслед за беглецом. Элис, Марк и я, не мешкая, двинулись за ним.

В банном корпусе царил полумрак. Тусклый свет проникал сюда сквозь единственное заиндевевшее окошко. Посреди небольшой квадратной комнаты с выложенным плитками полом возвышалась громадная ванна глубиной примерно в четыре фута. В углу валялись веники и щетки, в воздухе ощущался запах затхлости и нечистого тела. Я услышал звук бегущей воды и, взглянув вниз, обнаружил, что по полу комнаты тянется водопроводная труба. Саймон Уэлплей, дрожащий и все еще скрюченный, забился в дальний угол комнаты. Я встал в дверях, чтобы отрезать ему путь к отступлению, а брат Гай,

Элис и Марк вновь попытались его окружить. Элис протянула к больному руку.

– Не бойся, Саймон, – ласково произнесла она. – Разве ты меня не узнаешь? Это же я, Элис. Мы не причиним тебе вреда.

Бесстрашие Элис вызвало у меня восхищение; редкая женщина сумела бы сохранить присутствие духа в подобных обстоятельствах.

Послушник повернулся на ее голос, лицо его исказила болезненная судорога, сделавшая его почти неузнаваемым. Несколько мгновений он смотрел на Элис явно ее не узнавая, потом перевел взгляд на Марка. Исхудалая рука его взметнулась вверх, с губ сорвался хриплый надтреснутый вопль, так не похожий на его прежний голос:

– Убирайся прочь! Твои яркие одежды меня не обманут! Я знаю, ты приспешник дьявола! Здесь по всюду черти, его верные слуги! Вон они, вон, носятся в воздухе, как пыль!

Безумец закрыл глаза руками и внезапно, содрогнувшись всем телом, рухнул в ванну. До меня донесся треск его хрупких костей, ударившихся о цинковое дно. Упав, несчастный более не двигался.

Брат Гай наклонился над ванной. Стоя у края, мы наблюдали, как он перевернул Саймона лицом вверх. Глаза послушника закатились, краска сошла с лица, еще хранившего выражение ужаса. Брат лекарь попытался нащупать пульс у него на шее и сокрушенно вздохнул.

– Мальчик мертв, – проговорил он, обведя нас глазами, и перекрестился.

Элис издала горестный вопль и упала на грудь Марка, заливаясь слезами.

ГЛАВА 13

Брат Гай и Марк бережно извлекли тело Саймона из ванны и отнесли в лазарет. Брат Гай держал покойника за плечи, а бледный как полотно Марк – за голые худые ноги. Мы с Элис, к которой успела вернуться ее обычная сдержанность, следовали за ними.

– Что случилось? – испуганно повторял слепой монах, встав с постели и простирая вперед руки. – Брат Гай! Элис!

– Все хорошо, брат, – ласково сказала Элис. – С одним из больных случился небольшой припадок. Но сейчас все в порядке.

Я вновь поразился ее самообладанию.

Тело положили в кабинете брата Гая, под испанским распятием. Лекарь, угрюмый и подавленный, накрыл его простыней.

Я тяжело вздохнул. Сердце у меня по-прежнему бешено колотилось, и виной тому было не только потрясение, которое я пережил, став свидетелем смерти послушника. Последняя выходка Саймона глубоко уязвила меня. Боль от обид, пережитых в детстве, долго отдается в душе, а подобное грубое напоминание, необъяснимое и пугающее, способно поднять в ней целую бурю.

– Брат Гай, – неуверенно начал я, подойдя к лекарю, – мне не дает покоя одно обстоятельство. До вчерашнего дня я никогда не встречался с этим юношей. Однако в припадке исступления он, несомненно передразнивал меня, изображая мою согбенную фигуру и, что особенно странно, некоторые жесты, которые порой появляются у меня в минуты волнения, как правило когда я выступаю в суде. Вы помните, как он размахивал руками и сжимал кулаки. По-моему, в этом было что-то д-дьявольское, – добавил я, заикаясь в точности как брат Эдвиг.

Лекарь посмотрел на меня долгим изучающим взглядом.

– У меня есть некоторые соображения по поводу случившегося, – неохотно признался он. – Но надеюсь, они далеки от истины.

– Какие соображения? Прощу вас, расскажите о них без утайки.

В голосе моем зазвучали умоляющие нотки.

– Прежде мне необходимо все обдумать, – отрезал лекарь. – И сообщить аббату о смерти Саймона.

– Хорошо, – кивнул я, схватившись за угол стола, ибо ноги мои отказывались меня держать. – Я буду ждать вашего возвращения.

Элис и Марк проводили меня в маленькую кухню, где мы завтракали утром.

– Вы хорошо себя чувствуете, сэр? – обеспокоенно спросил Марк. – Вы весь дрожите.

– Со мной все хорошо.

– У меня есть настой трав, который помогает успокоиться после пережитых потрясений, – подала голос Элис. – Валерьяна и аконит. Если хотите, я могу разогреть вам немного.

– Спасибо.

Элис казалась спокойной и невозмутимой, однако пеках ее горел странный, почти лихорадочный румянец. Я попытался улыбнуться.

– Я вижу, Элис, что вы и сами расстроены случившимся. Ваши чувства более чем понятны. Честное слово, мне казалось, что в тело этого несчастного создания вселился дьявол.

– Полагаю, сэр, дьявол тут ни при чем, – отрезала Элис, и в глазах ее сверкнул удививший меня гнев. – Бедного мальчика терзали чудовища в человеческом обличье. Юная жизнь была безжалостно погублена в самом начале, и нам остается лишь оплакивать ее.

Элис осеклась, видимо осознав, что зашла слишком далеко и позволила себе разговаривать недопустимым для служанки образом.

– Я принесу отвар, – бросила она и выскочила из кухни.

– Как видно, на душе у нее накипело, – заметил я, повернувшись к Марку.

– Ей приходится нелегко.

Я повертел на пальце траурное кольцо и философски изрек:

– Тяготы и печали – весьма распространенный удел в этой юдоли слез.

«А ты, похоже, влюбился», – добавил я про себя, внимательно оглядев Марка.

– Я поговорил с Элис, как вы просили.

– Ну, поведай о том, что тебе удалось узнать, – ободряюще сказал я, надеясь, что рассказ Марка позволит мне отвлечься от тяжелых дум.

В этом монастыре она уже полтора года. Родилась и выросла в Скарнси. Отец Элис умер, когда она была совсем маленькой, и ее

вырастила мать. Кстати, мать ее прекрасно разбиралась в лекарственных травах и умела исцелять некоторые недуги.

– А, значит, знания перешли к ней по наследству.

– Элис собиралась замуж, но ее жених погиб. Вместе с другими парнями он валил в лесу деревья, и одно из них перешибло ему хребет. В городе трудно найти работу, но у матери Элис было много знакомств и ей удалось устроить дочь помощницей аптекаря в Эшере.

– Выходит, Элис пришлось путешествовать. Я так и думал. Не похоже, что она провела всю жизнь в четырех стенах.

– Да, по крайней мере, это графство ей хорошо знакомо. Я расспрашивал ее о болотах. Она говорит, там множество тропинок, надо только знать, где их искать. А еще я спросил, не покажет ли она нам эти тропинки, и она дала согласие.

– Вполне вероятно, это нам очень пригодится, – одобрительно кивнул я и рассказал о предположениях брата Габриеля по поводу контрабандистов и о своей злополучной прогулке на болота. – Если там и есть тропинки, двигаться по ним следует с чрезвычайной осторожностью. С болотом шутки плохи, – заявил я, показав Марку облепленную грязью ногу. – Клянусь кровью Спасителя нашего, сегодня выдался тяжелый день.

Рука моя, лежавшая на столе, все еще дрожала, и я был не в состоянии унять эту дрожь. А Марк по-прежнему был бледен. На несколько мгновений в комнате повисло молчание, которое мне вдруг отчаянно захотелось прервать.

– Вы с Элис беседовали довольно долго, – сказал я. – Наверное, она поведала тебе и о том, как попала в монастырь.

– Аптекарь, у которого она работала, был уже стариком и вскоре умер. Она вернулась в Скарнси, но мать ее тоже прожила недолго. Дом их стоял на арендованной земле, которую землевладелец решил превратить в пастбище. Он прогнал Элис прочь, а дом приказал разрушить. Она осталась совершенно одна, без крова, без помощи. К счастью, кто-то сказал ей, монастырский лекарь ищет помощницу. Никто из городских жителей не хотел у него работать – его боятся и называют черным гоблином. Но у Элис не было другого выбора.

– У меня создалось впечатление, что здешняя святая братия не слишком ей по душе.

– Да, она говорит, что среди монахов достаточно сластолюбцев, которые дают слишком много воли рукам. Оно и понятно, в монастыре нет других молодых женщин. Похоже, сам приор положил на нее глаз.

– Я даже не ожидал, что Элис пустится с тобой в подобные откровенности, – заметил я, иронично вскинув бровь.

– Долгое время ей не с кем словом было перемолвиться, и она была рада возможности поговорить, – пожал плечами Марк. – Так вот, поначалу приор не давал ей прохода.

– Да, я заметил, что она терпеть не может приора Мортимуса. Кстати, подобные святоши, столь нетерпимые к чужим грехам, частенько сами не прочь украдкой потешить свою похоть. Для себя они всегда найдут оправдание. А аббат знает о том, что приор преследует Элис?

– Элис рассказала брату Гаю, и тот сумел оградить ее от притязаний приора. Что до аббата, он редко вмешивается в подобные дела. Приором он вполне доволен и позволяет ему действовать по собственному усмотрению. А тот только и твердит о необходимости строго соблюдать порядок. Монахи его боятся, в особенности те, кто раньше был уличен в содомии. Теперь они, естественно, и думать не думают о том, чтобы следовать своим низким влечениям.

– Порядок – это, конечно, прекрасно. Но подчас излишне рьяное стремление навести порядок приводит к печальным последствиям. Мы сами это только что видели.

– Да, видели, – согласился Марк, проведя рукой по лбу.

– Я вижу, что достоинства Элис, а также пережитые ею невзгоды произвели на тебя сильное впечатление, – произнес я после минутного размышления. – Но не забывай, мы с тобой прибыли сюда по приказу короля и выполняем важную миссию. Скажи, как она относится к реформе?

– Я полагаю, сэр, все эти изменения не слишком ее задели. Я пытался расспрашивать ее о настроениях в монастыре, но она не сказала ничего определенного. Думаю, она не стала бы покрывать монахов, которые ей докучали. У Элис благородная душа, сэр. О брате Гае она говорила с большой теплотой. Он многому научил ее и постоянно защищает от всех посягательств. И к тем беспомощным старикам, за которыми ей приходится ухаживать, она тоже очень привязана.

Я задумчиво взглянул на Марка и негромко произнес:

– Эта юная особа поступила бы разумнее, избежав привязанностей. Не забывай, лорд Кромвель хочет уничтожить этот монастырь, и так или иначе он своего добьется. Вскоре Элис вновь останется без работы и без пристанища.

– Судьба слишком жестока к Элис, – нахмурившись, пробормотал Марк. – И кстати, не такая уж она и юная. Ей двадцать два года. Может, мы сумеем как-нибудь ей помочь?

– Посмотрим, – пожал я плечами. – Значит, брат лекарь защищает Элис. Вполне вероятно, что она в свою очередь защищает его?

– Вы хотите сказать, брат Гай что-то скрывает и Элис помогает ему?

– Не знаю. – Я неуверенной походкой направился к окну. – Честно говоря, у меня голова идет кругом.

– Вы говорили, вам показалось... показалось, что сумевший послушник вас передразнивал, – напомнил Марк, поколебавшись.

– А разве тебе не показалось то же самое?

– Но откуда он мог знать...

– Откуда он мог знать, как я размахиваю руками сжимаю кулаки во время важных судебных заседаний? – судорожно сглотнув, подхватил я. – Это для меня загадка.

Я стоял у окна, барабанил по нему пальцами, и тут заметил брата Гая. Он торопливо шагнул по двору, а за ним, вздымая клубы снега, шли аббат и приор. Несколько минут спустя в комнате, где лежало тело, раздались голоса. Потом в коридоре послышались шаги, и все трое вошли в кухню. Усевшись за стол, я поочередно оглядел каждого из них. Смуглое лицо брата Гая хранило абсолютно непроницаемое выражение. Щеки приора Мортимуса, как всегда в минуты гнева, полыхали багровым румянцем; однако во взгляде его я различил не только злобу, но и страх. Что до аббата, то он словно усох; этот крупный, представительный мужчина казался сейчас маленьким и незначительным.

– Сэр, – первым нарушил он молчание, – мне очень жаль, что вы стали свидетелем столь безобразной сцены.

Прежде чем заговорить, я глубоко вздохнул. От пережитых волнений я так устал, что больше всего на свете хотел забиться куда-нибудь в темный уголок. Напоминать этим испуганным людям, что они

имеют дело с представителем власти, у меня не было ни малейшего желания, однако я полагал, что сделать это необходимо.

– Да, вынужден признать, что мои надежды провести расследование в тишине и покое не оправдались, – с надменной миной произнес я. – Мне не доставило ни малейшего удовольствия наблюдать, как один из послушников вашего монастыря был доведен голодом и холодом до тяжелой болезни, а потом лишился рассудка и сломал себе шею.

– Саймон Уэлплей был одержим дьяволом! – произнес приор уверенным, не терпящим возражений тоном. – Он впустил в свою душу слишком много скверны, и потому, стоило ему ослабеть, дьявол с легкостью овладел им. Я исповедовал его, я подвергал его покаянию, дабы очистить его душу. Но все мои усилия оказались тщетны. Дьявол вновь явил нам свое могущество. – Приор поджал губы и с вызовом посмотрел на меня. – Враг рода человеческого не дремлет, и споры и раздоры между христианами служат для него источником величайшей радости!

– Саймон говорил, что видит демонов, – невозмутимо сообщил я. – По его словам, они носились в воздухе, как пылинки. Как вы полагаете, он и в самом деле видел их?

– Помилуйте, сэр, даже самые ярые приверженцы реформы не подвергают сомнению существование посланцев дьявола, которыми полон наш мир. Разве сам Лютер не запустил как-то Библией в демона? – осведомился приор.

– Но подчас подобные видения порождаются мозговой лихорадкой, – заявил я, взглянув на брата Гая, который подтвердил мое предположение кивком.

– Да, это возможно, – согласился аббат. – Мы непременно должны выяснить, что именно имело место в данном случае – лихорадочный бред или подлинное явление дьявола.

– Да нечего тут выяснять! – злобно выпалил приор. – Саймон Уэлплей открыл свою душу дьяволу, тот лишил его рассудка и заставил броситься в ванну и сломать себе шею. Саймон погиб, подобно гадаринским свиньям, низвергшимся со скалы. ^[Z] Несмотря на наши попытки спасти его душу, сейчас она пребывает в аду.

– Я не думаю, что причиной смерти мальчика явилось падение, – произнес брат Гай.

Все удивленно уставились на него.

– С чего вы это взяли? – презрительно процедил приор/

– Он вовсе не ломал себе шею. И на голове его я не обнаружил следов ушиба, – спокойно сообщил лекарь.

– Но почему тогда...

– Это мне пока неизвестно.

– Как бы то ни было, – сурово изрек я, не сводя глаз с приора, – юноша был доведен до болезни излишне строгими наказаниями.

Приор ничуть не смутился.

– Сэр, главный правитель хочет вернуть в монастыри порядок, – заявил он. – Это совершенно необходимо, ибо снисходительность и потворство разного рода нарушениям чреватy серьезной опасностью. Если Саймон Уэлплей не избежал этой опасности и стал добычей дьявола, это произошло лишь потому, что я был недостаточно суров. Возможно, впрочем, душа его была слишком глубоко уязвлена грехом. Так или иначе, я полностью согласен с лордом Кромвелем: реформа возможна лишь при незыблемом соблюдении дисциплины. И я ничуть не сожалею, что так поступал.

– А вы что на это скажете, господин аббат?

– Боюсь, на этот раз суровость приора зашла слишком далеко. Брат Гай, вам, мне и приору необходимо всесторонне обсудить случившееся. Следует создать комиссию по расследованию смерти Саймона Уэлплея. Да, именно комиссию.

Это слово, судя по всему, подействовало на аббата успокоительно.

– Прежде всего я должен исследовать останки бедного юноши, – со скорбным вздохом произнес брат Гай.

– Да, конечно, – кивнул аббат. – Сделайте это не откладывая.

Обычная самоуверенность на глазах возвращалась к аббату.

– Господин Шардлейк, я должен передать вам то что мне сообщил брат Габриель, – сказал он, повернувшись ко мне. – За день до того, как был убит эмиссар Синглтон, он видел на болоте огни. Учитывая это, можно с уверенностью предположить, что в смерти эмиссара виновны местные контрабандисты. Эти люди способны на все; несомненно, тот, кто нарушает человеческие законы, способен попать и заповеди Господни.

– Да, я уже пытался осмотреть болота. Разумеется, подобным предположением нельзя пренебрегать. Завтра мы с мировым судьей

Копингером непременно его обсудим.

– Я уверен, что оно окажется верным.

Это заявление я оставил без ответа.

– Полагаю, нам следует сообщить братии, что Саймон Уэлплей скончался в результате тяжкого недуга, – продолжал аббат. – Вы согласны со мной, сэр?

На минуту задумавшись, я решил, что новый приступ паники в монастыре мне совершенно ни к чему.

– Думаю, именно так и надо поступить, – кивнул я.

– Я должен буду написать его семье. Родителям я сообщу то же самое.

– Да, это разумно. Вряд ли стоит сообщать им, что, по мнению приора, их сына сейчас поджаривают на адском пламени, – процедил я, охваченный приступом внезапного раздражения.

Приор Мортимус уже открыл рот, чтобы вступить в спор, но аббат не дал ему сделать этого.

– Идем брат Мортимус, у нас много дел. Надо приказать вырыть еще одну могилу.

Аббат поклонился и направился к дверям; приор, бросив на меня исполненный откровенной неприязни взгляд, последовал за ним.

– Брат Гай, как вы думаете, что на самом деле случилось с Саймоном? – спросил Марк, когда аббат и приор удалились.

– Я постараюсь это выяснить. Для этого придется вскрыть тело, – вздохнул брат Гай и помотал головой, словно отгоняя тяжкие видения. – Это нелегко, когда дело касается человека, которого ты хорошо знал. Но сделать это необходимо. Причем срочно, пока труп не начал разлагаться.

Он склонил голову и закрыл глаза, шепча молитву, затем вновь глубоко вздохнул.

– Если вы позволите, я вас оставляю.

Я кивнул. Лекарь вышел из кухни и, судя по звуку гулко отдававшихся в коридоре шагов, направился в свой кабинет. Несколько мгновений после его ухода мы с Марком хранили молчание. Щеки моего юного товарища слегка порозовели, и все-таки он имел непривычно унылый и подавленный вид. Что до меня самого, то дрожь, сотрясавшая мое тело, наконец унялась, однако я по-прежнему

чувствовал себя далеко не лучшим образом. Тут вернулась Элис с чашкой какой-то дымящейся жидкости.

– Я приготовила для вас успокоительный настой, сэр.

– Благодарю вас.

– В вестибюле вас ожидают два монаха – те, что служат в казначействе. Они принесли целую гору книг.

– Каких книг? Ах да. Марк, иди, распорядись, чтобы они отнесли эти книги в нашу комнату.

– Да, сэр.

Марк открыл дверь, и из кабинета брата Гая до меня донесся жуткий скрежет пилы, вгрызающейся в человеческие кости. Когда дверь за Марком закрылась, я облегченно вздохнул и отпил из чашки, принесенной Элис. У настоя оказался терпкий привкус мускуса.

– Этот настой помогает успокоиться и прогоняет прочь меланхолию.

– Очень вкусно. Спасибо, Элис.

Девушка испытующе смотрела на меня, прижав к груди руки.

– Сэр, я должна попросить у вас извинения. Я проявила неподозволенную дерзость.

– Оставьте, Элис. Все это сущие пустяки. Мы все были слишком взволнованы.

Девушка помолчала, словно набираясь решимости, и наконец произнесла:

– Сэр, наверное, мои слова покажутся вам вызывающими. Но я хочу повторить: то, что я видела, отнюдь не кажется мне работой дьявола.

– Возможно, вы правы. Подчас мы слишком поспешно объявляем все непонятное или пугающее делом рук дьявола. Скажу откровенно, поведение этого несчастного так напугало меня, что я решил: здесь не обошлось без дьявольских козней. Но, полагаю, брат Гай придерживается иного мнения на этот счет. Сейчас он как раз вскрывает тело.

Элис молча перекрестилась.

– Как бы то ни было, – продолжал я, – мы должны помнить о присутствии сатаны в нашем грешном мире и сохранять бдительность.

– Мне кажется... – неуверенно произнесла Элис и осеклась.

– Продолжайте, прошу вас. Со мной вы можете говорить без обиняков. И вы очень меня обяжете, если согласитесь присесть.

– Спасибо.

Элис села, не сводя с меня больших голубых глаз. Во взгляде ее застыла настороженность. Я обратил внимание на то, что у девушки на редкость чистая и гладкая кожа.

– Мне кажется, происки дьявола заключаются в том, что он заставляет людей творить зло, вселяет в них жестокость, жадность и гордыню, – убежденно заявила Элис. – Сатане ни к чему лишать их рассудка и заставлять бешено скакать, метаться и бредить.

– Согласен с вами, Элис, – кивнул я. – В суде я имел возможность наблюдать самые крайние проявления тех качеств, о которых вы только что упомянули. И отнюдь не только среди обвиняемых. Однако все люди, одержимые этими грехами, были совершенно здоровы.

Тут перед внутренним моим взором с пугающей отчетливостью возникло лицо лорда Кромвеля. Я даже заморгал, отгоняя видение.

– Зло проникает повсюду, – подхватила Элис. Настороженность в ее взгляде исчезла, теперь он был исполнен грусти. – Подчас мне кажется, что жажда наживы и почестей способна превратить людей в кровожадных львов, которые не остановятся перед любыми жертвами.

– Хорошо сказано. Но где же вам, юной девушке, довелось столкнуться с проявлениями подобного зла? – вкрадчиво осведомился я. – Неужели здесь, в святой обители?

– Я привыкла наблюдать за тем, что происходит вокруг, и размышлять над увиденным, – пожав плечами, сказала Элис. – Возможно, женщине не следует так много предаваться размышлениям.

– Нет, нет. Господь наградил рассудком женщин точно так же, как и мужчин.

– Здесь вы вряд ли найдете сторонников подобного мнения, сэр, – с печальной улыбкой заметила Элис.

Я вновь отпил теплого настоя, который приятно согревал желудок и помогал расслабиться моим усталым членам.

– Прекрасное средство, – заметил я. – Господин Поэр говорил мне, что вы разбираетесь в лекарственных травах и владеете искусством составления целебных отваров.

– Спасибо. Как я уже рассказывала господину Поэру, всему этому научила меня покойная матушка. – На какое-то мгновение лицо Элис

помрачнело. – Некоторые люди в нашем городе считали, что она занимается колдовством. Но она всего лишь знала свойства каждой травы и умела исцелять недуги. Эти знания она унаследовала от своей матери, а та, в свою очередь, от своей. Даже аптекарь часто спрашивал у матушки совета.

– Вы ведь работали помощницей аптекаря, да, Элис?

– Да. Он многому научил меня. Но после его смерти мне пришлось вернуться домой.

– Однако дом вы тоже утратили.

У губ Элис залегла горькая складка.

– Да, – проронила она. – Вскоре после смерти матушки истек срок аренды. Землевладелец приказал снести наш дом и отдал землю под пастбища.

– Искренне вам сочувствую. Повсеместное превращение земель в пастбища стало настоящим бедствием для страны. Лорд Кромвель намерен разрешить эту проблему в самом скором времени.

Элис удивленно взглянула на меня.

– Вы его знаете? Самого лорда Кромвеля?

– Да, – кивнул я. – Вот уже много лет я служу лорду Кромвелю на различных поприщах.

Элис вперила в меня долгий изучающий взгляд, затем внезапно опустила глаза и замерла, сложив руки на коленях. Руки ее несколько огрубели от тяжелой работы, но сохраняли изящную форму.

– Вы поступили работать в монастырь после смерти матери? – прервал я молчание.

Элис вскинула голову.

– Да. Я хочу, чтобы вы знали, сэр: брат Гай очень добрый человек. Надеюсь, вы не будете думать о нем плохо, основываясь лишь на его необычной наружности. Увы, некоторые именно так и поступают.

– Я не из их числа. Тот, кто по роду своей службы занимается расследованиями, не должен довольствоваться лишь впечатлениями, – покачал я головой. – Хотя, признаюсь, впервые увидев брата Гая, я пришел... в некоторое недоумение.

Элис улыбнулась, обнажив белоснежные ровные зубы.

– Я тоже, сэр. Точнее говоря, я попросту испугалась. Мне показалось, что он похож на ожившую деревянную статую. Прошло

несколько недель, прежде чем я привыкла к его странному обличью и оценила его по достоинству. Брат Гай очень многому научил меня.

– Возможно, настанет день, когда вам пригодятся полученные здесь знания. В Лондоне многие женщины служат в аптеках. Но в большинстве своем это вдовы. А вы, несомненно, в скором времени выйдете замуж.

– Возможно, – пожала плечами Элис.

– Марк рассказал мне, что ваш жених погиб в результате несчастного случая. Мне очень жаль.

– Да, он погиб, – медленно проговорила девушка. Взгляд ее вновь стал настороженным и отстраненным. – Я вижу, господин Поэр немало рассказал вам обо мне.

– Да, конечно. Вы же понимаете, мы с ним должны как можно больше узнать обо всех обитателях монастыря.

Я улыбнулся, стараясь, чтобы улыбка вышла ласковой и ободряющей.

Элис встала и медленно подошла к окну. Когда она обернулась, я понял, что за несколько мгновений девушка приняла какое-то важное решение.

– Сэр, если я открою вам кое-какие сведения, вы никому не скажете, от кого их получили? Я не хочу потерять работу и...

– Я все понимаю, Элис. Вы можете на меня положиться.

– Помощники брата Эдвиги сказали, что принесли все расчетные книги, которые вы требовали.

– Да, именно об этом я их просил.

– Но они принесли не все книги, сэр. Среди книг нет той, что эмиссар Синглтон просматривал накануне своей смерти.

– Но как вы сумели это определить, Элис? Вы ведь не открывали ни одну из этих книг?

– Все книги, которые они принесли, в коричневых переплетах. А та, что просматривал эмиссар Синглтон, была в синем.

– Вот как? Но откуда вам это известно?

– Вы будете держать в тайне то, что я вам расскажу? – спросила девушка после недолгого раздумья.

– Обещаю, Элис, что никому не обмолвлюсь ни словом, – заверил я. – Вы можете полностью мне доверять.

– В день накануне убийства эмиссара Синглтона я ходила в город, делала кое-какие покупки, – глубоко вздохнув, сообщила девушка. – На обратном пути я заметила в дверях казначейства эмиссара Синглтона и молодого помощника казначея, брата Ателстана.

– Брата Ателстана?

– Да, именно его. Эмиссар держал в руках толстую расчетную книгу в синем переплете и кричал на брата Ателстана. Заметив меня, он не счел нужным понизить голос. В конце концов, я всего лишь служанка, – добавила она с грустной улыбкой.

– И что же он кричал?

– Что-то о том, что брат Эдвиг нарочно спрятал в ящик стола, рассчитывая, что он, эмиссар, до нее не доберется. Брат Ателстан что-то бормотал в свое оправдание, говорил, что никто не имеет права заходить в кабинет казначея, когда тот отсутствует. На это эмиссар заявил, что в качестве королевского посланника он имеет право заходить куда угодно и эта книга позволяет увидеть финансовые дела монастыря в новом свете.

– И что на это ответил брат Ателстан?

– Ничего. Он был очень испуган и походил на побитую собаку. Эмиссар Синглтон сказал, что собирается внимательно изучить книгу, и зашагал прочь. Я помню, лицо его буквально светилось торжеством. Брат Ателстан стоял на пороге, глядя ему в спину. Затем он заметил меня, смерил злобным взглядом и зашел в дом, захлопнув за собой дверь.

– И больше вы ничего не слышали об этой книге?

– Нет, сэр. Дело было уже под вечер. Вскоре я отправилась спать, а на следующее утро узнала, что эмиссар убит.

– Благодарю вас, Элис, – с чувством произнес я. – То, что вы сообщили, возможно, чрезвычайно важно. – Я помолчал, внимательно разглядывая свою собеседницу. – Кстати, господин Поэр сообщил мне, что вы... подвергались домогательствам со стороны приора.

Краска залила щеки девушки.

– Когда я только что поступила сюда, он пытался воспользоваться моим одиночеством и беззащитностью. Но все это осталось в прошлом.

– Я очень ценю вашу прямооту и откровенность, Элис. Прошу вас, если вспомните еще какие-нибудь факты или обстоятельства, которые

могут способствовать моему расследованию, без промедления сообщите их мне. Если вам потребуются покровительство и защита я к вашим услугам. Я непременно отыщу пропавшую книгу, но можете не сомневаться, ни словом не упомяну о том, что о ней мне рассказали вы.

– Вы очень добры, сэр. С вашего разрешения, я вас оставлю. Я должна помочь брату Гаю.

– При вскрытии? Не слишком подходящая работа для девушки.

– Это входит в мои обязанности, – пожалала плечами Элис. – За свою жизнь я достаточно насмотрелась на мертвецов. Моя матушка частенько обмывала и убирала покойников.

– Могу лишь позавидовать вашей крепости и выдержке, Элис.

– Да, жизнь закалила меня, – с неожиданной горечью сказала она. – Служанке лучше забыть о нежностях.

– Я совсем не это имел в виду, – попытался оправдаться я и, протестующим жестом вскинув руку, едва не опрокинул стоящую на столе чашку.

Элис, сделав стремительное движение, успела подхватить ее, прежде чем хоть капля настоя пролилась на стол.

– Спасибо, Элис. Небом клянусь, ловкости и проворства вам не занимать.

– Брат Гай частенько все роняет, так что я привыкла быть начеку. Простите, сэр, но я действительно должна идти.

– Не смею вас задерживать. И еще раз примите мою благодарность за то, что сообщили мне о книге. Знаю, решиться на подобный поступок вам было не просто. Я прекрасно отдаю себе отчет в том, что посланник короля может быть пугающей персоной, – с улыбкой добавил я.

– Нет, сэр. Вы не такой.

На мгновение она устремила на меня серьезный взгляд, потом быстро повернулась и вышла из комнаты.

Я тихонько прихлебывал настой, который приятно согревал мои внутренности. Еще приятнее была мысль о том, что Элис начала проникаться ко мне доверием. Если бы только я встретил ее при иных обстоятельствах и если бы только она не была служанкой... На память мне пришли последние слова Элис. По всей вероятности, она имела в виду, что я «не такой», как Синглтон. Несомненно, опыт наблюдений

за ним убедил ее в том, что все королевские посланники – напыщенные и надменные грубияны. Но может, в ее словах содержался какой-то иной, потаенный смысл? Впрочем, вряд ли девушка чувствовала ко мне влечение, подобное тому, что я испытывал к ней. Я вспомнил, как неприятно поразил Элис тот факт, что Марк передал мне ее рассказ. Теперь она уже не будет относиться к нему с прежним доверием; подумав об этом, я невольно ощутил удовольствие. Нахмурившись, я мысленно напомнил себе, что ревность является одним из смертных грехов, и направил нить своих размышлений к пропавшей расчетной книге. Судя по всему, именно с этой книгой была связана одна из самых многообещающих линий расследования.

Через некоторое время в комнату вошел Марк. Когда он открыл дверь, я с облегчением убедился, что брат Гай прекратил орудовать пилой.

– Книги уже в нашей комнате, сэр, – сообщил он. – Восемнадцать тяжелых томов. Помощники казначея ворчали, что без этих книг не смогут работать. Просили вернуть их поскорее.

– Ничего, потерпят. Ты запер нашу комнату?

– Да, сэр.

– А ты не заметил, не было ли среди книг одной в синем переплете?

– Все они в коричневых переплетах, сэр.

Я кивнул.

– Мне кажется, я догадываюсь, почему брат Эдвиг не дает продыху бедняге Ателстану. Наш добрый казначей не проявил должной откровенности. Придется поговорить с ним еще разок. Это очень важно, так как...

Тут я осекся, потому что в комнату вошел брат Гай. Лицо его побледнело от усталости. Под мышкой он нес запятнанный кровью фартук, который бросил в корзину для грязного белья.

– Сэр, могу я сказать вам несколько слов наедине?

– Разумеется.

Я поднялся и последовал за ним. Сердце мое болезненно сжалось при мысли, что лекарь поведет меня к трупу несчастного Уэлплея. Но к моему великому облегчению, мы вышли на воздух. Солнце уже садилось, бросая розовые отсветы на заснеженный палисадник. Брат Гай решительно зашагал по снегу и остановился у большого куста.

– Теперь я знаю, что послужило причиной смерти бедного Саймона, – произнес он. – Нет, мальчик не был одержим демоном. Подозрения возникли у меня еще тогда, когда я заметил, как странно он изгибается и размахивает руками. Поверьте, сэр, меньше всего он хотел передразнить вас. Подобные спазмы – это весьма характерный признак. Да и все другие признаки налицо – изменение голоса, видения.

– Признаки чего?

– Отравления. Отравления ягодами вот этого куста. – Брат Гай потряс ветку, на которой оставалось несколько заиндевевших сухих листьев. – Белладонна. В этих краях ее называют сонная одурь.

– Значит, Саймона кто-то отравил?

– Белладонна обладает слабым, но довольно специфическим запахом. Я работал с ней много лет и без труда сумею отличить этот запах от всех других. Так вот, в желудке бедного Саймона я нашел следы яда. На столике у его кровати стояла чашка с медовым питьем. В ней я тоже обнаружил яд.

– Но когда его отравили?

– Вне всякого сомнения, не далее как сегодня. Признаки отравления проявляются быстро. Мальчика больше нет, и я тому виной. Если бы только я или Элис все время оставались с ним...

Брат Гай вздохнул и провел рукой по лбу.

– Вы не могли предугадать, что произойдет. А кто еще заходил к Саймону и оставался с ним наедине?

– Прошлой ночью, вскоре после того, как вы ушли, его навестил брат Габриель. Он заходил и сегодня утром. Видно было, что он очень обеспокоен. Я дал ему разрешение помолиться над мальчиком. А позднее больного посетили аббат и брат казначей.

– Да, я знаю, что они заходили к Саймону.

– И еще, когда утром я зашел осмотреть больного, я застал в комнате приора Мортимуса.

– Вот как?

– Саймон крепко спал, а приор стоял у кровати и смотрел на него. Вид у него был встревоженный, и я даже решил, что его мучает совесть. Подумал, он сожалеет о том, что его жестокость привела к таким печальным последствиям. – Брат Гай помолчал, поджав губы. –

Сок белладонны имеет приятный сладковатый вкус, а запах у нее очень легкий, – добавил он. – В меду его невозможно различить.

– Насколько я знаю, белладонна используется для лечения некоторых недугов?

– Да, в малых дозах она помогает при запоре и некоторых других болезнях. В моем кабинете хранится значительный запас белладонны, я часто ее прописываю. Но добыть этот яд мог любой из монахов нашего монастыря. Отыскать куст белладонны не составит труда, и ее ядовитые свойства известны всем.

– Прошлой ночью Саймон пытался о чем-то мне сообщить, – напомнил я после недолгого размышления. – Он сказал, что эмиссар Синглтон – не первый убитый. Я намеревался поговорить с ним сегодня, когда он проснется. Скажите, вы или Элис не рассказывали кому-нибудь о странном бреде больного? – спросил я, испытующе глядя на лекаря.

– Разумеется, ни я, ни Элис не обмолвились ни словом. Но мальчик продолжал бредить во сне. Возможно, кого-то из посетителей насторожили слова, сорвавшиеся с его губ.

– И он решил, что уста Саймона необходимо запечатать навсегда.

Брат Гай мрачно кивнул.

– Бедное дитя, – прошептал я. – А я голову себе ломал, с чего это он вздумал меня дразнить.

– Мы часто воображаем себе то, что не имеет ни малейшего отношения к действительности, – заметил монах.

– Не могу не согласиться с вами. Но скажите, брат Гай, почему о своем печальном открытии вы в первую очередь сообщили мне, а не аббату?

Брат Гай взглянул мне прямо в лицо.

– Потому что аббат был среди тех, кто посетил несчастного этим утром. Вы облечены властью, господин Шардлейк, и я верю в то, что вы стремитесь служить истине. В вопросах религии между нами существуют определенные разногласия, но сейчас это не имеет значения.

– Прошу вас, держите в строжайшем секрете то, что открыли мне только что. Я должен обдумать, как поступать дальше, – сказал я.

Мне казалось, что просьба моя, более похожая на приказ, должна возмутить монаха. Но он лишь устало кивнул в ответ и взглянул вниз,

на мои облепленные засохшей грязью штаны.

– Я вижу, вы упали? – спросил он.

– Да, причем в болото. Я едва сумел выбраться.

– Ходить по болотам следует с большой осторожностью.

– Полагаю, здесь мне следует ходить с осторожностью повсюду, – пожал плечами я. – Давайте зайдем в дом, иначе нам не миновать лихорадки. – С этими словами я направился к дверям. – Да, теперь я хотя бы перестану ломать голову, выискивая причины заставившие больного юношу меня передразнивать. Загадка получила неожиданное объяснение. Удивительно все-таки, что именно мои недоуменные расспросы натолкнули вас на это прискорбное открытие.

– По крайней мере, теперь приор Мортимус пере станет твердить, что душа Саймона пребывает в аду.

– Да. Полагаю, он будет разочарован.

Если только не он отравил несчастного Саймона, добавил я про себя. В противном случае приор все знал заранее. Если бы только прошлой ночью брат Гай и Элис не настояли на том, чтобы я оставил больного в покое, быть может, я узнал бы тогда, что мучило Саймона, и это помогло бы мне найти убийцу. Быть может, мальчик был бы сейчас жив. А теперь мне предстоит расследовать два убийства. А если то, что лепетал бедный послушник в бреду, было правдой и Синглтон действительно не первая жертва, значит, убийство совершалось в монастыре уже трижды.

ГЛАВА 14

В тот день я рассчитывал отправиться в Скарнси, но было уже слишком поздно. В последних лучах заката я побрел через внутренний двор к дому аббата, намереваясь побеседовать с доктором Гудхэпсом. Старый законник вновь в одиночку пьянствовал в своей комнате. Я не стал сообщать ему об убийстве Саймона Уэлплея, сказал лишь, что молодой послушник скончался вследствие легочной лихорадки. К этому известию Гудхэпс не проявил ни малейшего интереса. Я спросил, не знает ли он что-нибудь о расчетной книге, которую Синглтон просматривал накануне смерти. По словам Гудхэпса, Синглтон сообщил ему лишь, что книга, которую он отыскивал в казначействе, может оказаться для их миссии весьма полезной. «Робин Синглтон был слишком скрытен, – обиженно пробормотал старик. – Он вспоминал о своем учителе, только когда нуждался в совете, связанном с какими-нибудь тонкостями закона». Поняв, что толку от Гудхэпса немного, я ушел, оставив его наедине с кувшином вина.

К вечеру поднялся порывистый холодный ветер, который пробирал меня до костей. Возвращаясь в лазарет под оглушительный звон колоколов, созывающих братию к вечерне, я размышлял о том, что опасность нависла над каждым, кто обладает хоть какими-нибудь важными сведениями, – над старым Гудхэпсом, над Марком, надо мной. Саймона Уэлплея убрала безжалостная и хладнокровная рука. Если бы я не обратил внимание брата Гая на странные жесты и походку больного, возможно, он не вспомнил бы о белладонне и убийство удалось бы скрыть. Не исключено, что мы имеем дело с фанатиком, однако с фанатиком, способным на трезвый расчет. Что, если как раз сейчас убийца собирается положить отраву в мою тарелку или снести мою голову с плеч – так, как он снес голову Синглтону? Я вздрогнул и плотнее закутался в плащ.

Пол в нашей комнате был завален книгами. Марк сидел у очага, не сводя глаз с пламени. Свечей он не зажег, однако огонь бросал неровные отблески на его встревоженное усталое лицо. Я сел рядом с ним, наслаждаясь возможностью обогреть свои прозябшие кости.

– Марк, – сказал я, – мы столкнулись с новой загадкой.

И я рассказал ему о том, что мне сообщил брат Гай.

– Всю свою жизнь я только тем и занимаюсь, что разгадываю подобные загадки, но в этой святой обители они множатся с устрашающей быстротой. – Я провел рукой по лбу и добавил: – Не могу не винить себя в смерти бедного юноши. Если бы только прошлой ночью я хорошенько расспросил его, все сложилось бы иначе. А потом, в лазарете, когда он скрючился и размахивал руками, я вообразил, что он меня передразнивает, и проникся к нему ненавистью.

Охваченный чувством стыда и раскаяния, я уставился на пляшущие языки пламени.

– Вы не могли предугадать события, сэра, – задумчиво проронил Марк.

– Прошлой ночью я слишком устал и хотел спать. И когда брат Гай и Элис попросили меня оставить больного в покое, я с радостью уступил их требованиям. Лорд Кромвель просил меня не терять даром времени. Однако мы с тобой провели здесь несколько дней, ничего толком не узнали и не сумели предотвратить новую смерть.

Марк встал и зажег свечи. Внезапно меня охватила досада на самого себя. Мне следовало подбадривать своего юного помощника, а вместо этого я сетую, жалуясь и предаюсь унынию. Смерть злополучного послушника произвела на меня слишком тягостное впечатление. Я надеялся, что Господь принял его душу; если бы я только верил, что наши молитвы способны облегчить участь мертвых, я помолился бы об упокоении новопреставленного Саймона.

– Не отчаивайтесь, сэра, – смущенно пробормотал Марк, ставя свечи на стол. – Сейчас нам надо выяснить, что скрывает казначей. Наверняка это поможет нашему расследованию.

– Когда произошло убийство, казначей не было в монастыре, – заметил я и добавил, заставив себя улыбнуться: – Но как бы то ни было, я не собираюсь сдаваться. Да это и невозможно. Поручение лорда Кромвеля необходимо выполнить во что бы то ни стало.

– Пока вы были в церкви, я осмотрел мастерские и служебные помещения, – сообщил Марк. – Вы правы, в них полно народу. И в конюшнях, и в кузнице, и в кладовой постоянно толкуются монахи и

служки. Там вряд ли можно что-нибудь спрятать. В особенности если речь идет о крупном предмете.

– Нам необходимо тщательно обследовать боковые часовни в церкви, – сказал я. – Да, и еще по пути на болото я видел кое-что интересное. – Я рассказал Марку о золоте, сверкнувшем на дне рыбного пруда. – По-моему, пруд – это вполне подходящее место для того, чтобы избавиться от улики.

– Завтра мы непременно выясним, что там за золото в пруду! – воскликнул Марк, оживляясь. – Видите сэръ, кое-что нам все же удалось отыскать. Правда всегда выходит наружу!

– Ох, Марк, трудно поверить, что это говорит человек, несколько лет прослуживший в королевском суде! – ухмыльнулся я. – Но ты молодец, что не унываешь и стараешься вселить в меня надежду. А не то я окончательно впаду в меланхолию. Говоря откровенно, вот уже несколько месяцев я ощущаю упадок духа, а тут совсем расхандрился. Видно, в моем организме скопилось слишком много черной желчи. Возможно, мне следует посоветоваться с братом Гаем.

– В таком месте, как этот монастырь, нетрудно впасть в уныние.

– Да уж. И признаюсь тебе, меня преследуют страхи. Как раз сейчас, во дворе, я думал об опасности, которая нависла над нами. Представлял, как за спиной моей зашуршат осторожные шаги, меч со свистом разрежет воздух и...

Я вскинул взгляд на Марка. Его лицо, еще совсем мальчишеское, выражало величайшую озабоченность, и я вновь подумал о том, что ему тоже приходится нелегко.

– Я понимаю вас, сэръ. На редкость мрачное место. А когда в полной тишине неожиданно начинают гудеть колокола, я трясусь, как осиновый лист.

– Конечно, впасть в панику нам обоим ни к чему, но бдительность здесь совершенно необходима. Я рад, что ты признался мне в своих страхах, Марк. Для этого требуется настоящее мужество. Лишь желторотые юнцы кичатся своим бесстрашием. Что до меня, мне следует попытаться преодолеть меланхолию. Сегодня, молясь Господу, я попрошу Его укрепить мой дух. – Я с любопытством посмотрел на Марка. – А о чем ты будешь молиться?

– Я не имею привычки молиться на ночь, – пожал плечами Марк.

– Молитва не должна быть просто привычкой, Марк. Но не смотри на меня с таким испугом. Я не собираюсь пускаться в долгие нравоучительные увещевания.

Я выпрямился и потянулся. Усталая моя спина мучительно ныла.

– Нам надо собраться с силами и просмотреть эти расчетные книги. А после ужина возьмемся за брата Эдвига.

Я зажег еще несколько свечей, и мы разложили книги на столе. Только я открыл первую из них и скользнул глазами по страницам, покрытым рядами цифр, Марк вперил в меня взгляд и спросил с тревогой в голосе:

– Сэр, скажите, Элис угрожает опасность? Ведь Саймон Уэлплей был убит лишь потому, что мог выдать чью-то тайну. То же самое может случиться и с ней.

– Я все понимаю. И чем скорее я выясню у казначея, куда пропала одна из книг, тем лучше. К тому же я обещал Элис, что ни одна живая душа не узнает, кто рассказал мне об этой книге. Кроме тебя, конечно.

– Она очень смелая женщина.

– И на редкость привлекательная, правда?

Марк залился румянцем и резко сменил тему разговора.

– Брат Гай сказал вам, что больного послушника посетили четыре человека, так ведь?

– Да, и все четыре посетителя – старшие монахи, осведомленные об истинной цели приезда Синглтона. Во всем монастыре о ней знали только они и брат Гай.

– И брат Гай сообщил вам о том, что Саймон отравлен.

– Думаю, так оно и произошло в действительности. Хотя, разумеется, мне следует быть настороже и никому не доверять полностью, в том числе и брату Гаю. – Я вскинул руку, призывая Марка к делу. – Приступим к книгам. Думаю, в Палате перераспределения ты имел возможность ознакомиться с монастырскими расчетами.

– Да, мне часто доводилось проверять их.

– Тем лучше. Тогда прогляди эти книги и доложи мне обо всем, что покажется тебе странным. Обо всех несоответствиях, завышенных статьях расхода и так далее. Но прежде всего запри дверь. Господи Боже, я стал таким же пугливым, как старина Гудхэпс.

Мы принялись за работу, которая, как и следовало ожидать, оказалась скучной и утомительной. Двойную бухгалтерию, с ее бесконечными балансами, проверить куда труднее, чем обычную, особенно если не имеешь призвания к цифрам. Однако насколько я мог судить, в книгах не обнаружилось ничего настораживающего. Доходы монастыря от земельных владений и пивной монополии были весьма существенными; значительные траты на пищу и одежду, и в особенности на стол и хозяйство аббата, уравнивались низкими расходами на благотворительность и жалованье. Судя по всему, в монастырской казне оставался излишек около пятисот фунтов – сумма значительная, но отнюдь не из ряда вон выходящая, к тому же полученная в результате недавних продаж земли.

Мы просидели за книгами до тех пор, пока морозный воздух за окнами не наполнился звоном колоколов, призывающих к ужину. Лишь тогда я поднялся прошелся по комнате, потирая усталые глаза, а Марк со вздохом потянулся.

– Все в точности так, как и следовало ожидать, – сообщил он. – Богатый монастырь, ничего не скажешь. Раньше мне приходилось иметь дело только с небольшими монастырями. Те были куда беднее.

– Да, здесь проворачиваются крупные суммы. Но что было в той книге, которая так заинтересовала Синглтона? Те, что просмотрели мы, содержатся в таком безупречном порядке, что это даже настораживает. Возможно, эти расчеты предназначены специально для ревизии и существуют другие книги, отражающие истинное положение вещей. Если здешний казначей вводил в заблуждение канцлера Казначейства его величества, это серьезное преступление.

Я с шумом захлопнул одну из книг.

– Ладно, идем. Присоединимся к святому братству и примем участие в трапезе. – Я посмотрел на Марка и строго добавил: – Прошу тебя, бери все кушанья только с общего блюда.

Мы вышли во внутренний двор и направились к трапезной. Монахи, встречавшиеся нам по пути, приветствовали нас низкими поклонами. Один из них не удержался на ногах и упал, ибо дорожки, за день протоптанные множеством ног, покрылись ледяной коркой. Проходя мимо фонтана, я заметил, что струя воды замерзла в воздухе, превратившись в сверкающую ледяную пику, подобную сталактиту.

За ужином вся братия была погружена в уныние. Брат Джером отсутствовал; скорее всего, по приказанию приора его заперли в келье. Аббат Фабиан подошел к аналою и с приличествующим случаю скорбным видом сообщил, что послушник Уэлплей скончался от легочной лихорадки. За столами раздались горестные возгласы и призывы к Господнему милосердию. Я заметил, что некоторые монахи украдкой бросают на приора неодобрительные взгляды; особенно злобно посматривали на него три послушника, сидевшие в самом дальнем конце стола. Один из монахов, жирный малый с воспаленными красными глазами, пробормотал себе под нос что-то о тех, кто не ведает снисхождения и жалости, и при этом уставился на приора. Тот сидел с непроницаемым лицом, высоко вскинув голову.

Аббат прочел длинную молитву об упокоении души новопреставленного брата; монахи с жаром вторили ему. На этот раз аббат остался ужинать за столом старших монахов, где подавали огромную говяжью ногу с тушеной фасолью. Приглушенный разговор то и дело прерывался; аббат сообщил, что не припомнит в ноябре таких морозов и снегопадов. Брат Джуд, отвечающий за раздачу милостыни, и брат Хью, маленький упитанный монах с жировиком на лице, которого я видел в казначействе, по своему обыкновению сидели рядом и спорили. На этот раз они обсуждали, обязаны ли городские власти очистить от снега ведущую к монастырю дорогу, но, судя по всему, предмет разговора ни у кого из них не вызывал особого увлечения. Лишь брат Эдвиг казался оживленным; он с беспокойством говорил, что трубы в уборной замерзли, при потеплении непременно лопнут и починка их обойдется в крупную сумму. «Вскоре у тебя появится новый повод для тревоги, куда более значительный, чем лопнувшие трубы», – злорадно подумал я, глядя на казначея. Впрочем, я тут же попытался унять охватившую меня неприязнь, ибо чувства не должны затмевать разум и служить основанием для подозрения.

За нашим столом был еще один человек, оказавшийся во власти чувств куда более сильных, чем те, что овладели мной. Брат Габриель едва притронулся к еде. Известие о смерти Саймона поразило его, и он, казалось, не замечал, что происходит вокруг. Я был неприятно изумлен, когда он, внезапно вскинув голову, вперил в Марка горящий взгляд, полный откровенного вожделения. К счастью, Марк с аппетитом поглощал содержимое своей тарелки и не заметил этого.

Когда прозвучали последние слова благодарственной молитвы и монахи покинули трапезную, я вздохнул с облегчением. Оказавшись на улице, я обнаружил, что ветер усилился; вздымая небольшие снежные вихри, он с размаху бросал их в лица монахов, которые, накрыв головы капюшонами, исчезали в темноте. Я сделал Марку знак подождать.

– Пойдем, поговорим с братом казначеем. Меч с тобой?

Он молча кивнул.

– Хорошо. Когда я буду говорить с братом Эдвигом, держи руку на рукояти меча. Пришло время напомнить этому пройдохе, что мы – представители королевской власти. Кстати, где он?

Мы подождали еще несколько минут, но брат Эдвиг так и не появился. Нам пришлось вернуться в трапезную. Еще в дверях я услышал заикающуюся речь казначея. Он стоял у стола, за которым сидел понурый брат Ателстан. Пухлым пальцем казначей указывал на какие-то бумаги.

– Э-этот баланс с-составлен неправильно, – заявил он. – Ты забыл внести в него п-плату за хмель д-для пивоварни.

Схватив злополучный документ, он злобно потряс им перед носом брата Ателстана, но тут заметил нас, поклонился и растянул губы в фальшивой улыбке.

– Добрый вечер, сэр. Надеюсь, вы не обнаружили в наших книгах никаких нарушений?

– В тех книгах, что мы получили, все в полном порядке. Мне бы хотелось поговорить с вами, брат Эдвиг.

– Я к вашим услугам. Прошу, п-подождите всего лишь м-минуту. – Он повернулся к своему помощнику и заявил: – Брат Ателстан, ты намеренно пропустил статью расхода, чтобы скрыть, что твой баланс сошелся. Это ясно, как день. Кого ты хотел обмануть?

Я заметил, что в минуты сильного гнева брат Эдвиг перестает заикаться.

– Брат казначей, но речь идет всего о нескольких пенсах.

– Из маленьких сумм складываются большие. Проверь все статьи, пока не найдешь ошибки. Мне нужен точный баланс, понятно? Иди и работай как должно.

Брат Эдвиг раздраженно махнул рукой, и молодой монах, понурился головой, побрел к дверям.

– Простите, сэ́р. Мне п-приходится иметь дело с т-такими олухами.

Я сделал знак Марку, и тот встал в дверях, сжимая рукоять меча. Казначей заметил это и метнул на Марка испуганный взгляд.

– Брат Эдвиг, – сурово произнес я. – Потрудитесь объяснить причину, по которой вы пренебрегли требованием королевского посланника и скрыли одну из расчетных книг. Речь идет о книге в синем переплете, которую вы пытались утаить от эмиссара Синглтона. Эмиссару удалось получить ее, однако после его смерти вы вновь завладели книгой и теперь отказались предоставить ее мне. Что вы можете сказать в свое оправдание?

В ответ казначей деланно рассмеялся. Впрочем, я привык к тому, что преступники смеются в ответ на справедливые обвинения, надеясь таким образом доказать свою невиновность.

– Клянусь Богом, ваш смех неуместен, – рявкнул я. – Прошу вас, не забываетесь!

Толстяк умоляюще вскинул руки.

– Простите сэ́р, п-простите ради Бога. Но уверяю вас, произошло н-недоразумение. Наверняка о к-книге в с-синем переплете вам рассказала эта девка Фьютерер? Брат Ателстан доложил м-мне, что служанка видела, как он с-спорил с эмиссаром Синглтоном.

Я мысленно выругался и отчеканил:

– Вас не касается, каким способом я получил эти сведения. Вы можете что-нибудь сказать в свое оправдание?

– Р-разумеется.

– Тогда прошу вас, говорите. Предупреждаю, попытки выиграть время и придумать какое-нибудь лживое объяснение ни к чему не приведут.

Казначей вздохнул и сложил на груди руки.

– Как я уже с-сказал, у нас с эмиссаром С-синглтоном, упокой Господи его д-душу, вышло небольшое н-недоразумение. Он потребовал показать ему р-рас...

– Расчетные книги.

– Да, расчетные к-книги. И я п-предоставил ему все те книги, что п-предоставил вам. Но к-как я уже говорил в-вам, сэ́р, он имел обыкновение приходить в казначейство, когда т-там никого не б-было, и обыскивать столы и полки. Я не п-препятствовал ему, сэ́р, хотя это вносило в нашу работу немало путаницы. Однако, б-будучи

королевским п-посланником, господин Синглтон мог поступать, как ему з-заблагорассудится. Так вот, в тот день он н-набросился на брата Ателстана, когда тот закрывал дверь, и принялся размахивать какой-то книгой. Именно об этом вам, вероятно, рассказала с-служанка. Книгу он и в самом д-деле взял в моем кабинете. – Тут казначей раскинул пухлые руки и вновь попытался улыбнуться. – Но уверяю вас, сэр, то была вовсе не расчетная книга. В ней с-содержались всего лишь черновые н-наброски, прикидки относительно будущих д-доходов, которые я сделал некоторое время н-назад. Без с-сомнения, ознакомившись с к-книгой, эmissар убедился в этом. Если вы желаете, я могу п-показать ее вам.

– Если это так, почему после смерти эmissара вы тайком забрали книгу из его комнаты и никому не сказали об этом?

– Но я вовсе не з-забирал ее, сэр. Слуги аббата нашли книгу, когда убирали к-комнату эmissара. Они узнали мой п-почерк и отнесли книгу мне.

– Но во время нашего предыдущего разговора вы заявили, что не имеете понятия о том, какую именно книгу эmissар Синглтон просматривал накануне смерти.

– Я... я, к-как видно, забыл. П-приношу свои извинения. Эта книга с-совершенно не содержит каких-либо важных сведений. Я пришлю ее вам, сэр, и вы убедитесь в этом с-сами.

– Не надо мне ничего присылать. Сейчас я вместе с вами отправлюсь в казначейство и сам заберу книгу.

Это предложение явно привело брата Эдвигу в замешательство.

– Ну, так как же? – настаивал я.

– Как вам б-будет угодно, сэр.

Я сделал Марку знак отойти от дверей, и мы с братом Эдвигом вышли во внутренний двор. Марк шагал впереди, освещая путь масляной лампой. Брат Эдвиг отпер замок на дверях казначейства, и вслед за ним мы поднялись по лестнице в его кабинет. Монах отпер свой стол и вытащил из ящика толстую книгу в синем переплете.

– Вот она, сэр. Можете п-посмотреть.

Я заглянул в книгу. В самом деле, ее страницы покрывали не стройные колонки цифр, а какие-то разрозненные записи и арифметические подсчеты.

– Я заберу ее с собой.

– Как вам б-будет угодно. У меня лишь одна п-просьба: п-прежде чем забрать какую-либо книгу из моего к-кабинета, сообщите об этом мне. В п-противном случае могут возникнуть н-недоразумения.

Я пропустил его слова мимо ушей.

– Из ваших записей я понял, что в этом году приход монастыря значительно превысил расход. Излишек гораздо больше, чем в прошлом году, – заявил я. – Продажа земель принесла вам крупные суммы. Почему тогда вы столь решительно восстаете против предложения брата Габриеля отремонтировать церковь?

– Дай только волю б-брату Габриелю, он израсходует на церковь все монастырские д-деньги, – сердито пробурчал казначей. – А до всего остального ему и дела нет. Аббат н-непременно выделит деньги на ремонт. Но п-притязания брата Габриеля необходимо с-сдерживать, иначе они возрастут неимоверно. Видите ли, сэр, к каждому человеку нужен особый п-подход.

Все это звучало вполне убедительно и правдоподобно.

– Хорошо, – кивнул я. – Более я не имею к вам вопросов, брат Эдвиг. Пока не имею. Но напоследок вам необходимо кое-что уяснить. Вы упомянули имя Элис Фьютерер. Да будет вам известно, эта девушка находится под моим особым покровительством, и если ей будет причинен какой-либо вред, вы незамедлительно будете арестованы и отправлены в Лондон.

С этими словами я резко повернулся и вышел прочь.

– К каждому человеку нужен особый подход, – злобно бормотал я на обратном пути в лазарет. – Надо же, какой знаток человеческих душ. До чего все эти монахи скользкие, голыми руками не ухватишь.

– Так или иначе, этот толстяк не мог убить Синглтона, – заметил Марк. – В ту ночь он был в отъезде. И в любом случае, такой низенький жирный боров не сумел бы нанести смертельный удар мечом.

– Но он вполне мог отравить беднягу Уэлплея. Возможно, в монастыре есть кто-то, кто действует с ним заодно.

Оказавшись в своей комнате, мы принялись внимательно изучать принесенную книгу. Слова казначея подтвердились: она не содержала ничего, кроме разрозненных подсчетов и прикидок, сделанных аккуратным круглым почерком брата Эдвига. Судя по изрядно

выцветшим чернилам, записи относились к давнему времени. Раздосадованный, я отбросил книгу в угол и потер усталые глаза.

– Возможно, эмиссару Синглтону показалось, что он обнаружил нечто важное, но на самом деле он ошибался? – предположил Марк.

– Вряд ли, – возразил я. – Ведь Элис отчетливо слышала, как он сказал, что эта книга проливает новый свет на финансовые дела монастыря. Она точно запомнила его слова. – Тут я стукнул кулаком по столу и издал сокрушенный вопль. – Господи милостивый, похоже, я совсем утратил рассудок! С чего я решил, что в казначействе хранится всего одна книга в синем переплете? Наверняка там есть какая-то другая, и меня обвели вокруг пальца, как последнего идиота!

– Мы можем отправиться в казначейство прямо сейчас и перевернуть там все вверх дном! – предложил Марк.

– Пожалуй, не стоит. Я слишком устал. Мы займемся этим завтра. А сейчас нам необходимо отдохнуть. Завтра нас ждет тяжелый день. После похорон Синглтона нам надо отправиться в Скарнси, встретиться с мировым судьей Копингером. А еще неплохо бы поговорить с этим безумцем, братом Джеромом. И конечно, выяснить, что скрывается на дне пруда.

Марк издал жалобный стон:

– Вижу, посланникам лорда Кромвеля не приходится отдыхать. Что ж, по крайней мере, мы будем так заняты, что у нас не останется времени предаваться страхам.

– Ты прав. Надеюсь, удача наконец повернется к нам лицом. А сейчас я ложусь спать. Вот только прежде помолюсь Господу, попрошу, чтобы Он помог нам добиться успеха в наших благих начинаниях.

На следующее утро мы проснулись с первыми лучами солнца. Я встал, подошел к окну и поскреб покрывавший его иней. Восходящее солнце бросало розовые лучи на сверкающий снег. Это восхитительная картина не слишком меня порадовала.

– Никаких признаков оттепели, – сообщил я, поворачиваясь к Марку.

Он стоял у огня, без рубашки и с сапогом в руке, и, судя по выражению лица, внимательно к чему-то прислушивался.

– Что это? Какой-то странный звук! – сказал он.

Я ничего не слышу.

– Похоже на шаги. Я точно их слышал.

Нахмурившись, Марк бесшумно подошел к двери и рывком распахнул ее. Однако за дверью никого не оказалось.

Я вновь сел на кровать; за ночь спина моя не отдохнула как следует и сейчас давала о себе знать.

– Марк, тебе померещилось. Этот монастырь действует на тебя не лучшим образом. Давай, одевайся скорее. Во все ни к чему расхаживать с голым животом, даже если он у тебя мускулистый и плоский.

– Сэр, говорю вам, я слышал какой-то шорох. Мне показалось, это за дверью.

Мгновение он стоял в нерешительности, а потом бросился к шкафу, предназначенному для хранения одежды. Марк открыл дверцу, но внутри обнаружили лишь пыль да мышинный помет. Глядя на его стройную обнаженную спину, на игравшие под кожей мускулы, я ощутил острый приступ зависти.

– Ты слышал мышиную возню, – заявил я. – Одевайся, не трать даром времени.

Когда мы сидели за завтраком, в кухню вошел аббат, укутанный в меховой плащ и раскрасневшийся от мороза. Его сопровождал доктор Гудхэпс, который с затравленным видом озирался по сторонам; глаза старого законника покраснели и воспалились, а на кончике носа застыла капля.

– Я принес печальную новость, – изрек аббат со своей обычной напыщенностью. – Мы вынуждены отложить обряд погребения эмиссара Синглтона.

– Но почему?

– Служки не в состоянии вырыть достаточно глубокую яму. Земля промерзла и тверда, как железо. К тому же им надо вырыть могилу для бедного Саймона на монастырском кладбище. Сегодня они весь день будут трудиться. А завтра мы предадим земле тела обоих усопших.

– Что ж, они оба безропотно подождут до завтра. Насколько я понял, похороны состоятся одновременно?

Аббат слегка замялся.

– Так как Саймон был послушником и собирался постричься в монахи, его следует погребать по особому обряду. Последние распоряжения допускают подобную церемонию и...

– Против этого у меня нет никаких возражений, – поспешно заверил я.

– Мне хотелось бы узнать, сэр, как продвигаются ваши изыскания. Дело в том, что брату казначею необходимы его книги, и если вы уже...

– Казначею придется подождать, – отрезал я. – Я еще не закончил. А сегодня утром я намерен отправиться в город и встретиться там с мировым судьей.

Аббат с важным видом кивнул.

– Весьма разумное намерение. Уверен, сэр, именно среди городских жителей, контрабандистов и прочих нарушителей закона, вы отыщете убийцу эмиссара Синглтона.

– По возвращении в монастырь я хотел бы побеседовать с братом Джеромом. Кстати, где он? Что-то давно не видел его приветливого доброжелательного лица.

– Брат Джером заключен в своей келье, в наказание за недостойное поведение. Должен предупредить вас, сэр, что разговор с ним вряд ли приведет к иному результату, кроме новых оскорблений. Вы сами имели возможность убедиться, что он совершенно лишился разума.

– Тем не менее после возвращения из Скарнси я непременно встречусь с ним. В словах безумцев порой содержится изрядная доля истины.

– Возможно, вы правы, сэр. Должен предупредить, добраться до города вам будет трудно. Из-за ветра, что поднялся ночью, дорогу занесло снегом. Одной из наших повозок даже пришлось вернуться, потому что лошади завязли в сугробах.

– Значит, мы пойдем пешком.

– Но подобная прогулка тоже будет не из легких. Я как раз пытался убедить доктора Гудхэпса...

Тут старый законник подал голос.

– Сэр, я пришел, дабы спросить, будет ли мне позволено завтра, после похорон, отправиться домой? Полагаю, вы более не нуждаетесь в моем присутствии. В городе я, возможно, сумею найти место в какой-нибудь почтовой карете, а если нет – что ж, подожду в трактире, пока снег не растает.

– Я не возражаю против вашего отъезда, господин Гудхэпс, – кивнул я. – Только, боюсь, ждать в Скарнси вам придется долго. Не

похоже, что погода скоро изменится.

– Ничего, сэр, ничего! Я подожду!

Старик просиял от радости и принялся так рьяно кланяться, что капля из его носа скатилась на подбородок.

– Когда вернетесь в Кембридж, никому не рассказывайте о том, чему стали здесь свидетелем, – предупредил я.

– Разумеется, сэр. Я буду нем как рыба. Все, что я хочу – забыть об этом кошмаре как можно скорее.

– А сейчас, Марк, нам пора идти. Господин аббат, я бы хотел, чтобы вы подготовили для меня кое-какие бумаги, пока мы будем в городе. Документы о продаже монастырских земель за последние пять лет.

– Все документы? Их наберется изрядное количество.

– Да, абсолютно все документы. Надеюсь, отец аббат, вы внимательно отнесетесь к моей просьбе и предоставите в мое распоряжение документы касательно каждой продажи...

– Как вам будет угодно, сэр. Вам будут предоставлены все бумаги, о которых вы говорите.

– Превосходно, – сказал я и поднялся. – А теперь, с вашего позволения, мы с господином Поэром отправимся в город.

Аббат поклонился и вышел, за ним семенил старик Гудхэпс.

– Это не на шутку встревожило нашего почтенного аббата, – проронил я.

– Ваше желание ознакомиться с документами о продаже земель? – уточнил Марк.

– Именно. Мне пришло в голову, что, если здесь действительно имеет место какое-нибудь мошенничество с расчетами, скорее всего, оно касается продажи земель. Не исключено, что часть вырученных за земли сумм утаивается. Именно таким способом можно сколотить неплохой капитал. Посмотрим, как аббат вывернется из положения.

Мы вышли из кухни и двинулись по коридору. Проходя мимо кабинета брата Гая, Марк заглянул внутрь и резко схватил меня за руку.

– Посмотрите! Что это с ним?

Брат Гай лежал ничком перед большим испанским распятием, руки его были раскинуты на полу. Солнечные лучи играли на его выбритой макушке. В первое мгновение я заподозрил неладное, но потом до

меня донеслось латинское бормотание, приглушенное, но исполненное страсти. Мысль о том, что нужно быть осмотрительнее и не слишком доверять испанскому мавру, вновь посетила меня. Из всех монахов здешней обители именно этот человек вызывал у меня наибольшее расположение. Но, увидев, как он распростерся ниц на полу, устремляя жаркую мольбу к куску дерева, я вспомнил, что он, подобно своим собратьям, является приверженцем старых ересей и предрассудков, против которых я вел непримиримую борьбу.

ГЛАВА 15

Выйдя на улицу, мы убедились, что мороз за минувшую ночь ничуть не ослабел, а небо вновь сияет голубизной. За ночь ветер намел вдоль стен высокие сугробы, снеся туда весь снег с середины двора. В результате получилось довольно странное зрелище. Мы вышли из монастырских ворот. Обернувшись, я заметил, что привратник Багги смотрит нам вслед. Встретив мой взгляд, он поспешно опустил голову. Лишь оказавшись вне пределов монастыря, я позволил своему лицу отдохнуть от сурового и надменного выражения.

– Клянусь кровью Господа нашего, до чего приятно уйти от этих въедливых глаз, – пробормотал я, окинув взором занесенную снегом дорогу.

Все вокруг, даже болота, сияло белизной, на фоне которой резко выделялись обнаженные деревья и заросли болотного тростника. Далеко впереди виднелась свинцовая гладь моря. Я не забыл захватить с собой посох и теперь тяжело опирался на него.

– Хвала небесам, у нас есть непромокаемые боты, – провозгласил Марк.

– Да, они еще сослужат нам добрую службу. Когда снег растает, все вокруг превратится в грязное месиво.

– Если только снег вообще когда-нибудь растает. Брести по заснеженной дороге было нелегко, и прошло не меньше часа, прежде чем мы оказались на окраине Скарнси. В пути мы почти не разговаривали, ибо настроение у обоих было довольно мрачное. На улицах города нам не встретилось ни души; в ярком солнечном свете особенно бросалось в глаза, что большинство домов пребывает в плачевном состоянии.

– Нам нужна Уэстгейт-стрит, – сказал я, когда мы оказались на главной площади.

На причале лежала вверх дном небольшая лодка, и какой-то чиновник в черном сюртуке осматривал сваленные рядом кипы ткани, в то время как двое горожан стояли поодаль, переминаясь от холода с ноги на ногу. В устье канала, ведущего через болота, стояло на якоре большое судно.

– Судя по всему, это контрабандисты, которые попались таможеннику, – заметил Марк.

– Да. Наверняка они пытались переправить во Францию шерсть.

Мы свернули на улицу, застроенную новыми домами, явно принадлежавшими состоятельным горожанам. На дверях самого большого дома красовался герб города. Я постучал, и дверь открыл хорошо одетый слуга, подтвердивший, что это дом мирового судьи Копингера. Он провел нас в прекрасно обставленную гостиную, где стояли резные кресла, обитые бархатом, а в буфете поблескивала золотая посуда.

– Мировой судья неплохо устроился, – пробормотал себе под нос Марк.

– Неплохо, – кивнул я и подошел к висевшему на стене портрету светловолосого человека с широкой окладистой бородой и суровым взглядом. – Отличная работа. Судя по заднику, портрет писался в этой комнате.

– Значит, судья богат и... – начал Марк и осекся, так как дверь распахнулась и человек, изображенный на портрете, предстал перед нами в оригинале.

То был высокий дородный мужчина лет сорока, в коричневой накидке, отороченной соболем. Взгляд его показался мне еще более суровым и жестким, чем на портрете. Подойдя ко мне, мировой судья крепко пожал мне руку.

– Господин Шардлейк, для меня большая честь познакомиться с вами. Я Гилберт Копингер, здешний мировой судья и верный слуга лорда Кромвеля. Я знал несчастного господина Синглтона. Слава Богу, вы прибыли сюда, чтобы расследовать это злодейское убийство. Я всегда считал, что здешний монастырь является притоном разврата и ереси.

– Да, прямодушие и откровенность отнюдь не характерны для его обитателей, – произнес я и указал на Марка. – Позвольте представить моего помощника, господина Марка Поэра.

Мировой судья холодно кивнул.

– Пройдете в мой кабинет, – предложил он. – Думаю, вы не откажетесь что-нибудь выпить? Сам дьявол послал нам эту стужу. Надеюсь, в монастыре вы не страдаете от холода?

– Все помещения в монастыре хорошо отапливаются.

– О, в этом я не сомневаюсь, сэр. Монахи не привыкли ни в чем себе отказывать.

Мировой судья провел нас в уютную комнату, из окон которой открывался вид на улицу, и убрал бумаги со стоявших у очага стульев.

– Позвольте мне налить вам обоим вина. Простите за беспорядок, но я недавно получил из Лондона целую кучу бумаг... – Он испустил тяжкий вздох. – К тому же я должен отправлять лорду Кромвелю сообщения обо всех случаях проявления неблагонадежности и об изменнических разговорах. К счастью, в Скарнси таких случаев немного. Правда, бывает, мои осведомители сами выдумывают крамольные разговоры, и мне приходится вести следствие, основанное на пустых домыслах. Что ж, по крайней мере, это учит людей осмотрительности.

– Мне известно, сколь приятно лорду Кромвелю сознание того, что здесь, в центральных графствах, у него есть надежные люди, подобные вам, – с пафосом изрек я.

Копингер кивнул, явно польщенный моими словами. Я отхлебнул вина.

– Превосходное вино, сэр, благодарю вас. Но перейдем к делу, ибо время не терпит. Я хотел бы получить у вас некоторые сведения.

– Сэр, я готов оказать вам любую помощь. Убийство господина Синглтона – это оскорбление, нанесенное самому королю. Столь тяжкое преступление вопиет о возмездии.

Вырвавшись наконец из вражеского стана, я, казалось бы, должен был наслаждаться обществом своего единомышленника, убежденного сторонника реформ, однако, признаюсь, Копингер не вызывал у меня особой симпатии. Я знал, что должность мирового судьи и в самом деле сопряжена с многочисленными и весьма хлопотными обязанностями; но мне было известно также и то, что в большинстве своем судьи умеют обернуть эти обязанности к собственной выгоде. Как видно, даже в таком бедном городишке, как Скарнси, возможностей у мирового судьи было немало, и роскошь, которой окружил себя Копингер, являлась тому лучшим подтверждением. По моему разумению, богатство, к тому же выставленное напоказ, служит плохим обрамлением для набожности и благочестия. Но следовало признать, что с недавнего времени в Англии появилась новая порода людей, подобных Копингеру.

– Скажите мне прежде всего, как относятся к монахам в городе? – спросил я.

– Горожане не испытывают к ним приязни и считают паразитами, – незамедлительно ответил Копингер. – Они ничего не делают для Скарнси, появляются в городе лишь в случае необходимости и отличаются дьявольской надменностью. Милостыня, которую они раздают, ничтожна, причем беднякам приходится самим отправляться в монастырь, чтобы получить эти жалкие гроши. Так что основной груз помощи неимущим лежит на плечах налогоплательщиков.

– Насколько я понял, монахи владеют монополией на пивоварение.

– Да, и свое пиво они продают по грабительски высоким ценам. К тому же их пиво – отвратительное пойло. Представьте себе, в пивоварне у них живут куры, так что в пиво попадает куриный помет.

– Да, я видел это собственными глазами. Несомненно, куриный помет не слишком улучшает вкус нива.

– А никакого другого пива в городе просто не купишь, потому что никто больше не имеет права его продавать! – воскликнул судья, горестно разведя руками. – Из своих земельных владений монахи тоже стараются получить как можно больше выгоды. Любой здешний арендатор подтвердит вам, что с монахами лучше не иметь дела. С тех пор как казначеем стал брат Эдвиг, стало еще хуже. Подобного стяжателя свет не видывал. Он даже из блохи попытается выдавить жир.

– Да, у меня тоже создалось впечатление, что брат Эдвиг своего не упустит. Кстати, о финансовых делах монастыря. Насколько мне известно, вы сообщили лорду Кромвелю, что монастырь распродает свои земли по заниженным ценам.

На лице мирового судьи мелькнула растерянность.

– Боюсь, сэр, я не могу сообщить вам каких-либо подробностей. До меня всего лишь дошли слухи, но стоило мне предпринять кое-какие изыскания, крупные землевладельцы насторожились и теперь тщательно скрывают свои сделки.

– О ком именно вы говорите?

– Крупнейшим здешним землевладельцем является сэр Эдвард Уэнтворт. Он близок к Сеймурам и находится в приятельских отношениях с аббатом. Они часто охотятся вместе. Среди арендаторов ходили слухи, что некоторые монастырские земли были тайно проданы

ему и теперь управляющий аббата передает арендную плату сэру Эдварду. Но у меня не было возможности выяснить, насколько эти слухи соответствуют истине. – Мировой судья сердито сдвинул брови. – Земельные владения монастыря весьма обширны, сэр, и даже выходят за пределы графства. Если бы я обладал большей властью...

– Возможно, я превышаю свои полномочия, – произнес я после недолгого размышления. – Но я послан расследовать все обстоятельства, связанные со здешним монастырем, и продажа земель, несомненно, относится к числу этих обстоятельств. Вы оказали бы мне большую помощь, если бы возобновили свои изыскания. В случае необходимости вы можете использовать имя лорда Кромвеля.

– Думаю, это существенно облегчит мою задачу, – с довольной улыбкой изрек судья. – Я сделаю все, что от меня зависит.

– Благодарю вас. Эти сведения могут оказаться чрезвычайно важными. Кстати, правда ли, что сэр Эдвард доводится родственником брату Джерому, старому монаху картезианского ордена, которого я видел в монастыре?

– Да, это так. Уэнтворт и сам завзятый папист. Я слышал, что этот картезианец открыто призывает к измене и неповиновению. Будь моя воля, я давно вздернул бы его на виселице.

Это заявление привело меня в некоторое замешательство.

– Скажите, а если бы вы действительно повесили брата Джерома, как к этому отнеслись бы горожане? – осведомился я.

– Для них этот день стал бы настоящим праздником. Я же сказал, в городе монахов ненавидят. Понимаете ли, Скарнси переживает сейчас далеко не лучшие времена, а благодаря монахам он стал еще беднее. Хотя, конечно, дело не только в них. Здешняя гавань настолько заболочена, что в нее не войдет и весельная шлюпка.

– Да, я видел. Я слышал также, что некоторые горожане промышляют контрабандой. Если верить рассказам монахов, они добираются до реки через болото, что раскинулось за монастырем. Аббат Фабиан сказал, что не раз сообщал об этом городским властям, однако они предпочитают смотреть на подобное нарушение закона сквозь пальцы.

В глазах Копингера вспыхнул настороженный огонек.

– Аббат готов сказать все, что угодно, только бы опорочить городские власти, – заявил он. – К сожалению, сэр, мы не имеем

возможности совладать с контрабандистами. У нас всего один таможенник, и он не может каждую ночь бродить по болотам и ловить нарушителей.

– По словам монахов, в последнее время они не раз замечали на болотах какое-то движение и огни. Аббат полагает, что контрабандисты могли проникнуть в монастырь и убить эмиссара Синглтона.

– Сэр, аббат наверняка пытается направить вас по ложному пути. Здешние жители на протяжении многих лет занимаются контрабандой, переправляют шерстяные ткани через болота и отправляют во Францию на рыболовных судах. Но ни у кого из них нет ни малейшей причины убивать королевского посланника. Он ведь прибыл сюда вовсе не за тем, чтобы положить конец контрабандному промыслу. Не так ли?

Я заметил, что при этих словах в глазах Копингера вновь метнулся тревожный огонек.

– Разумеется, нет. Я тоже прибыл сюда не для того, чтобы заниматься контрабандистами. Чутье подсказывает мне, что их деятельность хотя и противоречит закону, но не имеет отношения к смерти господина Синглтона. Убийцу следует искать среди обитателей монастыря.

Мировой судья едва сдержал вздох облегчения.

– Если землевладельцам будет позволено отдать под пастбища больше земель, благосостояние горожан вырастет и у них отпадет нужда промышлять контрабандой, – заявил он. – Большинство мелких фермеров здесь занимаются разведением овец и выделкой шерсти.

– Можете ли вы утверждать, что во всем прочем, кроме контрабанды, горожане вполне законопослушны? Меня интересует, не обнаруживалось ли в Скарнси каких-нибудь тайных сект, приверженцев черной магии или, к примеру, колдунов? Вам ведь, конечно, известно, что монастырская церковь подверглась осквернению.

– Уверяю вас, в городе нет ни сект, ни колдунов, – покачал головой Копингер. – Заведись у нас подобная пакость, я бы непременно об этом узнал. Уж такое мои осведомители не проглядели бы. Конечно, многим людям не нравятся новые порядки, но они понимают, что с этим необходимо смириться. Наибольший ропот вызвала отмена праздников

в честь святых, да и то только потому, что в эти дни горожане привыкли не работать. Что до черной магии, уверяю вас, здешние жители не имеют о ней даже отдаленного понятия.

– А бродячие проповедники у вас не водятся? Любители толковать Библию и находить там пророчества, которые им свыше предназначено исполнить?

– Вы говорите о еретиках, подобных тому немецкому анабаптисту, который собирался убить всех богатых и сделать их имущество всеобщим достоянием? Таких следует сжигать заживо. К счастью, у нас таких нет. Правда, в прошлом году один чокнутый малый, подмастерье кузнеца, кричал во всеуслышание, что близится день Страшного Суда. Но мы быстро нашли на него управу. Сейчас он в тюрьме, где ему самое место. Без сомнения, справлять церковную службу по-английски – это благое дело. Но чтение Библии далеко не всегда идет на пользу простолюдинам. Подчас эта великая книга не проясняет, а затемняет их разум.

– Насколько я понимаю, вы относитесь к приверженцам убеждения, согласно которому чтение Библии – удел лишь состоятельных и просвещенных людей, помещиков и домовладельцев? – спросил я, удивленно вскинув бровь.

– Подобное убеждение не лишено оснований, сэр.

– Что ж, паписты, дай им только волю, вообще никому не позволили бы заглядывать в Библию. Впрочем, вернемся к монастырю. Ознакомившись с документами ревизии, я выяснил, что в не столь давнем прошлом здесь творились непотребные деяния. Некоторые монахи были уличены в содомском грехе.

Копингер фыркнул в знак отвращения.

– Уверен, сэр, они предаются этому греху и по сей день, – заявил он. – Один из самых грязных развратников, брат Габриель, ризничий, до сих пор находится в монастыре.

– Пытались ли монахи вовлечь в содомский грех кого-либо из горожан?

– Нет. Но можете не сомневаться, этот монастырь – притон не только содомитов, но и прелюбодеев. Несколько служанок из Скарнси пострадало от их домогательств. Теперь ни одна женщина моложе тридцати лет не согласится работать в монастыре. В особенности после этой истории с пропавшей служанкой.

– Какой истории? Прошу вас, расскажите мне.

– Одна из городских жительниц, совсем юная девушка, сирота, выросшая в приюте для бедных, поступила работать в монастырский лазарет. Произошло это два года назад. Время от времени девушка приходила в город, навещала своих знакомых. А потом вдруг ее визиты прекратились. Когда мы попытались выяснить, что с ней произошло, приор Мортимус заявил, будто девушка украла несколько драгоценных золотых чаш и сбежала. Однако Джоан Стамп, смотрительница приюта, утверждает, что ее воспитанница не способна на подобное. Она не сомневается, что с девушкой случилась беда. Впрочем, Джоан Стамп – всего лишь старая болтунья, и у нее нет никаких доказательств.

– Вы говорите, девушка работала в лазарете? – не в силах скрыть беспокойства, впервые подал голос Марк.

– Да, под началом этого чудовища, монастырского лекаря. Черный гоблин, вот как мы его зовем. Можно подумать, во всем монастыре не нашлось монаха английского происхождения, способного занять столь ответственный пост.

– Скажите, могу я поговорить с госпожой Стамп? – спросил я после недолгого колебания.

– Да, только не торопитесь принимать все ее рассказы на веру. Сейчас вы наверняка найдете ее в приюте. Завтра в монастыре день раздачи подаяния, и она вместе со своими подопечными готовится к этому событию.

– Тогда воспользуемся случаем встретиться с этой особой, – заявил я, поднимаясь.

Копингер позвал слугу и приказал ему подать наши плащи.

– Сэр, – обратился Марк к мировому судье, пока мы ждали возвращения слуги. – Сейчас в монастырском лазарете работает молодая девушка по имени Элис Фьютерер.

– Да, я знаю ее.

– Насколько я понял, ей пришлось устроиться работать в монастырь, потому что земля, на которой стоял ее дом, была отдана под овечьи пастбища и она осталась без крова. Мне известно, что выполнение законов о пастбищах находится в ведении мировых судей, и я хотел бы знать – не был ли в этом случае нарушен закон? Нельзя ли что-нибудь сделать для Элис?

Копингер сердито вскинул бровь.

– Можете не сомневаться, молодой человек, в этом случае закон ни в малой степени не был нарушен, – отчеканил он. – Говорю вам об этом с полной уверенностью, потому что земля принадлежит мне и это я решил отдать ее под пастбища. Срок аренды истек вскоре после смерти матери интересующей вас девицы. Для того чтобы земля приносила хотя бы минимальный доход, необходимо было отдать ее под пастбища и, разумеется, снести их дом.

Я бросил на Марка предупреждающий взгляд и примирительно заметил:

– Не сомневаюсь, сэра, что вы поступили в полном соответствии с законом.

– Заккрытие монастыря – вот то единственное, что может принести пользу бедным жителям нашего города, – процедил Копингер, не сводя с Марка полыхающих холодной злобой глаз. – Необходимо прогнать прочь этих бездельников-монахов и снести все монастырские здания, наполненные идолами. Конечно, в этом случае количество бедняков в городе несколько увеличится за счет оставшихся без работы служек. Но думаю, в качестве компенсации лорд Кромвель согласится на передачу монастырских земель наиболее достойным горожанам.

– Кстати о лорде Кромвеле, – произнес я, вскинув руку. – Он особо настаивал на том, что прискорбное событие, случившееся в монастыре, должно храниться в строжайшей тайне.

– Я никому не рассказывал о том, что мне известно, сэра. И насколько я знаю, в последнее время ни один из монахов не был в городе.

– Рад это слышать. Аббата я также предупредил о необходимости держать язык за зубами. Однако у многих монастырских служек, вероятно, есть в городе родственники и знакомые.

– Они почти не бывают в городе, – покачал головой Копингер. – Местные жители относятся к монастырским служкам так же неприязненно, как и к монахам.

– Так или иначе, какие-то слухи о произошедшем в монастыре преступлении наверняка просочатся. Из бежать этого невозможно.

– Надеюсь, вы скоро раскроете это злодейское убийство и тем самым положите конец слухам, – заявил Копингер. На губах его играла улыбка, щеки порозовели. – Для меня большая честь познакомиться с

человеком, который имеет возможность лично беседовать с лордом Кромвелем. Прошу вас, сэр, расскажите мне, каков он? Говорят, несмотря на свое скромное происхождение, он наделен весьма властным и решительным характером?

– Да, господин Копингер, вы правы. Лорд Кромвель привык действовать решительно, и слова у него никогда не расходятся с делом. О, вот и наши плащи!

Я с удовольствием прервал разговор: меня утомило откровенное подобострашие судьи.

Приют для бедных располагался на дальней окраине города, в длинном одноэтажном здании, явно требующем ремонта. Напротив дома несколько человек сгребало снег с улицы под наблюдением надзирателя. На них были серые блузы, украшенные городскими гербами, слишком тонкие для столь холодной погоды. Увидав Копингера, все работающие почтительно поклонились.

– Прежде все эти люди промышляли подаванием, – сообщил мировой судья. – К счастью, главный смотритель нашего приюта каждый день занимает своих подопечных достойной работой.

Мы вошли в дом, нетопленный и такой сырой, что штукатурка на стенах во многих местах облупилась. В просторной комнате несколько женщин занималось шитьем и прядением шерсти, а в дальнем углу дородная матрона средних лет перебирала сваленные в кучу вонючие тряпки; ей помогали тощие бледные дети. Копингер подошел к ней, сказал несколько слов, и она провела нас в крошечную чистенькую каморку, где представилась как Джоан Стамп, смотрительница, в ведении которой находятся призреваемые в приюте дети.

– Чем могу служить вам, господа?

Ее морщинистое лицо лучилось доброжелательностью, но карие глаза смотрели испытующе и настороженно.

– Господин Шардлейк расследует все обстоятельства, связанные с монастырем, – процедил Копингер. – Его заинтересовала судьба юной Орфан Стоунгарден.

– Бедное дитя, – вздохнула смотрительница.

– Вы хорошо ее знали? – спросил я.

– Я ее вырастила. Ее оставили во дворе этого дома девятнадцать лет назад. Тогда ей было несколько дней от роду. Мы назвали сиротку Орфан. ^[8] Мы всегда называем так найденшей. Кто родители

малютки, выяснить так и не удалось. Главный смотритель дал ей фамилию Стоунгарден, потому что мы нашли ее на дворе, вымощенном камнем.

– Понятно. Значит, девочка росла под вашим присмотром?

– Я забочусь обо всех детях, живущих в нашем приюте. Многие из них недолго задерживаются на этом свете, но Орфан оказалась сильной и выжила. Она всегда была такой веселой, такой прилежной и старательной и вскоре стала моей помощницей...

Внезапно пожилая дама смолкла и прислушалась к детским голосам, доносившимся из большой комнаты.

– Продолжайте, госпожа Стамп, – нетерпеливо бросил Копингер. – Я всегда говорил, что вы слишком мягкосердечны с этими маленькими пройдохами.

– Многим из этих детей отпущен на земле слишком короткий срок, – с жаром возразила смотрительница. – Почему бы за свою жизнь им не испытать хотя бы немного радости?

– Лучше отправиться на небо в младенчестве, чем дожить до старости, стать закоренелым грешником и попасть в ад, – процедил Копингер. – Те ваши питомцы, кому удастся выжить, в большинстве своем превращаются в воров и нищих. Продолжайте.

– Когда Орфан исполнилось шестнадцать, главный смотритель решил, что она должна оставить приют и найти работу. Я так думаю, с бедной девушкой поступили жестоко. У нее уже был ухажер, сын мельника, и если бы все сложилось иначе, она была бы сейчас замужем и жила своим домом.

– Насколько я понял, Орфан была хороша собой?

– Да, сэр, очень хороша. Маленькая, хрупкая, с белокурыми волосами и милым нежным личиком. За всю жизнь мне не доводилось видеть более прелестного лица. Но брат одного из наших надзирателей работал в монастыре и сообщил, что в лазарете нужна служанка. Вот Орфан и послали в монастырь.

– Когда это произошло, госпожа Стамп?

– Около двух лет назад. Каждую пятницу, в свой свободный день, бедная девочка непременно приходила сюда, чтобы меня проведать. Она была очень ко мне привязана, так же, как и я к ней. В монастыре ей не слишком нравилось, сэр.

– Но почему?

– Об этом она ничего не говорила. Я всегда внушаю детям, что им не следует отзываться дурно о вышестоящих, ибо это большой грех. Но я видела, что Орфан испугана.

– Какова же была причина этого страха?

– Не могу вам сказать, сэр. Я пыталась выведать у девочки, что ее тревожит, но она молчала. Сначала она работала под началом старого брата Александра. Потом он умер, и его место занял брат Гай. Вы его наверняка видели сами и знаете, что наружность у него не из приятных. Девочка на него и взглянуть боялась. А самое главное, она больше не хотела встречаться с Адамом, сыном мельника. Он приходил сюда, чтобы с ней увидеться, но Орфан всякий раз просила меня отослать его прочь. – Смотрительница метнула на меня многозначительный взгляд. – А когда такое происходит, значит, с девушкой обращаются недостойным образом.

– Вы не замечали у нее каких-либо ссадин или синяков?

– Нет, но всякий раз девочка становилась все более унылой и подавленной. А где-то через полгода после того, как Орфан поступила в монастырь, она перестала приходить ко мне. Пропустила одну пятницу, потом другую.

– И тогда вы встревожились.

– Да, сэр. Я решила сама отправиться в монастырь и выяснить, что случилось с девочкой.

Я кивнул, представив себе, как эта кругленькая пожилая женщина ковыляет по ухабистой дороге и колотит в ворота, охраняемые неприветливым господином Багги.

– Поначалу меня не хотели пускать, но я подняла такой шум, что монахам пришлось позвать приора Мортимуса. Ох, до чего грубо со мной разговаривал этот шотландский невежа! Он заявил, что Орфан украла из церкви две золотые чаши и сбежала из монастыря.

– Возможно, именно так все и произошло, – раздраженно заявил Копингер. – Отродья, выросшие в приюте, имеют склонность к воровству.

– Орфан не могла так поступить, сэр, она была доброй христианкой, – горячо возразила госпожа Стамп и повернулась ко мне. – Я спросила приора, почему они сразу не сообщили мне о случившемся. На это он ответил, что не обязан знать, с кем девчонка водила знакомство. Еще этот жестокий человек пригрозил, что, если я

немедленно не уйду, он сообщит о краже властям и Орфан поймут и арестуют. Я рассказала господину Копингеру об исчезновении Орфан, но он отказался заниматься этим делом. Сказал, нет никаких свидетельств того, что в монастыре с девушкой обращались дурно.

– И я был совершенно прав, – пожал плечами Копингер. – Если монах грозился сообщить о краже властям, значит, с вашей ненаглядной Орфан и в самом деле не все чисто и в ее интересах не поднимать шум вокруг этого дела.

– Госпожа Стамп, а как вы полагаете, что на самом деле случилось с девушкой?

– Я боюсь об этом думать, сэр, – ответила она, глядя мне прямо в глаза.

– Но судья Копингер совершенно справедливо заметил: не существует никаких свидетельств того, что с ней плохо обращались в монастыре.

– Я понимаю. Но я слишком хорошо знала Орфан. Она не могла украсть.

– Но возможно, она попала в отчаянное положение...

– Будь это так, сэр, она пришла бы ко мне. Воровать она в любом случае не стала бы. Так или иначе, девочка пропала, и вот уже полтора года о ней нет ни у ни духу. Как сквозь землю провалилась.

– Да, печальная история. Спасибо, госпожа Стамп, что вы уделили нам столько времени.

Я со вздохом поднялся; все мои подозрения по-прежнему оставались лишь туманными предположениями. Мне так и не удалось выяснить ни одного важного факта, проливающего свет на убийство Синглтона.

Госпожа Стамп провела нас в комнату, где дети по-прежнему перебирали ветхое тряпье. Когда мы вошли, они повернули к нам свои худые бледные лица. В воздухе стоял тошнотворный запах старой заношенной одежды.

– Чем занимаются ваши питомцы? – осведомился я у смотрительницы.

– Разбирают вещи, которые принесли нам добрые люди, выискивают такие, что еще можно носить. Завтра в монастыре день раздачи подаяния, и нам понадобится теплая одежда. Погода стоит холодная, а путь предстоит не из легких.

– Да, совершать пешие прогулки по такому холоду не слишком приятно, – кивнул я. – Благодарю вас, госпожа Стамп.

Мы оставили приют для бедных, а пожилая леди вернулась к детям, чтобы вместе с ними перебирать жалкие лохмотья.

Мировой судья Копингер предложил нам пообедать у него в доме, но я отказался, сославшись на то, что мы должны вернуться в монастырь. Хрустя башмаками по снегу, мы вновь двинулись по городским улицам.

– Боюсь, сегодня мы останемся без обеда, – с печалью в голосе предположил Марк. – Когда мы придем в монастырь, будет слишком поздно.

– Ты прав. Давай пойдем в трактир.

Неподалеку от городской площади мы нашли приличное на вид заведение. Хозяин провел нас к столу, стоявшему у окна, откуда открывался вид на пристань. Я заметил, что груженная шерстью лодка, которую мы видели прежде, теперь медленно движется по каналу в сторону моря, туда, где ее ждет корабль.

– Клянусь мучениями Спасителя нашего, я умираю с голоду, – заявил Марк.

– Я тоже. Но думаю, от пива нам с тобой лучше воздержаться. Ты знаешь, что согласно правилам святого Бенедикта зимой монахам следует принимать пищу только один раз в день. Правда, он устанавливал свои правила для мягкого итальянского климата, но первоначально у нас, в Англии, его требования соблюдались столь же неукоснительно. Представь только, каково это – часами молиться в холодной церкви и лишь один раз в день иметь возможность подкрепить свои силы. Но с течением лет монастыри становились все богаче, а их уставы мягче. Поначалу монахи позволили себе вкушать пищу дважды в день, потом трижды, потом стали лакомиться вином и мясом.

– По крайней мере, они не оставили молитвы.

– Да, молятся они с прежним усердием. И неколебимо верят, что молитвы их помогают душам усопших обрести мир и покой. – Я вспомнил брата Гая, распростертого перед распятием, его страстную мольбу. – Но, увы, они пребывают в заблуждении.

– Признаюсь вам честно, сэр, от всех этих теологических вопросов у меня начинает кружиться голова.

– Значит, Марк, тебе надо укреплять свою голову, господь даровал тебе разум для того, чтобы ты его использовал.

– А как ваша спина? – спросил Марк, пытаясь сменить предмет разговора.

Про себя я отметил, что за последнее время он стал частенько прибегать к подобному приему.

– Сносно. Намного лучше, чем поутру.

Тут трактирщик принес нам пирог с кроликом, и мы занялись едой.

– Как вы думаете, что случилось с той девушкой из приюта? – спросил Марк, утолив голод.

– Это известно одному Богу, – пожал я плечами. – У нас в руках слишком много нитей, но все они обрываются. Откровенно говоря, разговор с Копингером не оправдал моих ожиданий. Так или иначе, мы с тобой знаем, что в монастыре женщины-служанки подвергаются грязным домогательствам. Кто из монахов особенно в этом усердствует? Нам известно, что приор Мортимус не давал проходу Элис, но, возможно, в монастыре есть и другие любители потешить свою похоть. Что касается исчезнувшей девушки, Копингер совершенно прав. Не существует никаких улик, указывающих на то, что Мортимус лжет и на самом деле Орфан вовсе не убежала с похищенными чашами. Старая смотрительница слишком привязана к своей воспитаннице и потому судит о ней пристрастно. А никаких доказательств того, что с девушкой случилась беда, нет, – заявил я и рубанул рукой воздух.

– А как вам понравился мировой судья Копингер?

– Он сторонник реформы, и этим все сказано. В меру своих сил и возможностей он помогает нашему великому делу.

– Он любит говорить о религии, осуждает монахов за то, что они мало помогают бедным, раздают скудную милостыню. А сам живет в роскоши и притесняет простых людей.

– Откровенно говоря, мне он тоже не пришелся по душе. Но тебе не следовало заводить с ним разговор о земле, которую арендовала мать Элис. В конце концов, тебя это не касается. Судья поставляет нам важные сведения, и я вовсе не хочу, чтобы он почувствовал себя обиженным. У нас и так немного помощников. Кстати, я рассчитываю,

что он раздобудет для нас какие-нибудь любопытные факты относительно продажи монастырских земель. Тогда может оказаться, что в книгах брата казначея не все так уж безупречно.

– У меня создалось впечатление, что Копингер знает о контрабандистах куда больше, чем хочет показать.

– Несомненно. Я уверен, он берет с контрабандистов мзду. Но сейчас нас это не интересует. Я согласен с Копингером в одном: убийцу надо искать в монастыре, а не среди жителей Скарнси. Прежде всего под подозрение попадают пять старших монахов. – Я принялся считать, загибая пальцы. – Аббат Фабиан, приор Мортимус, казначей брат Эдвиг, ризничий брат Габриель и лекарь брат Гай. Все они отличаются высоким ростом и крепким сложением – за исключением брата Эдвига, которого в ночь убийства не было в монастыре. Все прочие вполне могли нанести Синглтону смертельный удар. И каждый из них имел возможность прикончить больного послушника. Разумеется, лишь в том случае, если рассказ брата Гая об отравлении белладонной соответствует истине.

– А зачем брату Гаю лгать?

Искаженное смертной судорогой лицо Саймона Уэлплея вновь возникло перед моим внутренним взором; мысль о том, что несчастного юношу отравили, чтобы не дать ему сообщить мне какую-то тайну, заставила мое сердце болезненно сжаться.

– Не знаю, – пожал я плечами. – Одно могу сказать: мы не должны доверять никому из монахов. Все слишком крепко повязаны со своей обителью. Подумай только, если монастырь закроют, разве брат Гай сумеет устроиться куда-нибудь лекарем с его-то смуглым лицом, которое отпугивает людей? Аббат меньше всего на свете хочет расстаться с теми благами, которыми пользуется сейчас. У остальных старших монахов наверняка тоже есть свои неприглядные секреты. Брат Эдвиг, вполне вероятно, занимается какими-то финансовыми махинациями. Подозреваю, на случай закрытия монастыря он уже сколотил изрядный капитал и хранит его где-нибудь в надежном месте. И возможно, ловкий казначей сделал это не без участия аббата, ведь для продажи земель ему необходима монастырская печать.

– А что вы думаете о приоре Мортимусе?

– Этому я ничего не могу поставить в упрек, кроме излишней властности и жестокости. Но признаюсь, он не вызывает у меня ни

малейшей симпатии. Что до брата Габриеля, то змеи нечистого вождения, терзающие его душу, до сих пор не угомонились, в этом я совершенно уверен. Слепой бы заметил, как он пожирает тебя глазами. Полагаю, прежде у него были привязанности среди монахов, и, наверное, больше всего его привлекал юный Уэлплей. Но стоило приехать тебе, показать бедняге Габриелю свои стройные лодыжки, поразить его воображение своим роскошным костюмом, и ты стал главным героем его мечтаний.

Марк, недовольно нахмурившись, отодвинул тарелку.

– Вы не слишком увлеклись деталями, сэр? – иронически осведомился он.

– Юристы должны учитывать все детали, не пренебрегая даже самыми грязными и отвратительными. Габриель производит впечатление вполне безобидного человека. Но мы не должны забывать, что он одержим искушением, а люди, одержимые искушением подчас способны на самые дикие и безрассудные поступки. К тому же над ним нависла смертельная угроза: если всплывет, что после своего покаяния он вновь предался содомскому греху, ему не миновать виселицы. Возможно, Синглтон своими бесцеремонными резкими расспросами привел брата Габриеля в смятение. Не исключено, что он мог решиться на отчаянный поступок, желая защитить тех, кого сам вовлек в грех. Но не забывай, есть еще брат Джером. Сегодня я непременно поговорю с ним. Любопытно понять, почему он называл Синглтона лжецом и клятвопреступником, а не как-нибудь иначе.

Марк, по-прежнему хмурясь, ничего не ответил.

– Ты что, заснул? – проворчал я, охваченный приступом внезапного раздражения. – Или счел себя оскорбленным, потому что ризничий воспылал к тебе грешной страстью? Думаю, бояться тебе нечего. Скорее всего, он все же сумеет сдержать свои порывы и не будет домогаться твоей задницы.

В глазах Марка сверкнула искра обиды.

– Я боюсь вовсе не за себя, сэр, – отчеканил он. – Я тревожусь за Элис. Та пропавшая девушка тоже была помощницей брата Гая.

– А ты что, думаешь, это обстоятельство от меня ускользнуло?

Марк перегнулся ко мне через стол.

– Может, будет разумнее, а главное, безопаснее арестовать всех старших монахов и брата Джерома заодно? – шепотом предложил он. –

Отправить их в Лондон и там вытянуть все, что они знают?

– Позволь спросить, на каком основании? И как ты собираешься вытягивать у них показания? При по мощи пытки? Мне казалось, ты осуждаешь подобные методы.

– Конечно, я против пыток. Я имел в виду всего лишь жесткий допрос.

– А если мои подозрения ошибочны и ни один старших монахов не имеет отношения к убийству? К тому же арест шести человек невозможно сохранить в тайне.

– Но время не терпит, сэр. И пока убийца на свободе, все мы в опасности.

– Спасибо за предупреждение. Без тебя я этого, конечно, не знал, – саркастически заметил я. – За помни: тот, кто пытается брать подозреваемых на испуг, никогда не узнает правды. Именно так обычно действовал Синглтон, и сам знаешь, к чему это привело. Для того чтобы развязать узел, нужна ловкость, а не сила, и поверь мне, такой запутанный узел, как здесь, не попадался мне никогда прежде. Но я развяжу его. Непременно развяжу.

– Прошу прощения, сэр. Я всего лишь хотел спросить...

– Спрашивай сколько угодно, Марк, – с раздражением сказал я. – Но мне хотелось бы слышать от тебя разумные вопросы.

Досада придала мне энергии. Я поднялся и бросил на стол несколько монет.

– Идем, хватит прохлаждаться. Мы и так полдня потратили зря. В монастыре нас ждет увлекательная беседа с безумным старым картезианцем.

ГЛАВА 16

На обратном пути в монастырь мы с Марком почти не разговаривали. Небо над нашими головами стремительно затягивали серые мохнатые тучи. Я злился на себя за недавнюю вспышку; разумеется, юристу в любом случае следует сохранять самообладание, но нервы мои были напряжены до предела, и идиотское предложение Марка относительно ареста старших монахов вывело меня из себя. Твердо решив, что буду принимать исключительно разумные и взвешенные решения, я быстро шагал по дороге до тех пор, пока не споткнулся, поскользнувшись на ледяной корке. Марк успел поддержать меня, тем самым пробудив во мне новый приступ досады. К тому времени как мы подошли к стенам монастыря Святого Доната, поднялся резкий ветер и с неба вновь повалил снег.

Я бесцеремонно заколотил в дверь сторожки Багги; привратник появился, вытирая рот засаленным рукавом.

– Я хочу поговорить с братом Джеромом. Немедленно.

– Лишь приор может допустить вас к нему, сэра. А он сейчас на службе.

И привратник указал в сторону церкви, откуда доносилось едва слышное пение.

– Тогда позовите приора! – потребовал я.

Привратник удалился, что-то недовольно бормоча себе под нос. Мы с Марком ждали его, плотно закутавшись в плащи, уже припорошенные снегом. Вскоре Багги появился в сопровождении приора Мортимуса, хмурого и недовольного.

– Вы хотите увидеть брата Джерома, сэра? Судя по тому, что вы оторвали меня от церковной службы, произошло нечто чрезвычайное?

– Ничего чрезвычайного не произошло, – отрезал я. – Я просто не желаю терять времени даром. Где брат Джером?

– После того как он оскорбил вас, он содержится взаперти, в своей келье.

– Прошу вас, отведите нас к нему. Я должен задать ему несколько вопросов.

Приор повел нас к братскому корпусу.

– Надеюсь, сэр, вы понимаете, что никто из монахов нашего монастыря не разделяет воззрений этого безумца, – не преминул сообщить приор. – Если вы решите, что его слова являются призывом к государственной измене, и заберете его отсюда, вы окажете всем нам большую услугу.

– Вот как? Насколько я понимаю, брат Джером не пользуется расположением других монахов?

– Вы совершенно правы, сэр.

– Быть окруженным неприязнью – печальный удел. Такой же выпал и на долю послушника Уэлплея.

Приор скользнул по мне ледяным взглядом.

– Я пытался просветить заблудший дух Саймона Уэлплея, – процедил он.

– Лучше умереть молодым и попасть на небо, чем дожить до старости, закоснеть в грехе и очутиться в аду, – вполголоса пробормотал Марк.

– О чем вы? – переспросил приор.

– Эту мудрость мы с господином Поэром сегодня слышали из уст одного городского чиновника, убежденного реформатора, – пояснил я. – Кстати, мне сказали, что вчера утром вы навестили Саймона.

– Я зашел, чтобы помолиться над ним, – побагровев, сказал приор. – Я вовсе не хотел его смерти. Я хотел лишь, чтобы он очистился от овладевшего им дьявольского наваждения.

– Очистился ценой собственной жизни?

Приор остановился, резко обернулся и с вызовом посмотрел на меня. Погода на глазах становилась все хуже; снег валил вовсю, и порывистый ветер раздувал наши плащи и черное одеяние приора.

– Я не хотел его смерти! – рявкнул приор. – Я тут ни при чем! Мальчишка был одержим дьяволом! Дьяволом! Это все его происки! А мне не в чем себя упрекнуть!

Я не сводил глаз с его искаженного злобой лица. Возможно, вчера он пришел помолиться над больным послушником, потому что ему не давало покоя тщательно скрываемое чувство вины? Нет, вряд ли. Приор Мортимус, несомненно, относится к числу тех людей, которые всегда, при любых обстоятельствах ощущают себя правыми. Как ни странно, непоколебимая самоуверенность этого католического монаха напоминала некоторых убежденных последователей Лютера, с

которыми мне доводилось встречаться. И уж конечно, изворотливый ум приора без труда изобретал увертки, позволяющие преследовать незащищенную молодую девушку и не испытывать при этом ни малейших угрызений совести.

– Идемте, – проронил я. – Слишком холодно, чтобы вести дискуссии на воздухе.

Не проронив более ни слова, приор подвел нас к братскому корпусу, длинному, двухэтажному зданию, ходящему во внутренний двор. Из множества труб на крыше в небо поднимался дым. Никогда прежде не бывал в дортуарах монахов. Из «Комперты» я узнал, что длинные общие спальни, в которых жили первые бенедиктинцы, в большинстве монастырей давно уже превратились в отдельные комнаты. Разумеется, так было и в обители Святого Доната. Мы прошли по длинному коридору с множеством дверей. Некоторые из них были открыты, я видел затопленные очаги и удобные кровати. После пронизывающего холода приятно было очутиться в теплом помещении. У одной из дверей приор Мортимус остановился.

– Мы постоянно держим его под замком, чтобы он не отправился бродить по монастырю, – сообщил он, распахивая дверь. – Брат Джером, эмиссар желает поговорить с тобой.

В отличие от келий, мимо которых мы проходили, жилище брата Джерома отличалось крайним аскетизмом. В очаге не горел огонь, голые беленые стены украшало лишь висевшее над узким ложем распятие. Старый картезианец сидел на постели, одетый лишь в исподнее, так что его скрюченный искореженный торс был полностью открыт нашим взорам. Изможденное тело старика не уступало в уродстве моему собственному, но виной тому были пытки, а не прихоть природы. Рядом с ним стоял брат Гай и куском ткани протирал покрывавшие кожу старого монаха бесчисленные рубцы, багровые и пожелтевшие от гноя. Вода в стоявшем на полу кувшине распространяла запах лаванды.

– К сожалению, я должен попросить вас оставить вашего больного, брат Гай, – заявил я.

– Мы почти закончили, – кивнул лекарь. – Теперь, брат Джером, боль должна уменьшиться.

Картезианец сверкнул глазами в мою сторону, а потом повернулся к лекарю.

– Будь добр, подай мне чистую рубашку.

– Ты себя совсем замучаешь этими власяницами, – вздохнул брат Гай. – По крайней мере, надо вымочить рубашку в воде, чтобы шерстинки немного смягчились.

И он подал брату Джерому рубашку из грубой серой ткани, на изнаночную сторону которой были вшиты жесткие, колючие шерстинки животных. Старый картезианец с трудом натянул рубашку, а затем свое белое одеяние. Брат Гай поднял с пола кувшин, поклонился и вышел прочь. Брат Джером и приор обменялись полными ненависти взглядами.

– Что, брат Джером, ты по-прежнему умерщвляешь свою плоть? – усмехнулся приор.

– Да, во искупление своих тяжких грехов. Но в отличие от некоторых, брат приор, я не занимаюсь умерщвлением плоти своих ближних.

В ответ приор лишь злобно сверкнул глазами и вручил мне ключ.

– Когда кончите, сэр, отдайте ключ Багги, – буркнул он, повернулся и вышел, громко хлопнув дверью.

Я внезапно осознал, что мы находимся в тесном замкнутом пространстве наедине с человеком, взор которого пылает неутолимой ненавистью. Я огляделся по сторонам, высматривая, куда бы присесть. Но вся обстановка комнаты состояла из кровати брата Джерома, и я остался стоять, опираясь на свой посох.

– Что, горбун, спина болит? – неожиданно спросил старый монах.

– Так, слегка. Нам пришлось долго идти по заснеженной дороге.

– А ты знаешь, что говорят в народе? Прикосновение карлика приносит удачу, а прикосновение горбуна – несчастье. Ты – насмешка над человеческим обликом. И, судя по тому, что тебя послал Кромвель, душа твоя так же отвратительна, как и твое тело.

Марк сделал шаг вперед.

– Богом клянусь, сэр, вам лучше придержать язык.

Я сделал Марку знак молчать и пристально посмотрел на монаха.

– Почему ты так стремишься оскорбить меня, Джером из Лондона? Все твердят, от истязаний ты лишился рассудка. Так ли это? И защитит ли тебя твое безумие, если я прикажу схватить тебя за подстрекательство к измене и бросить в Тауэр?

– Если это случится, горбун, будь спокоен, я не стану искать защиты. Я буду счастлив, если Господь дарует мне возможность пострадать за Святую Церковь. Принять мученическую смерть во имя Церкви – вот воистину высокий удел. И я прямо говорю тебе, что презираю короля Генриха, посягнувшего на власть Папы. – Он издал отрывистый смешок. – А ты знаешь, что даже ваш Мартин Лютер не слишком жалуется короля Генриха? Он говорит, что шустрый Хайнц непременно кончит тем, что объявит себя Господом Богом.

Марк судорожно вздохнул. Услышанных нами крамольных слов было вполне достаточно, чтобы отправить Джерома на виселицу.

– Как же ты принял присягу и признал короля главой церкви? – вполголоса осведомился я. – Ты должен был сгореть со стыда.

Джером потянулся за костылем и с усилием поднялся на ноги. Тяжело опираясь на костыль, он принялся медленно бродить по комнате. Когда он вновь заговорил, голос его звучал размеренно и холодно.

– Ты прав, горбун. Я осквернил свою душу и теперь до конца дней своих буду терзаться жгучим стыдом. Тебе известно, из какой я семьи? Наверняка тебе уже рассказали об этом.

– Я знаю, что ты доводишься родственником королеве Джейн, упокой Господи ее душу.

– Господь никогда не примет душу великой грешницы, – процедил Джером. – Она будет вечно гореть в адском пламени, ибо стала супругой короля-еретика. – Он повернул ко мне побелевшее от гнева лицо. – Тебе известно, как я оказался здесь? Или мне самому рассказать свою историю, господин крючоктвор?

– Расскажи, прошу тебя. Если не возражаешь, я сяду, чтобы послушать, – сказал я и опустился на жесткую постель.

Марк по-прежнему стоял, опираясь на меч, а брат Джером неуклюже ковылял из угла в угол.

– Я оставил мир, исполненный греха, разврата и суеты, едва мне минуло двадцать. Моя кузина тогда еще не родилась, и я никогда ее не видел. Более тридцати лет я провел в лондонском Чартерхаузе, в мире и покое. То была действительно святая обитель, не то что здешний притон разврата и низости. Да, прежний мой монастырь был островком чистоты посреди нечестивого города, и обитатели его

думали лишь о служении Господу. Живя там, я чувствовал, что попал в земной рай.

– И рубашки-власяницы, терзающие плоть, являлись частью установленных в этом раю правил?

– Да, ибо всем нам необходимо помнить, что плоть грешна и вводит нас в искушение. Четыре года с нами провел Томас Мор. Он носил власяницу и после того, как оставил обитель, даже под роскошным одеянием лорд-канцлера. Это помогало ему сохранить кротость, смирение и душевную твердость. Он нашел в себе силы выступить против нечестивого брака короля и отважно взглянул в лицо смерти.

– Полагаю, душевная твердость требовалась ему и раньше, когда он был лорд-канцлером и без колебаний отправлял на костер еретиков. Но тебе, как я догадываюсь, не хватило твердости, брат Джером?

Согбенная спина старика напряглась. Я ожидал новой вспышки гнева, но голос брата Джерома оставался бесстрастным и невозмутимым.

– Когда король заявил, что монахи всех монастырей должны принести ему присягу и признать его верховным главой Церкви, лишь картезианцы воспротивились этому. – Брат Джером обжег меня взглядом. – Мы слишком хорошо понимали, к чему приведет подобное кощунство.

– Да, мне это известно. Члены всех других орденов приняли присягу. Всех, кроме вашего.

– Нас было сорок человек, и они вызывали нас поочередно. Приор Хактон первым отказался от кощунственной присяги, и Кромвель приказал пытать его. Тебе известно, горбун, что ответил твой Кромвель, когда отец Хактон напомнил ему слова Блаженного Августина о том, что Церковь выше Священного Писания? Он сказал, что в грош не ставит Церковь, а слова Блаженного Августина можно понимать как заблагорассудится.

– Лорд Кромвель был совершенно прав, – ответил я. – Священное Писание превышает всего.

– А мнение сына трактирщика выше мнения Блаженного Августина, не так ли? – криво усмехнулся брат Джером. – Только наш благочестивый приор думал иначе. И в результате он был обвинен в измене и казнен в Тайборне. Я присутствовал при казни, видел, как его

вздернули на виселице, а потом, когда он был еще жив, палач ножом рассек его тело и выпустил внутренности. А толпа молча наблюдала за его мучениями.

Я перевел взгляд на Марка; он не сводил глаз с Джерома, и на лице его отражалось крайнее душевное волнение.

– Однако с преемником приора Хактона твоему хозяину опять не повезло, горбун, – продолжал картезианец. – Викарий Мидлмор и его старшие монахи тоже отказались приносить присягу. Настал их черед отправиться в Тайборн и окончить свой земной путь. На этот раз толпа не молчала во время казни. То и дело раздавались крики, призывающие к свержению короля. Твой Кромвель не глуп, и он понимал – новая казнь может послужить толчком к мятежу. И он пустил в ход все средства, дабы принудить нас принести присягу. Он отдал нашу обитель в распоряжение своих людей и приказал приколотить к воротам отрубленную руку приора Хактона, гниющую и смердящую. Прихвостни Кромвеля глумились над нами, морили нас голодом, высмеивали наши церковные службы, рвали наши книги. А еще они постепенно удаляли из монастыря самых непокорных. То один, то другой из моих братьев насильственно отсылался в более уступчивый монастырь или просто исчезал.

Старый монах смолк и остановился, опираясь здоровой рукой на спинку кровати.

– Мне доводилось слышать подобные истории, – нарушил я тишину. – Это всего лишь выдумки.

Джером не удостоил меня ответом и снова принялся ходить из угла в угол.

– После того как прошлой весной на севере страны вспыхнуло восстание, король потерял терпение. Нам, оставшимся в обители братьям, было сказано, что в случае, если мы не примем присягу, всех нас от правят в Ньюгейт и обрекут на медленную смерть от голода. Пятнадцать братьев дрогнули. Они приняли богопротивную присягу и обрекли свои души на вечные мучения. Десятерых бросили в Ньюгейт, приковали цепями в смрадной камере и оставили без пищи. Некоторые из них умирали долго, очень долго...

Старый монах внезапно замолчал, закрыл лицо руками и замер, содрогаясь от рыданий.

– До меня доходили слухи об этом, – потрясенно прошептал Марк. – Но я всегда считал, что все они сильно преувеличены.

Я сделал ему знак молчать.

– Даже если рассказ брата Джерома соответствует истине, сам он был не среди тех, кто избрал мученический конец, – напомнил я. – Он уже находился здесь, в безопасности, когда его братья отправились в Ньюгейт.

Старый монах вновь не удостоил меня ответом. Повернувшись ко мне спиной, он утер слезы рукавом одеяния и устоялся в окно. Там по-прежнему валил снег, он шел так густо, словно хотел скрыть под белым покрывалом весь мир.

– Да, горбун, меня силой отправили прочь, – произнес он после долгого молчания. – Я знал, какой удел постиг моих духовных отцов и наставников. Мы, оставшиеся в живых братья, подвергались ежедневным поношениям и унижениям, и все же мы служили друг другу поддержкой и утешением. Мы думали, что способны выдержать любые испытания. Тогда я был здоров и крепок, но гордился не телесной, а душевной своей силой.

Тут он зашелся дребезжащим истерическим смехом.

– Но однажды утром за мной пришли солдаты и отвели меня в Тауэр, – продолжил свой рассказ Джером. – Это случилось в прошлом году, в середине мая. Анна Болейн как раз была осуждена на смерть, и в крепости соорудили огромный эшафот. Увидав его, я впервые ощутил страх. Меня бросили в темное подземелье, и сознание того, что я моту дрогнуть, проникло в мою душу. А потом меня привели в просторный подземный зал и приковали цепями к стулу. В углу я увидел дыбу, стол, утыканный крючьями, и веревки. Два рослых стражника стояли рядом, готовые пустить в ход орудия пыток. А за столом напротив меня сидели двое. Одним из них был Кингстон, комендант Тауэра. А вторым, тем, что глядел на меня особенно злобно, был Кромвель, твой хозяин, горбун.

– Сам главный правитель забыл обо всех делах, чтобы тебя допросить? В это трудно поверить.

– Однако он был там. И вот что он мне сказал: «Брат Джером Уэнтворт, ты доставляешь нам слишком много хлопот. Скажи мне прямо и без обиняков, согласен ты признать главенство короля над церковью?» Я ответил, что никогда не признаю этого. Но сердце мое

бешено колотилось и готово было выскочить из груди, когда я смотрел в глаза этого человека и видел в них отражение адского пламени, ибо в душе его поселился сам дьявол. Скажи мне, подручный Кромвеля, неужели ты до сих пор не догадался, кто на самом деле твой хозяин?

– Довольно об этом. Продолжай.

– Я упорствовал, и тогда твой хозяин, великий и мудрый правитель, кивнул в сторону дыбы. «Придется прибегнуть к крайнему средству, – сказал он. – Через несколько недель Джейн Сеймур станет королевой Англии. Недопустимо, чтобы у супруги короля был родственник, отказавшийся принять присягу. Но конечно, король не захочет, чтобы твое имя оказалось в списке казненных за измену. Это будет неучтиво по отношению к его молодой жене, брат Джером. Таким образом, у тебя один лишь выход – смириться и принести присягу. А если ты не желаешь добровольно отказаться от своих заблуждений, мы тебя заставим». И он вновь кивнул в сторону дыбы. Я снова повторил, что никогда не признаю короля главой церкви, хотя голос мой невольно дрогнул. Несколько мгновений Кромвель пристально смотрел на меня. Затем губы его тронула улыбка. «Думаю, тебе все же придется это сделать, – проронил он. – Господин Кингстон, у меня мало времени. Приступим». Кингстон дал знак палачам, они подняли меня на ноги и грубо потащили к дыбе, так что едва не вышибли дух из моего тела. Затем один из них вытянул мои руки над головой и привязал к страшному колесу, а другой закрепил мои ноги.

Голос Джерома упал до шепота.

– Все произошло так быстро. И ни один из палачей не проронил ни слова. Они повернули колесо, и я услышал хруст собственных костей, а потом боль, адская боль затмила мое сознание. Никогда прежде я не испытывал ничего подобного. Все мое существо превратилось в одно сплошное страдание.

Брат Джером смолк, осторожно поглаживая искореженное плечо. Взгляд его потух и более ничего не выражал. Воспоминания о пережитых муках, казалось, заставили его позабыть о нашем присутствии. Я слышал, как Марк тяжело переводит дыхание.

– В ушах моих звенели какие-то пронзительные вопли, но я не мог осознать, что это мой собственный голос, – вновь заговорил старый монах. – Потом колесо остановилось, и боль моя пошла на убыль, хотя по-прежнему была невыносимой. Взглянув вверх, я увидел Кромвеля,

не сводившего с меня полыхавших адским огнем глаз. «Принеси присягу королю, брат, – сказал он. – Я вижу, в запасе у тебя не так много сил. А пытка будет продолжаться до тех пор, пока ты не присягнешь. Эти люди знают свое дело, и они не позволят тебе умереть. Но тело твое уже искалечено, а вскоре на нем не останется ни единого живого места, и до конца дней твоих боль не даст тебе передышки. Будь благоразумен, присягни. Тебе не в чем себя упрекнуть, ведь тебя вынудили принять присягу под пытками». – «Ты лжешь», – бросил я картезианцу. Он будто не расслышал моих слов. Тогда я ответил, что готов принять любые страдания, готов терпеть, как Иисус терпел на Голгофе. Кромвель пожал плечами и сделал знак палачам. На этот раз они привели в движение оба колеса. Я ощутил, как рвутся мускулы на моих ногах, как выворачиваются суставы, как с треском ломаются кости, и закричал, что готов принести присягу.

– Но ведь по закону присяга, принесенная под принуждением, ни к чему не обязывает! – воскликнул Марк.

– Заткнись! – прошипел я.

Джером помолчал, словно что-то обдумывая про себя, затем губы его тронула улыбка.

– Я не думал об обязательствах перед законом я думал об обязательствах перед Господом. Господь слышал, как я приносил нечестивую клятву и тем самым погубил свою бессмертную душу. Но я вижу, ты добрый юноша. Лицо у тебя славное. Неужели ты за одно с этим горбатым еретиком?

Я бросил на старого монаха уничижительный взгляд. По правде говоря, рассказ его поразил меня до глубины души, но я знал, что ни в коем случае не должен выдавать своих истинных чувств. Я встал, скрестил руки на груди и пренебрежительно бросил:

– Брат Джером, я устал и от твоих оскорблений, и от твоих клеветнических выдумок. Я пришел сюда, дабы поговорить о злодейском убийстве Робина Синглтона. Ты назвал его лжецом и клятвопреступником, и тому есть множество свидетелей. Я хочу знать почему.

Из уст Джерома вырвался звук, подобный рычанию.

– Ты знаешь, что такое пытка, еретик?

– А ты знаешь, что такое убийство, монах? Марк Поэр, ни слова больше, или пеняй на себя! – взревел я, заметив, что Марк хочет что-то

сказать.

– Марк, – печально улыбнулся брат Джером. – Снова это имя. Да, твой помощник похож на того, другого Марка.

– Какой еще другой Марк? Что ты там бормочешь?

– Хочешь, чтобы я тебе рассказал? Ты ведь устал от моих выдумок. Впрочем, эта история тебя наверняка заинтересует. Не возражаешь, если я сяду? Ноги отказываются меня держать.

– Запомни, я не потерплю более ни выпадов в свой адрес, ни клеветнических измышлений.

– Не бойся, никаких измышлений не будет. Обещаю говорить одну правду, и ничего, кроме правды.

Я кивнул, и брат Джером осторожно опустился на кровать. Он почесал грудь, поморщившись от боли, которую, несомненно, доставляла ему власяница.

– Я вижу, что мой рассказ привел тебя в замешательство, посланник Кромвеля, – произнес он. – То, что я расскажу сейчас, смутит твою совесть еще сильнее, если у тебя осталась хоть малая толика совести. Я поведу речь о некоем юноше по имени Марк Смитон. Думаю, тебе известно это имя?

– Разумеется. Так звали придворного музыканта, который признался в прелюбодеянии с королевой Анной и был казнен.

– Да, он признался в прелюбодеянии, – кивнул Джером. – По той же самой причине, по которой я признал короля главой Церкви.

– Откуда ты знаешь?

– Имей терпение и слушай. После того как я принес клятву, комендант сообщил, что я останусь в Тауэре еще на несколько дней, пока раны мои хотя бы немного не заживут. После я буду направлен в Скарнси, в монастырь бенедиктинского ордена, ибо именно об этом просил один из моих влиятельных родственников. Джейн Сеймур сообщает, что ее кузен наконец присягнул на верность ее царственному супругу. Что касается лорда Кромвеля, то он моментально утратил ко мне интерес и, отвернувшись, перебирал какие-то бумаги, лежавшие на столе. Меня отвели в одну из камер подземелья. Точнее, стражники отнесли меня на руках, ибо я был не в состоянии передвигаться. Меня бросили на ветхий соломенный тюфяк и оставили одного. Дух мой пребывал в тоске и смятении, тело изнывало от чудовищной боли. Запах сырости и гнили, исходивший от тюфяка, вызывал у меня

тошноту. С великим трудом я поднялся на ноги и добрал до двери, где было маленькое зарешеченное оконце. Я приник к нему, ловя дуновение свежего воздуха из темного длинного коридора, и стал жарко молиться, хотя и сознавал, что мне нет прощения за содеянное. А потом в коридоре раздались шаги, плач и крики. Вновь появились стражники – на этот раз они волочили юношу, ровесника твоего помощника, такого же стройного и миловидного. Нежное лицо его было залито слезами, огромные глаза затравленно озирались по сторонам, некогда роскошная одежда превратилась в лохмотья. Когда его протащили мимо моих дверей, он бросил на меня умоляющий взгляд. Я услышал, как дверь соседней камеры со скрежетом отворилась. «Отдохните пока, господин Смитон, – сказал один из стражников. – Вам придется подождать здесь до завтра. Не бойтесь, все произойдет быстро. Никакой боли вы не почувствуете». В голосе его слышались нотки сочувствия.

Джером вновь рассмеялся, обнажив потемневшие гнилые зубы. Смех его был так резок и пронзителен, что я невольно содрогнулся. Потом лицо старого монаха вновь стало непроницаемым, и он продолжил свой рассказ.

– Дверь соседней камеры захлопнулась, удаляющиеся шаги стражников затихли в коридоре. А до меня донесся голос, прерывистый и полный мольбы: «Святой отец! Святой отец! Вы священник?» – «Я монах картезианского ордена, – ответил я. – А кто ты? Музыкант, обвиненный в прелюбодеянии с королевой?» Ответом мне были рыдания. «Святой отец, я ни в чем не виноват, – сказал он сквозь слезы. – Верьте мне, я даже не прикоснулся к ней». – «Но говорят, ты во всем признался», – возразил я. «Святой отец, меня отвели в дом лорда Кромвеля и сказали: если я не признаюсь, что вступил в преступную связь с королевой, голову мне обвяжут веревкой и будут тянуть до тех пор, пока глаза мои не вылезут из орбит». Голос несчастного дрожал от тоски и отчаяния. «Лорд Кромвель приказал вместо этого вздернуть меня на дыбу, но так, чтобы на моем теле не осталось никаких следов. Отец, я страдаю невыносимо, но я хочу жить! А завтра меня убьют!» И бедный юноша смолк, не в силах справиться с душившими его рыданиями.

Брат Джером сидел неподвижно, взгляд его был устремлен в пустоту.

– Плечо мое и нога болели все сильнее, я был не в состоянии двигаться, – продолжал он. – Зацепившись здоровой рукой за прутья решетки, я прислонился к двери и, едва не теряя сознание, прислушивался к рыданиям несчастного Марка Смитона. Через некоторое время он овладел собой и заговорил вновь: «Отец, я подписал ложное признание. Оговорил не только себя, но и королеву. Я ведь погубил свою душу, да? И теперь буду вечно гореть в аду?» – «Сын мой, Господь не осудит тебя за ложное признание, вырванное под пытками, – заверил я. – Оговор – это не такой тяжкий грех, как богопротивная присяга», – с горечью добавил я. «И все равно я боюсь, что душе моей не видать спасения! – вздохнул несчастный. – Я не прикасался к королеве, но признаюсь честно, с другими женщинами я немало потешил свою похоть. Впасть в грех сладострастия так легко!» – «Если ты искренне раскаиваешься, сын мой, Господь простит тебя!» – «Но я вовсе не раскаиваюсь, святой отец! – воскликнул он и зашелся истерическим смехом. – Грешить было так приятно! Мне страшно подумать, что я больше никогда не испытаю подобного наслаждения. Я не хочу умирать!» – «Сейчас ты должен думать не о греховных наслаждениях, а о своей душе, сын мой! – оборвал его я. – Ты должен искренне раскаяться, иначе попадешь прямиком в ад!» – «В любом случае я попаду не в ад, а в чистилище!» – возразил он и вновь залился слезами. Голова моя кружилась. Я был слишком слаб, чтобы продолжать разговор, и, держась за стену, поплелся к своему вонючему тюфяку. Не знаю, был то день или вечер. Солнечный свет не проникал в подземелье, и лишь свет факелов в коридоре немного разгонял темноту. На какое-то время я забылся тяжелым сном. Дважды меня будил скрежет открываемой двери. Это стражники приводили в камеру Марка Смитона посетителя, а потом выпускали его.

Глаза брата Джерома на мгновение вспыхнули и вновь потухли.

– И оба раза я слышал жалобный плач и крики. Позднее, когда я снова очнулся, я видел, как стражник провел к осужденному священника. До меня донеслось приглушенное бормотание, но я так и не узнал, открыл ли Смитон правду на последней исповеди и спас ли он свою душу. Потом я вновь впал в забытие. Через некоторое время боль заставила меня очнуться. Прислушавшись, я понял, что в соседней камере царит полная тишина. И хотя я не видел дневного света, я понял, что наступило утро и что несчастный юноша мертв.

Взгляд старого монаха вновь встретился с моим.

– Теперь ты знаешь, горбун, какие дела творит твой хозяин. Знаешь, какими способами он вырывает у невинных ложные признания. Руки его обогреты кровью.

– Ты рассказывал эту историю кому-нибудь еще? – спросил я.

По губам монаха скользнула странная кривая усмешка.

– Нет. В этом не было надобности.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Это не имеет значения.

– Нет, имеет. Весь твой рассказ – это бесстыдная и откровенная ложь.

В ответ он лишь пожал плечами.

– Ладно, хватит об этом. Ты все время пытаешься увести меня в сторону от Робина Синглтона. Ответ наконец, почему ты назвал его лжецом и клятвопреступником?

И вновь губы Джерома искривила злоеющая усмешка.

– Я назвал его лжецом и клятвопреступником, потому что он являлся таковым, – процедил он. – Подобно тебе, он был орудием в руках изверга Кромвеля. Ты тоже клятвопреступник, горбун. Ты должен был хранить верность Папе. Но ты совершил предательство.

Я глубоко вздохнул, сдерживая вспышку гнева.

– Джером из Лондона, я знаю, что в этом монастыре есть человек, который питал к эmissару Синглтону и к пославшим его высоким особам неутолимую ненависть. И эта ненависть могла послужить причиной заговора, в результате которого Синглтон был злодейски убит. Человек, о котором я говорю, не кто иной, как ты. Телесная твоя немощь не позволила тебе совершить убийство собственноручно, но ты вполне мог подговорить на это преступление кого-то другого. Довожу до твоего сведения, что считаю тебя главным подозреваемым.

Картезианец оперся на свой костыль и с усилием встал. Приложив правую, слегка дрожащую руку к сердцу, он взглянул мне прямо в глаза. На губах его по-прежнему играла злоеющая усмешка, от которой у меня мурашки по коже бегали.

– Эmissар Синглтон был еретиком, запятнавшим себя мерзкими и жестокими деяниями, и я рад, что он умер, – провозгласил брат Джером. – Если смерть эта доставила беспокойство Кромвелю, я рад вдвойне. Но клянусь своей бессмертной душой, клянусь перед

Господом и своей собственной совестью, что я не принимал никакого участия в его убийстве. Клянусь также, что в этой обители изнеженных недоумков нет ни единого человека, у которого хватило бы решимости совершить подобное. Вот все, что я могу ответить на твои обвинения, крючокотвор. А теперь ступайте прочь. Я устал и хочу спать.

Старый монах растянулся на своем жестком ложе и закрыл глаза.

– Превосходно, Джером из Лондона. Мы с тобой еще поговорим, – угрожающе пробурчал я и направился к выходу, увлекая за собой Марка.

Заперев дверь, мы двинулись по коридору, а монахи, уже вернувшиеся с обедни, наблюдали за нами из своих келий. Едва выйдя во двор, мы нос к носу столкнулись с братом Ателстаном в припорошенной снегом сутане. Завидев меня, он резко остановился.

– О, брат Ателстан! – воскликнул я. – Мне удалось узнать, почему вы впали в такую немилость у брата Эдвига. Вы оставили его кабинет без присмотра, не так ли?

Молодой монах смущенно переминался с ноги на ногу и теребил свою жидкую бороденку, насквозь промокшую от снега.

– Да, сэр, – пробормотал он.

– Это событие представляет для меня куда больший интерес, чем рассказы о какой-то пустой болтовне в доме собраний. Расскажите, что произошло в казначействе накануне смерти эмиссара Синглтона!

Брат Ателстан скользнул по мне испуганным взглядом.

– Я не думал, что это так важно, сэр. В тот день, явившись в кабинет брата Эдвига, я обнаружил там эмиссара Синглтона, который просматривал какую-то книгу. Я умолял его не забирать ее с собой или, по крайней мере, позволить мне записать, что за книгу он унес. Я знал, что брат Эдвиг ужасно рассердится. Но эмиссар меня и слушать не хотел. Когда вернулся брат Эдвиг и я рассказал ему о случившемся, он, конечно же, принялся ругать меня на чем свет стоит. Сказал, что я должен был глаз не спускать с эмиссара Синглтона.

– Так значит, брат Эдвиг был очень зол.

– Да, сэр, – понуриив голову, подтвердил молодой монах.

– А вам известно, какого рода сведения содержались в той книге, которая так заинтересовала эмиссара?

– Нет, сэр. Я имею дело только с расчетными книгами, которые хранятся в конторе. Какие книги брат Эдвиг держит у себя в кабинете, я понятия не имею.

– Почему вы сразу не рассказали мне об этом?

Брат Ателстан вновь принялся переминыться с ноги на ногу.

– Я боялся, сэр. Боялся, что вы спросите брата Эдвиг об этой злосчастной книге и он догадается, что я наболтал лишнего. У брата Эдвиг суровый нрав, сэр.

– А у вас слишком уж робкий. Позвольте дать вам совет, брат Ателстан. Настоящий осведомитель должен быть готов на все. Он должен сообщать все, что сумел выведать, даже если при этом ему приходится рисковать. В противном случае он вряд ли заслужит доверие и награду. А теперь скройтесь с глаз моих.

Молодой монах исчез в дверях братского корпуса. Мы с Марком поплотнее закутались в плащи и сгибаясь под порывами ветра, зашагали в сторону лазарета. Я окинул взглядом заснеженный двор.

– Клянусь муками Господа нашего, такая погода нам совершенно ни к чему! Я хотел отправиться к пруду, посмотреть, что там блестит на дне. Но сейчас об этом нечего и думать. Все, что нам остается, – сидеть в своей комнате.

Марк молча кивнул; я заметил, что с лица его не сходит задумчивое и грустное выражение. Вернувшись в лазарет, мы застали в кухне Элис, которая готовила отвары целебных трав.

– Вижу, господа, вы оба замерзли, – сказала она, увидев нас. – Если хотите, я принесу вам в комнату теплого вина.

– Спасибо, Элис, – ответил я. – Подогрейте вино как следует.

Оказавшись в комнате, Марк взял подушку и уселся у огня. Я последовал его примеру.

– Брату Джерому кое-что известно, – вполголоса заметил я. – Бесспорно, он не принимал участия в убийстве Синглтона, иначе не стал бы приносить клятву. Но он кое-что знает, в этом я не сомневаюсь. Ты заметил, как странно он улыбался?

– После пыток сознание его явно помутилось, – сказал Марк. – Вряд ли стоит делать какие-то выводы, основываясь на улыбке безумца.

– Ты не прав. Сердце его исполнено стыда и гнева, но он в полном рассудке.

Марк неотрывно смотрел в огонь.

– Если это так, значит, все, что брат Джером рассказал о Марке Смитоне, правда? – задумчиво проговорил он. – И лорд Кромвель действительно пытал его, вынуждая к ложному признанию?

– Разумеется, нет! – отрезал я. – Подобным небылицам я никогда не поверю.

– Точнее, вы не желаете верить, – поправил Марк.

– Мои желания здесь ни при чем! Все это клевета и не более того! И в то, что лорд Кромвель присутствовал при истязании брата Джерома, я тоже никогда не поверю. Это невозможно. Я помню, что в дни, предшествующие казни Анны Болейн, он ни на шаг не отходил от короля. У него просто не было времени, чтобы отправиться в Тауэр. И никогда он не стал бы вести себя столь недостойным образом. Брат Джером все это выдумал со злобы.

Смолкнув, я заметил, что от волнения сжал кулаки. Марк пристально посмотрел на меня.

– Сэр, но ведь по тому, с каким выражением лица брат Джером рассказал нам все это, видно было, что каждое его слово – чистая правда! Разве вы этого не почувствовали?

Я замешкался с ответом. Действительно, старый картезианец держался так, что трудно было заподозрить его в неискренности. Несомненно, его подвергли истязаниям. Но неужели сам лорд Кромвель приказал пытать его, чтобы заставить принести присягу на верность королю? В это я никак не мог поверить, как и в то, что мой патрон принимал участие в истязаниях Марка Смитона. И неужели у любовника королевы действительно вырвали признание под пытками? В полной растерянности я запустил руку в собственные волосы.

– Некоторые люди изрядно преуспели в искусстве лжи, – сказал я наконец. – Они умеют врать с самым что ни на есть правдивым видом. Помню, как-то я расследовал дело одного пройдохи, так вот, он выдавал себя за опытного ювелира и дурил целую гильдию...

– Сэр, мне кажется, все это не имеет отношения к рассказу брата Джерома, – возразил Марк.

– Так или иначе, я никогда не поверю, что лорд Кромвель составил заговор против Анны Болейн. Не забывай, Марк, я знаю его много лет. Первые его шаги к власти были столь успешными именно благодаря

ей, ее сочувствию к реформаторам. Она всегда была покровительницей лорда Кромвеля. С чего бы он решил погубить ее?

– Возможно, потому, что король хотел от нее отделаться, а лорд Кромвель готов на все, лишь бы угодить королю и сохранить свое высокое положение, – предположил Марк. – По крайней мере, именно такие слухи ходили в Палате перераспределения монастырского имущества.

– Это пустые слухи! – решительно возразил я. – Да, лорд Кромвель порой бывает суров и жесток, да, он не знает пощады к врагам. Но заставить невинного оговорить себя и погубить женщину – это злодейство, которого не совершит ни один истинный христианин. А лорд Кромвель христианин, можешь мне поверить. Я имел возможность хорошо узнать его. Если бы не он, время реформ никогда не наступило бы. Этот злобный монах пытался смутить нас своими клеветническими измышлениями. И разумнее всего немедленно выбросить его рассказы из головы!

Марк вновь посмотрел на меня, внимательно, пристально и испытующе. Впервые в жизни я ощутил под его взглядом неловкость. Тут в комнату вошла Элис с двумя кружками горячего вина. Одну из них она с улыбкой подала мне, а затем, подойдя к Марку, многозначительно переглянулась с ним. Я мгновенно ощутил укол ревности.

– Благодарю вас, Элис, – сказал я. – Вино очень кстати. Мы только что беседовали с братом Джеромом, и теперь наши силы нуждаются в подкреплении.

– Вы говорили с братом Джеромом, сэра?

Судя по безразличному тону Элис, это известие не слишком ее заинтересовало.

– Я видела его всего несколько раз. Говорят, он не в своем уме.

Поклонившись, она удалилась. Я повернулся к Марку, который по-прежнему глядел в огонь.

– Сэр, я хотел кое-что вам сказать, – неуверенно пробормотал он.

– Я весь превратился во внимание.

– Когда мы вернемся в Лондон – если только нам суждено когда-нибудь выбраться из этого монастыря – я больше не буду служить в Палате перераспределения. Так уж я решил. Это все не для меня.

– Что именно? Выражайся точнее.

– Взятки, интриги, стяжательство. Там все время толкутся люди, желающие выведать, какой монастырь в ближайшее время будет уничтожен. А потом они начинают засыпать Палату просьбами, рассказывают всем и каждому о том, в каком близком знакомстве они состоят с лордом Ричем, обещают в обмен на монастырские земли оказать множество услуг Ричу и Кромвелю...

– Лорду Кромвелю, Марк.

– А высшие чиновники говорят только об одном: кто из придворных следующим отправится на плаху и кому предстоит занять должность казненного. Мне все это претит, сэр.

– Марк, не стоит сгущать краски. Ты сегодня в дурном расположении духа. Это все из-за рассказа Джерома? Ты боишься, что тебя постигнет участь Марка Смитона?

– Нет, сэр, – ответил Марк, глядя мне прямо в глаза. – Говоря откровенно, мне давно уже опротивела Палата перераспределения. Я пытался вам об этом сказать, да все как-то не было подходящего случая.

– Марк, выслушай меня. Все то, о чем ты рассказываешь, вызывает у меня не меньшее отвращение, чем у тебя. Но времена меняются. Мы стремимся к новому государственному устройству, такому, где не будет места подкупу и интригам. – Охваченный воодушевлением, я поднялся и широко распростер руки. – Возьмем для примера хоть монастырские земли. Ты имел случай ознакомиться с бытом и нравами, царящими в монастырях. Жирные, зажравшиеся монахи цепляются за все ереси, изобретенные Папой, не знают других забот, кроме как бить поклоны перед своими идолами, высасывают последние соки из обнищавших горожан. А лишь подвернется случай, они всегда готовы ублажить свою плоть – или друг с другом, или с беззащитной молодой девушкой, такой, как Элис. Подобному непотребству необходимо положить конец, и мы это сделаем.

– Не все здешние монахи так уж плохи, – возразил Марк. – Вот брат Гай, например...

– Дело не в отдельных людях, а в том, что монастыри себя изжили. Лорд Кромвель передаст монастырские земли в руки короля, и впоследствии часть этих владений будет дарована его сторонникам. Это в порядке вещей, и возмущаться тут нечем. Таковы действующие в обществе законы. Но в результате в распоряжении короля окажутся

значительные суммы, которые позволят ему не зависеть более от парламента. Ты ведь сочувствуешь беднякам, не так ли?

– Да, сэръ. С ними поступают возмутительно. Бедных арендаторов, таких, как Элис, повсюду лишают земли, люди, оставшиеся без крова и работы, побираются на улицах...

– Согласен с тобой, это возмутительно. В прошлом году лорд Кромвель пытался провести через парламент билль, который существенно облегчил бы положение неимущих. Помимо всего прочего, там говорилось об устройстве приютов для тех, кто не может более трудиться, о предоставлении нуждающимся работы на строительстве дорог и каналов. Однако парламент не принял этот билль, потому что для проведения в жизнь замыслов лорда Кромвеля нужны деньги, а землевладельцы не хотят платить дополнительные налоги. Но если огромные богатства монастырей перейдут в распоряжение короля, он более не будет нуждаться в одобрении парламента. Он сможет строить школы для бедных. Сможет обеспечить каждую церковь Библией на английском языке. Представь только, все получают работу, и каждый сможет читать слово Божье. Но чтобы эти замыслы стали реальностью, необходима Палата перераспределения!

Губы Марка тронула недоверчивая улыбка.

– Сэр; вы слышали, что сказал господин Копингер: читать Библию следует лишь состоятельным людям, помещикам и домовладельцам. Я знаю, что лорд Рич придерживается того же мнения. Отец мой не имеет собственного дома, значит, он не будет иметь и доступа к слову Божьему. И я тоже.

– Настанет время, и у тебя появится собственный дом. Впрочем, я уверен, что Библию смогут читать все, хочет или не хочет того судья Копингер. Что касается Рича, он просто ловкий негодяй. Пока что он нужен лорду Кромвелю, но вскоре он от него избавится. Говорю тебе, грядут большие перемены!

– Вы в этом уверены, сэръ?

– Еще как уверен! И ты тоже верь в лучшее, Марк, верь и молись. Я не могу позволить себе предаваться сомнениям. Слишком многое поставлено на кон.

– Простите, что расстроил вас, сэръ, – пробормотал Марк, вновь поворачиваясь к огню.

– Я ничуть не расстроен. Я хочу лишь, чтобы ты относился к моим словам с полным доверием.

Спина моя мучительно ныла. Некоторое время мы сидели молча; за окнами сгущались сумерки, и в комнате становилось все темнее. На душе у меня было беспокойно. Я был рад, что откровенно поговорил с Марком; я искренне верил во все то, что сказал ему. И все же слова брата Джерома то и дело приходили мне на память, его бледное, изборожденное морщинами лицо вставало перед моим внутренним взором. Чутье опытного юриста подсказывало мне, что в рассказе старого монаха нет ни единого слова лжи. Но если это так, значит, здание реформы возводится на фундаменте, замешанном на крови, насилии и жестокости. И я принимаю во всем этом самое деятельное участие. Мысль о том, что я являюсь пособником палачей, заставила меня содрогнуться. Но потом в голову мне пришло одно успокоительное соображение. Джером безумен, а значит, мог искренне поверить в свои собственные бредовые фантазии. Все, о чем он с таким пылом рассказывал, на самом деле приходило лишь в его больном воображении. Я знал, что такое нередко случается с сумасшедшими. Вот и ответ, сказал я себе, чувствуя настоятельную потребность прекратить изнуравшие меня душевные терзания. Мне необходимо было отдохнуть, чтобы завтра приступить к делу с ясной головой и спокойной совестью. Разумный человек всегда найдет способ заглушить голос сомнения.

ГЛАВА 17

Внезапно я почувствовал, как Марк трясет меня за плечо; должно быть, я задремал, устроившись на подушках у огня.

– Сэр, пришел брат Гай.

Лекарь стоял в дверях, глядя на меня сверху вниз; я торопливо поднялся на ноги.

– Я должен вам кое-что сообщить, сэр. Аббат приготовил документы относительно продажи земель, о которых вы говорили. К тому же он хочет показать вам некоторые письма, которые необходимо отправить. Вскоре он будет здесь.

– Спасибо, брат Гай.

Монах не сводил с меня внимательных глаз, перебирая длинными темными пальцами веревку, подпоясывавшую его сутану.

– Вскоре я уйду в церковь, на заупокойную службу по Саймону Уэлплею. Сэр, я чувствую, что мой долг – рассказать аббату о том, что Саймон, скорее всего, был отравлен.

– Повремените немного, брат Гай, – попросил я. – Чем меньше людей будет знать о наших подозрениях, тем лучше. Это даст мне существенное преимущество.

– Но аббат непременно спросит, что послужило причиной смерти Саймона.

– Скажите ему, что не сумели определить.

Брат Гай провел рукой по выбритой макушке. Когда он вновь заговорил, в голосе его звучала неподдельная тревога.

– Но, сэр, этой ночью нам предстоит молиться об упокоении души Саймона Уэлплея. Должны ли мы просить Господа принять душу убиенного или же опочившего от недуга? Несчастный мальчик умер без исповеди и последнего причастия, что само по себе опасно для его души.

– Господь все видит и все знает. И лишь от Его воли зависит, попадет ли мальчик на небеса. Наши молитвы ничего не изменят.

Лекарь явно хотел продолжить спор, но тут в коридоре раздались шаги, и в комнату вошел аббат. За ним следовал слуга, который нес большую кожаную сумку. Аббат Фабиан выглядел постаревшим и

осунувшимся, потухший его взгляд свидетельствовал об усталости и дурном расположении духа. Брат Гай поклонился своему патрону и вышел.

– Сэр, я принес документы относительно продаж четырех монастырских земельных владений, произведенных нами в минувшем году, – сообщил аббат. – А также несколько деловых писем и личных писем братьев. Вы сказали, что вам необходимо просматривать каждое письмо, отправляемое из монастыря.

– Благодарю вас, господин аббат. Положите сумку на стол, – кивнул я слуге.

Аббат, словно в нерешительности, потирал руки.

– Могу я узнать, сэр, насколько удачным оказался ваш визит в город? – спросил он наконец. – Удалось ли вам что-нибудь узнать?

– Да, кое-что. Каждый день приносит все новые подозрения, отец аббат. К тому же сегодня я имел удовольствие побеседовать с братом Джеромом.

– Надеюсь, он вел себя должным образом и...

– О, разумеется, он вел себя должным образом, то есть так, как ведет себя всегда. Иными словами, он осыпал меня оскорблениями. Думаю, ему следует и впредь оставаться в своей келье.

Прежде чем вновь заговорить, аббат смущенно откашлялся.

– Недавно я получил письмо, – потупившись, пробормотал он. – Оно там, вместе с другими письмами. Старый друг, монах из Бишема, сообщает мне, что, согласно сведениям, полученным им из монастыря в Льюисе, условия добровольного упразднения монастырей сейчас обсуждаются в кабинете главного правителя.

– Вижу, связь между английскими монахами работает бесперебойно, – ответил я с холодной улыбкой. – Впрочем, так было всегда. Что ж, господин аббат, думаю, я не поступлюсь против истины, если скажу: Скарнси далеко не единственный среди монастырей, что запятнали себя недостойными деяниями. И далеко не единственный среди монастырей, которым, по убеждению лорда Кромвеля, лучше прекратить свое существование.

– Наш монастырь отнюдь не запятнал себя недостойными деяниями, сэр, – с легкой дрожью в голосе произнес аббат. – До той поры, пока сюда не явился эмиссар Синглтон, жизнь наша протекала в мире, спокойствии и благочестии!

Я метнул на аббата гневный взгляд. Он прикусил губу и судорожно вздохнул. Этот человек не на шутку испуган, решил я про себя. От страха ему изменила обычная рассудительность. Надо признать, у аббата были причины для смятения; ведь прочный и безмятежный мир, в котором он провел столько счастливых лет, начал угрожающе трещать по швам.

– Простите, господин Шардлейк, я забылся, – умоляюще вскинув руку, пробормотал аббат. – В последнее время на меня навалилось столько неприятностей!

– Тем не менее, господин аббат, вам следует думать о том, что вы говорите.

Я вновь прошу извинить меня.

– Хорошо, забудем об этом.

Аббат, казалось, взял себя в руки.

– Господин Гудхэпс собирается оставить нас завтра, сразу после похорон эмиссара Синглтона, – сообщил он более спокойным тоном. – Заупокойная месса начнется через час и продолжится всю ночь. Вы будете присутствовать?

– Вы будете служить заупокойную мессу над двумя усопшими одновременно? Над эмиссаром Синглтоном и послушником Саймоном Уэлпеем?

– Нет, так как один из них был духовным лицом, а другой – светским, службы будут проходить раздельно. Часть братьев будет молиться о спасении души эмиссара, часть – о спасении души послушника.

– Значит, всю ночь братья будут молиться над усопшими, а освещенные свечи в церкви – отгонять злых духов? – осведомился я.

– Такова сложившаяся веками традиция, – в некотором замешательстве ответил аббат.

– В Десяти религиозных догматах король весьма неодобрительно отозвался об этой традиции, – отрезал я. – Свечи, зажженные над усопшими, могут напоминать лишь о милосердии Господнем. Злые духи тут ни при чем. Эмиссар Синглтон, несомненно, не захотел бы, чтобы его погребальный обряд был сопряжен со столь вредными предрассудками.

– Я напомню братии о правилах, установленных королем.

– Что касается слухов, сообщенных вам в письме, держите их при себе, – с суровым видом изрек я и кивнул в знак того, что более не задерживаю аббата.

Он поспешно удалился. Я проводил его задумчивым взглядом.

– Думаю, сегодня я одержал над ним верх, – усмехнулся я, обернувшись к Марку. По спине моей побежала дрожь. – Господи Боже, я с ног валюсь от усталости.

– На аббата было жалко смотреть, – заметил Марк.

– Значит, ты считаешь, что я был слишком суров? Вспомни только, как в день нашего приезда он едва не лопался от важности. Мне необходимо, чтобы здешние святые братья признали за мной непререкаемую власть. Увы, для этого приходится вести себя не слишком учтиво. Но иначе нельзя.

– А когда вы скажете аббату, что послушник был отравлен?

– Не раньше, чем мы выясним, что скрывается на дне пруда. Тогда и решим, как поступать дальше. Не плохо бы также как следует обыскать боковые часовни в церкви. Но прежде всего нам необходимо просмотреть письма и документы, любезно предоставленные нам аббатом. А потом зайти в церковь, на заупокойную мессу по убиенному Синглтону.

– Никогда прежде я не бывал на ночной церковной службе.

Я открыл сумку, извлек из нее пачку писем и документов и разложил их на столе.

– Мы должны отдать усопшим дань уважения, но я не собираюсь всю ночь бормотать молитвы, уповая, что они помогут душам оставивших сей бранный мир вырваться из чистилища. По моему разумению, это совершенно бессмысленный обряд. Впрочем, ты сам увидишь.

В письмах не оказалось ничего достойного внимания; в них говорилось о самых обычных делах, вроде закупки хмеля для пивоварни. Что касается посланий, отправленных монахами своим родственникам, то во всех упоминалась смерть молодого послушника, явившаяся следствием легочной лихорадки, полученной в холодную погоду. Таким образом я удостоверился, что братии аббат дал то же самое объяснение, что и родителям бедного мальчика. При

воспоминании о гибели Саймона чувство вины вновь шевельнулось в моем сердце.

Покончив с письмами, мы принялись за документы о продаже земельных владений. Цены в купчих указывались вполне разумные, именно такие, по каким принято продавать участки фермерских угодий; никаких признаков того, что земли распродавались по заниженным ценам, дабы заручиться политической поддержкой, нам выявить не удалось. Конечно, документы можно было проверить еще раз, вместе с Копингером, но я чувствовал, что все наши усилия обречены на поражение, ибо монастырские дела велись совершенно безупречно или, по крайней мере, производили именно такое впечатление. Я провел рукой по красным печатям, украшавшим каждый документ; на оттисках сургуча можно было разглядеть святого Доната, возвращающего усопшего к жизни.

– Вероятно, аббат собственноручно прикладывает к документам печать, – пробормотал я себе под нос.

– Да, никто другой не имеет права к ней прикасаться, – напомнил Марк.

– Помнишь, в день приезда мы увидели печать у него на столе? Было бы куда безопаснее запереть ее в ящик. Но полагаю, аббату нравится выставлять печать напоказ, как символ собственной власти. «Тщеславие, тщеславие, везде тщеславие!» – с пафосом продекламировал я, воздев руки. – Пожалуй, сегодня вечером я не пойду в трапезную. Я слишком устал. А ты сходи, попроси у лекаря чего-нибудь поесть. Если принесешь мне немного хлеба и сыра, я буду очень тебе признателен.

– Да, пойду раздобуду что-нибудь перекусить, – сказал Марк и вышел из комнаты.

Я сидел у стола, погружившись в раздумья. После нашего разговора в трактире в поведении Марка появилась некоторая отчужденность. Я понимал, что рано или поздно нам вновь придется вернуться к вопросу о будущем моего подопечного. Разумеется, я чувствовал себя обязанным не позволить мальчишке легкомысленно отказаться от судейской карьеры; то был мой долг не столько перед самим Марком, сколько перед нашими отцами – его и моим.

Прошло десять минут, а Марк все не возвращался; меня охватило нетерпение. Голод напоминал о себе все настоятельнее. Тяжело поднявшись, я отправился на поиски Марка. Из-под дверей лазаретской кухни пробивался свет. Прислушавшись, я различил доносившиеся оттуда приглушенные звуки. Похоже, плакала женщина.

Я осторожно приоткрыл дверь. Элис сидела у стола, уронив голову на руки, ее пышные каштановые волосы в беспорядке рассыпались по плечам. Она тихонько, но очень горестно всхлипывала. Услышав, как я вошел, она вскинула голову. Лицо ее покраснело и пошло пятнами, строгие правильные черты припухли. Она хотела встать, вытирая заплаканные глаза рукавом, но я протестующе замахал руками.

– Прошу вас, Элис, сидите. Расскажите мне, что вас так расстроило.

– Ничего, сэр.

Девушка притворно закашлялась, чтобы скрыть дрожь в голосе.

– Возможно, с вами грубо обошелся кто-то из монахов? Откройте мне все без утайки. Вас обидел брат Эдвиг?

– Нет, сэр, что вы. – Она недоуменно взглянула на меня. – Почему вы решили, что это он?

Я вкратце передал ей свой разговор с казначеем, не утаив, что он безошибочно определил источник моей осведомленности.

– Но вам не о чем беспокоиться, Элис. Я сказал ему, что вы находитесь под моей защитой.

– Нет, сэр, брат Эдвиг тут ни при чем, – пробормотала Элис, низко склонив голову. – Просто мне стало так одиноко, сэр. Я одна во всем мире. Вы не знаете, что это такое.

– Поверьте, Элис, ваши чувства мне более чем понятны. Я уже много лет не видел своих родных. Они живут далеко от Лондона. Кров со мной разделяет лишь господин Поэр. Бесспорно, я занимаю довольно высокое положение, но это не мешает мне чувствовать себя одиноким. Да, очень одиноким, – повторил я с грустной улыбкой. – Но разве у вас совсем не осталось родственников? Разве в Скарнси у вас нет друзей, к которым вы можете сходить в гости?

Девушка нахмурилась, теребя краешек рукава.

– Нет, сэр. Кроме матушки, у меня не было родных. И в городе нас, Фьютереров, не очень-то жаловали. Вы сами знаете, люди предпочитают держаться в стороне от женщин, которые умеют

исцелять недуги. – В голосе Элис послышалась горечь. – К знахаркам вроде моей матери и бабушки люди приходят, лишь когда они больны. А избавившись от хворей, не слишком утруждают себя благодарностью. Как-то раз к моей бабушке явился судья Копингер. Он был тогда молод, и его мучили спазмы в кишках. Она вылечила его, однако после, встречаясь с ней на улицах, он ни разу не удосужился кивнуть ей. А после смерти моей матери он со спокойной совестью снес наш дом. Мне пришлось за бесценок распродать всю мебель, потому что негде было ее держать.

– Я вам очень сочувствую, Элис. Можете не сомневаться, подобному произволу землевладельцев вскоре придет конец.

– Так что мне не к кому и незачем ходить в Скарнси, – продолжала девушка. – Даже в дни отдыха я остаюсь здесь, пытаюсь читать медицинские книги брата Гая. Он помогает мне разобраться, что к чему.

– Ну, по крайней мере, один друг у вас есть.

– Да, брат Гай очень добрый человек, – кивнула Элис.

– Скажите, Элис, а вы слышали что-нибудь о девушке, которая работала в лазарете до вас? Если я не ошибаюсь, ее звали Орфан?

– Я слышала, что она сбежала, прихватив с собой церковные золотые чаши. Впрочем, я ее не обвиняю.

Я решил не сообщать Элис об опасениях госпожи Стамп; девушка и так пребывала в печальном настроении, и ни к чему было усугублять ее тревогу. Желание прижать Элис к груди и тем самым хоть на миг избавить нас обоих от гнетущего чувства одиночества овладело всем моим существом, однако усилием воли я подавил этот порыв.

– Вы ведь тоже можете покинуть монастырь, Элис, – неуверенно предположил я. Однажды вы ведь уже оставили материнский дом и отправились в Эшер работать у аптекаря, не так ли?

– О, если бы только я знала, куда уйти! После того, что произошло в этом монастыре за последние десять дней, мне совершенно не хочется здесь оставаться! Большинство монахов исполнены похоти и злобы, и в их обрядах нет ни капли истинной любви к Богу. И я все время вспоминаю бедного Саймона. Он о чем-то хотел предупредить меня, но забрал свою тайну с собой в могилу.

– Да, я тоже постоянно вспоминаю его странные слова, – кивнул я и нагнулся к Элис. – Уверен, вам не стоит здесь оставаться. Я могу

попытаться помочь вам, Элис. У меня есть связи и в Скарнси и в Лондоне.

Во взгляде девушки вспыхнула заинтересованность.

– Поверьте, я сознаю всю тяжесть вашего положения. Не сомневайтесь в искренности моего участия, Элис. Я вовсе не хочу, чтобы вы полагали, будто... – я запнулся, ощущая, как щеки мои залила краска, – будто я делаю вам одолжение. Но если вы согласны принять помощь от старого уродливого горбуна, я буду счастлив оказать ее вам.

Элис нахмурилась, а заинтересованное выражение, сверкнувшее в ее взгляде, стало более откровенным.

– Почему вы называете себя старым и уродливым, сэр?

– Мне скоро исполнится сорок, Элис, – пожал я плечами. – Так что у меня было время привыкнуть к тому, что все вокруг считают меня уродом.

– Но это не так, сэр, – с жаром возразила она. – Не далее как вчера брат Гай заметил, что ваше лицо являет собой редкое сочетание утонченности и печали.

– Надеюсь, брат Гай не разделяет порочных наклонностей брата Габриеля, – заметил я, иронически вскинув брови.

– Нет, что вы! Он совсем не такой! – воскликнула Элис с неожиданной горячностью. – Вам не следует оскорблять себя, сэр. В этом мире на долю каждого и без того приходится достаточно оскорблений.

– Да, вы правы, – пробормотал я с неловкой улыбкой.

Слова Элис подняли в душе моей целую бурю чувств, я был смущен и обрадован одновременно. Она не сводила с меня грустных понимающих глаз, и, не в силах совладать с собой, я протянул руку и коснулся ее руки. В следующее мгновение мы оба подскочили, потому что церковные колокола начали свой оглушительный бой. Рука моя упала на стол, и мы оба разразились нервным смехом. Тут дверь открылась и вошел Марк. При его появлении Элис встала и поспешно отошла к посудному шкафу; я догадался, она не хотела, чтобы Марк видел ее заплаканное лицо.

– Простите, сэр, что я ходил так долго.

Марк обращался ко мне, но глаза его были устремлены на Элис.

– Я зашел в уборную, а потом задержался в палате, где лежат больные. Брат Гай сейчас там. Старый монах, кажется, очень плох.

– Брат Франциск? – спросила Элис, быстро повернувшись к нему. – Простите меня, господа, я должна идти.

Она проворно проскользнула мимо нас. Деревянные подметки ее башмаков застучали по коридору. Марк проводил девушку озабоченным взглядом.

– Похоже, сэр, Элис плакала. Вы не знаете, что произошло?

– Всему виной одиночество, Марк, – вздохнул я. – Идем, эти несносные колокола призывают нас на заупокойную службу.

Проходя через палату, мы увидели Элис и брата Гая, стоявших у постели старого монаха. Слепой брат Эндрю по обыкновению сидел в своем кресле, покачивая головой из стороны в сторону. Заслышав наши шаги, лекарь поднял голову и сообщил:

– Он уходит от нас. Скоро смерть посетит нашу обитель еще раз.

– Пришло его время, – неожиданно подал голос слепой монах. – Бедный Франциск, почти сто лет он наблюдал, как мир неуклонно катится к своему концу. Он видел приход Антихриста, предсказанный в Священном Писании. Богомерзкий Лютер и его пособник Кромвель явились в этот мир, дабы погубить его.

Я понял, что слепец не догадывается о моем присутствии. Брат Гай сделал шаг в его сторону, но я протянул руку, преграждая ему путь.

– Нет, брат, давайте послушаем.

– А, здесь есть кто-то еще? Какой-то гость? – спросил монах, обращая ко мне свои затянутые тусклой пленкой глаза. – Вы знали брата Франциска, сэр?

– Нет, брат. Я прибыл в монастырь совсем недавно.

– Франциск был посвящен в духовный сан еще во времена войны между Ланкастером и Йорком. Трудно представить, правда? Он рассказывал мне, что знал одного старого монаха, который помнил еще пору до Великой Чумы. – По губам слепца скользнула легкая улыбка. – О, для монастыря Святого Доната то были дни процветания. В обители насчитывалось не менее сотни братьев. Знатные и образованные юноши стремились надеть сутану. А потом пришла чума. Тот старый монах рассказывал брату Франциску, что за неделю она забрала больше половины монахов. Пришлось даже перегородить

трапезную на двое, потому что уцелевшим тяжело было смотреть на опустевшие столы. Да, тогда бедствие поразило весь мир, заставив людей вспомнить о близости конца. – Монах покачал головой. – А сейчас мир погряз в разврате и тщеславии. Скоро Христос явится вновь, дабы судить всех нас.

– Успокойтесь, брат, – встревоженно прошептал брат Гай. – Прошу вас, успокойтесь.

Я бросил взгляд на Элис; она опустила глаза. Умиравший монах лежал неподвижно, изборожденное морщинами лицо его уже несло на себе печать неземного покоя.

– Идем, Марк, – тихо сказал я. – Нам пора.

Закутавшись в плащи, мы вышли во двор и направились к церкви. Ночь стояла морозная, но безветренная, снег сверкал в лунном сиянии. Высокие окна церкви были освещены мягким светом свечей.

Войдя в церковь, я заметил, что ночью она выглядит иначе, чем при дневном свете. Своды ее тонули в темноте, и она казалась подобием огромной пещеры. Слабые отблески играли на покрытых росписью стенах. Лишь два островка света – один около алтарной перегородки на хорах, другой в боковой часовне – притягивали к себе взор. Догадавшись, что Синглтон, как мирянин, находится в менее возвышенном месте, я устремился к часовне, увлекая за собой Марка.

Открытый гроб стоял на столе. Его окружало девять или десять монахов, каждый держал в руке зажженную свечу. Эти фигуры в длинных темных одеяниях, с печальными и сосредоточенными лицами, выхваченными из темноты колеблющимся светом свечей, представляли собой таинственное, почти пугающее зрелище. Приблизившись, я узнал брата Ателстана; он торопливо опустил голову. Брат Джуд и брат Хью подвинулись, давая нам место у гроба.

Голова Синглтона была приставлена к туловищу и удерживалась в должном положении благодаря деревянной подставке. Глаза и рот его были закрыты, и если бы не багровая полоса на шее, могло бы показаться, что смерть его явилась результатом естественных причин. Я наклонился, чтобы лучше рассмотреть покойного, и тут же поспешно поднял голову, ибо запах тления, исходивший от тела, пересиливал даже распространяемый монахами запах затхлости. Синглтон был мертв уже целую неделю и теперь, извлеченный из

склепа, стремительно разлагался. С важным видом кивнув монахам, я отошел от гроба на несколько шагов.

– Если хочешь, можешь остаться, а я иду спать, – шепотом сказал я Марку.

– Я тоже пойду, – ответил он. – Откровенно говоря, церемония не из приятных.

– Я хотел бы отдать последнюю дань Саймону Уэлплею. Но думаю, нас, мирян, не допустят к гробу послушника.

Марк кивнул, и мы двинулись к выходу. Из-за алтарной перегородки, где лежал усопший послушник, доносилось пение на латыни. Я узнал Псалом 94:

– Боже отмщений, Господи, Боже отмщений, яви Себя!

Несмотря на крайнюю усталость, я опять спал плохо. Спина моя мучительно ныла, и я лишь на короткое время впадал в тревожную дрему. Марк тоже спал беспокойно, беспрестанно стонал и бормотал. Лишь когда небо начало светлеть, я наконец забылся крепким сном, но уже через час меня разбудил Марк. Он был полностью одет.

– Господи Боже, – простонал я. – Что, уже пора вставать?

– Да, сэр, – ответил Марк. В тоне его по-прежнему ощущалась некая отчужденность.

Острая боль пронзила мою согбенную спину, когда я сел на кровати; я невольно поморщился.

– Что, сегодня утром ты не слышал никаких подозрительных звуков? – иронически осведомился я. Мне ничуть не хотелось подкусывать Марка, но непроницаемый вид, с которым он взял обыкновение говорить со мной, начинал меня раздражать.

– Честно говоря, всего несколько минут назад я слышал тот же самый звук, что и вчера, – холодно сказал Марк. – Сейчас он стих.

– Знаешь, я много думал над вчерашним рассказом брата Джерома. И вот что я тебе скажу. Мы не должны забывать, что имеем дело с безумцем. Скорее всего, сам он искренне верит в бредовые видения, о которых нам поведал. Именно поэтому слова его и звучат так убедительно.

Марк посмотрел мне прямо в глаза.

– Сэр, я далеко не уверен в том, что этот человек безумен. По моему, душа его поражена великой скорбью, но рассудок остается

ясным.

Возражения Марка расстроили меня; сам того не сознавая, я надеялся, что он убедит меня в справедливости моей догадки.

– Ну, так или иначе, все его рассказы не имеют ношения к смерти Синглтона, – резко сказал я. – Возможно, вчера он пытался отвлечь наше внимание и скрыть то, что ему известно. А сейчас нам надо спешить. Дела не ждут.

– Да, сэр.

Пока я одевался и брился, Марк направился в кухню чтобы позаботиться о завтраке. Приближаясь к кухне по коридору, я услышал оживленные голоса – его и Элис.

– Лекарь не должен поручать вам такую тяжелую работу, – заявил Марк.

– Ничего, от работы я становлюсь сильнее, – возразила Элис. Я даже не представлял, что голос ее может звучать столь жизнерадостно. – Я хочу, чтобы руки у меня были такими же сильными и крепкими, как у мужчины.

– Но леди это вовсе ни к чему, – возразил Марк.

Ощувив уже знакомый укол ревности, я вошел в кухню, заранее предупредив о своем появлении покашливанием. Марк, сияя улыбкой, сидел за столом, а Элис расставляла на полках каменные урны, которые и в самом деле выглядели весьма увесистыми.

– Доброе утро, Элис. Марк, будь добр, отнеси эти письма аббату. И скажи, что документы о продаже земельных владений я пока оставлю у себя.

– Хорошо, сэр.

Марк вышел, оставив меня наедине с Элис, которая подала на стол хлеб и сыр. Сегодня утром настроение у нее, судя по всему, было куда лучше, чем минувшим вечером. О нашем вчерашнем разговоре она, казалось, забыла и довольно безразлично осведомилась о моем самочувствии. Вчерашние ее слова наполнили мое сердце теплом, и теперь ее спокойная вежливость невольно вызвала у меня приступ разочарования; впрочем, я был рад, что вчера вовремя отдернул руку. Позволь я только чувству одержать верх над разумом, это повлекло бы за собой ненужные осложнения.

В кухню вошел брат Гай.

– Старому брату Августу нужен горшок, Элис, – сказал он.

– Сейчас, – кивнула девушка, поклонилась и вышла из кухни.

Колокола начали свой пронзительный перезвон, который эхом отдавался у меня в мозгу.

– Похороны эмиссара Синглтона начнутся через полчаса, – сообщил брат Гай.

– Брат Гай, – произнес я, охваченный внезапной стеснительностью, – могу я посоветоваться с вами по медицинскому вопросу?

– Разумеется. Рад буду оказать вам любую по мощь в пределах своих возможностей.

– Меня замучили боли в спине. После того как мы проделали длительный путь верхом, направляясь сюда, спина не дает мне покоя. Болит вот здесь, между лопаток.

– Вы не будете возражать, если я осмотрю вас?

Я глубоко вздохнул. Мысль о том, что посторонний человек будет разглядывать мое уродство, пугала меня; но постоянная боль переполнила чашу моего терпения, и я опасался, что в ближайшие дни мне станет еще хуже.

– Да, конечно, – кивнул я и принялся расстегивать камзол.

Брат Гай подошел ко мне, и я ощутил, как холодные пальцы прикасаются к моим напряженным мускулам. Лекарь что-то пробормотал себе под нос.

– Ну, что скажете? – спросил я, не в силах скрыть беспокойства.

– Ваши мускулы излишне напряжены, и это вызывает спазмы. Что касается вашего спинного хребта, помимо врожденного изъяна, я не вижу других повреждений. Вам надо больше отдыхать, и тогда боль пройдет.

Он отошел на несколько шагов и, пока я одевался, не сводил с меня пристального, изучающего взгляда.

– Спина часто причиняет вам боль? – спросил он.

– Бывает, – коротко ответил я. – Увы, против этого нет никаких средств.

– Вы до крайности утомлены. Усталость всегда усугубляет недуги.

– С тех пор как я приехал сюда, я ни одной ночи толком не спал, – пробурчал я. – Заботы и думы не дают мне покоя. Но тут уж ничего не поделаешь.

Лекарь не сводил с моего лица больших карих глаз.

– А раньше, до приезда в монастырь, вы чувство вали себя лучше?

– Видите ли, в моем организме имеется избыток черной желчи. В последние месяцы я ощущал ее дополнительный прилив. Боюсь, жизненные мои соки отнюдь не пребывают в равновесии.

– Я полагаю, рассудок ваш изнемогает под гнетом неблагоприятных впечатлений, полученных в последнее время, – изрек брат Гай.

Несколько мгновений мы оба молчали.

– Я не могу избавиться от чувства, что это я виноват в смерти этого несчастного юноши, Саймона, – признался я наконец.

У меня не было ни малейшего желания открывать душу перед братом Гаем, но лекарь, по всей видимости, обладал способностью вызывать человека на откровенность.

– Если кто и виноват в смерти Саймона, то это я, – печально возразил он. – Мальчик был отравлен, когда находился в лазарете, на моем попечении.

– Этот случай испугал вас? – спросил я.

– Мне нечего бояться, – покачал он головой. – Зачем кому бы то ни было причинять мне вред? Я все го лишь старый мавр. – Он немного помолчал и добавил: – Идемте со мной, сэр. Я приготовлю настой, который облегчит ваши страдания и избавит вас от бессонницы. Фенхель, хмель и еще несколько лекарственных трав.

– Благодарю вас.

Вслед за братом Гаем я прошел в его кабинет и уселся за стол; лекарь быстро отобрал из нескольких склянок и пакетиков необходимые травы и поставил воду на огонь. Взгляд мой упал на висевшее на стене распятие, и я сразу вспомнил, как брат Гай истово молился, распростершись ниц.

– Вы привезли это распятие из вашей родной страны, брат Гай?

– Да, оно сопровождало меня во всех моих скитаниях, – ответил он, осторожно высыпая в воду сушеные травы. – Когда настой будет готов, принимайте его понемногу. Если вы превысите дозу, вас целый день будет клонить в сон. Я очень признателен вам за то, что вы отнеслись ко мне с таким доверием, – произнес он после непродолжительного молчания.

– У меня нет оснований сомневаться в вашем врачебном искусстве, брат Гай, – заверил я и добавил: – Думаю, вчерашние мои слова вас

огорчили. Я имею в виду наш разговор о тщетности заупокойных молитв.

– Что ж, я понимаю, почему вы так сказали, – произнес лекарь, склонив голову. – Согласно вашим убеждениям, Господь равнодушен к форме, в которую облакаются наши молитвы.

– Я уверен в том, что, думая о спасении души, нам следует уповать лишь на милосердие Господа. А разве вы придерживаетесь иного мнения? Прошу вас, забудьте на несколько минут, что перед вами королевский посланник. Давайте поговорим свободно и откровенно, как два истинных христианина, неравнодушных к вопросам веры.

– Вы хотите, чтобы я без обиняков открыл вам свое мнение? Я верно вас понял?

– Да, совершенно верно. Господи Всемиловитый, как воняет это снадобье.

– Ему надо немного покипеть. – Брат Гай скрестил руки на груди. – Я прекрасно понимаю, почему в Англии назрела необходимость в обновлении церковной жизни. Церковь и в самом деле переживала не лучшие дни, она все дальше отходила от своего истинного предназначения. Но думаю, положение можно было исправить менее жестокими мерами. Испания показывает нам достойный подражания пример. Сегодня тысячи испанских монахов отправились в Америку, дабы обратить в Христову веру проживающих там дикарей. Этих отважных людей не страшат ни опасности, ни лишения.

– Мне трудно представить, чтобы английские монахи взялись за выполнение подобной миссии.

– Мне тоже. Но так или иначе, Испания доказала нам, что обновление католической веры возможно.

– И в награду получила от Папы инквизицию.

– Боюсь, то, что происходит сейчас в Англии, следует называть не реформой, а уничтожением.

– Пусть даже так. Но я не вижу большой беды в том, чтобы уничтожить власть Папы и искоренить в умах ложные представления о чистилище.

– Кстати, королевские догматы веры допускают существование чистилища.

– Лишь допускают, но не утверждают. Лично я уверен в том, что чистилище – это выдумка церковников. Повторяю, после того как мы

покидаем этот бранный мир, нам остается уповать лишь на милосердие Господа. Молитвы тех, кто остался на земле, не помогут спасению душ усопших.

– Но, сэр, как в таком случае человек может способствовать спасению собственной души?

– Путь лишь один – нерушимая вера.

– И благие дела?

– Для истинного христианина вера неотрывна от благих дел.

– Однако Мартин Лютер утверждает, что спасение души вообще не имеет отношения к вере. По его мнению, еще при рождении человека Господь предопределяет, будет ли его душа спасена или проклята. Подобное убеждение представляется мне несправедливым и жестоким.

– Да, именно так Лютер толкует учение святого Павла. Я полагаю подобное толкование неверным и уверен, со мной согласятся многие сторонники реформы.

– Но если позволить всем и каждому читать Библию и объяснять ее на свой лад, не приумножатся ли ложные толкования многократно? Не свергнемся ли мы в пучину Хаоса, подобно нечестивому Вавилону?

– Господь наставит нас на истинный путь.

Брат Гай встал и повернулся ко мне. Взгляд его темных глаз был исполнен грусти или, может быть, отчаяния. Я не мог понять, что происходит у него на душе, ибо брат Гай был не из тех людей, кого можно читать как открытую книгу.

– Значит, вы хотите изменить все установления церкви?

– Да, именно этого мы добиваемся, – кивнул я. – Скажите, брат, вы действительно верите, подобно старому брату Полу, что мир катится к своему концу и день Страшного Суда уже недалек?

– Это убеждение является основополагающим для христианской церкви.

– Но разве это возможно? – спросил я, подавшись вперед. – Неужели мир, созданный по воле Господа, будет уничтожен?

– В этом мире католическая церковь нередко оставалась единственным источником света, – заявил брат Гай, в волнении сцепив свои длинные пальцы. – Ее доктрины и обряды превращают разобщенных людей в человечество, которое следует по пути, указанному Христом. Церковь поможет каждому из нас ощутить свое единство со всеми христианами – живыми и мертвыми. Церковные

догматы побуждают человека творить добрые дела, ибо Христос знал – все мы нуждаемся в побуждении. Но согласно вашим убеждениям каждый человек должен искать спасения в одиночку в одиночку молиться и толковать Библию. Значит, человечеству придется забыть о единении и милосердии.

– Я вспомнил свое безрадостное детство, жирного пьяного монаха, заявившего, что я недостойн принять духовный сан.

– В юные мои годы церковь не проявила ко мне милосердия, – с горечью бросил я. – И тогда я стал искать Бога в собственном сердце.

– И нашли?

– Да. Однажды Он снизошел ко мне.

Печальная улыбка тронула губы монаха.

– Подумайте только, до недавней поры человек, скажем, из Гранады или же из любого другого отдаленного уголка Европы мог приехать в Англию, зайти в церковь и немедленно ощутить себя дома, услышать знакомые с детства слова латинской мессы. А после того как исчезнет эта великая связь, объединяющая страны, кто обуздает притязания земных властителей, кто положит конец вражде между государствами? А что станет с людьми, подобными мне, заброшенными волею судеб в чужую страну? Иногда, когда я прихожу в Скарнси, дети бегут за мной с криками и бросают в меня всякий хлам. Возможно, когда духовный сан не будет более защищать меня, в мою голову полетят камни.

– Вы весьма низкого мнения об Англии и ее жителях, – заметил я.

– Я просто пытаюсь трезво оценить состояние со временных умов и душ. И я вижу, к чему все идет. Вы, реформаторы, выступаете против чистилища, заупокойных служб, святых мощей – то есть всего того, без чего нет и не может быть монастырей. И недалек тот день, когда все монастыри исчезнут. Я отдаю себе в этом отчет.

– Но вам хотелось бы предотвратить подобное развитие событий? – спросил я, устремив на брата Гая пристальный взгляд.

– Это не в моих силах. Решение принято, и мне не изменить его. Но я боюсь, с исчезновением церкви, связующей нас воедино, на этой земле пошатнется и вера в Господа. И, увы, неизбежно настанет пора, когда люди будут поклоняться лишь золотому тельцу. И еще, конечно, государственной власти.

– А разве преданность своему государству и королю – не долг всякого истинного христианина?

Брат Гай снял с огня настой, прошептал короткую молитву и вылил темную жидкость в стеклянную бутылочку. Затем он вновь повернулся ко мне.

– К сожалению, преданность своему государству и своей нации нередко оборачивается ненавистью ко всем прочим государствам и нациям, – с горечью произнес он.

– Вы глубоко ошибаетесь, полагая, что мы, реформаторы, стремимся к разобщению наций. Наша цель – благоденствие всех христиан.

Я верю в искренность ваших намерений, но боюсь, цели, о которой вы говорите, не суждено осуществиться. Таково мое мнение как истинного христианина, равнодушного к вопросам веры.

Он вручил мне бутылочку вместе с мерной ложкой и добавил:

– Прошу, примите это.

Я попробовал настой и невольно сморщился, ибо вкус его оказался столь же отвратительным, как и запах. Гудение колоколов, сопровождавшее весь наш разговор, становилось все громче. Церковные часы пробили восемь.

– Пора идти, – сказал брат Гай. – Скоро начнется погребальная церемония.

Я опустил бутылочку в карман камзола и вслед за братом Гаем вышел в коридор. Глядя на его тонзуру, обрамленную густыми, черными как смоль волосами, я размышлял о том, что в одном он прав несомненно: после упразднения монастырей испанскому мавру будет нечего делать в Англии. Даже исходящий от него приятный запах кажется чужеродным на фоне распространяемого местными жителями зловония. Ему придется просить разрешения уехать за границу, дабы поступить в испанский или французский монастырь. И вполне вероятно, в подобном разрешении ему будет отказано, ведь эти страны ныне являются нашими врагами. Бесспорно, если монастырь в Скарнси прекратит свое существование, положение брата Гая будет более отчаянным, чем положение любого другого монаха.

ГЛАВА 18

Возглавляемая аббатом процессия монахов направлялась в церковь. Брат Гай, увидев их, поспешно покинул мое общество, чтобы присоединиться к своим братьям. Немного поодаль, пытаясь догнать остальных, быстрым шагом шли двое, в которых я узнал приора Мортимуса и брата Эдвига. Они пересекали монастырский двор со стороны дома казначея. Пока я наблюдал за ними, мне почему-то вспомнилось замечание Гудхэпса о том, что они управляли всеми делами в монастыре. Однако несмотря на общность взятой ими на себя ответственности, я, сколько ни тщился, не мог обнаружить между ними никаких признаков дружеской привязанности. Напротив, все говорило о ее отсутствии. Приор шел довольно быстрой походкой, вздымая ногами глубокий снег, а низкорослый казначей, чтобы поспеть за ним, почти бежал. Ко мне подошел Марк в сопровождении старика Гудхэпса. Поглядывая на серое небо, доктор взволнованным голосом произнес:

– Доброе утро, господин Шардлейк. Как по-вашему, будет сегодня снег? После службы мне хотелось бы сразу отправиться в путь.

– Единственное, что могу вам сказать, это то, что дорога в Скарнси вполне приличная. На этот счет можете не волноваться. А теперь нам пора. Боюсь, как бы нам не опоздать.

К тому времени как мы пришли в храм, монахи уже заняли свои места на хорах, о чем свидетельствовал доносившийся оттуда шорох вперемешку с легким покашливанием. Один гроб, в котором находилось тело Синглтона, был по-прежнему открыт и стоял на нескольких стульях с нашей стороны крестной перегородки. Другой располагался чуть дальше от нас, в нем покоилось окруженное горящими свечами тело Саймона Уэлплея. Рядом с гробом Синглтона, но не слишком близко к нему, ибо от него изрядно разило запахом разложения, нас поджидал аббат.

– Пока длится поминальная служба, можете посидеть возле покойного, – серьезным тоном произнес он, – а сразу по ее окончании начнете вынос тела. Вам поможет приор Мортимус. Если... –

Замявшись, он поглядел на мой горб. – Если, конечно, вы в состоянии принять на плечи такую ношу.

– Вполне, – отрезал я, в глубине души съежившись от одной только мысли, что мне придется это делать.

– А я не в состоянии, – протрубил Гудхэпс, – у меня больное плечо. Мне вообще не следовало бы неделю вставать с постели.

– Ладно, ладно, доктор Гудхэпс, – усталым тоном оборвал его аббат, – я подыщу кого-нибудь из монахов на место четвертого носильщика.

Тогда в первый и в последний раз я обменялся с аббатом сочувствующим взглядом поверх головы этого старца, после чего Фабиан кивнул и исчез за крестной перегородкой, а мы заняли свои места у гроба Синглтона. Гудхэпс, прокашлявшись, уткнулся в носовой платок.

Служба началась. Помнится, в то утро, пока я сидел у гроба смердящего мертвеца, меня захватила чарующая полифония звуков, и я почувствовал, что она оказывает на меня действие, которое было сродни колыбельной. Псалмы и положенные на музыку латинские тесты из книги Иова задели некую чувствительную струнку моей души.

«И ты говоришь: „что знает Бог? может ли Он судить сквозь мрак? Облака – завеса Его, так что Он не видит, а ходит только по небесному кругу“». ^[9]

«Здесь слишком густые облака, – подумал я. – В этом месте я по-прежнему пребываю словно во мраке». Пораженный этой внезапно открывшейся мне истиной, я невольно содрогнулся. «Этого не должно быть», – твердо приказал я себе, призвав былую решимость, которая с некоторых пор покинула меня. Вдруг меня кое-что осенило – то, чего я никогда прежде не брал в расчет, хотя давно следовало бы это сделать. Марк с доктором Гудхэпсом сидели напротив меня; старик все так же хлюпал носом в свой носовой платок, а мой молодой помощник в задумчивости глядел невидящим взором в пустоту.

– Послушай, – подтолкнув Марка локтем, шепотом сказал я. – Сегодня утром Элис была в лазарете?

Он перевел свой взгляд на меня.

– Думаю, что да.

– Отлично. – Обернувшись к Гудхэпсу, я добавил: – Мне бы хотелось прежде, чем вы отправитесь в путь, вместе с вами туда наведаться.

Я снова углубился в службу. Постепенно песнопения становились тише и тише, пока совсем не растворились в тишине. Монахи толпой повалили из-за крестной перегородки, а служащий при церкви работник поспешил к нам, чтобы закрыть крышкой гроб Синглтона. В последний раз я взглянул на мрачное лицо покойника, и в этот миг в моей памяти пронеслись мимолетные картины прошлого. Я вспомнил, как некогда этот человек произносил пламенные речи в суде, как бурно жестикулировал и с какой страстью предавался спорам. Но вскоре крышка гроба опустилась и его лицо погрузилось в вечный мрак. К нам подошли приор и крепкого телосложения монах средних лет, и вместе с ними мы подняли на плечи гроб. Однако едва мы это сделали, как внутри его что-то упало. Обескураженный этим звуком Марк уставился на меня недоумевающим взглядом.

– Это голова, – шепнул ему я. – Она соскользнула с опоры.

Мы стали выносить гроб из церкви, с ужасом сознавая, что внутри его вместе с куском деревяшки болтается голова. Вслед за нами двинулась длинная процессия монахов. По дороге я заметил, что Габриель, склонившись над гробом Уэлплея, страстно предается молитве. Он посмотрел на нас невидящим взглядом, в котором я прочел крайнее отчаяние.

Когда раздался поминальный звон колоколов, мы прокладывали путь по глубокому снегу в сторону мирского кладбища. Вырытая накануне могила издали выделялась темным пятном на окружающем белоснежном ландшафте. Посмотрев на идущего подле меня приора Мортимуса, я обнаружил на его суровом лице выражение не свойственной ему прежде глубокой задумчивости.

Рядом с могилой нас поджидали работники с лопатами. Они приняли у нас гроб и опустили на дно ямы. Тихо падавший снег припорошивал бурую землю. После того как были произнесены прощальные молитвы, гроб окроплен святой водой и покрыт несколькими горстками земли, процессия монахов поспешно устремилась обратно в церковь. Едва я собрался последовать за ними, ко мне подошел приор.

– Они не могут долго стоять на холоде, – сказал он. – Вот если бы им довелось нести караул, как некогда мне в холодную зимнюю пору... Он покачал головой.

– В самом деле? – заинтересовался я. – Вы бы ли солдатом?

– Неужели я произвожу на вас впечатление такого грубого мужика? Нет, господин Шардлейк. В свое время я служил констеблем в Тонбридже. Помогал шерифу арестовывать нарушителей порядка. Зимними ночами мы искали воров. А днем я служил воспитателем в школе. Вижу, вас удивляет моя биография. В особенности то, что я когда-то учительствовал.

– Немного, – склонив голову набок, ответил я. – Но только потому, что вы взрастили в себе грубые манеры.

– Я их не возвращивал. А с ними родился, – криво ухмыльнулся он. – Дело в том, что я родом из Шотландии. Нам всегда недоставало вашей английской обходительности и уравновешенности. Потому что все давалось ценой больших усилий. Если бы мы жили, мирно сложив руки, мы бы ничего не добились. Нам все приходилось завоевывать. Я вырос в одной пограничной деревушке. И с молоком матери впитал, что жизнь – это бесконечная борьба. Поверьте, в этом нет никакого преувеличения. Наши лорды беспрестанно сражались друг с другом, а также с вами, англичанами. И этому противостоянию по сей день не видать ни конца ни края.

– Что же заставило вас перебраться в Англию?

– Моих родителей убили, когда я был еще ребенком. А нашу ферму разорили. Нет, не англичане, а шотландские лорды.

– Мне очень жаль.

– Тогда я учился в школе при аббатстве в Келсо. Я хотел уехать далеко-далеко, и мне выпал счастливый жребий. Мои наставники, заплатив немалые деньги, отправили меня на обучение в английскую школу. Всем, что я имею на сегодняшний день, я обязан Церкви. – Впервые за все время его насмешливые глаза обрели серьезность. – Религиозные законы стоят на страже мира. Они отделяют его от кровавого хаоса.

«Еще один иноплеменник, – подумал я, – еще один член сообщества чужестранцев брата Гая».

– Что же заставило вас принять духовный сан?

– Я устал от мира, сэр. Устал от людей. Дети вечно упрямятся и сбегают с уроков до тех пор, пока их хорошенько не выпорешь. Преступники, которых я помогал ловить, глупые и алчные люди. За одним повешенным преступником уже ждет своей очереди дюжина других. Нет, люди воистину падшие создания, чуждые всякому милосердию. Удержать их в узде так же трудно, как свору собак. В монастыре, по крайней мере, можно поддерживать Божью дисциплину.

– Выходит, так вы представляете себе свое земное предназначение? Следить за тем, чтобы люди соблюдали дисциплину?

– А разве вы занимаетесь не тем же самым? Разве не испытываете ненависти к убийце этого человека? И не за тем ли вы прибыли сюда, чтобы найти его и заставить понести наказание?

– Вы хотите сказать, что убийство эмиссара короля повергло вас в состояние гнева?

Он остановился и повернулся ко мне лицом.

– Видите ли, это беззаконие являет собой еще один шаг к хаосу. Знаю, вы считаете меня человеком чересчур жестких правил. Тем не менее дьявол простирает свои руки весьма далеко. Его искушениям подвергаются даже те, кто, вроде меня, принадлежит Церкви. Поэтому таких людей тоже необходимо призывать к порядку. Подобно тому, как это происходит в миру, где его стражем выступает закон короля.

– А если между законами короля и Церкви возникают противоречия, как это произошло в недавние годы? – осведомился я. – Что тогда надлежит делать вам?

– Тогда, господин Шардлейк, мне надлежит молиться за то, чтобы было найдено такое решение, какое позволило бы королю и церкви снова жить в гармонии друг с другом, поскольку их противоборство лишь привлекает к себе дьявола.

– Тогда пусть Церковь не противится воле короля. Прошу прощения, но мне надо вернуться в лазарет. Я оставлю вас здесь. Вам, насколько я понимаю, предстоит еще одна поминальная служба. Возвращайтесь в церковь. И помолитесь ныне за упокой души бедного послушника Уэлплея, – многозначительно добавил я.

Поймав мой взгляд, он ответил:

– Я буду молиться, чтобы этот парень, несмотря на все свои грехи, в должное время был призван Господом на небеса.

Развернувшись, я с трудом отыскал глазами сквозь завесу снегопада старика Гудхэпса, который к этому времени уже порядком удалился от меня. Он шел вместе с Марком, который поддерживал его под руку. Не собрался ли он, часом, прямо сейчас совершить побег в город?

В лазарете Элис, как и прежде, ухаживала за старым умирающим монахом. Он в очередной раз пришел в себя, и девушка аккуратно кормила его из ложки жидкой овсяной кашей. В этой новой для нее роли сестры милосердия Элис проявляла неизвестную мне доселе мягкость и доброту души. Попросив ее проводить нас на небольшую кухню, я оставил там своих спутников, а сам пошел за книгой, которую мне накануне передал казначей. Когда я вернулся, все глядели на меня с нескрываемым любопытством.

– Как следует из показаний казначея, эта книга попала в руки Синглтона накануне его смерти. Ныне хочу попросить вас, доктор Гудхэпс, и вас, Элис Фьютерер, чтобы вы оба взглянули на нее и сказали, не видели ли вы ее когда-нибудь прежде. Прошу обратить внимание на большое пятно от красного вина на обложке. В церкви меня неожиданно посетила догадка что тот, кто видел эту книгу, не мог бы не запомнить столь яркого отличительного знака.

Гудхэпс взял расчетную книгу и повертел в руках.

– Помнится, господин Синглтон читал какую-то книгу в синем переплете. Весьма может быть, что именно эту. Однако точно сказать не могу. Извините. Просто не помню.

– Позвольте мне. – Элис наклонилась и взяла у него из рук книгу. Потом принялась тщательно разглядывать обложку. Она вертела и рассматривала ее со всех сторон, после чего решительно заявила: – Это не та книга.

Мое сердце сильно забилося.

– Вы уверены?

– Книга, которую брат Эдвиг передал господину эmissару, не имела никаких пятен. Иначе я бы непременно обратила внимание на эту особенность. И вообще, казначей помешан на чистоте и аккуратности.

– Вы могли бы поклясться в том, что только что сказали, перед законным судом?

– Да, сэр, – подтвердила она.

– Тогда я могу с определенной долей уверенности признать, что казначей дал мне ложные показания, – кивнул я. – Хорошо, Элис. Еще раз вас благодарю. Прощу всех сохранять наш разговор в тайне.

– Какая разница, тайна или нет. Скоро моей ноги тут вообще не будет, – недовольно пробубнил Гудхэпс.

Я посмотрел в окно. Снегопад прекратился.

– Да, доктор Гудхэпс, полагаю, вам пора отправляться в путь. Марк, не проводишь ли ты доктора в город?

Лицо пожилого человека неожиданно просветлело.

– Благодарю вас, сэр. До чего же хорошо, когда есть на кого опереться! Мои пожитки находятся в доме аббата. А лошадь пусть останется здесь. Хорошо было бы, чтобы ее как-нибудь переправили в Лондон, когда позволит погода...

– Да, да, конечно. Будь добр, Марк, постарайся побыстрее вернуться. У нас с тобой очень много дел.

Он помог старцу подняться на ноги.

– Спасибо, сэр, – произнес Гудхэпс. – Желаю вам остаться целым в этом небезопасном месте.

С этим добрым пожеланием он нас покинул.

Весьма довольный поворотом дел, я вернулся в свою комнату и спрятал книгу под подушкой. Наконец дело сдвинулось с мертвой точки. Мне не терпелось исследовать церковь, а вслед за ней – пруд. Интересно, сколько времени потребуется Марку, чтобы проводить старика до города и вернуться обратно? Без Гудхэпса он затратил бы на дорогу чуть более часа, а вместе с ним... С одной стороны, я упрекал себя за мягкотелость, но с другой – у меня замирало сердце, стоило мне представить беднягу, в гордом одиночестве ковыляющего по сугробам под тяжестью своей поклажи.

Пользуясь отсутствием Марка, я решил проведать лошадей, которых не выводили на двор в течение нескольких дней, и отправился в сторону конюшни. Подметавший пол конюх заверил меня, что за нашими конями хорошо ухаживают и что они ни в чем не нуждаются. В самом деле, и мой Канцлер и Красноногий Марка выглядели на удивление хорошо. После многодневной разлуки они оба были весьма рады меня видеть. Я подошел к Канцлеру и погладил его по продолговатой белой голове.

– Соскучился по свежему воздуху, старина? – мягко спросил его я. – Поверь мне, уж лучше немного потосковать здесь, чем разгуливать там, за этими стенами на свободе. На свете есть вещи гораздо более ужасные, чем заточение в стойле.

Проходящий мимо конюх бросил на меня странный взгляд, будто решил, что я слегка ненормальный.

– А вы разве не разговариваете со своими лошадьми? – осведомился я.

Тот в ответ лишь промычал что-то нечленораздельное и принялся снова подметать пол.

Попрощавшись с конями, я неторопливо направился в лазарет. По дороге я заметил, что посреди внутреннего двора монахи расчистили от снега небольшой участок земли и начертили на нем квадраты разных размеров. Полдюжины братьев играли в игру, которая заключалась в том, что сначала бросают кости, а потом по результатам броска совершают замысловатые ходы. Опершись на свою лопату, за ними наблюдал Багги. Увидев меня, монахи остановились и расступились в сторону, но я жестом велел им продолжать, не обращая на меня внимания. Об этой забаве, которой увлекались во всех монастырях бенедиктинского ордена, я знал со времен Личфилда. Она представляла собой сочетание детских классиков с игральными костями.

Пока я следил за игроками, появился брат Септимус, тот самый толстый, глуповатого вида монах, которого брат Гай все время попрекал за обжорство. Он тяжело пыхтел, пробираясь по глубокому снегу.

– Иди сюда, Септимус, – окликнул его кто-то из братии, и все остальные, как по команде, прыснули со смеху.

– Нет, нет, не могу. Боюсь упасть.

– Иди, не бойся. Мы играем по упрощенным правилам. Здесь нечего бояться. Даже таким, как ты.

– Ох нет, нет.

Тогда один из монахов схватил Септимуса за руку и, невзирая на протесты, вытащил его на середину очищенной от снега площадки, а сам тотчас отошел в сторону. Остальные, в том числе Багги, в ожидании предстоящего представления расплылись в довольной

улыбке. Все случилось в мгновение ока. Септимус поскользнулся на льду и с ревом упал на спину, что привело к взрыву всеобщего хохота.

– Помогите мне, помогите! – орал бедняга.

– Смотрите, он похож на мокрицу! Эй, мокрица, давай поднимайся!

– Давайте забросаем его снежками! – крикнул кто-то. – Надо же помочь ему встать на ноги!

Монахи тотчас ухватились за это жестокое предложение и принялись обстреливать Септимуса снежками. Из-за своей неуклюжести и тучности он оказался совершенно беспомощен. Он кричал и извивался, пытаясь увернуться от обрушившегося на него белого града. Глядя на него, я невольно отметил, что бедолага походит на выброшенную морем на берег черепаху.

– Хватит! – изо всех сил призывал он монахов к милосердию. – Братья, умоляю вас, уймись!

Но те продолжали обрушивать на него шквал снежков и насмешек. Надо сказать, что сцена, свидетелем которой мне довелось стать, отнюдь не была такой безобидной, как та, что произошла прошлым вечером. Я собрался было вмешаться и положить конец затянувшейся шутке, но не успел этого сделать, как позади меня раздался чей-то громкий голос:

– А ну-ка, сейчас же прекратите!

При виде внушительной фигуры брата Габриеля монахи тотчас бросили на землю свои снежки.

– И это, по-вашему, называется христианским братством? – гневно набросился он на них. – Неужели вам не стыдно? Сейчас же помогите ему встать, слышите?

Двое молодых монахов бросились к Септимусу, который, тяжело пыхтя, пытался подняться на ноги.

– В церковь! Всем сейчас же идти в церковь! Заутреня начнется через десять минут.

Увидев меня, ризничий вздрогнул, а когда монахи разошлись, подошел ко мне и сказал:

– Прошу прощения, сэр. Подчас монахи превращаются в проказливых школяров.

– В этом я уже убедился, – заметил я, вспомнив о разговоре с братом Гаем. – То, что мне довелось лицезреть, христианским братством не назовешь.

Ныне брат Габриель предстал передо мной совсем в ином облике, и я понял, что он не просто священнослужитель, а человек немалого авторитета и огромной нравственной силы. Пока я на него глядел, гнев на его лице сменился горечью и грустью.

– Такое впечатление, словно в этом мире люди только и ищут жертв и козлов отпущения. Особенно ярко это проявляется в тяжелые времена, когда в обществе обостряется напряжение. Как я вам уже однажды говорил, сэр, монахи, подобно мирянам, вовсе не защищены от происков дьявола.

С этими словами он поклонился и последовал за братьями в церковь.

Я же продолжил свой путь к лазарету и, миновав зал, направился в сторону внутреннего коридора. От голода у меня урчало в животе, и я заглянул на кухню, чтобы взять с тарелки яблоко. Мое внимание внезапно привлекло большое красное пятно за окном. Я подошел ближе, и в следующий миг меня обуял столь сильный ужас, что мне с трудом удалось удержаться на ногах.

В саду ничком лежала Элис, а рядом с ней валялся разбитый горшок. Она лежала в луже крови, которая все еще продолжала струйками растекаться по снегу.

ГЛАВА 19

Я вскрикнул и тут же заткнул себе рот кулаком. Саймон Уэлплей погиб из-за того, что хотел мне что-то сообщить. А теперь Элис! Я бросился к ней со всех ног, моля Бога о чуде, несмотря на то что никогда не питал к чудесам никакого доверия. Однако в то мгновение я был готов многое отдать за то, чтобы мои наихудшие предположения оказались ложью.

Девушка лежала рядом с дорожкой лицом вниз. Лужа крови была очень большой, и в какой-то жуткий миг у меня мелькнула мысль, что у нее, как у Синглтона, отрублена голова. С трудом заставив себя подойти ближе, я с некоторым облегчением обнаружил, что все части тела у нее целы. Перешагнув через осколки горшка, я опустился рядом с девушкой на колени и, немного поколебавшись, нащупал у нее на шее пульс. Когда я услышал его ровный и сильный ритм, то чуть было не вскрикнул от радости. От моего прикосновения девушка слегка вздрогнула и тихо застонала. Потом раскрыла глаза, которые на ее запачканном кровью лице показались мне голубее прежнего.

– Элис! О, слава Богу, вы живы! Господь сотворил чудо!

Я потянулся вперед и порывисто ее обнял, буквально задыхаясь от радости при ощущении тепла живого человеческого тела и биения сердца. Моего ликования не омрачил даже тошнотворный запах крови, ударивший мне в нос.

Ее руки уперлись мне в грудь.

– Сэр, что это вы...

Я отпустил ее, и она попыталась приподняться.

– Прошу прощения, Элис, – произнес я в некотором замешательстве. – Когда я увидел, что вы живы, то так обрадовался, что не мог сдержаться. У меня как будто камень с души упал. Я думал, что вы умерли. Однако лежите спокойно. По всей очевидности, вы сильно разбились. Скажите, в каком месте вы поранились?

Посмотрев на свою окровавленную одежду, она на мгновение задержала на ней недоуменный взгляд, потом схватилась рукой за голову. В следующее мгновение лицо ее внезапно просияло, и, к моему изумлению, она залилась смехом.

– Сэр, я вовсе не поранилась, а всего лишь ушиблась. Дело в том, что я поскользнулась на снегу и упала.

– Но...

– Я несла в кувшине кровь. Помните, ту самую, которую мы забирали у монахов. Это не моя кровь.

– О! – воскликнул я и прислонился к стене, ощутив головокружение от радости.

– Мы собирались разлить ее по саду. Нам пришлось довольно долго держать ее в тепле, потому что брат Гай велел подождать, пока сойдет снег. А сегодня я решила отнести ее в кладовую.

– Да, да, понимаю. – Я тоже рассмеялся, но смех вышел несколько нервный. – Надо же, какой вышел конфуз! Я сам себя ввел в заблуждение! – Я взглянул на свой запачканный кровью камзол. – Да к тому же испортил свою одежду.

– Она отстирается, сэр.

– Прощу меня простить за то, что... я на вас так набросился. Уверяю вас, я не имел в виду ничего дурного.

– Понимаю, сэр. – Было видно, что она тоже ощущает некоторую неловкость. – Мне очень жаль, что так вышло, что я вас так напугала. Раньше со мной ничего подобного не случалось. Дело в том, что вода на дорожках замерзла, а лед припорошило снегом. Так или иначе, я весьма благодарна вам за участие.

Она с благодарностью кивнула мне.

Заметив, как при этих словах ее слегка передернуло, я ощутил укол разочарования: до чего же неприятны, должно быть, оказались для Элис мои объятия.

– Давайте пройдем в дом, – произнес я. – После ушиба вам нужно немного полежать. Как ваша голова? Не кружится?

– Нет, все в порядке. – Она даже не воспользовалась протянутой мною рукой. – Думаю, нам обоим следует переодеться.

Она встала, стряхнула с себя окровавленный снег, и я проводил ее в дом. Войдя в лазарет, Элис направилась на кухню, а я – в свою комнату, где сменил одежду на ту, которую в качестве сменного набора прихватил с собой, а окровавленную бросил на пол. Потом сел на кровать и стал ждать возвращения Марка. Я мог бы пойти к Элис и попросить ее, чтобы она отнесла мою одежду в прачечную, но мне не

хотелось этого делать. После того, что случилось, я не мог преодолеть охватившего меня смущения.

Казалось, в таком положении я просидел довольно долго. Раздался очередной звон колоколов, возвестивший, что похороны Саймона Уэлплея подошли к концу и его тело предано земле. Я проклинал себя за то, что послал Марка провожать Гудхэпса в город.

Поначалу я собрался было сам направиться к рыбному пруду. Но потом переменял решение, руководствуясь некоторыми соображениями относительно брата Эдвига.

Наконец за стенкой послышались чьи-то приглушенные голоса. Насторожившись, я открыл дверь и, прислушавшись, определил, что они доносятся из кухни и, судя по всему, принадлежат Марку и Элис. Я обрадовался и направился по коридору к ним.

Платье Элис лежало на стиральной доске, и все говорило о том, что она только что занималась стиркой. Облаченная в одну нижнюю сорочку, девушка стояла в обнимку с Марком. Надо сказать, их лица не выражали ни единого намека на улыбку, ничего такого, что могло быть свидетельством чего-то низменного или плотского. Напротив, прильнув к шее Марка, Элис была исполнена печали. Он тоже выглядел серьезным, будто хотел своими объятиями поддержать ее и успокоить. Увидев меня, они так перепугались, что точно ошпаренные отскочили в разные стороны. Заметив, как под тканью сорочки колыхнулись упругие девичьи груди и обозначились розовые бутончики сосков, я невольно отвел глаза в сторону.

– Марк Поэр, – резко произнес я. – Я, кажется, просил тебя поторопиться. Нас с тобой ждет работа.

Он залился краской.

– Прошу прощения, сэр, я...

– Послушайте, Элис. Вы не находите свой нынешний вид несколько нескромным?

– Сэр, другого платья у меня нет, – с вызовом ответила она. – И это единственное место, где я могу его выстирать.

– В таком случае вам надлежало, по крайней мере, запереть дверь на замок. Дабы сюда никто не вошел. И не увидел вас в таком виде. Идем, Марк.

Кивнув в сторону двери, я жестом велел ему следовать за мной.

Когда мы вошли в комнату, я обернулся к нему и сказал:

– Кажется, я просил тебя не тратить попусту свое драгоценное время. Тем не менее ты моим советам не внял. К тому же ваше с Элис общение зашло даже дальше, чем я мог себе вообразить.

– Смею вам заметить, сэр, что за последние несколько дней мы с вами уже обсудили все, что можно, – парировал он. – Знаю, вы не одобряете моего поведения. Однако сердцу не прикажешь.

– Как и в случае с той королевской фрейлиной? Хочешь, чтобы все кончилось точно так же?

– Это совсем другое, – взорвался он от негодования. – К госпоже Фьютерер я питаю самые благородные чувства. Ничего подобного я прежде никогда не испытывал. Можете надо мной смеяться, но это правда. Между нами ничего такого не было. Ничего, кроме того, что вы видели. Мы только обнимались и целовались. Она была так расстроена после того, как упала и пролила кровь.

– Госпожа Фьютерер? Да ты, видать, совсем рехнулся. Никакая Элис не госпожа. Она самая обыкновенная прислуга.

– Тем не менее данное обстоятельство ничуть не помешало вам обнять ее, когда она упала в снег. Я давно заметил, как вы на нее смотрите, сэр. Значит, вы к ней тоже равнодушны! – Он шагнул ко мне, его лицо было перекошено от гнева. – Вы ревнуете!

– О, ради Бога! – вскричал я. – Кажется, я проявлял к тебе излишнюю мягкость. Стоило бы сейчас вышвырнуть тебя отсюда вон, отправить обратно в Личфилд. Ныне тебе самое время поискать там себе место пахаря.

Он ничего не ответил. Я попытался взять себя в руки и успокоиться.

– Выходит, ты считаешь меня безнадежным уродом, – спустя некоторое время продолжил я. – Уродом, который не способен испытывать ничего, кроме ревности. Да, я согласен, Элис – хорошая девушка. Но нас с тобой ждет серьезное дело. Что подумает о тебе лорд Кромвель, если до него дойдут слухи о том, что ты волочился за прислугой?

– Как говорится, на нем свет клином не сошелся, – пробубнил он в ответ.

– Неужели? И ты способен сказать это ему в лицо? Послушай, а что ты собираешься делать дальше? Увезешь Элис с собой в Лондон? Но ты же утверждал, что в Палату больше возвращаться не собираешься.

Неужто положение прислуги – предел твоих желаний? Все, что ты мечтаешь заполучить от жизни?

– Нет, – поколебавшись, ответил он и уставился в пол.

– Тогда о чем же ты думаешь?

– Думаю, может, вы позволите мне стать вашим помощником, сэр. Я мог бы пригодиться вам в работе. Вы же не раз говорили, что я неплохо справляюсь со своими обязанностями.

– Хочешь стать клерком? – недоверчивым тоном переспросил я. – Помощником в судебных делах? Выходит, это все, чего ты хочешь от жизни?

– Знаю, сейчас чего-то просить – не самое подходящее время, – насупившись, произнес он.

– О Боже праведный! Да для подобных просьб вообще не бывает подходящего времени. Ты же позоришь меня перед своим отцом. А заодно и себя. Позоришь тем, что не испытываешь никакого желания продвигаться по службе. Нет, Марк, в качестве мелкого чиновника ты мне вовсе не нужен.

– Для человека, который печется о благосостоянии бедных и христианского сообщества вообще, – заговорил он с внезапной горячностью, – у вас слишком низкое мнение о простых людях.

– В обществе должно существовать разделение. Все люди не могут принадлежать к одному сословию. В противном случае Богу не понадобились бы священники.

– Пожалуй, в этом вопросе вы сошлись бы во мнениях с господином аббатом. Равно как и с судьей Копингером.

– О Господи Иисусе! Это уже переходит всякие границы! – заорал я.

Марк посмотрел на меня с вызовом, пытаясь скрыть свой гнев за бесстрастной маской. Я погрозил ему пальцем.

– Послушай меня. Я вошел в некоторое доверие к брату Гаю. И он рассказал мне, что произошло с Саймоном Уэлпеем. Как по-твоему, стал бы он помогать мне, если бы увидел сцену, которая только что произошла на кухне у меня на глазах? При том, что эта девушка находится под его покровительством? Ну, что скажешь?

Марк по-прежнему хранил молчание.

– Отныне ты должен раз и навсегда прекратить ухаживать за Элис. Понятно? Оставь ее в покое. И очень тебе советую обстоятельней

поразмыслить о своем будущем.

– Хорошо, сэр, – холодно пробормотал он.

Я глядел на его ничего не выражавшее лицо, и меня подмывало отвесить ему хорошую пощечину.

– Бери плащ. Мы идем исследовать пруд. На обратном пути осмотрим окрестности часовен.

– Это все равно что искать иголку в стоге сена, – недовольно проворчал Марк. – Эти вещи можно спрятать где угодно.

– Это займет около часа. Пошли. Тебе не помешает немного охладиться. Поэтому советую подготовиться к общению с ледяной водой, – не без злорадства добавил я. – Это тебе не объятия молодой девицы.

По дороге к пруду мы хранили гордое молчание. Искося поглядывая на своего молодого спутника, я едва сдерживал гнев – не только на его безрассудство и дерзость, но также и на себя самого, ибо все, что он говорил о моей ревности, было истинной правдой. Сначала Джером, теперь Элис. Как только этому упрямому, потакающему своим желаниям мальчишке удавалось внушить мне, что я не прав?

Когда мы проходили мимо храма, монахи вновь устремились в него двойной шеренгой. Очевидно, после того как тело Саймона было предано земле на монастырском кладбище, они намеревались провести вторую службу за упокой его души, хотя в случае с Синглтоном ограничились только отпеванием. С горечью я отметил про себя, что Саймон был бы рад обладать и десятой долей тех способностей и возможностей, которыми Бог так щедро одарил Марка. Когда последний монах зашел в церковь, дверь за ним с грохотом затворилась, и мы с Марком направились в сторону мирского кладбища.

Внезапно мой спутник остановился.

– Смотрите, – воскликнул он. – Вы не находите это странным?

Он указал на могилу Синглтона, которая чернела посреди белого безмолвия. Это действительно было странно: сразу после похорон на землю обрушился обильный снегопад, покрыв все вокруг белым покрывалом.

Подойдя ближе, мы не без отвращения обнаружили, что вся могила полита какой-то омерзительной вязкой жидкостью. Она поблескивала

в холодных лучах солнечного света. Наклонившись, я коснулся земли пальцем, после чего поднес его к носу и презрительно фыркнул.

– Мыло! Не иначе как кто-то полил могилу мылом. Чтобы на ней не росла трава. Это мыло растопило снег.

– Но зачем?

– Разве ты никогда не читал о том, что на могилах грешников не растет трава? Когда я был еще мальчишкой, то слышал, как одну женщину за детоубийство предали смертной казни через повешение. После этого родственники ее мужа тайком прокрались к ее могиле и полили ее мылом, чтобы на ней ничего не могло вырасти. Это была месть.

– Кто бы мог это сделать?

– Откуда мне знать? – возмутился я. – О Господи! Придется попросить аббата Фабиана, чтобы он прислал сюда своих работников. Пусть велит им очистить могилу под моим наблюдением. Хотя нет. Лучше под твоим. Это будет для них унижительнее.

Разъяренный случившимся, я развернулся и направился к пруду.

Миновав кладбище, мы прошли через сад, который ныне на добрый фут скрылся под снегом. Впереди заблестел ручей, а за ним и покрытый коркой льда округлый пяточок рыбного пруда.

Я пробрался через схваченные морозом кусты. Лед на пруду стал толще и крепче прежнего, а у самого берега был припорошен снегом. Когда же я наклонился и, сильно прищурившись, взгляделся в глубину, то увидел, что посреди пруда что-то слегка поблескивает на солнце.

– Марк, посмотри вон на ту грудку камней. Ту, что подпирает стену. Пойди и принеси сюда один из них. Попробуем пробить им лед.

Он тяжело вздохнул, но, встретив мой строгий взгляд, молча повиновался. Когда Марк притащил огромный кусок известняка, я отступил в сторону. Марк занес камень высоко над головой, собираясь долбануть им по льду. Раздался оглушительный грохот, из которого явствовало, что удар получился удачным, о чем также свидетельствовали полетевшие брызги вперемешку с кусками льда. Я невольно вздрогнул. Подождав, пока волнение на воде уляжется я осторожно приблизился к проруби и, опустившись на четвереньки, заглянул вниз. Перепуганная рыба носилась туда-сюда, как сумасшедшая.

– Посмотри сюда. Видишь? Блестит что-то желтое.

– Пожалуй, вы правы, – согласился Марк. – Там что-то есть. Может, мне попытаться выудить это какой-нибудь палкой? Например, вашей тростью? Если вы будете держать меня за одну руку, то другой, возможно, мне удастся дотянуться до цели. Я покачал головой.

– Нет. Я хочу, чтобы ты залез туда. – Услышав мое приказание, Марк совершенно сник.

– Но ведь вода ледяная, – робко попытался воспротивиться он.

– Видишь ли, убийца Синглтона мог бросить туда свою окровавленную одежду. Поэтому давай-ка не будем упрямы. Тебе нечего бояться. Глубина здесь не больше двух-трех футов, так что никакой угрозы для жизни нет.

Какое-то мгновение я был уверен, что он откажется. Однако я ошибся. Сжав губы, Марк принялся раздеваться – сначала плащ, потом боты и наконец туфли. Такие красивые кожаные туфли окунать в воду было крайне нежелательно. Дрожа от холода, он слегка замешкался на краю проруби. Я увидел, что его крепкие ноги почти так же белы, как снег. Потом он сделал глубокий вдох и прыгнул в воду. Она оказалась столь холодной, что Марк не удержался от вскрика.

Я полагал, что глубина пруда на месте проруби будет ему до бедер. Однако не успел Марк сделать и двух шагов, как с воплем провалился по самую грудь. Одновременно с этим на поверхность всплыли пузырьки какого-то газа, источая столь отвратительное зловоние, что я невольно отпрянул назад. Пока омерзительный запах не рассеялся, Марк продолжал стоять, не двигаясь.

– Здесь какая-то грязь, фу-у... – с трудом вымолвил он.

– Да, – сказал я. – Разумеется. Не иначе как это ил. Он заносится сюда речкой, после чего оседает на дне. Можешь ли ты что-нибудь там разглядеть? Можешь достать до дна?

Он метнул в меня испепеляющий взгляд и со стоном наклонился. Его рука исчезла под водой.

– Да, – пошарив по дну, заключил он. – Здесь что-то есть. Что-то острое.

Его рука вновь показалась над поверхностью, в ней был зажат большой меч с золотой рукояткой. Когда Марк швырнул находку на берег, мое сердце сильно заколотилось.

– Отлично! – выдохнул я. – А больше там ничего нет?

Он наклонился еще раз, и я увидел, как вода подо льдом покрылась рябью.

– О Господи, до чего же холодно! Пойдите... кажется, я еще что-то нащупал. На сей раз что-то мягкое. Такое впечатление, что это чья-то одежда.

– Одежда убийцы! – оживленно воскликнул я.

Он выпрямился, пытаясь вытащить что-то со дна, потом потерял равновесие и с криком исчез под водой. В следующий миг на поверхности показалось чье-то обезображенное тело, облаченное в мокрое тряпье. Увидев его, я чуть было не вскрикнул от ужаса и неожиданности. Верхняя часть туловища с прилипшими к голове волосами на мгновение как будто зависла в воздухе, после чего тело плюхнулось в камыши.

Марк вынырнул из проруби. Холод и страх заставили его лихорадочно работать руками, чтобы поскорей выкарабкаться на сушу. Выбравшись из воды, он упал на снег, но когда увидел то, что лежало в камышах, у него глаза полезли на лоб. Перед нами лежал серый, полуразложившийся труп девушки в лохмотьях некогда бывших платьем прислуги. Глазницы трупа были пусты, рот ввалился, губ не было, и наружу торчали стиснутые серые зубы. Лицо было облеплено свалявшимися прядями волос, которые весьма походили на крысиные хвосты.

Дрожа от ужаса и холода, Марк вскочил на ноги и несколько раз осенил себя крестным знаменем, скороговоркой твердя: «Deus salve nos, deus salve nos, mater Christi salve nos... Господи помилуй...»

– Все хорошо, все хорошо, – мягким тоном успокаивал его я; к этому времени от моего гнева не осталось и следа. – Все хорошо. – Я положил руку ему на плечо, ибо он трясся, как осиновый лист. – Должно быть, тело находилось под илом. Там скопилось достаточно много газа, который ты растревожил. Ну-ну, все позади. Тебе ничего больше не грозит. Бедное создание уже не может причинить тебе никакого вреда.

Однако мой голос оборвался, когда я взглянул на жуткое тело в камышах.

– Иди сюда, не то схватишь простуду. Давай, надевай туфли.

Он повиновался и, исполняя мое приказание, вроде бы немного успокоился.

Тем временем я заметил, что на поверхность воды всплыло еще кое-что – большой кусок черной ткани, надутый изнутри воздухом. Я коснулся ее тростью, ожидая обнаружить еще одно тело, однако это оказалась всего лишь сутана. Подцепив, я вытащил ее на берег и сразу обратил внимание на темные пятна, которые, судя по всему, были следами запекшейся крови. На память мне сразу пришел жирный карп, которого мы ели в наш первый вечер, и от этой мысли я содрогнулся.

Марк продолжал в ужасе взирать на труп.

– К-кто это? – заикаясь, спросил он.

Я глубоко вздохнул.

– По моим предположениям, это, должно быть, то что осталось от Орфан Стоунгарден. – Я посмотрел на ее обезображенную голову и обтягивающую скулы серую кожу. – Госпожа Стамп говорила, что эта девушка была весьма хороша собой. Так вот что Саймон Уэлплей имел в виду, говоря о грозящей женщине опасности! Значит, он все знал.

– Теперь у нас на счету три смерти.

– И я молю Бога, чтобы их не прибавилось.

Сделав над собой усилие, я поднял монашескую одежду. Перевернул ее и остановил взгляд на пришитой к ткани маленькой арфе. Мне уже доводилось видеть этот знак прежде. Им было отмечено все, что относилось к служению ризничего. От изумления у меня невольно отвисла челюсть.

– Это сутана брата Габриеля! – воскликнул я.

ГЛАВА 20

Я велел Марку бежать за аббатом. Он бросился к монастырю, не разбирая дороги, взрывая ногами глубокий снег. Проводив его взглядом, я вновь обернулся к пруду. С покрытого илом дна на вспененную поверхность продолжали подниматься пузырьки потревоженного газа. Не здесь ли скрывалась пропавшая церковная реликвия, равно как золотые чаши, которые вполне могла украсть и унести вместе с собой на дно эта бедная девушка? Я заставил себя приблизиться к утопленнице и обследовал глазами ее тело. На шее у нее висела серебряная цепочка. В некоторой нерешительности я наклонился и, взяв ее в руку, начал быстро перебирать звенья пальцами. На цепочке болтался довольно грубой работы медальончик с профилем мужчины, несущего на спине тяжелую ношу. Положив улику в карман, я поднял лежавший рядом с телом меч. Это было весьма дорогое оружие, меч джентльмена. На его клинке значилось клеймо мастера: «Д. С. 1507», а чуть выше – изображение квадратного здания с четырьмя остроконечными башенками.

Отойдя в сторону, я тяжело опустился на груды камней, валявшихся у монастырской стены. Будучи не в силах оправиться от потрясения, я сидел там, тупо уставясь на камыши, до тех пор, пока мои конечности от ужаса и холода совершенно не утратили чувствительности. Чтобы восстановить в них кровообращение, я заставил себя встать и начал размахивать руками и притопывать ногами.

Расхаживая взад-вперед по хрустящему снегу, я принялся судорожно размышлять над тем, что могли означать эти находки, и постепенно происшедшие события стали выстраиваться у меня в мозгу в стройную картину. Спустя некоторое время мое внимание привлекли доносящиеся из сада голоса. Обернувшись, я увидел, что в мою сторону поспешно движутся трое людей. В одном из них я узнал Марку, в двух других фигурах в черных сутанах – аббата с приором. Последний нес большое одеяло. Когда аббат увидел лежащие на берегу останки, его лицо исказилось от ужаса. Он тотчас перекрестился и тихо забормотал какую-то молитву. Подошедший к телу с другой стороны приор тоже не мог скрыть откровенной гримасы

отвращения. Когда же его взор упал на меч, который лежал рядом с трупом, он спросил:

– Она была убита этим?

– Вряд ли. Под илом тело весьма неплохо сохранилось. По моим предположениям, оно находилось там довольно долго. Однако я уверен, что именно этим мечом был убит Синглтон. Судя по всему, этот пруд использовали в качестве тайника не один раз.

– Чей это труп?

В голосе аббата слышались панические нотки. Я окинул его спокойным взглядом.

– Насколько я понимаю, той самой девушки, что некогда работала у вас в лазарете. Если мне не изменяет память, она исчезла при неизвестных обстоятельствах два года назад. Ее звали Орфан Стоунгарден.

Приор бросил на утопленницу еще один взгляд.

– Нет, – пробормотал он, преодолевая гнев, горечь и неверие. – Нет, этого не может быть. Ведь она же сбежала. Она оказалась воровкой...

Услышав голоса, он обернулся. К нам приближались четверо служек с носилками. Аббат быстро махнул рукой, и, следуя его безмолвному указанию, приор прикрыл тело утопленницы одеялом. После этого аббат Фабиан тихо произнес мне на ухо:

– В монастыре поднялась суматоха. Монахи со служками видели, как господин Поэр бежал к моему дому. Когда он сообщил мне, что вы нашли тело, я велел доставить сюда носилки. Но я бы вас очень хотел попросить... нельзя ли это как-нибудь сохранить в тайне... скажем, сообщить просто, что кто-то утонул в пруду, но не уточнять, что это была женщина...

– Хорошо. Но только на первое время, – согласился я.

Я прикрыл меч мокрой сутаной. Когда служки подошли совсем близко и увидели накрытое одеялом тело, они отшатнулись, осеня себя крестным знамением.

– Марк, помоги им, – попросил я.

Я заметил под плащом моего помощника голубую сорочку – такую, как здесь носили служки. По всей очевидности, он успел сменить свою промокшую одежду. Марк помог уложить труп на носилки. Ноша оказалась легкой, словно пушинка.

– Несите это в лазарет, – распорядился я.

Мы двинулись вслед за процессией. По дороге я неоднократно ловил на себе взгляд приора Мортимуса, но всякий раз, как я смотрел на него, он поспешно отводил от меня глаза. С носилок капала вода, оставляя на снегу темную дорожку.

В саду собралась толпа монахов и служек, гудящая, как пчелиный рой. Приор сердито приказал им возвращаться к своим обязанностям, те послушно повиновались и пошли прочь, то и дело оглядываясь на покрытые одеялом носилки. К нам подошел брат Гай.

– Кто это? Говорят, кто-то утонул в пруду.

Обращаясь к служкам, я произнес:

– Несите труп в лазарет, на обследование брату Гаю. Марк, иди вместе с ними. И прихвати с собой вот это. Положи в нашей комнате. – Я протянул ему промокшую сутану. – Только поосторожней с мечом. Он острый.

– Я должен как-то сообщить нашей братии о том, что случилось, – произнес приор.

– Скажите просто, что в пруду найдено чье-то тело. Не уточняйте, чье именно. А теперь, господин аббат, мне хотелось бы с вами немного потолковать. – Я кивнул в сторону его дома.

И снова мы сидели в его кабинете, по обе стороны от стола, заваленного всякими бумагами, поверх которых покоилась монастырская печать с комком красного воска. За последние несколько дней лицо аббата состарилось по меньшей мере лет на десять и приняло изможденный и перепуганный вид, а некогда здоровый румянец на щеках сменился пугающей бледностью.

Сначала я достал и показал аббату меч. Он бросил на него взгляд, исполненный отвращения.

– Узнаете? – осведомился я, указав на серебряную цепочку, которую положил на стол вслед за первым вещественным доказательством.

– Нет, – поглядев на нее, ответил он. – Первый раз вижу. Вы нашли это на...

– Да, на теле девушки. А что вы можете сказать о мече?

Он снова отрицательно покачал головой.

– Мы здесь вообще никакого оружия не держим.

– Пожалуй, мне не следует спрашивать вас о том, узнаете ли вы тело Орфан Стоунгарден. Ибо узнать его воистину невозможно. Придется осведомиться насчет подвески у госпожи Стамп.

Он с ужасом посмотрел на меня.

– У смотрительницы приюта? Неужели без этого никак нельзя обойтись? Мне бы не хотелось, чтобы вы вовлекали ее в это дело. Она всегда нас недолюбливала.

Я пожал плечами.

– И будет любить еще меньше, – сказал я, – когда узнает, что ее подопечная была убита в стенах вашего монастыря и сброшена в пруд. Госпожа Стамп говорила, что девушка чувствовала себя очень несчастной, когда работала у вас. Что вы можете на это сказать?

Вместо ответа он спрятал лицо в ладони. Я думал, что он расплачется, но спустя мгновение аббат вновь посмотрел на меня.

– Нехорошо заставлять молодую девушку работать в монастыре. В этом я вполне согласен с лордом Кромвелем. Но в те времена делами в лазарете заправлял брат Александр. Он стал немощным и нуждался в помощи. Поэтому, когда прислали эту молодую особу, он изъявил желание взять ее к себе.

– Возможно, потому что она ему приглянулась. Говорят, она была прехорошенькой.

Прежде чем продолжить, аббат слегка прокашлялся.

– Нет, дело в том, что вы не знали брата Александра. Он был не такой, как все. Я в самом деле считал, что для него будет лучше, если ему будет прислуживать девушка, а не молодой человек. Это все происходило как раз накануне того, как к нам прибыла комиссия, когда...

– Ясно. Когда юноше, возможно, пришлось бы беречь от него свой зад. Однако как объяснить то обстоятельство, что во время исчезновения девушки в лазарете уже служил брат Гай?

– Дело в том, что брат Александр был упомянут в отчете комиссии. Это окончательно подорвало его здоровье. С ним случился удар, и он вскоре отошел к Господу. После его смерти на это место заступил брат Гай.

– Так кто же из монахов все-таки приставал к девушке? Я уверен, что это обстоятельство имело место.

Аббат покачал головой.

– Видите ли, сэра, иметь в монастыре хорошенькую девушку – слишком большое искушение. Женщины своим существованием соблазняют мужчин. Подобно Еве, сбившей Адама с пути истинного. Как бы там ни было, но монахи такие же люди, как все.

– Насколько мне известно, девушка никого не соблазняла. Тем не менее она неоднократно подвергалась домогательствам. Еще раз спрашиваю вас, господин аббат. Что вам известно?

Плечи Фабиана поникли.

– Ко мне поступали жалобы со стороны брата Александра. Он говорил, будто к девушке приставал молодой монах по имени Люк – тот, что служит в прачечной.

– Хотите сказать, что он ее изнасиловал?

– Нет-нет. До этого не дошло. Я лично поговорил с братом Люком и строго-настрого запретил ему с ней видеться. Однако он не угомонился и продолжал ей досаждать. Тогда я ему сказал, что если это не прекратится, то ему придется покинуть стены монастыря.

– А как насчет других? К примеру, старших монахов?

Он бросил на меня перепуганный взгляд.

– Были жалобы на брата Эдвигу и приора Мортимуса. Они делали девушке непристойные предложения. В особенности брат Эдвиг, который наиболее усердствовал в этом деле. И я снова, как и в первом случае, был вынужден сделать им строгое предупреждение.

– Вы говорите, брат Эдвиг?

– Да.

– И ваше предупреждение возымело действие?

Как-никак я аббат, сэра, – с налетом бывшего высокомерия произнес он и, слегка поколебавшись, добавил – А не могло ли случиться так, что она сама утопилась от отчаяния?

– В народе ходили толки, будто она украли золотые чаши и сбежала.

– А что еще мы могли подумать, когда после ее исчезновения не досчитались в церкви этих чаш? Послушайте, а не могла ли она раскаяться в содеянном и выбросить их в пруд, а вслед затем утопиться сама?

– Придется осушить пруд. Но даже если на дне его будут найдены чаши, из этого еще ничего не следует. Убийца мог бросить их в пруд

вслед за телом. Например, чтобы повести нас по ложному следу. Нужно все тщательно расследовать, господин аббат. Возможно, придется привлечь к этому делу местную власть. Судью Копингера.

Он кивнул и на некоторое время погрузился в молчание.

– Все кончено, не так ли? – тихо спросил он.

– Что вы имеете в виду?

– Нашу здешнюю жизнь. Монастырскую жизнь в Англии. Я напрасно тешил себя надеждами. Не так ли? Законная власть нас не спасет, даже если убийцей Синглтона окажется кто-нибудь из мирян.

Я ничего ему не ответил.

Когда он брал со стола бумагу, я заметил, что его руки слегка дрожат.

– Недавно я в очередной раз просматривал предлагаемый вариант Акта отречения. Тот, что предоставил мне господин Синглтон. – Аббат начал читать: – «Мы со всей ответственностью заявляем, что образ жизни и деятельности, который мы наряду с прочими членами нашей религиозной организации исповедовали и применяли на протяжении многих лет, по сути своей являет собой бессмысленные церемонии и церковные уложения римских и прочих иностранных властителей». Поначалу я думал, что лорд Кромвель просто хочет прибрать к своим рукам наши земли вместе с имуществом, а этот пункт введен только для того, чтобы реформаторы могли получить дополнительное вознаграждение. – Он поднял на меня глаза. – Но, узнав о том, что произошло в Льюисе, я понял, что это стандартная форма. Не так ли? Значит, они собираются закрыть все монастыри. И рано или поздно подобная участь постигнет и Скарнси.

– Помилуйте, господин аббат. О чем вы говорите? Здесь погибли ужасной смертью три человека, – напомнил ему я. – А вас как будто ничего не заботит, кроме собственного выживания.

У него на лице отразилось недоумение.

– Почему трое? Нет, сэръ, только двое. Если вообще не один. Еще вполне может оказаться, что девушка покончила с собой...

– Брат Гай уверен, что Саймона Уэлплея отравили.

Аббат нахмурился.

– А почему он не сказал об этом мне? Ведь я пока еще аббат.

– Я попросил его на некоторое время сохранить заключение в тайне. На всякий случай.

Фабиан посмотрел на меня странным взглядом, а когда вновь заговорил, голос его почти перешел на шепот.

– Если бы вы видели наш монастырь хотя бы пять лет назад, до развода короля! Он являл собой воплощение истинного порядка. Здесь все было чинно и пристойно. Молитвы и обряды сменяли друг друга, как заведено. Бенедиктинцы подарили мне такую жизнь, какой я никогда не имел бы в миру. Представьте, сын мелкого корабельного поставщика дорос до аббата. – губы его чуть тронула горькая улыбка. – Но я оплакиваю не себя, сэр, а утрату традиций, самого уклада монастырской жизни. Последние два года установленный веками порядок начал разрушаться. Мы имели общие убеждения, мыслили одинаковым образом. Но реформы принесли в наши ряды раздоры, посеяли разногласия. А теперь еще это убийство. Конец, – прошептал он. – Конец всему.

Я заметил слезы в уголках его глаз.

– Я подпишу Акт отречения, – тихо добавил он. – У меня нет другого выбора. Не так ли?

Я медленно кивнул.

– Могу я рассчитывать на ежегодное пособие, как обещал мне господин Синглтон?

– Да, разумеется. Я все думал, когда же мы к этому придем.

– Правда, прежде всего я обязан заручиться согласием братства. Ведь я управляю монастырем на правах оказанного мне ими доверия.

– Только прошу вас с этим немного подождать. До тех пор, пока я вам не скажу.

Он снова молча кивнул и, чтобы скрыть слезы, закрыл лицо руками. Я внимательно посмотрел на него. То, о чем с таким вожделием мечтал Синглтон, само шло мне в руки. Случившиеся в монастыре убийства окончательно сломили аббата. И теперь мне казалось, что я точно знаю, кто был преступником. Кто совершил все эти убийства.

Я нашел брата Гая в комнате для приготовления снадобий. Рядом с ним на маленькой табуретке сидел Марк, все еще облаченный в одеяние служки. Лекарь чистил ножи в бадье с водой, которая приобрела коричнево-зеленый цвет. На столе лежал труп. Он по-прежнему был покрыт одеялом, чему я втайне порадовался. Лицо

Марка было белым, как снег, и даже темный лик брата Гая казался немного бледным.

– Я обследовал тело, – тихо сообщил брат Гай. – Не могу утверждать с полной уверенностью, но, судя по росту и телосложению, оно принадлежит девушке по имени Орфан. По крайней мере, у нее были такие же роскошные волосы. Однако я могу совершенно точно сказать вам, отчего наступила смерть. У нее была сломана шея.

Приспустив одеяло, он обнажил обезображенную голову и слегка повернул ее в сторону. Голова свободно качнулась, сместив в сторону позвонок. Я с трудом подавил подступающую к горлу тошноту.

– Выходит, еще одно убийство.

– Она не могла сломать себе шею, упав в пруд. Господин Поэр утверждает, что дно его покрыто толстым слоем ила.

Я кивнул.

– Благодарю вас, брат. Марк, ты отнес то, что мы нашли, в нашу комнату? Нам надлежит с тобой нанести кое-кому визит. У тебя есть запасной комплект одежды?

– Да, сэр.

– Пойди и переоденься. Человеку твоего положения не пристало расхаживать в облачении служек.

Марк вышел, и я сел на его стул. Под моим взглядом лекарь склонил голову.

– Сначала у меня под носом отравили Саймона Уэлплея. Теперь выясняется, что девушка, которая была моей помощницей, тоже была убита. А я считал ее воровкой.

– Как долго вы проработали вместе с ней?

– Не очень долго. Всего несколько месяцев. Она трудилась вполне усердно, но держалась отчужденно. Была немного угрюмой и замкнутой. Я полагаю, что не доверяла никому, кроме брата Александра. Я был весь поглощен делами по благоустройству лазарета, доставшегося мне в безобразном состоянии, и поэтому уделял ей гораздо меньше внимания, чем следовало бы.

– Не приходилось ли вам слышать от нее о домогательствах со стороны монахов?

Он нахмурился.

– Нет. Но однажды, когда я вошел в коридор, то увидел, как она возле двери своей комнаты – той, в которой ныне живет Элис, –

отбивается от одного из членов братства. Монах пытался обнять ее, отпуская в ее адрес непристойные замечания.

– И кто же это был?

– Брат Люк, тот, что служит в прачечной. Я выгнал его прочь и пожаловался на него аббату, хотя Орфан не хотела раздувать скандала. Аббат Фабиан пообещал сделать брату Люку строгое предупреждение. Он сказал, что тот уже не раз был замечен в подобном поведении. После этого случая Орфан стала вести себя по отношению ко мне более дружелюбно, хотя по-прежнему оставалась немногословной. А вскоре она исчезла.

– А вы не знаете, не приставал ли к ней кто-нибудь еще?

– Больше я никого вместе с ней не заставлял. Но, как я уже сказал, она не слишком мне доверяла. – Он слегка улыбнулся. – По всей очевидности, она не могла привыкнуть к странному цвету моей кожи. Неудивительно. Ведь, насколько я понимаю, она выросла в маленьком городе.

– А потом на ее место пришла Элис.

– Да. И я с самого начала решил завоевать ее доверие. По крайней мере, это, смею надеяться, мне удалось.

– Вы занимаетесь лечением брата Джерома. Не могли бы вы сказать, каким вы находите состояние его ума?

Прежде чем ответить, он посмотрел на меня внимательным взглядом.

– Таким, каким должно быть состояние ума человека, целиком посвятившего себя, во благо или во вред себе, весьма строгим идеалам и аскетическому образу жизни, который он был вынужден предать под гнетом пыток. Разум у него находится в весьма болезненном состоянии. Однако он отнюдь не сумасшедший, если вы это имеете в виду.

– Лично я считаю безумием продолжать носить на истощенном голом теле власяницу. Скажите, не говорил ли он с вами о тех временах, которые провел в Тауэре?

– Нет. Ни разу. Но они его чрезвычайно истощили. Вернее сказать, сломили.

– А мне он рассказывал об этом. И о многом другом. Но я думал, что он это делает затем, чтобы вывести меня из себя.

Брат Гай ничего не ответил. Я встал, но не успел выпрямиться, как мою спину сковал сильный спазм. Скорчившись от боли, я схватился за стол.

– Что случилось?

Прежде чем ответить, я глубоко вздохнул.

– Когда я поднимался, у меня что-то сместилось внутри. Теперь придется несколько дней страдать от боли. – Я кисло улыбнулся. – Мы с вами хорошо знаем, что значит быть не такими, как все. И как себя чувствуешь, когда люди на тебя пялятся, словно на диковину. Но ваша внешность, по крайней мере, явление естественное. Она не приносит вам физической боли. И есть то место на земле, где вы не отличаетесь от всех остальных.

Переодетый в запасную рубашку и камзол, Марк ученым выражением лица сидел на моей кровати.

– Ты хорошо себя чувствуешь? – спросил я.

– Да сэр, – кивнул он мне в ответ. – Но это несчастное создание...

– Понимаю. И весьма сожалею о том, что пришлось вовлечь тебя в это дело. Это просто ужасно. Я ни малейшего понятия не имел...

– Да, конечно. Кто бы мог подумать...

– Марк... нам нужно разрешить наши разногласия. Вернее сказать, они не должны мешать нашим взаимоотношениям. У нас с тобой общая цель – найти жестокого убийцу, который где-то рядом разгуливает на свободе.

– Разумеется, сэр. – Он в недоумении уставился на меня. – Неужели в этом могут быть какие-то сомнения?

– Нет, нет. Послушай, я о многом поразмыслил. И пришел к заключению, что одежда Габриеля брошена в пруд только потому, что она была испачкана кровью. Преступник надел ее, чтобы убить Синглтона, после чего отделался от нее и от меча.

Он покачал головой:

– Да, но мне не верится, что убийца – брат Габриель.

– А почему бы и нет? Почему он не может им быть? Мне казалось, что ты презираешь его как педераста.

– Это само собой. – Он на минуту призадумался. – Тем не менее я не могу представить его в роли убийцы. Хотя он и производит впечатление человека, одержимого страстью, однако отнюдь не такого,

который был бы способен причинить кому-нибудь вред. И уж точно ему не останется храбрости с кем-нибудь сражаться.

– О, тут я с тобой согласиться не могу. Если ему чего-то очень захочется, ему вполне хватит смелости это заполучить. И он обуреваем весьма сильными страстями. А там, где есть страстная привязанность, может также существовать и страстная ненависть.

Марк замотал головой.

– Нет, все равно не могу себе этого представить. Пожалуйста, поверьте мне, сэр. Я не тугодум, но я не могу представить брата Габриеля в роли жестокого убийцы.

– А ведь я сочувствовал этому человеку. Можно сказать, даже симпатизировал ему. Впрочем, мы не имеем права строить предположения на основе собственных чувств и пристрастий. Нужен трезвый подход. Как можно судить, способен ли человек совершить убийство или нет, всего после нескольких дней знакомства с ним? Тем более когда находишься здесь, в этом мрачном месте, где из-за нависшей опасности вообще нельзя доверять своим чувствам.

– И все-таки представить его в роли убийцы я никак не могу. Как бы это вам сказать? Он чересчур мягкотелый.

– С таким же успехом мы могли бы обвинить во всех этих преступлениях брата Эдвига. Только на том основании, что он презренный тип, больше похожий на некое счетное устройство, нежели на человека. Надо сказать, что за ним тоже водится немало грешков. И среди прочих, насколько я понимаю, похоть занимает далеко не последнее место. Однако все эти заслуги отнюдь не дают нам права считать его убийцей.

– Когда убили Синглтона, Эдвиг в монастыре не было.

– И Габриеля, между прочим, тоже. Но я могу предположить, что за мотивы двигали братом Габриелем. Нет, мы положительно должны отрешиться от наших чувств.

– Так же, как вы предложили мне поступить с Элис?

– Сейчас не время обсуждать этот вопрос. Итак, я намерен прямо поговорить с братом Габриелем. Ты со мной?

– Конечно. Ведь я тоже хочу поймать убийцу.

– Вот и хорошо. Тогда бери с собой меч. А тот, что мы нашли в пруду, пусть останется здесь. Но обязательно прихвати с собой сутану.

Только вначале выжми ее над тазиком. Пожалуй, нам пора вплотную заняться нашими вещественными доказательствами.

ГЛАВА 21

Когда я вышел на двор, сердце мое сильно колотилось, но голова была ясной и свежей. День уже начинал клониться к вечеру. Солнце висело низко на туманном небосклоне и казалось таким огромным, каким оно бывает только зимой, когда на него можно глядеть, совсем не щурясь, как будто с уходом теплой поры оно утратило весь свой жар. Впрочем, судя по моим ощущениям, так оно и было, ибо погода установилась на редкость холодная. Брат Габриель был в церкви. Он сидел в нефе вместе со старым монахом, которого я уже видел переписывающим книги в библиотеке. Они разбирали кипы древних манускриптов. Когда мы приблизились, они оба обернулись, и я увидел, как судорожно заметался взгляд Габриеля.

– Снова работаете над древними книгами, брат? – осведомился я.

– Да, это богослужебные книги, сэр. В них много музыкальных пометок. Когда они приходят в ветхость, их нельзя перепечатывать. Поэтому приходится переписывать их от руки.

Я взял в руки одну из книг. Пергаментные страницы были сплошь испещрены латинскими словами вперемежку с красными музыкальными значками. Это оказались различные псалмы и молитвы на каждый день года. Чернила, которыми они были исписаны за долгие годы пользования выцвели. Я бросил книгу на скамью.

– Мне нужно задать вам несколько вопросов, брат, – произнес я и, обратившись к старому монаху, добавил: – Не могли бы вы оставить нас наедине?

Кивнув, тот молча зашаркал прочь.

– Что-нибудь не так? – осведомился ризничий дрожащим голосом.

– Разве вы еще ничего не слышали? Насчет тела, найденного в пруду?

Очевидно, известие застигло его врасплох, ибо глаза ризничего широко распахнулись.

– Я был занят. Мы с братом Стивеном только что пришли сюда из библиотеки. Так вы говорите, тело?

– Мы полагаем, что оно принадлежит девушке, которая работала у вас в монастыре и исчезла два года назад. Ее звали Орфан

Стоунгарден.

От изумления у брата Габриеля отвисла челюсть. Он слегка приподнялся со скамьи, но потом снова сел.

– У нее оказалась сломана шея, – продолжал я. – Как выяснилось, ее убили и сбросили в пруд. Там же нашли меч. Мы полагаем, что он явился орудием убийства господина Синглтона. И еще вот это.

Я кивнул Марку, и тот передал мне одежду. Я помахал вышитыми значками перед носом ризничего.

– Это ваша сутана, брат Габриель?

Он не мог скрыть своего удивления.

– Это ваши значки?

– Да, да, мои. Видите ли... это... это должно быть та самая сутана, которую у меня украли.

– Украли?

– Да. Две недели назад я отправил ее в прачечную, но оттуда она не вернулась. Я справлялся насчет нее, однако ее не нашли. Как будто провалилась сквозь землю. Бывает, что служки крадут у монахов одежду. Наши зимние сутаны сшиты из добротной шерсти. Прошу вас, сэр... пожалуйста, не подумайте только, что я мог...

Слегка наклонившись над ним, я твердо произнес:

– Слушайте меня внимательно, Габриель из Ашфорда. Я утверждаю, что именно вы убили эмиссара Синглтона. Убили потому, что он узнал о вашем прошлом, возможно, о каком-то недавнем преступлении, в котором вы были уличены и за которое были осуждены. За это ему пришлось поплатиться жизнью.

– Нет! – Он отчаянно замотал головой. – Нет!

– После убийства вы спрятали меч и свою окровавленную одежду в пруду, который сочли надежным местом, ибо уже однажды использовали его, чтобы сокрыть в нем труп этой девушки. Но скажите мне, брат Габриель, зачем вам понадобилось убивать Синглтона таким страшным способом? И почему вы убили девушку? Может, вы ревновали к ней брата Александра? Вашего бывшего возлюбленного? А теперь что касается вашего другого приятеля, Саймона Уэлплея. Он узнал, что случилось с девушкой, не так ли? Но несмотря на это, вас не выдал. Не предал до самого конца, пока не стал бредить из-за своей болезни. По этому вам пришлось его отравить. С тех пор вы

мучаетесь, как от боли. Вас терзают муки совести. Все сходится, брат Габриель.

Он встал и посмотрел мне прямо в лицо, вцепившись в спинку стула. Потом сделал пару глубоких вздохов. Рука Марка в это время потянулась к мечу.

– Вы представитель короля, – дрожащим голосом начал Габриель, – а по своей речи скорее походите на дешевого законника. Я никого не убивал! – Он шел на крик. – Слышите? Никого! При всех моих грехах за два последних года я не нарушил ни одного постановления короля! Можете спросить об том кого угодно. Любого человека в городе, если желаете. Вы ничего худого за мной не найдете! Ничего!

Его голос эхом прокатился по церкви.

– Успокойтесь, брат, – сказал я сдержанным тоном. – Выслушайте меня и отвечайте достойным образом.

– Брат Александр никогда не был мне ни врагом, ни другом. Это был глупый ленивый старик. Что же до Саймона, – он издал вздох, который скорее смахивал на стон, – да, он и впрямь подружился с этой девушкой в первые дни, как только она у нас появилась. Мне кажется, они оба ощущали себя потерянными. Как будто оба боялись чего-то. Я предупредил его, чтобы он не путался с прислугой. Что ничего хорошего из этого не выйдет. Он говорил, что она рассказывала ему о чьих-то домогательствах...

– Чьих именно?

– Этого он не говорил. Она взяла с него клятву, что он будет молчать. Этим типом мог быть кто угодно. Я советовал ему не вмешиваться в эти дела, а девчонке обратиться за помощью к брату Гаю. Тот только что заступил на место лекаря. Сразу после того, как умер брат Александр. От стыда, – с горечью в голосе добавил он.

– А потом она исчезла.

Лицо его исказила гримаса.

– Подобно всем остальным, я считал, что она сбежала. – Он посмотрел на меня невидящим взором, после чего продолжил спокойным и холодным тоном. – Насколько я понимаю, сэръ, вы уже построили версию, которая привела вас к определенному умозаключению. И дело только за тем, чтобы кто-то дал против меня ложные показания, после чего вы отправите меня на виселицу. В наши

дни подобные дела в чести. Мне известно, как расправились с сэром Томасом Мором.

– Нет, брат Габриель. Никаких ложных свидетелей не будет. Я найду все необходимые мне доказательства сам. – Я придвинулся к нему на шаг ближе. – Но учтите. Вы находитесь под очень серьезным подозрением.

– Я невиновен.

На мгновение задержав на нем взгляд, я отступил назад.

– Я не буду арестовывать вас прямо сейчас. Но в ближайшее время вы не имеете права покидать стен монастыря. И если попытаетесь это сделать, это послужит подтверждением вашей вины. Ясно?

– Я не сбегу.

– Будьте готовы к разговору со мной в любое время дня и ночи. Пошли, Марк.

Я встал и пошел прочь, оставив брата Габриеля наедине с кипой книг. Но, выйдя из церкви, я не удержался и треснул кулаком по каменной двери.

– Я думал, что он у меня в руках.

– Вы до сих пор считаете его виновным?

– Не знаю. Я надеялся, что если он виновен, то при допросе не выдержит и признается. Но... – Я по качал головой. – Нет, он все равно что-то скрывает. Я это нутром чую. Он назвал меня дешевым законником и, возможно, попал в самое яблочко. Ибо двадцатилетняя судебная практика кое-чему меня научила. Я знаю, как ведут себя люди, когда что-то утаивают. Пошли.

– А теперь куда?

– В прачечную. Проверим его показания. И заодно поглядим на этого самого Люка.

Прачечная располагалась в одной из небольших построек, что находилась по соседству с кладовой. Из лопастей приспособления, по виду напоминавшего мельницу, наружу валил пар. Я уже не раз видел, как прачечную входили и выходили служки с корзинами белья. Поэтому уверенно направился к тяжелой деревянной двери, приподнял защелку и вошел внутрь. Следовавший за мной Марк закрыл за собой дверь.

Внутри оказалось очень тепло и мрачно. Поначалу после яркого света я сумел разглядеть только большую покрытую каменными плитками комнату, которая была уставлена множеством корзин и ведер. Но потом Марк воскликнул: «О Господи!», и я внезапно прозрел.

Помещение, в котором мы находились, было переполнено собаками, огромными шотландскими овчарками, которые в день нашего приезда разгуливали по двору. В нос мне ударил сильный запах псины. Едва завидев нас, собаки встали, и две из них с рычанием двинулись в нашу сторону. Шерсть у них на хребте вздыбилась, а челюсти оскಾಲились, обнажив острые желтые зубы. Марк медленно вытащил из ножен меч, мне же не оставалось ничего иного, как вцепиться в трость.

За внутренней дверью слышались чьи-то голоса, и я уж подумывал о том, чтобы позвать кого-то на помощь, но, поскольку мое детство прошло в деревне, то я не понаслышке знал, чем это могло для нас обернуться. Подобное поведение, скорей всего, испугнуло бы собак, и тогда они не оставили бы нам ни малейшего шанса выйти из этой заварухи невредимыми. Стиснув зубы, я свободной рукой схватился за Марка. Мне было не по себе: сначала я подверг его ужасным событиям у пруда, а теперь нам предстояло пережить еще одно испытание.

Раздался скрип двери. Мы обернулись и увидели, что из внутренней двери вышел брат Хью, неся в своих пухлых руках бадью с пищевыми отходами. Увидев нас, он от удивления открыл рот. Мы уставились на него с мольбой, он быстро взял себя в руки и позвал к себе собак:

– Бругус! Огастус! Сюда! Сюда!

Он принялся кидать на пол ошметки пищи. Псы поначалу не знали, куда и смотреть, потом один за другим направились за едой. Их вожак еще некоторое время недовольно рычал, но потом развернулся и присоединился к своим сородичам. Лишь после этого я позволил себе сделать судорожный вздох. Брат Хью быстро указал нам на дверь.

– Сюда, сэр. Умоляю вас. Быстрее. Пока они едят.

Обойдя свору грязных животных, мы последовали за ним через внутреннюю дверь в самую прачечную, которая оказалась еще сильнее заполнена паром. Едва мы вошли, он затворил за нами дверь и закрыл ее на щеколду. Под присмотром двух монахов одни служки трудились

над кипящими на огне котлами с одеждой, другие – выжимали сутаны и нижнее белье под прессом. Мы ввалились в прачечную в тяжелом верхнем облачении, которое тут же поспешили снять. Наше появление невольно привлекло к себе любопытные и недоуменные взоры служек. Я почувствовал, что начинаю обильно покрываться испариной, то же самое происходило и с Марком. Схватившись за край стоящего по соседству стола, он тяжело дышал. Я даже подумал, что он вот-вот потеряет сознание, но несколько мгновений спустя к нему вернулся прежний цвет лица. Я тоже чувствовал себя не лучшим образом, ноги у меня дрожали и подкашивались. Рядом с нами стоял брат Хью, в волнении ломая руки.

– О, господа, сэ... – начал он. – Слава Иисусу, что я вовремя пришел.

При упоминании Господа он поклонился, и его примеру последовали все остальные.

– Примите нашу благодарность, брат, – произнес я. – Однако почему вы держите здесь этих собак? Им нельзя тут находиться. Они ненароком могут кого-нибудь загрызть насмерть.

– Видите ли, сэ. Для нас они не представляют никакой опасности. Они нас всех знают. А чужие в наших краях появляются крайне редко. Аббат приказал запереть их здесь, пока не сойдет снег.

Я стер со лба капли пота.

– Очень хорошо, брат управляющий. Насколько мне известно, за работу прачечной отвечаете вы?

– Да, я. Чем могу служить? Аббат велел нам помогать вам по мере сил и возможностей. Я слышал, кто-то утонул в пруду.

Его покрасневшие глаза горели любопытством.

– Об этом вам все расскажет приор. Я пришел к вам, сэ, чтобы задать один вопрос. Не могли бы мы с вами пройти к столу?

Он повел нас в дальний угол, где можно было укрыться от посторонних взоров, и я жестом попросил Марка достать нашу находку. Когда тот положил мокрое монашеское одеяние перед братом Хью, я спросил у него:

– Брат Габриель утверждает, что две недели назад у него пропала сутана. Вы помните это?

Я тешил себя надеждой услышать отрицательный ответ, но ошибся.

– Да, сэр, – без промедления ответил брат Хью. – Мы перевернули все вверх дном, но так ее и не нашли. Наш казначей приходит в ярость, когда пропадают вещи. Поэтому я завел книгу учета. – Он ненадолго нырнул в паровое облако, после чего вернулся с толстой книгой в руках. – Смотрите, сэр, вот запись о том, когда она к нам поступила. А вот о том, что была потеряна.

Я обратил внимание на месяц и число. Пропажа случилась за три дня до убийства Синглтона.

– Где вы ее нашли, сэр? – поинтересовался он. – Это не имеет значения. У кого была возможность ее выкрасть?

– В указанный день мы все здесь работали, сэр. А на ночь прачечная запирается на замок, правда...

– Что?

– Ключи были потеряны. Мой помощник, как бы это сказать, человек немного небрежный. – Он нервно улыбнулся, потирая жировик у себя на лице. – Брат Люк, подойди-ка сюда.

Когда к нам направился высокий монах, по виду двадцати с лишним лет, мы с Марком переглянулись. Он был рыжеволосым, крупного телосложения, с грубыми чертами лица, на котором отпечатались сердитая гримаса.

– Что, брат?

– За время, что ты служил у меня, ты потерял две связки ключей, верно я говорю?

– Они выпали у меня из кармана, – недовольно пробубнил тот.

– Такое случается только у небрежных людей, – заметил я. – Когда это произошло с вами в последний раз?

– Летом.

– А до этого? Как долго вы работаете в прачечной?

– Четыре года, сэр. В первый раз я потерял ключи два года назад.

– Спасибо, брат Хью. Мне хотелось бы перекинуться парой слов с братом Люком наедине. Куда мы можем с вами пройти?

Глаза брата Люка тревожно забегали. Брат Хью, явно разочарованный положением дел, проводил нас в переднюю, где сушилось белье. Когда мы остались с братом Люком наедине, я строгим голосом спросил:

– Вы знаете, что нашли в рыбном пруду?

– Говорят, будто чей-то труп, сэр.

– Труп женщины. Мы полагаем, что это тело девушки, которую звали Орфан. Нам сообщили, что она неоднократно подвергалась вашим домогательствам. Это правда?

Его глаза округлились от ужаса, он внезапно упал на колени и, схватившись красными мясистыми пальцами за край моего камзола, завопил:

– Я не делал этого, сэр! Я только заигрывал с ней, больше ничего! И не я один. Она была распутницей. Она искушала меня!

– Дайте мне сказать. Смотрите мне в глаза!

Не вставая с колен, он посмотрел на меня безумными глазами. Слегка подавшись вперед, я произнес:

– Мне нужна правда. От этого зависит ваша жизнь. Так как было на самом деле? Искушала ли она вас или вы сами к ней приставали?

– Она... она была женщиной, сэр. Само ее присутствие было искушением! Меня повсюду преследовал ее образ. Я только и делал, что думал о ней. Сатана то и дело ставил ее на моем пути, чтобы искушать меня. Но я покаяться. Я исповедовался и раскаялся!

– Сейчас меня меньше всего заботит ваше покаяние. Вы приставали к ней даже после того, как аббат велел вам оставить ее в покое. Это правда? Во второй раз на вас был вынужден пожаловаться брат Гай.

– Но после этого я больше к ней не подходил! Аббат пригрозил меня выгнать! Клянусь кровью Иисуса, после этого я оставил ее в покое. Клянусь Его святой кровью!

– Аббат не передал это дело в руки приора?

– Нет, ведь приор...

– Ну, говорите же. Что приор?

– Он был замечен в том же грехе. А также казначей.

– Так. А кто еще? Кто еще отравил жизнь этой девушке и приблизил ее конец?

– Не знаю, сэр. Клянусь, не знаю! После предупреждения аббата я обходил лазарет стороной. Клянусь Пресвятой Девой...

– Пресвятой Девой! – в негодовании фыркнул я. – Спустишь она нынче на землю, вряд ли присутствие таких, как ты, было бы для нее безопасным. Прочь отсюда!

Он поспешно вскочил с колен и понесся обратно в прачечную.

– Вы напугали его до смерти! – с ухмылкой произнес Марк.

– Иметь дело с такой трусливой деревенщиной, как он, легко. Другое дело приор с казначеем – этих голыми руками не возьмешь. Гляди, дверь. Значит, отсюда можно выйти, не проходя мимо проклятых собак.

Мы вышли во двор. Столкновение с собачьей сворой вновь встало у меня перед глазами. Я почувствовал слабость, и теперь настал мой черед ненадолго прислониться к стене, пока мое внимание не привлечет гул голосов.

– Господи, что там случилось на этот раз?

Люди столпились, чтобы поглазеть на процессию, которая направлялась к воротам. Двое монахов несли статую святого Доната, облаченного в римскую одежду, со скрещенными на груди руками и скорбным выражением лица. За ними следовал брат Джуд с кожаной сумкой. Завершал шествие брат Эдвиг, на котором поверх сутаны был надет зимний плащ, а на руках были перчатки. Они приближались к сторожевому домику, где их поджидал Багги, чтобы открыть ворота.

– День подаяний, – произнес Марк.

К тому времени как мы подошли к воротам, Багги уже открыл их. Толпа, стоящая по другую их сторону, смотрела на статую, которую вынесли на плечах двое служек. Достав свою суму, брат Джуд торжественно произнес:

– Внемлите! Это образ нашего покровителя, священного нашего заступника на небесах, претерпевшего мучения от язычников. Образ святого Доната! Да свершится это подаяние во имя его великой милости! Помолитесь ему за отпущение своих грехов!

Мы стали протискиваться сквозь толпу. Здесь собралось добрых полсотни облаченных в жалкие лохмотья старых вдов, нищих и калек. Было видно, что скудная одежда не согревала их, ибо все они посинели от холода. Окружив полную фигуру госпожи Стамп, отдельной группой стояли дети, на лицах которых не было ни кровинки. Несмотря на то что день выдался холодным, от этого сборища бедолаг, которые проковыляли добрую милю, чтобы добраться сюда из города, разило невыносимой вонью. После обращенного к ним призыва брата Джуда они покорно поклонились и осенили себя крестным знаменем.

– Что вы делаете? – резко одернул я монаха, когда нам с Марком наконец удалось пробраться к нему сквозь толпу.

– Ничего... просто раздаю подаяния, сэр...

– Вы требуете, чтобы эти несчастные люди поклонялись куску дерева.

Брат Эдвиг сделал шаг вперед.

– Но только в память о его святой доброте, сэр.

– Он призывал их молиться статуе! Я слышал это собственными ушами. Уберите ее! Сейчас же.

Опустив статую, монахи поспешно унесли ее прочь. Брат Джуд, которого била заметная дрожь, жестом велел раздавать подаяние. От меня не укрылось откровенно насмешливое выражение, мелькнувшее на лицах некоторых горожан.

– Подходите вперед, – вновь произнес монах дрожащим от волнения голосом. – Подходите за подаянием и хлебом.

– Не толкайтесь, не толкайтесь, – воззвал к порядку Багги, когда нищие один за другим двинулись к раздающему милостыню.

– Подаяние состояло из фаринга, самой мелкой монеты, и скудной пищи – яблок, хлеба и прозрачных кусочков бекона.

Тем временем ко мне подошел брат Эдвиг.

– М-мы не имели в виду ничего дурного, сэр, – сказал он. – Это всего лишь древняя церемония, смысл которой давно изгладился из нашей памяти. Мы обязательно ее исправим.

– Давно пора было это сделать.

– М-мы раздаем милостыню каждый месяц. Это наша святая обязанность. Будь иначе, эт-ти люди вообще в своей жизни не увидели бы мяса.

– При ваших доходах, мне думается, вы могли бы выделить больше средств на благотворительность.

Лицо брата Эдвига внезапно потемнело от гнева.

– Чтобы лорд Кромвель прибрал наши деньги для своих дружков! Это, по-вашему, называется благотворительностью?

Он отчеканил эти слова без намека на заикание, потом развернулся и быстро пошел прочь. Люди бросали на меня любопытные взгляды, пока мешок, в котором побрякивали монеты, вконец не истощился.

Я облегченно вздохнул. Гневная выходка, которую я себе позволил во время церемонии, сыграла мне на руку: по крайней мере, люди

узнали, что среди них находится эмиссар короля. Тем не менее всплеск эмоций окончательно лишил меня сил. Миновав двор, я направился в сторону дороги, возле которой в окружении детей, поджидавших взрослых, стояла госпожа Стамп. Увидев меня, она сделала реверанс.

– Доброе утро, сэра.

– Не могли бы мы с вами поговорить с глазу на глаз? Будьте так любезны, подойдите сюда.

Мы отошли в сторону. Она смотрела на меня с плохо скрываемым любопытством.

– Я хочу, чтобы вы взглянули на это. Скажите, вы узнаете этот предмет?

Повернувшись спиной к толпе, я вытащил из кармана серебряную цепочку, которую снял с трупа девушки. Госпожа Стамп тотчас схватила ее в руки, вскрикнув от удивления:

– О святой Христофор! Помнится, я отдала ее Орфан. Перед тем как направить ее сюда. Сэр, вы нашли ее...

Она осеклась, увидев выражение моего лица.

– Мне очень жаль, госпожа Стамп, – мягко произнес я. – Эту цепочку я нашел на трупе, который мы сегодня утром достали из пруда.

Я думал, что она расплачется, но пожилая дама лишь стиснула руки в кулаки.

– Как она умерла?

– Ей сломали шею. Мне очень жаль.

– Вы нашли того, кто это сделал? Кто это был?

Ее голос неожиданно перешел в хриплый визг. Перепуганные дети начали озираться вокруг.

– Не надо, мадам. Прошу вас. Мы пока об этом решили не распространяться. Я обязательно найду того, кто это сделал. Клянусь вам.

– Отомстите за нее. Ради Бога, прошу вас, отомстите за нее.

Голос у нее задрожал, и она тихо заплакала. Я ласково тронул ее за плечо.

– Прошу вас, пока никому ничего не говорите. Если что-нибудь станет известно, я дам вам знать через судью Копингера. Смотрите, взрослые возвращаются. Постарайтесь взять себя в руки.

Когда раздача милостыни подошла к концу, процессия оборванцев, словно стая черных ворон на белом снегу, потянулась обратно в город. Госпожа Стамп тяжело вздохнув, поспешно кивнула мне на прощание и повела детей вслед за взрослыми. Направляясь через ворота во двор, где меня поджидал Марк, я все время оглядывался назад, боясь, что она не выдержит и снова расплачется. Но, услышав ее твердый голос которым она подбадривала детей, понуждая догонять взрослых, постепенно успокоился. Брата Эдвига к этому времени нигде не было видно.

ГЛАВА 22

Я тихо вошел в темную церковь и с осторожностью закрыл за собой большую тяжелую дверь. За крестной перегородкой, отделяющей клирос от нефа, мерцали свечи, и оттуда же доносился монотонный хор голосов: монахи пели псалмы. По всей очевидности, вечерняя служба уже началась.

После встречи с госпожой Стамп я велел Марку пойти к аббату и передать ему мою просьбу проследить за братом Габриелем, дабы тот в ближайшее время не покидал стен монастыря, а также мое распоряжение очистить от мыла могилу Синглтона. Кроме того, к следующему дню монахи должны были осушить пруд. Марк всегда с большой неохотой относился к подобного рода поручениям, уж очень ему не по душе было передавать приказания высокопоставленным лицам, к каковым в данном случае он причислял аббата Фабиана. Однако я напомнил ему, что, если он желает продвинуться по службе, ему придется привыкать иметь дело с людьми, занимающими подобное положение в обществе. Не проронив ни слова в ответ, Марк с хмурым видом вышел из комнаты.

Я остался один, чему, надо сказать, был внутренне рад, ибо мне требовалось время, чтобы все хорошенько обдумать. За окном уже сгущались сумерки, поэтому я устроился напротив огня и предался размышлениям. Усталость с каждой минутой все больше давала знать о себе. Убаюкиваемый потрескиванием поленьев и исходящим от них ласковым теплом, я вскоре почувствовал, что, несмотря на мои героические усилия противостоять сну, он упорно меня одолевает. Поэтому мне пришлось встать и плеснуть себе в лицо холодной водой, дабы окончательно не впасть в дрему.

Брат Хью подтвердил показания Габриеля, что его одежда была похищена. Это меня здорово разочаровало. Я полагал, что преступник уже находится у меня в руках. Однако если говорить положа руку на сердце, то в глубине души я продолжал считать, что ризничий чего-то недоговаривает. В памяти вновь всплыли слова Марка: «Я не могу представить брата Габриеля в роли жестокого убийцы». Жестокость. Любопытно, где еще я мог слышать эти слова? И тотчас вспомнил.

Именно к этому определению однажды прибегла добропорядочная госпожа Стамп, описывая приора Мортимуса.

Колокола вновь завели свою оглушительную песню. Ближайший час монахам предстояло служить вечерню. Это давало мне возможность сделать то, что сделал Синглтон и что уже давно следовало бы сделать мне, а именно: пользуясь отсутствием брата Эдвиги, обследовать его казначейский дом. Несмотря на смертельную усталость и внезапно охватившее меня волнение, я вдруг почувствовал, что мне стало значительно лучше. Правда, голова по-прежнему оставалась вялой, поэтому я решил принять еще одну порцию снадобья брата Гая.

Тихо и незаметно для тех, кто пел псалмы, я проследовал вдоль залитого мраком нефа. По дороге мой взгляд упал на одну из ниш в каменной кладке стены, вторая была пышно декорирована орнаментом, чтобы вызывать у молящихся ощущение притягательной таинственности мессы.

Службу вел брат Габриель. Он был целиком поглощен музыкой. Я не мог не восхититься искусством с которым он справлялся со своей задачей. Брат Габриель заставлял монахов, прикованных взорами к богослужебным книгам, краем глаза следить за движением его рук и, следуя их условному языку, создавать удивительную гармонию то вздымающихся вверх, то нисходящих вниз звуков. Среди прочих монахов присутствовал и сам аббат, лицо которого при свете свеч выглядело довольно мрачным. И почему-то я вспомнил о том, с каким отчаянием он прошептал: «Конец! Конец всему!»

Потом мой взгляд выхватил из толпы брата Гая и находившегося по соседству с ним Джерома, чье белое картезианское облачение являло собой вопиющий контраст с черным одеянием бенедиктинцев. Уж лучше бы ему запретили присутствовать на службах. Пока я молча разглядывал монахов, брат Гай наклонился и, слегка улыбнувшись, перевернул калекке-картезианцу страницу, на что тот ответил благодарным кивком. В этот миг меня вдруг осенила догадка: возможно, именно лекарь, с присущими ему смирением и кротостью, был одним из немногих в Скарнси, кто вызывал у Джерома притяжение. Могли бы эти двое в конце концов подружиться? В тот день, когда я застал Гая перевязывающим раны Джерома, мне даже в голову такое прийти не могло. Я перевел взгляд на приора Мортимуса и, к своему

изумлению, обнаружил, что он не поет, а глядит невидящим взором в пустоту. Я вспомнил, в какое гневное и испуганное состояние привел его вид трупа девушки. Не в пример ему брат Эдвиг, который стоял между братом Ателстаном и своим вторым помощником, человеком весьма преклонных лет целиком отдавался пению псалмов.

– Кто из них? – тихо прошептал я сам себе. – Кто из них? О Господь, направь на путь истинный мой немощный мозг!

Однако никакого боговдохновенного ответа не последовало. Подчас мне казалось, что в подобные дни когда меня охватывало невыразимое отчаяние, Всевышний оставался на удивление глух к моим молитвам.

– Прощу тебя, избавь нас от дальнейших смертей, – произнес я, после чего встал и вышел из церкви.

Когда я вставлял ключ с ярлыком «казна» в замок казначейского домика, на монастырском дворе не было ни души. Изнутри потянуло сыростью, и я был вынужден плотнее завернуться в подбитый мехом плащ. Все выглядело как и прежде: уставленные расчетными книгами стены, письменные столы, а в конце комнаты – сундук. На столе была оставлена зажженная свеча. Я взял ее, подошел к сундуку и, достав другой ключ, открыл его.

Внутри сундук был поделен на секции, в каждой из которых лежали небольшие мешочки. На них, помимо надписи с названием достоинств хранившихся внутри монет, висела бирка, обозначающая их общее количество. Из тех отделений, в которых находились золотые монеты – ангелы и нобли, – я достал несколько первых попавшихся под руку мешочков. Пересчитал содержимое и, удостоверившись в соответствии его тому, что значилось на ярлыке, закрыл сундук. Сумма находившихся в нем денег по всем меркам Англии была достаточно велика, а место для ее хранения казалось вполне надежным. Во всяком случае, вору проникнуть в монастырь было бы значительно труднее, чем ограбить, к примеру, лавочника.

Прихватив свечу, я вышел на лестницу, поднялся наверх и на миг остановился. Казначейский дом был выше всех прочих строений в монастыре, поэтому из окна открывался обширный обзор окрестностей вплоть до рыбного пруда и берущего от него начало болота. Интересно, не на дне ли этого самого пруда лежит рука

Раскаившегося Вора? Так или иначе, но об этом мне предстоит узнать завтра.

Я открыл дверь личного кабинета казначея. Поставив свечу на стол, я принялся осматривать комнату. Хорошо, что я не страдал боязнью замкнутого пространства, потому что в ней не было ни одного окна. Вдоль стен стояли стопки обыкновенных бухгалтерских книг, которые велись с незапамятных времен. Стол содержался в идеальной чистоте и образцовом порядке, бумага и гусиные перья были сложены так ровно, что можно было подумать, будто хозяин выкладывал их по линейке. Эдвиг воистину производил впечатление человека, одержимого аккуратностью и порядком.

В столе имелось два больших выдвижных ящика. Я перепробовал не один ключ, прежде чем нашел тот, который смог их открыть. В первом из них лежали две книги на латинском. Достав их, я прочел: Фома Аквинский, «Summa Contra Gentiles» и «Summa Theologiae». [\[10\]](#) Я посмотрел на них с отвращением. Интерес брата Эдвиг к давно развенчанной схоластике итальянского святого слегка меня покоробил. Конечно, существование Бога можно доказать логически, но все-таки это вопрос веры. Между тем было совсем не трудно понять, почему безжизненные силлогизмы Фомы Аквинского нашли пристанище в сухом уме брата Эдвиг.

Положив книги на место, я открыл второй ящик. В нем оказалась стопка бухгалтерских книг. Я невольно улыбнулся: все они имели синий переплет. «Спасибо, Элис!» – подумал я. Три-четыре из них в точности походили на ту, которую мне дал казначей; их грубые страницы пестрели расчетами, которые велись на протяжении нескольких прошлых лет. Одна из них тоже была заляпана винным пятном. К моему разочарованию, в ней содержались только краткие записи. Когда я достал из ящика последнюю книгу то увидел, что она также испачкана. Не иначе, хозяин когда-то пил вино и случайно опрокинул бутылку. Учитывая его склонность к чистоте и аккуратности, эта оплошность должна была повергнуть его в крайнее раздражение.

В последней книге содержались отчеты о торговле землей, которая велась на протяжении последних пяти лет. Я почувствовал, что мое сердце сильно заколотилось, внезапно меня охватило сильное волнение. Слегка подрагивающей рукой я поставил свечу на стол,

стараясь придвинуть ее как можно ближе к моей находке, так что слабый дымок ударил мне в нос и я закашлялся. Что же было в этой книге? Скрепленные печатями документы, содержащие подробные описания участков проданной земли, имена покупателей, цены и даты. Я просмотрел наиболее поздние бумаги по четырем самым крупным сделкам, совершенным за последний год, и обнаружил, что ни одна из них не нашла отражения в регистрационной книге монастыря. В общей сложности выручка составила добрую тысячу фунтов стерлингов. Сумма, прямо скажем, внушительная. Кроме того, я узнал, что в самой крупной купле-продаже принимал участие один из родственников Джерома. От этой новости у меня перехватило дыхание. Так вот какую книгу, должно быть, удалось раздобыть Синглтону!

Недолго думая, я взял со стола бумагу с пером и принялся наскоро списывать некоторые сведения. Возможно, Копингер сумеет найти подтверждение тому, земельные сделки на самом деле имели место. Наконец-таки у меня в руках были не какие-нибудь небылицы, не чьи-то домыслы и соображения, а документальные свидетельства. Хватит ходить вокруг да около. Пора было хорошенько нажать на брата Эдвиг. Под гнетом столь неопровержимых улик вряд ли он сможет отвертеться.

Я вернул книги на место. Пытаясь отыскать ответы на различные вопросы, которые возникли в связи с вновь открывшимися обстоятельствами, я предался размышлениям, расхаживая туда-сюда по комнате. Прежде всего меня интересовало, были ли вовлечены в мошенничество казначей и сам аббат. Ведь не кто иной, как Фабиан, являлся хранителем монастырской печати. Безусловно, и тому и другому было доподлинно известно, что их темные дела тотчас выплывут наружу, если в монастырь вторгнутся чиновники Палаты перераспределения монастырского имущества. А что, если неким обманным путем Эдвиг заполучил доступ к печати и использовал ее за спиной аббата? Ведь сделать это было совсем нетрудно. И наконец, куда делись деньги? Выручка от торговли землей должна была принести целый мешок золота. Я продолжал стоять посреди комнаты, задумчиво глядя на корешки бухгалтерских книг, ровными рядами выстроенных вдоль стен.

Вдруг что-то отвлекло меня. Это было колыхание свечи, и я сразу догадался, что позади меня открылась дверь, через которую потянуло сквозняком. Я медленно обернулся и встретился глазами с братом Эдвигом, стоявшим на пороге комнаты. Он бросил быстрый взгляд на стол, который, на мое счастье, я уже успел закрыть.

– Никак не ожидал тут кого-нибудь встретить, с-сэр, – скрестив руки на груди, произнес он. – Вы меня напугали.

– Странно, что вы не окликнули меня сразу, как вошли.

– Я был так удивлен, что не сразу опомнился.

– Да будет вам известно, что мне дозволено осматривать все без исключения помещения монастыря. Для начала я решил взглянуть на ваши расчетные книги. Те, что подпирают здесь стенки.

Интересно, не видел ли он, как я рылся у него в столе? Скорей всего, нет. В противном случае я почувствовал бы сквозняк раньше.

– Должен заметить, что эти отчеты вряд ли вас заинтересуют. Дело в том, что все они старые.

– Это я и сам уже понял.

– Рад вас видеть, с-сэр. – Уста Эдвига чуть тронула невеселая улыбка. – Мне хотелось бы принести вам извинения за свою сегодняшнюю вспышку. Но поймите меня правильно. Я был очень расстроен тем, что прервалась церемония. Прошу вас, не воспринимайте слишком серьезно слова, сказанные в безрассудной горячности.

– Я знаю, что многие люди думают так же, как вы. – Я переложил одну из книг на другое место. – Но вы ошибаетесь. Деньги, которые попадают в казну, король использует на благо всего общества.

– Вы в с-самом деле так думаете, сэр?

– А вы нет?

– Это в наши-то дни, когда все мужи одержимы алчностью? Ведь недаром говорят, что ничто так не отталкивает и ничто так не притягивает, как жадность. Друзья к-короля беспрестанно склоняют его к всякого рода расточительству. Да и вообще, кто может взять на себя смелость подсчитывать расходы сильных мира сего?

– Бог. Он передал заботу о благосостоянии людей в руки короля.

– И все же у главы к-королевства несколько иные предпочтения, – продолжал брат Эдвиг. – Прошу понять меня правильно, я никоим образом не хочу подвергнуть критике короля Генриха.

– Это было бы неблагоприятно.

– Я имею в виду всех п-правителей в целом. Мне хорошо известно, что они пускают деньги на ветер. Я видел собственными глазами, как это происходит в армии.

В его глазах появился оживленный блеск, которого не было прежде и который свидетельствовал о его явной расположенности к данной теме. Это внезапное преобразование придало облику монаха больше человечности.

– Да ну? – побуждая его продолжать разговор в том же русле, произнес я. – Как это следует понимать, брат Эдвиг?

– М-мой отец служил в армии казначеем, сэр. Все свое детство я провел при нем, изучая данное ремесло. Двадцать лет назад мне довелось находиться при армии короля Генриха в то время, когда он вел войну с Францией.

– Тогда, когда его обманул испанский король, пообещав ему поддержку и не сдержав своего слова?

Эдвиг кивнул.

– И все это совершалось во имя с-славы и завоевания, – продолжал он. – Будучи ребенком, я успел насмотреться на то, как бесчинствовали солдаты разных армий по всей Франции. Видеть трупы для меня стало самым п-привычным делом, сэр. Помнится, они лежали в лагере длинными рядами и с каждым днем все сильнее зеленели. А на воротах обычно вешали пленников.

– Война – ужасная вещь, – согласился я. – Не смотря на то что многие считают ее делом благородным.

Эдвиг энергично закивал.

– А к раненым всегда приходили священники, – продолжал он. – Давали им мази. Пытались залатать то, что человек разорвал на части. Именно тогда я дал себе слово принять духовный сан. Посвятить свои способности к счету служению Церкви. – У него на устах снова заиграла улыбка, на сей раз в ней было больше жизни, хотя она и напоминала ухмылку. – Люди считают меня скрягой, да?

Вместо ответа я пожал плечами.

– А по-моему, каждый попавший в церковь г-грош отвоеван от г-грешного мира для Бога. Вы понимаете, что я имею в виду? Он идет на поддержку наших молитв. Нашей благотворительности. В том, что мы

даем беднякам милостыню, нет никакой корысти. Нам надлежит это делать по нашей вере.

– А короли, по-вашему, имеют возможность выбора, которым могут воспользоваться или пренебречь?

– Именно. Кроме того, мы получаем плату за служение мессы по усопшим. Это доброе дело в глазах Божьих, сэр. Оно помогает душам проходить чистилище. И приносит заслугу дающему.

– Опять чистилище. Вы в самом деле в него верите?

Он решительно закивал.

– Это вполне реальное место, сэр. Пренебрегая им, мы рискуем навлечь на себя много страданий. И разве вы не находите разумным то, что Бог взвешивает наши грехи и заслуги для того, чтобы вернуть нас в равновесие, подобно тому, как, например, я привожу в порядок свои счета?

– По-вашему выходит, Бог – крупный счетовод.

Он кивнул.

– Самый большой из всех. Чистилище существует. Оно находится у нас под ногами. Вы никогда не слыхали об огромных вулканах Италии, извергающих огонь чистилища?

– Вы боитесь его?

Он склонил голову в знак согласия.

– Думаю, его все боятся. – Эдвиг замолчал, собираясь с мыслями и изучая меня внимательным взглядом. – Простите меня, но, кажется, ваши Десять догматов отнюдь не отрицают существования чистилища.

– Разумеется, нет. Вы говорите вполне дозволенные вещи. И довольно интересные. Но в то же время что предположили, что король может не взять на себя ответственность в своем руководстве Церковью. Я правильно вас понял?

– Я сказал, сэр, что имею в виду королей в целом. И имел в виду Церковь, а не Папу. Принимая это во внимание, м-мои взгляды никоим образом нельзя назвать еретическими.

– Ну хорошо. Скажите, пожалуйста, учитывая ваше воинское происхождение, вы умеете владеть мечом?

– Настолько хорошо, чтобы отрубить голову вашему предшественнику?

Я удивленно поднял брови.

– Я д-догадался, как это произошло, едва лишь приехал из поместья и услышал о том, как выглядит тело. В юности мне довелось достаточно п-повидать обезглавленных трупов. Прежде чем я отрекся от этого мира, когда достигнул совершеннолетия, на моих глазах пролилось немало крови.

– Однако жизнь монаха не лишена своих недостатков, не правда ли? Например, обет безбрачия. Наверняка соблюсти его непросто.

Его спокойствие явно поколебалось.

– Что вы имеете в виду?

– Помимо смерти эмиссара, я также расследую обстоятельства гибели молодой девушки. – Я рассказал ему о теле, обнаруженном в пруду. – Ваше имя, наряду с прочими, числится в списке тех, кто вел себя не лучшим образом по отношению к ней.

Он тяжело опустился на стул, стоявший возле стола, и низко склонил голову, так что я не видел его лица.

– Обет безбрачия в самом деле с-соблюсти тяжело, – тихо вымолвил он. – Не думайте, что мне доставляют наслаждение одолевающие меня побуждения плоти, как утверждают многие. Я ненавижу эти дьявольские страсти. Они разрушают здание священной жизни, которое с таким трудом приходится возводить. Да, сэр, я желал эту девушку. Это такая же правда, как то, что я человек робкий. Но прошу вас заметить, в-всякий раз, когда я слышал от нее грубое слово, я удалялся прочь. А потом вновь возвращался. Казалось, она меня искушала, как искушает мужчин страсть славы, побуждая идти на войну.

– Неужели она в самом деле вас искушала?

– Иначе и быть не могло. Она была женщиной. А зачем еще нужны на земле женщины, если не затем, чтобы искушать мужчин? – Он тяжело вздохнул. – Она покончила с собой?

– Нет, у нее была сломана шея.

– Нельзя было ей з-здесь появляться. Женщины – орудия дьявола.

– Брат Эдвиг, – тихо сказал я, – хоть вы и называете себя застенчивым, я нахожу вас самым твердым человеком в здешнем обществе. Позвольте мне покинуть вас и оставить наедине с цифрами.

Я вышел на лестничную площадку и остановился, чтобы собраться с мыслями. Прежде я был уверен, что убийца – Габриель, который

совершил преступление в порыве страсти. Но если мы с Синглтоном обнаружили одну и ту же книгу, то у брата Эдвиги имелся явный мотив убрать моего предшественника. Однако даже если допустить, что Синглтон стал жертвой чьей-то минутной одержимости, все равно я не мог себе представить в этой роли казначея, ибо не заметил у него никакой иной одержимости, кроме страсти к счетоводству и деньгам, хотя мошенничество, вне всяких сомнений, было на его совести. К тому же в ночь убийства Синглтона брата Эдвиги в Скарнси не было.

Я уже собрался уходить, когда мое внимание вдруг привлекли два желтых огонька, мелькнувших вдалеке на болоте. И я сразу вспомнил о том, что земельная торговля должна была принести целый мешок золота. А также о том, что в тот день, когда я ходил на болото, мне повстречался брат Эдвиг. Как же я об этом раньше не догадался? Если кому-нибудь понадобится перепрятать в укромном месте золото, вряд ли кто-нибудь справится с этой задачей лучше настоящих контрабандистов. Я поспешил в лазарет.

Элис, сидя за столом в кухне приора, резала на мелкие кусочки корни какой-то травы. В первый миг она бросила на меня полный враждебности взгляд, но потом все же заставила себя выдавить приличествующую случаю улыбку.

– Готовите одно из снадобий брата Гая? – осведомился я.

– Да, сэр.

– Господин Марк вернулся?

– Он у себя в комнате, сэр.

Меня больно уколола сквозившая в ее напускной учтивости отчужденность. Очевидно, Марк рассказал ей о нашем разговоре.

– Я только что побывал в казначействе. И видел оттуда огни на болоте. Как вы думаете, не появились ли там опять контрабандисты?

– Не знаю, сэр.

– Вы говорили господину Марку, что можете показать нам дорогу.

Она насторожилась.

– Да, сэр.

– Мне бы хотелось повидать этих людей. Не могли бы вы проводить меня к ним?

Элис ответила не сразу.

– Мне нужно кое-что сделать по поручению брата Гая, – наконец отозвалась она.

– А если я его сам попрошу об этой услуге?

– Ваше право, сэра.

– Кроме того, мне бы хотелось с вами еще кое о чем потолковать.

Чисто по-дружески, если вы, конечно, не против.

Она отвернулась.

– Если брат Гай велит мне вас сопровождать, разумеется, я не посмею его ослушаться.

– Хорошо, я поговорю с ним, – таким же ледяным тоном ответил я.

Меня больно задело, можно даже сказать, оскорбило ее холодное отношение ко мне и, направляясь к себе в комнату, я едва сдерживал гнев. Марк с мрачным видом глядел в окно.

– Я попросил Элис показать мне дорогу на болото, – с ходу сказал я. – Там только что мерцали огни. Судя по тому, как она со мной держалась, я делаю вывод, что ты рассказал ей о моем совете оставить ее в покое.

– Я сказал ей о том, что вы находите наши отношения предосудительными.

Сняв плащ, я швырнул его на пол и буркнул:

– Так оно и есть. Ты передал аббату мое распоряжение?

– Могила господина эмиссара будет очищена к завтрашнему дню.

И вслед за этим они сразу возьмутся за осушение пруда.

– Мне хотелось бы, чтобы ты лично при этом присутствовал. Мы с Элис завтра пойдем на болото. Я с ней уже обо всем договорился. Так что все сожаления по этому поводу можешь оставить при себе. Видишь ли, мне кажется, что контрабандисты могут иметь некоторое отношение к нашему делу. Потом я собираюсь съездить в город. Хочу повидаться с Копингером.

Я поведал Марку о том, что обнаружил в столе брата Эдвиги.

– Как бы мне хотелось сейчас оказаться среди нормальных людей! – посетовал Марк, явно избегая моего взгляда. – Здесь, куда ни повернись, наткнешься если не на контрабандиста, то на вора.

– Ты хорошенько обдумал то, о чем мы с тобой толковали? Я имею в виду, чем ты займешься, когда вернешься в Лондон?

– Нет, сэра, – пожал плечами он. – В Лондоне тоже хватает воров и разбойников.

– Тогда, может, тебе лучше вообще удалиться от мира. Будешь жить среди деревьев и птиц, – не без колкости предложил я. – Пора мне принять снадобье брата Гая и хорошенько поспать до обеда. Такого длинного и трудного дня, как сегодня, я за всю свою жизнь не припомню.

ГЛАВА 23

В тот день вечерняя трапеза прошла в довольно натянутой обстановке. Перед ее началом аббат призвал всех и каждого соблюдать тишину и присоединиться к нему в молитве за душу неизвестного усопшего, тело которого было обнаружено в пруду. На лицах монахов читался испуг, и я многократно ловил на себе их встревоженные взгляды. Казалось, ощущение близкого конца, говоря словами аббата, уже распространилось почти по всему монастырю. Мы с Марком возвращались в лазарет в глубоком молчании. Помимо охватившей нас сильной усталости, я чувствовал, что после того, как я запретил ему ухаживать за Элис, он отдалился от меня. Едва мы добрались до нашей комнаты, как я буквально рухнул в кресло. Марк же устремился к камину, чтобы подбросить в него еще несколько поленьев. У меня до сих пор не шли из головы обстоятельства моей последней встречи с братом Эдвигом, о которой я уже рассказывал Марку.

– Если завтра утром я запрошу Копингера навести о нем справки, то ответ, скорей всего, придет на следующий день. Подтвердись хотя бы одна из сделок по продаже земли, можно будет привлечь Эдвигу за мошенничество. А это уже достаточно веский мотив для убийства.

Марк безучастно сидел на подушках напротив меня однако, когда речь зашла о деле, его лицо осветилось живым интересом. Какие бы ни случались между нами перепалки, они никоим образом не отражались на его желании найти убийцу. Мне хотелось проверить свои размышления, подключив к ним острый ум моего помощника, и, не скрою, мне было приятно встретить в нем горячую поддержку.

– Вы не находите странным, сэр, что его вечно нет на месте? Ни в тот день, когда Синглтон нашел книгу, ни в ту ночь, когда было совершено убийство.

– Что верно, то верно. Об этом знал только Ателстан. Но он утверждал, что был нем, как рыба.

– А что, если убийца сам Ателстан?

– Чтобы он обезглавил человека? Да к тому же эмиссара лорда Кромвеля? Ну уж нет! Вспомни, как он был перепуган, когда

предлагал мне себя в качестве соглядатая. Ему не хватило бы духу порешить даже мышку.

– А не слишком ли близко к сердцу вы восприняли чувствительность его натуры?

В тоне Марка сквозили насмешливые нотки.

– Ну хорошо. Предположим, я слишком увлекся логической цепью рассуждений, которую выстроил, подозревая брата Габриеля. Уж очень все гладко складывалось. Однако мы не имеем права не принимать во внимание человеческие характеры. Ты же не будешь возражать, что Ателстан для такого дела, как убийство, явно слаб?

– А почему тогда его вдруг так озаботила судьба брата Эдвига? Какое ему дело до того, понесет тот наказание или нет? Не сказал бы, что он являет собой воплощение благочестия. И вообще, вряд ли бы он слишком горевал, полети хоть весь монастырь в тартарары.

– А как, по-твоему, он смог бы справиться с мечом? Хотелось бы знать, откуда вообще здесь это оружие. Возможно, в Лондоне мне удастся выяснить по клейму, кто его изготовил. Пожалуй, обращусь-ка я в гильдию кузнецов мечей. Надеюсь, там мне что-нибудь подскажут. Вот только одна беда: боюсь, как бы мне не застрять здесь из-за непогоды.

– Сэр, а что, если Синглтон успел кому-нибудь еще рассказать о том, что обнаружил в казначейском домике, и этот «кто-то» решил от него избавиться? Таковым, например, мог оказаться аббат. В конце концов, его печать стояла на всех этих документах.

– Не исключено. Хотя печать, которой он пользовался, лежала у него на столе. В его отсутствие ею кто угодно мог воспользоваться.

– Тогда давайте рассмотрим в качестве обвиняемого приора Мортимуса. Этому человеку вполне достанет грубости и силы, чтобы убить человека. И разве не он вместе с братом Эдвигом заправляет тут всеми делами?

– Хочешь сказать, что эти двое работают в одной упряжке? Замешаны в одном мошенничестве? Не знаю, что и сказать. Ответ на этот вопрос я могу получить только от Копингера. – Я вздохнул. – Сколько прошло времени с тех пор, как мы уехали из Лондона? Неделя? Должен сказать, что лично мне она показалась длиной в целую жизнь.

– Шесть дней.

– Страсть как хочется вернуться домой. Но письмо по такой погоде дойдет только через несколько дней. Неужели этому никогда не будет конца?

– Такое впечатление, что нет.

Вскоре после того, как Марк залез в свою маленькую койку, я сел и, уставившись на играющий огонь в камине, вновь предался раздумьям. За окнами, сплошь закрытыми морозными узорами, слышался колокольный звон, созывающий монахов на вечерню. Что бы ни случилось в монастыре, какие бы ужасы ни произошли ночью, служба продолжала идти своим чередом.

Я думал о лорде Кромвеле, который в Лондоне ждал от меня вестей. Нужно было во что бы то ни стало попытаться отправить ему сообщение, пусть даже я не мог известить его ни о чем, кроме еще двух убийств. Я представлял себе его гневное выражение лица, представлял, как он будет сыпать проклятиями и выражать сомнения относительно моей преданности. Но если Копингер подтвердит факты совершения сделок, касающихся продажи монастырской земли, у меня появится возможность арестовать брата Эдвигу за мошенничество. Я уже начал рисовать в своем воображении то, как буду его допрашивать в тюрьме и как в каком-нибудь подземелье надену на него наручники. К своему удивлению, я обнаружил, что эта картина доставляет мне явное удовольствие. Данное обстоятельство немало меня встревожило. Я был вынужден напомнить себе, что неприязнь к человеку и перспектива получить над ним власть могут легко сбить кого угодно с пути истинного. Овладевшее мною чувство вины переключило мои размышления на Марка и Элис. Насколько чисты были мои мотивы по отношению к ним? Все, что я наговорил Марку об их общественном неравенстве, а также о его обязательствах перед семьей, безусловно, являлось чистой правдой. И все же я не мог не признаться, что в глубине души меня грыз червь зависти. Вспомнив о том, как они в кухне предавались страстным объятиям, я закрыл глаза и представил на месте Марка себя, меж тем как мой младший товарищ мерно посапывал в своей постели.

Я молил Бога, дабы он направил мои мысли на праведный путь – тот, по которому мог бы следовать Христос. Потом я, очевидно, и сам забылся сном, потому что, когда я открыл глаза, огонь в камине давно

погас, а у меня ныла спина и я весь дрожал от холода Должно быть, прошло несколько часов. Превозмогая боль, я поднялся с кресла, разделся и лениво забрался в постель.

Сон одолел меня сразу, едва моя голова коснулась подушки. Проснувшись на следующее утро, я ощутил себя таким посвежевшим, каким не чувствовал уже целую неделю. После завтрака я написал письмо судье Копингеру и отдал его Марку.

– Отнеси его в Скарнси прямо сейчас. Попроси, чтобы Копингер по возможности прислал мне ответ завтра.

– Мне казалось, вы собираетесь увидеться с ним лично.

– Для начала мне хотелось бы сходить на болото. – Я взглянул на небо, которое вновь заволкли мрачные тучи. – Скажи аббату, чтобы могилу Синглтона очистили к твоему возвращению. А как насчет пруда? Все подготовлено к осушению?

– У них для этой цели есть сточный колодец. По всей видимости, они выгребают ил из пруда приблизительно раз в десять лет.

– А когда они делали это в последний раз?

– Три года назад.

– Значит, тело могло пролежать там несколько лет. Если вообще не вечно.

Возможно, убийца хотел от него быстро отделаться.

– Да. К тому же потом было бы трудно его оттуда достать.

– Сейчас нам нет смысла идти в церковь.

– Верно. Для начала надо осушить пруд. Тебе предстоит трудный день, – добавил я, пытаюсь придать своим словам сочувствие, но достиг прямо противоположного эффекта, ибо Марк снова замкнулся в себе.

– Да, сэр, – сухо произнес он и вышел из комнаты.

Прочитав корреспонденцию, которую доставил мне мальчик, служащий у аббата, я отправился искать Элис. Предвкушая встречу с ней, я волновался и нервничал, подобно юнцу, трепещущему перед первым свиданием. Брат Гай сообщил мне, что она развешивает травы и скоро освободится. Поэтому я вышел во двор, чтобы взглянуть, какую погоду на ближайшее время сулит нам судьба. Высоко в небе плыли тучи, которые, кажется, не предвещали скорого снегопада. При мысли о нескончаемом холоде меня бросало в дрожь.

Вдруг мое внимание привлекли громкие голоса. Возле сторожевого дома дрались двое мужчин. Один из них был одет в черное, другой – в белое. Я бросился к ним. Вцепившись крепкой хваткой в Джерома, приор Мортимус пытался вырвать у него из руки какую-то бумагу. Несмотря на свою немощность, картезианец сопротивлялся с яростью лютого зверя. Стоявший рядом с ними привратник Багги держал за шиворот извивающегося парнишку.

– Отдай, отдай сейчас же, ублюдок! – рычал приор.

Джером попытался засунуть бумагу в рот, но в этот миг приор Мортимус ударил его ногой по лодыжкам, и тот повалился спиной в снег. Вырвав у него листок, Мортимус с гордостью победителя выпрямился, пытаясь восстановить ровное дыхание.

– Это что еще за безобразие? – строго спросил я.

Прежде чем приор успел ответить, Джером при поднялся на локте и смачно в него плюнул, оставив на черном облачении монаха слизистое пятно. Фыркнув от отвращения, тот пнул ногой обидчика в ребра, и картезианец, взыв от боли, исчез в туче вздыбленного снега. После этого приор Мортимус протянул мне письмо.

– Взгляните, сэр. Я застал его как раз тогда, когда он пытался тайно передать вот это.

Взяв конверт, я прочел имя адресата.

– Оно предназначалось сэру Томасу Сеймуру!

– Тому самому, который является советником ко роля?

– И младшим братом королевы.

Мельком взглянув на Джерома, который смотрел на нас диким зверем, я поспешно открыл конверт и начал читать. От первых же строк у меня по спине побежали мурашки. Обращаясь к Сеймуру как к двоюродному брату, Джером сообщал, что находится в заточении в одном из развратных домов Англии, в котором недавно было совершено убийство королевского эмиссара. Кроме того, он утверждал, что имеет сведения о злодеяниях лорда Кромвеля. За этим следовал рассказ о пытках придворного музыканта, которого звали Марком Смитомом, а также о встрече с ним самого картезианца.

«Теперь меня держит в заключении другой эмиссар Кромвеля. Некий горбун с мрачной физиономией. Данную историю, сэр, я рассказал вам на случай, если вы найдете необходимым использовать

ее против проклятого орудия Антихриста, коим я считаю лорда Кромвеля. Люди и так его ненавидят, а узнав эти факты, будут ненавидеть еще пуще».

Я скомкал бумагу в руке.

– Как ему удалось выбраться из камеры? – спросил я у приора.

– Он исчез сразу после заутрени. Я пошел его искать. Тем временем к нашему Багги явился мальчик из приюта для бедных. Он сказал, что пришел забрать письмо у одного из монахов. Багги – человек подозрительный. Он не позволил ему войти.

Привратник кивнул в знак согласия, пошевелив костяшками пальцев под воротником мальчонки, который к этому времени уже перестал сопротивляться и в недоумении уставился на лежавшего на снегу Джерома.

– Кто направил тебя сюда? – осведомился я у юнца.

– Служка прислал мне записку, сэр, – дрожащим голосом пролепетал тот, – в которой просил забрать здесь письмо и снести в Лондон на почту.

– Вот что я нашел при нем.

Багги раскрыл ладошку мальчика, на которой лежало золотое кольцо.

– Ваше? – спросил я у Джерома.

Он демонстративно отвернулся.

– Кто был тот служитель, что прислал записку? – продолжал я допрашивать мальчишку. – Говори, не то хуже будет. Ты и так уже вляпался по самые уши, парень.

– Мистер Гриндстаф, сэр. Тот, что служит на кухне. Он заплатил мне кольцом за работу и почтовую карету.

– Гриндстаф! – презрительно фыркнул приор. – Он доставлял Джерому еду. Перемены ему всегда бы ли не по нутру. Сегодня же его вышвырнут отсюда вон. Если только вы, сэр, не сочтете необходимым применить к нему более жесткие меры.

– Нет, – покачал головой я. – Главное, следите за тем, чтобы Джером сидел под замком. Не следовало ему позволять присутствовать на службах. Теперь видите, что из этого вышло. – И, обернувшись к привратнику, я добавил: – Отпустите мальчишку.

Багги проводил парня до ворот и вышвырнул его на дорогу.

– А ну, вставай!

Приор Мортимус пнул Джерома в бок. Тот попытался подняться, но не смог и снова упал на спину.

– Не могу, проклятая скотина, – огрызнулся он.

– Помогите ему встать, – попросил я привратника. – И запирайте в келье.

Багги поднял Джерома на ноги и увел прочь.

– У Кромвеля много врагов, – крикнул мне Джером через плечо. – Смерть его не за горами!

– Нет ли у вас какой-нибудь комнаты, в которой мы могли бы уединиться? – спросил я приора.

Он провел меня через крытую аркаду в теплое помещение, в котором горел камин. На покрытом бумажной скатертью столе стоял графин вина. Приор разлил его нам по чашкам.

– Скажите, Джером в первый раз исчез после службы?

– Да. Мы с него все время глаз не спускаем.

– Как вы считаете, не мог ли он передать письмо в какой-нибудь из предыдущих дней?

– Начиная с того времени, как вы прибыли к нам и мы его посадили за решетку, – нет. А прежде – пожалуй, да.

Я кивнул, грызя ноготь.

– Отныне придется тщательней следить за ним. Письмо – это нешуточное дело. Мне придется незамедлительно поставить в известность о случившемся лорда Кромвеля.

Приор окинул меня оценивающим взглядом.

– Не сочтете ли вы возможным также сообщить лорду Кромвелю, что письмо перехватил некий преданный королю монах?

– К этому вопросу мы еще вернемся, – холодно ответил я. – Сейчас я хочу поговорить с вами совсем на другую тему. Орфан Стоунгарден.

Он медленно кивнул.

– Да, слышал я, как вы ставите свои вопросы.

– Неужели? Прощу заметить, что, помимо прочих братьев, по делу этой девушки упоминалось и ваше имя.

– Даже самым старым монахам не чуждо сладострастие. А эта особа, скажем прямо, была весьма симпатичным созданием. Ну, пытался я заставить ее немного позабавиться со мной. Но ведь я же этого не отрицаю.

– Как? И это мне говорите вы, обязанностью которого является соблюдать дисциплину и порядок в монастыре? Вы, который еще вчера меня уверял, что, только соблюдая тот самый порядок, за который вы так ратовали, мы можем удержать мир от хаоса?

Он неловко поерзал в кресле, а затем резко произнес:

– Легкие забавы с горячей девушкой не могут идти ни в какое сравнение с теми неестественными страстями, которые разрушают надлежащие между монахами отношения. Согласен, в этом вопросе я не безупречен. Как, впрочем, и все остальные. За исключением святых, да и то не всех.

– Когда слышишь от вас подобные слова, приор Мортимус, весьма легко заподозрить вас в лицемерии.

– О, помилуйте, сэр, разве не все мужчины лицемерны? Я не желал девчонке никакого зла. Она достаточно быстро отвергла мои притязания. Тем не менее старый педераст Александр успел донести на меня аббату. Мне было искренне жаль ее потом, – негромко добавил он, – когда она бродила повсюду, как привидение. Однако я больше ни разу к ней не подошел. Ни разу ни о чем не заговорил.

– А вы, случайно, не знаете иных монахов, которые, подобно вам, подвергали ее своим домогательствам? По крайней мере, госпожа Стамп уверена, что таковые были.

– Нет, – отрезал он, внезапно помрачнев. – Иначе не стал бы скрывать этого от вас. – Он глубоко вздохнул, после чего добавил: – До чего же ужасно было видеть ее вчера! Я сразу ее узнал. Вернее сказать, догадался, что это она.

– И госпожа Стамп тоже. – Я сложил руки на груди. – Брат приор, ваши прекрасные чувства меня воистину поражают. Мне с трудом верится, что вы тот самый человек, который полчаса назад пинал ногами человека.

– Каждому человеку надлежит пройти трудный земной путь. А монаху тем более. Ему приходится не только преодолевать посланные Богом испытания, но и обуздывать искушения. Совсем другое дело – женщины. Они заслуживают мирной жизни, если ведут себя достойно. Орфан была хорошей девушкой. Не в пример той распутной особе, что ныне служит в лазарете у брата Гая.

– Я слышал, на нее вы тоже положили глаз.

На мгновение воцарилось тяжелое молчание.

– Уверяю вас, я не преследовал ее. Так же, как и Орфан. Она мне отказала, и я больше ни разу к ней не приставал.

– Не преследовали Орфан, в отличие от других. Да? Брата Люка, например? – Я остановился. – А также брата Эдвиги?

– Да, о них брат Александр тоже доложил аббату, – ответил приор и со злостью добавил: – Вместо того чтобы указать на собственные, куда большие грехи. Разобравшись с братом Люком и братом Эдвигом, аббат велел им оставить девушку в покое. Так же, как и мне. Он редко говорит со мной подобным образом. Но в тот раз сделал довольно строгое внушение.

– Скажите, пожалуйста, правда ли то, что вы с братом Эдвигом здесь всем заправляете?

– Но должен же кто-то это делать? Аббата Фабиана гораздо больше увлекает охота с местным мелкопоместным дворянством. Мы же не можем спокойно смотреть на те ужасы, которые творятся у нас в монастыре.

Мне хотелось перевести разговор на другую тему, упомянув вскользь о торговле землей. Меня подмывало посмотреть на то, какое впечатление это произведет на приора. Но, не имея в руках доказательств, я решил не торопиться, дабы не упустить такой козырь, как неожиданность.

– Я никогда не верил в то, что она украла эти чаши и сбежала, – тихо заметил он.

– Однако госпоже Стамп вы сказали, что это сделала она.

– Но ведь со стороны это выглядело именно так. Кроме того, нам велел придерживаться данной версии сам аббат. Кстати сказать, это преступление его не на шутку встревожило. Надеюсь, вы найдете того, кто так поступил с ней, – и мрачным голосом добавил: – Когда правда выйдет наружу, я не потерплю здесь присутствия этого злодея ни одной минуты.

Я посмотрел на его лицо – оно было преисполнено праведного гнева.

– Представляю, какое удовольствие вам это доставит, – холодно заметил я. – А теперь прошу меня простить. Я опаздываю на встречу.

Облаченная в старую суконную плащ-накидку и большие калоши, Элис ожидала меня в лазарете.

– Вам следовало бы надеть что-нибудь потеплее, – посоветовал я. – На дворе холодно.

– Ничего, не замерзну, – крепче закутавшись в свое тряпье, сказала она. – Эта одежда досталась мне от мамы. Она согревала ее тридцать зим.

Мы с ней направились к воротам, расположенным в задней монастырской стене, по той самой тропинке, которую мы с Марком протоптали день назад. Меня нисколько не смущало то обстоятельство, что, в отличие от большинства других мужчин, которым Элис уступала в росте, я был на добрый дюйм ниже ее. Мой горб давал мне другое преимущество: смотреть женщинам прямо в глаза. Я не знал толком, что притягивало меня и Марка к Элис, которая по общепринятым меркам отнюдь не была красавицей. Замечу, что жеманные блондинки, застенчивые и бледнолицые, столь почитаемые нашим обществом, никогда меня не интересовали. То, что меня воистину привлекало, было сродни вспышке, возникающей при встрече двух сильных духов, в предвкушении которой томилось мое сердце.

Мы миновали могилу Синглтона. До сих пор не покрытая снегом, она выделялась коричневым пятном на белом пейзаже. Элис держалась со мной так же отчужденно, как и Марк. Их молчаливая дерзость приводила меня в бешенство. Интересно, они специально договорились вести себя со мной подобным образом или же это происходило естественно? В конце концов, существует не так уж много средств выразить свое недовольство теми, кто облечен властью.

В саду собралось множество ворон, которые расселись по деревьям и подняли громкий гвалт. Дабы как-нибудь завести разговор с девушкой, я позволил себе предположить, что ее детские игры, по всей очевидности, проходили в окрестности болота.

– Рядом с нами жили два маленьких мальчика, – ответила она. – Два брата. Ноэл и Джеймс. Мы всегда играли вместе. Они были родом из потомственных рыбаков и знали все тропинки на болоте, все внешние признаки твердой земли. Их отец, кроме всего прочего, был контрабандистом. Теперь они все погибли. Их корабль попал в шторм пять лет назад.

– Мне очень жаль.

– Такая судьба постигает почти всех рыбаков. – Она обернулась, и я почувствовал дружелюбную ноту в ее голосе. – Если народ возит во

Францию переработанное сукно, а обратно – вино, это говорит только о том, что он беден.

– Я никого не собираюсь преследовать, Элис. Мне просто любопытно было бы знать, не могли ли какие-нибудь неучтенные деньги или, скажем, старые, давно забытые церковные реликвии быть переправлены этим путем.

Впереди нас показался рыбный пруд. Немного поодаль несколько послушников под присмотром какого-то монаха трудились возле запруды на ручье, и я заметил, что уровень воды в пруду уже снизился.

– Брат Гай рассказывал мне о той несчастной девушке, – плотнее закутавшись в суконную накидку, произнесла Элис. – Говорил, что она выполняла ту же работу, что и я.

– Да, верно. Но у бедняжки не было ни одного заступника, кроме Саймона Уэлплея. Вы – совсем другое дело. Вас есть кому защитить. – Я заметил тревогу у нее во взоре и, чтобы ее успокоить, улыбнулся. – Пойдемте к воротам. У меня есть ключ.

Оказавшись за пределами монастырской стены, я вновь окинул взором покрытое снегом болото, видневшуюся за ним вдалеке речку и небольшой холм с полуразрушенными постройками, который находился приблизительно на полпути от нее.

– В первый раз, когда я вышел отсюда, то чуть было не провалился в топь, – произнес я. – Вы уверены, что сумеете найти безопасную тропу? Не могу даже себе представить, как вы собираетесь разглядеть какие-то отличительные знаки, когда все скрыто под снегом.

– Видите вон те высокие камыши? – указала на них Элис – Вопрос только в том, как найти среди них те, которые нам нужны, чтобы держаться на нужном расстоянии от них. Среди болота встречаются островки суши, а заросли камышей являются своего рода указателями. – Она сделала шаг в сторону от тропы и проверила ногой твердость поверхности. – Местами будет встречаться ледяная корка. Будьте осторожны. В нее недолго провалиться.

– Знаю. Именно это со мной в тот раз и произошло. – Я замешкался на краю берега и, нервно улыбнувшись, добавил: – Имейте в виду, жизнь королевского эмиссара теперь целиком в ваших руках.

– Я учту это, сэр.

Она несколько раз прошла взад-вперед вдоль тропы, размышляя, где лучше ее перейти, и потом, велев мне идти точно по ее следам,

ступила на болотистую почву.

Она шла медленно и уверенно, часто останавливаясь, чтобы удержать равновесие. Поначалу мое сердце сильно колотилось. Оглянувшись назад, я не без внутреннего трепета обнаружил, что мы достаточно далеко удалились от монастыря, а следовательно, и от возможности получить подмогу в случае, если кто-нибудь из нас провалится в болото. Однако Элис двигалась решительно и неколебимо. Иногда, когда я ступал по ее следам, почва была твердой, а другой раз отпечатки ее ног заполнялись маслянистой черной жижей. Несмотря на то что перемещались мы крайне медленно, вскоре я, к своему удивлению, обнаружил, что от холма с руинами нас отделяет не более пятидесяти ярдов. Вдруг Элис остановилась.

– Нам нужно взобраться на холм, – сказала она. – Там вниз к реке ведет другая тропа. Однако она более опасная.

– Неплохо бы для начала взобраться на холм, – резонно заметил я.

Через некоторое время мы ощутили под ногами твердую почву. Холм выдавался всего на несколько футов над уровнем болота, но с него открывался вид как на монастырь, так и на раскинувшуюся внизу речку, безжизненно-серую и безмолвную.

– Выходит, контрабандисты уносили свой товар именно этим путем?

– Да, сэръ. Несколько лет назад таможенные надзиратели пустились в погоню за контрабандистами, но сбились с пути. Двое из них за считанные секунды бесследно исчезли, проглоченные болотом.

Я проследил за ее взглядом, который блуждал по белоснежным просторам, и содрогнулся. Потом перевел взор на холм. Он оказался меньше, чем я себе представлял, а развалины домов не слишком отличались от груды камней. Одна из построек, несмотря на отсутствие крыши, сохранилась лучше других, и можно было даже разглядеть остатки кострища, которое выделялось на снегу черным пятном.

– Очевидно, люди в этих краях были совсем недавно, – заметил я.

Я поковырял золу тростью, надеясь найти в ней хоть какие-нибудь следы спрятанного золота, но напрасно: там ничего не было. Элис молча наблюдала за мной со стороны.

Приблизившись, я остановился с ней рядом.

– У первых монахов была трудная жизнь. Интересно, зачем они пришли сюда? Может быть, чтобы обрести безопасность?

– Говорят, что болото образовывалось постепенно, по мере того как река засорялась илом. Возможно, прежде здесь его вовсе не было. Просто был берег реки.

Мне показалось, что эта тема не слишком ее интересует.

– Однако этот пейзаж на редкость захватывающий. Знаете, в свободное время я люблю рисовать.

– Я видела только витражи на окнах церкви. Краски чудесные, но сами фигуры какие-то ненастоящие.

– Это потому, что не соблюдены пропорции. И нет ощущения расстояния, так называемой перспективы. Нынешние художники пытаются это передать на своих картинах. То есть показать вещи в их натуральном виде.

– Правда?

Ее голос прозвучал холодно и отчужденно. Смахнув снег с куска древней каменной стены, я присел.

– Элис, мне нужно с вами поговорить. О господине Марке.

Она мрачно посмотрела на меня.

– Знаю, он очень вами увлекся. И не сомневаюсь, что питает к вам самые благородные чувства.

Элис оживилась.

– Тогда почему вы, сэр, запрещаете ему со мной видеться?

– Отец Марка является управляющим фермы моего отца, который, должен вам заметить, весьма состоятельный человек. Однако, несмотря на это многообещающее обстоятельство, мне в жизни посчастливилось пойти своим путем. Я решил посвятить себя защите закона. И поступил на службу к самому лорду Кромвелю.

Я полагал, что этими словами произведу на Элис впечатление, но ошибся. Во всяком случае, выражение ее лица ничуть не изменилось.

– Мой отец дал слово отцу Марка, что я сделаю все возможное, чтобы помочь его сыну продвинуться по службе в Лондоне. И я это сделал. Но в этом, конечно, не только моя заслуга. Сыграли немаловажную роль острый ум и хорошие манеры господина Марка. – Я слегка откашлялся. – К сожалению, возникло одно печальное обстоятельство. Ему пришлось оставить свою должность...

– Да, знаю. Он мне рассказывал эту историю. О той высокородной даме, с которой у него вышел этот конфуз.

– Правда? Ну так вот, Элис, исполнив свою теперешнюю миссию, он может вернуть себе высокое покровительство. Это его последняя возможность. Если он ею воспользуется, то сможет продвинуться дальше, а значит, иметь счастливое и весьма обеспеченное будущее. Но для того, чтобы этого добиться, ему придется подыскать себе жену из своего круга. Элис, вы милая девушка. Будь вы дочерью лондонского торговца, я бы вам слова не сказал. Это было бы совсем другое дело. У вас была бы возможность выбирать даже между мною и Марком.

Надо сказать, что я вовсе не собирался этого говорить, последние слова вырвались неожиданно для меня самого.

Элис нахмурилась, тем не менее, судя по выражению ее лица, мне показалось, что она не постигла истинного смысла слов, случайно оброненных мною в порыве чувств.

– Так или иначе, – глубоко вздохнув, продолжал я, – если Марк намеревается расти по службе, то ухаживать за девушкой, занимающей положение прислуги, он не сможет. Понимаю, это звучит несколько жестоко, но так устроено наше общество.

– Тогда это гнилое общество. – Ее внезапно охватил гнев. – Я уже давно пришла к этому выводу.

– Однако смею заметить, что это общество для нас создал Бог, – встав с места, произнес я. – В счастье или в горе, но нам надлежит в нем жить. Неужели вы будете по-прежнему упорствовать, чтобы удержать возле себя Марка? Неужели желаете воспрепятствовать его продвижению? Во всяком случае, если вы будете настаивать на своем, именно так и случится.

– Я никогда ни в чем не буду ему помехой, – горячо заверила меня она. – Никогда не поступлю против его желаний.

– Однако позволю себе заметить, сейчас он может желать того, что со временем станет ему помехой.

– Так или иначе, но принимать решение должен только он сам. Правда, сказать он об этом все равно не сможет, ибо вы запретили нам разговаривать друг с другом.

– Неужели вы хотите разрушить его будущее? Помешать ему воспользоваться открывшимися перед ним перспективами?

Она смерила меня таким взглядом, что мне стало не по себе. Не помню, чтобы когда-нибудь в жизни женщина одним взглядом могла привести меня в подобное смятение.

– Подчас мне кажется, что меня намеренно пытаются лишить всех, кого я люблю, – тяжело вздохнув, произнесла она. – Возможно, такова участь всякой прислуги, – с горечью добавила она.

– Марк рассказывал, что у вас был парень, лесоруб, который будто бы погиб в результате несчастного случая.

– Если бы он был жив, я бы горя не знала в Скарнси. Потому что землевладельцы сегодня только и делают, что рубят леса. А теперь мне приходится прозябать в этом месте.

В уголках ее глаз заблестели слезы, но она сердито стерла их рукой. Я был бы рад прижать ее к себе и успокоить, но я знал, что ее могут утешить только другие объятия.

– Мне очень жаль. В жизни часто случается, что мы теряем тех, кого любим. Послушайте, Элис, монастырь не слишком перспективное место. Может, позвольте мне подыскать вам какую-нибудь должность в городе? Я мог бы это сделать через судью Копингера. Я рассчитываю встретиться с ним завтра. Вам нельзя оставаться здесь. Тут творятся жуткие вещи.

Смахнув слезы с глаз, она посмотрела на меня каким-то странным, непонятным мне взглядом, исполненным непостижимых чувств.

– Да, – сказала она, – именно здесь я познала глубину человеческой жестокости и насилия. Это ужасно.

Даже сейчас, когда я пишу эти строки, я вижу ее страшный взгляд и содрогаюсь, вспоминая о том, что ждало меня впереди.

– Позвольте мне защитить вас от этого кошмара.

– Я не против, сэр. Только боюсь, мне будет трудно оказывать почтение судье Копингеру.

– Понимаю. Но должен еще раз сказать, что так устроен мир.

– Мне стало страшно жить. Даже Марк боится.

– Я тоже.

– Сэр, брат Гай упомянул о том, что вы обнаружили в пруду, помимо тела девушки, также и другие вещи. Не могли бы вы сказать, какие именно?

– Это сутана, которая никак не вписывается в нить моих рассуждений. И меч. Я велел монахам осушить пруд. Хочу узнать, не

хранится ли на дне что-нибудь еще.

– Меч?

– Да. Полагаю, тот самый, которым был убит господин Синглтон. На нем есть клеймо, по которому можно проследить, где он был изготовлен. Но для этого мне придется поехать в Лондон.

– Не уезжайте, сэръ, пожалуйста! – неожиданно взмолилась она. – Не оставляйте нас в этом ужасном месте. Я приношу свои извинения за свою несдержанность, но прошу вас, не уезжайте. Только вы своим присутствием способны обеспечить мою безопасность.

– Боюсь, вы слишком преувеличиваете мои возможности, – мрачно заметил я. – Во всяком случае, спасти Саймона Уэлплея мне не удалось. Тем не менее пока я совершенно не представляю, как мне добраться до Лондона. По такой погоде дорога займет добрую неделю. Однако таким временем я совсем не располагаю.

Лицо Элис выражало самое искреннее участие, так что я даже рискнул податься вперед и пожать ей руку.

– Я глубоко тронут тем, что вы в меня так сильно верите.

Она отдернула руку и, улыбнувшись, ответила:

– А может, наоборот: вы сами слишком мало в себя верите. Мне иногда думается, что, сложись все иначе и не будь здесь Марка, у нас с вами, возможно, могло...

Не договорив до конца предложение, она застенчиво склонила голову. Я почувствовал, как бешено заколотилось сердце у меня в груди. Какое-то время мы молча стояли на холме.

– Думаю, нам лучше вернуться назад, – сказал я, – нежели пытаться добраться до реки. Мне должны доставить ответ от судьбы. И вообще, Элис... что касается нашего разговора... Я обязательно замолвлю о вас словечко. Обещаю. И... спасибо за то, что вы сейчас сказали.

– А вам спасибо за помощь.

Быстро улыбнувшись, она развернулась и направилась в обратный путь по болоту.

Дорога к монастырю оказалась более легкой. Нам всего лишь приходилось ступать по нашим прежним следам, которые четко отпечатались на снегу. Следуя за Элис, я не отрывал взгляда от ее шеи и однажды едва удержался, чтобы не коснуться ее рукой. Я вынужден

был признаться, что одурачивают себя не только монахи и не они одни с легкостью превращаются в лицемеров.

Овладевшая мною неловкость заставила меня надолго замолчать, поэтому почти весь обратный путь мы проделали в молчании. Однако это была менее гнетущая тишина, чем та, с которой мы начали наше путешествие. В большой комнате лазарета, где брат Гай бинтовал толстую ногу больного монаха, Элис удалилась в свои покои, ссылаясь на множество ожидающих ее дел.

– Уже вернулись? – спросил брат Гай, подняв глаза. – Не замерзли?

– Еще как замерз. Можно сказать, продрог до самых костей. Элис мне очень помогла. Весьма благодарен ей за услугу.

– Как вам сегодня спалось?

– Благодаря вашему снадобью гораздо лучше, чем прежде. Вы, часом, не видели Марка?

– Он только что попался мне на пути. Шел в свою комнату. Принимайте мое зелье еще несколько дней, – бросил мне вдогонку брат Гай.

По дороге к себе я не знал, как поступить лучше: посвящать Марка в наш разговор с Элис или нет.

– Марк, я был... – начал я, едва открыв дверь.

Однако, на мое удивление, в комнате никого не оказалось. Спустя мгновение, как будто из пустоты, раздался приглушенный голос:

– Сэр! Помогите мне!

ГЛАВА 24

– На помощь!

В сдавленном голосе Марка слышалась крайняя тревога. Мое затуманенное сознание никак не могло определить, откуда он исходит. Потом я заметил, что буфет как будто пошатнулся. Заглянув за него, я обнаружил в деревянной стене потайную дверь. Однако щель между шкафом и стеной была для меня мала, поэтому я что было сил надавил на буфет и слегка отодвинул его в сторону.

– Марк! Ты там? – встревоженно спросил я.

– Меня закрыли! Выпустите меня, сэр! Скорей, пока он сюда не вернулся.

Когда я повернул старую заржавевшую ручку, раздался щелчок. Едва дверь отворилась, как я почувствовал, что изнутри потянуло сыростью. И в тот же миг из темноты вынырнул Марк, взъерошенный и весь покрытый пылью. Какое-то время я молча глядел то на моего молодого помощника, то в разверзшуюся за дверью темноту.

– Что, скажи ради Бога, стряслось? – наконец воскликнул я. – Кого ты имел в виду? Кто сюда может вернуться?

Прежде чем ответить, он сделал несколько глубоких вдохов и выдохов.

– Я вышел через эту дверь и тотчас же ее за собой закрыл. Очувтившись там, я не сразу понял, что угодил в ловушку, потому что с той стороны открыть дверь оказалось невозможно. Между прочим, у нас в стене есть дырка. Все это время мы находились под чьим-то пристальным наблюдением. Именно через это отверстие я увидел вас, когда вы вошли в комнату. А потом позвал вас на помощь.

– Погоди, погоди. Давай-ка начнем с самого начала. Расскажи мне все, что произошло. Только на сей раз все по порядку, и постарайся ничего не пропускать.

«Хорошо, – подумал я, – что, по крайней мере, это странное происшествие выбило из него дурное настроение» .

– После того как вы ушли, – вновь начал рассказывать он, опустившись на кровать, – я завел разговор с приором Мортимусом насчет осушения пруда. Сейчас как раз монахи этим занимаются.

– Да. Я видел.

– Потом вернулся сюда за галошами. Пока я их надевал, услышал подозрительные звуки. Вроде тех, которые, как вы помните, уже неоднократно привлекали мое внимание. – При этих словах он бросил на меня решительный взгляд. – Я всегда был уверен, что они мне не мерещатся.

– Выходит, слух у тебя оказался куда острее, чем твой ум, позволивший тебе запереть самого себя изнутри. Ну ладно, не сердись. Продолжай.

– Мне всегда казалось, что этот звук исходит из-за буфета. Вот я и подумал: что, если отодвинуть его и посмотреть, нет ли там чего интересного? В результате обнаружил вот эту дверь. Потом прихватил с собой свечу и решил исследовать, что находится за ней. И, к своему удивлению, обнаружил там коридор. Мне захотелось выяснить, куда он ведет. Я закрыл за собой дверь, чтобы за это время никто в нее не мог войти. Но едва я это сделал, как сквозняком задуло свечу, и я оказался в крошечной тьме. Попытался открыть дверь с той стороны, надавив на нее плечом, но тщетно. – Пока Марк рассказывал, лицо его заливалось краской. – Это совершенно меня обескуражило, и я чуть было не впал в отчаяние, тем более что не прихватил с собой меч. Потом в темноте я заметил маленький пучок света, сочившийся из стены. Оказалось, что в ней вырезана дырочка для подглядывания.

Он указал на крошечную дырку в стене. Я подошел ближе и начал ее изучать. По размеру она была не больше человеческого ногтя.

– Как долго ты был заперт?

– Недолго. Слава Богу, всего каких-то несколько минут. Вы с Элис ходили на болото?

– Да. Там недавно побывали контрабандисты. Я обнаружил кострище. Кстати, мы с Элис кое-что обсудили. Но об этом позже. – Я зажег от каминного огня две свечи и одну из них передал Марку. – А не исследовать ли нам еще раз этот коридор?

Прежде чем ответить, он сделал глубокий вдох.

– Да, разумеется, сэр.

Я закрыл входную дверь на замок, чтобы обезопасить нас от непрошенных посетителей в наше отсутствие. Потом протиснулся в щель за шкафом и открыл потайную дверь. За ней находился темный узкий коридор.

– Кажется, брат Гай как-то обмолвился, что этот коридор соединяет лазарет с кухней, – вдруг вспомнил я. – Он также упоминал, что коридор был заколочен со времен Великой Чумы.

– Тем не менее я теперь могу с уверенностью утверждать, что им неоднократно пользовались. Причем совсем недавно.

– Да. – В это мгновение я как раз обнаружил крошечное отверстие в панели стены. – Ты совершенно прав. Отсюда хорошо вести наблюдение. Несмотря на маленькие размеры дырки, видно почти всю комнату. Судя по свежим следам на панели, можно сказать, что вырезали ее не так давно.

– Хочу заметить, сэр, что эту комнату для нас подобрал брат Гай.

– Верно. И по всей очевидности, не случайно выбрал именно ту, в которой за нами можно было бы подглядывать. Равно как и подслушивать все, о чем мы говорим. – Я обернулся к двери. На ней была щеколда, которую можно было открыть только снаружи. – На сей раз мы с тобой будем предусмотрительней.

Я прикрыл дверь почти до конца, но, чтобы она не захлопнулась, проложил щелку своим носовым платком.

Мы стали продвигаться по узкому коридору, который с одной стороны ограничивали деревянные панели лазарета, с другой – каменная кладка здания. На мокрых стенах торчали остатки заржавленных скоб, в которые некогда вставляли факелы. Судя по всему, они давно не были в употреблении, ибо от них разлило плесенью, а по углам даже выросли какие-то шарообразные грибы. Вскоре коридор круто повернул вправо и уперся в какую-то дверь. Мы вошли через нее и осветили вокруг, чтобы оглядеться.

Это была квадратная клетушка без единого окна. Старые железные ножки, прикрепленные веревками к стенам, и куча заплесневевшего тряпья и деревяшек, громоздившаяся в одном из ее углов, очевидно, являли собой остатки кровати. На камнях были выцарапаны какие-то надписи. «Frater Petrus tristissimus. Anno 1339». «Скорбящий брат Петр. Я потрясен тем, что он сотворил», – прочел я одну из глубоко въевшихся в стены строк.

– Выход здесь, – сказал Марк, устремляясь к тяжелой деревянной двери.

Наклонившись, я заглянул в замочную скважину. По другую ее сторону было темно. Тогда я приложил ухо к двери, но не смог

различить никаких звуков.

Я медленно повернул ручку и, когда дверь тихо отворилась внутрь, заметил, что петли были смазаны жиром. Мы оказались позади другого шкафа, который был отодвинут от стены ровно настолько, чтобы в щель мог протиснуться взрослый мужчина. Одолев это препятствие, мы очутились в мощенном камнями коридоре. Немного поодаль от нас я заметил полуоткрытую дверь, через которую доносились голоса и звон тарелок.

– Это кухонный коридор, – шепнул я своему спутнику. – Скорей назад, пока нас никто не увидел.

Вслед за Марком я нырнул за шкаф, но когда нагнулся, чтобы прикрыть за собой дверь, из-за сырого воздуха меня начал сотрясать кашель. Вдруг чья-то рука заткнула мне рот, а другая одновременно прижалась к горбу. Вместе с тем разом погасли наши свечи. Все случилось с такой молниеносной быстротой, что от неожиданности я оцепенел.

– Тихо, сэ. Сюда кто-то идет, – услышал я шепот Марка.

Я кивнул, и он тотчас меня отпустил. Мне казалось, что стоит гробовая тишина. Однако я был вынужден лишний раз признать, что слуху Марка могли бы позавидовать даже летучие мыши. Спустя некоторое время я увидел мерцание свечи, и вскоре из-за угла появился человек, облаченный в монашеское одеяние с капюшоном. Мы видели его мрачное исхудалое лицо, когда он уставился во мрак комнаты. Когда же свет свечи выхватил из темноты наши фигуры, от испуга брат Гай остолбенел.

– О Господи Иисусе! Как вы тут оказались?

Я вышел вперед.

– Мы могли бы задать вам тот же вопрос, брат Гай, – ответил я. – Каким образом вы сюда проникли. Ведь перед уходом мы с Марком заперли нашу дверь на замок.

– Я открыл ее своим ключом. Мне сообщили, что пруд очищен, и просили позвать вас, чтобы вы на него взглянули. Я начал стучать вам в дверь, но вы не отзывались. Я уж было, грешным делом, подумал, что с вами что-то стряслось. Поэтому решил воспользоваться запасным ключом. Когда же я вошел в вашу комнату, то обнаружил открытую дверь в потайной коридор.

– Послушайте, брат Гай, что я вам скажу. Господин Поэр неоднократно слышал какое-то шуршание за стенкой. А сегодня утром обнаружил эту дверь. Все время, пока мы находились в комнате, нас кто-то подслушивал. Должен вам заметить, брат Гай, что именно вы поселили нас сюда. В ту комнату, за которой находится потайной ход. Отвечайте, зачем вы это сделали? Какую преследовали цель? И почему не сообщили раньше, что из лазарета можно с легкостью попасть на кухню?

Мой голос звучал громко и резко. И как только я, находясь в этом жутком монастыре, мог потерять бдительность? Как я мог приблизить к себе брата Гая настолько, что чуть было не принял его за друга? Я ругал себя за то, что позволил себе такую недозволенную оплошность, что не смог отнестись беспристрастно к человеку, который в силу сложившихся обстоятельств должен был наряду с прочими находиться под подозрением.

Однако на лице брата Гая не дрогнул ни единый мускул. Тусклый огонек свечи колыхался во тьме, бросая причудливые отблески на его длинный нос и тонкие темные черты.

– Видите ли, – начал он, – у меня совершенно вылетело из головы, что в вашей комнате есть потайная дверь, сэр. Этим ходом никто не пользовался на протяжении последних двух сотен лет.

– Неправда! Им пользовались сегодня утром! Кроме того, в комнате, которую вы нам выделили, вырезана свежая дырка в стене. Специально для того, чтобы за нами следить.

– Между прочим, это далеко не единственная комната, которая соединена с этим потайным ходом, – спокойно заметил брат Гай. Глядел он на нас без волнения и свечу держал твердой рукой. – Разве вы не заметили, что коридор тянется вдоль всей панельной стены лазарета, позади всех прочих комнат, находящихся в одном ряду с вашей?

– Однако дырка вырезана только в стене нашей комнате. Это правда, что именно в нее вы имеете обыкновение селить приезжих?

– Только в том случае, если они не останавливаются в доме аббата. Обыкновенно сюда приезжают посланники или какие-нибудь чиновники из наших поместий, чтобы обсудить деловые вопросы.

– А зачем вам, скажите Христа ради, это жуткое место? – Я указал на сырую камеру.

Брат Гай тяжело вздохнул.

– Это старая темница. Такие тюрьмы имелись во многих монастырях. Их использовали для заточения тех монахов, которые совершили особо тяжкие преступления. По церковным законам аббаты по-прежнему сохраняют за собой право это делать, однако никогда им не пользуются.

– И уж тем более в наши добрые времена.

– Несколько месяцев назад приор Мортимус спросил меня, сохранилась ли до сих пор наша древняя темница. Речь шла о возможности вновь применить ее для наказаний. Я ответил, что, насколько мне известно, она существует. Но заметил при этом, что ни разу не посещал это страшное место после того, как мне показал его старый служитель, когда я принял на себя лазарет. Я думал, что дверь в него опечатана.

– Однако вы ошиблись. Она не была опечатана. Значит, об этом вас спрашивал приор Мортимус?

– Да, – произнес он напряженно. – Мне казалось, вы одобряете намерения главного правителя сделать нашу жизнь еще более трудной и невыносимой.

Повисла напряженная пауза. Я выждал некоторое время, прежде чем ответить:

– Будьте осторожны, брат, когда вздумаете говорить нечто подобное в присутствии свидетелей.

– Да. Нынешний мир полон поразительных вещей. Если сказанные слова не придутся королю Англии по душе, за это он может вздернуть человека на виселице. – Брат Гай пытался взять себя в руки. – Прошу меня простить. Однако, господин Шардлейк, что бы мы с вами вчера ни говорили в ученой беседе относительно наших перспектив, каждый человек в нашем монастыре ныне пребывает под гнетом тревоги и страха. Единственное мое желание – обрести былой мир и спокойствие. Этого хочет каждый из нас.

– Боюсь, вы не совсем правы, брат. Не все разделяют вашу точку зрения. Поскольку кто-то все же пробрался по этому коридору на кухню, чтобы убить господина Синглтона. Из этого следует, что преступнику не нужен был ключ от кухни, которая, насколько я теперь понимаю, служила идеальным местом для убийства. Ибо тот, кто

замыслил встречу с Синглтоном, мог беспрепятственно подобраться к своей будущей жертве, засесть в засаде и убить ее, захватив врасплох.

– В ту роковую ночь мы с Элис безотрывно ухаживали за братом Джеймсом. Никто не мог пройти мимо нас незамеченным.

Я взял у него свечу и осветил ему в лицо.

– Но это могли сделать вы, брат.

– Клянусь священной кровью моего Господа, я этого не делал, – горячо заверил меня он. – Я врач. Мой долг – стараться сохранить людям жизнь, но никак не отнимать ее у них.

– Кто еще знал о потайном ходе? Вы сказали, что о нем упоминал приор. Когда?

– Он поднял этот вопрос на собрании братии. – Брат Гай прикрыл лоб рукой. – На нем присутствовали, помимо меня и приора Мортимуса, аббат, брат Эдвиг и брат Габриель. А также брат Джуд, тот, который раздавал милостыню нищим. И брат Хью. Приор Мортимус, как обычно, упирал на то, что следует ужесточить порядок в монастыре. Потом упомянул о том, что слышал о старой монашеской камере, находящейся где-то возле лазарета. Мне вообще показалось, что он говорит об этом не вполне серьезно, а как будто полусушутя.

– Кто еще в монастыре мог о ней знать?

– Новообращенным монахам для острастки напоминали, что старая темница спрятана в окрестностях монастыря. Однако вряд ли кто-нибудь из них знал ее точное местоположение. Я сам начисто забыл о ней, пока вы не напомнили мне в день своего приезда. Если помните, я ответил вам, что, по моим предположениям, она должна быть на замке.

– Выходит, о ее существовании знали многие. А как насчет вашего друга, брата Джерома?

Он развел руками.

– Что вы имеете в виду? И вообще, никакой он мне не друг.

– Я видел, как вы помогали ему переворачивать страницы богослужебной книги.

– Для меня он такой же брат во Христе, как любой другой монах, – покачал головой брат Гай. – Кроме того, он несчастный калека. Неужели столь незначительная помощь немощному человеку, как переворачивание страницы богослужебной книги, для вас является достаточно веским основанием для обвинения? Честно говоря, ничего подобного я от вас не ожидал, господин Шардлейк.

– Я ищу убийцу, брат Гай, – резко бросил я. – Для меня каждый монах находится под подозрением. В том числе и вы. Итак, каждый из тех, кто присутствовал на собрании, имел возможность освежить свою память относительно существования темницы. Кроме того, не исключено, что каждый мог решить на нее взглянуть собственными глазами.

– Очевидно, так.

Я обвел взглядом сырую клетушку.

– Пошли отсюда, – сказал я. – У меня начинают ныть кости.

По коридору мы шли молча. Первым зашел в нашу комнату брат Гай, меж тем как я, остановившись у двери, наклонился, чтобы поднять свой носовой платок. При этом мой взор упал на какое-то пятно, слегка поблескивающее при свете свечи. Я поскреб ногтем по каменной плитке.

– Что это? – спросил Марк.

Я поднес палец ближе к лицу.

– Господи помилуй, так вот чем он занимался! – прошептал я. – Ну да, конечно же. Не иначе как библиотека.

– Что это значит?

– Позже. – Я тщательно вытер руку об одежду. – Пошли. Если я сейчас же не доберусь до огня, моим костям несдобровать.

Вернувшись в свою комнату, я отпустил брата Гая, а сам подошел к камину и стал греть руки у решетки.

– Господи, до чего же здесь холодно!

– Меня несколько поразило то, как брат Гай отзывался о главном правителе.

– Он выказал свое недовольство политикой короля. Хотя должен был бы возмутиться его главенством над церковью. Учитывая нынешнее положение дел, брат Гай всего лишь выразил всеобщее мнение. То есть сказал вслух то, что здесь думает каждый. – Я вздохнул. – Да, по всей очевидности, я напал на верный след. Однако ведет он нас к кому-то другому.

– К кому же?

Я взглянул на Марка и, к своему удовольствию, отметил, что он начисто позабыл о своих прошлых обидах.

– Потом. Об этом позже. Пошли. Надо поспешить, пока не очистили пруд без нас. Хочу собственными глазами убедиться, не

скрыл ли в нем преступник каких-нибудь еще улики.

Когда мы покидали комнату, голова у меня разрывалась от множества мыслей.

Мы в очередной раз направились через сад к пруду. Возле него толпилась небольшая группа вооруженных длинными шестами служек. Среди прочих я заметил приора Мортимуса, который, завидев нас, обернулся:

– По вашей просьбе, сэр, мы осушили пруд. Только нам скоро придется снова его наполнить. В противном случае сточная канава может разлиться и заболотить окружающую местность.

Я молча кивнул. В самом деле, ныне пруд являл собой глубокую пустую чашу, илистое дно которой было покрыто осколками льда.

– Шиллинг каждому, кто найдет здесь что-нибудь, – обратившись к служкам, произнес я.

Двое из них в нерешительности вышли вперед и, осторожно щупая шестами почву, стали спускаться на дно пруда. Тот, который находился поодаль от меня, вскоре что-то выудил из ила и подозвал меня к себе. Как выяснилось, это были две золотые чаши.

– Да, это именно те чаши, которые, как мы думали, прихватила с собой Орфан, – тихо сказал приор.

– Я очень рассчитывал на то, что мы найдем пропавшую реликвию, однако последующие десять минут поисков обманули мои ожидания, не принеся никаких результатов кроме старой сандалии. Когда двое служек выбрались на берег, тот, который нашел чаши, передал их мне. Заплатив ему шиллинг за находку, я обернулся к приору, который все это время не сводил с меня глаз.

– Это они, никаких сомнений, – вздохнул он. – Сэр прошу вас. Если вы найдете того типа, который убил бедную девушку, оставьте меня с ним ненадолго наедине.

С этими словами он резко развернулся и пошел прочь.

В некотором недоумении я перевел взгляд на Марка.

– Неужели его и впрямь так сильно тронула ее смерть? – изумился он.

– Воистину непостижимы глубины человеческих сердец. Ладно, надо идти в церковь.

ГЛАВА 25

Когда мы возвращались к монастырю, у меня ныла спина, и от усталости я едва волочил ноги. Не без зависти я глядел вслед Марку, который, несмотря на глубокий снег, передвигался ловко и быстро. Добравшись до внутреннего двора, я остановился, чтобы перевести дух.

– След из той комнаты снова ведет нас к брату Габриелю, – произнес я. – Так или иначе, но он что-то скрывает. Пойдем-ка его поищем. Для начала проверим, нет ли его в церкви. Только попрошу тебя об одном одолжении. Когда я буду с ним говорить, стой в стороне, так, чтобы тебе не было слышно, о чем мы беседуем. Только прошу тебя, не допытывайся у меня почему. Поверь мне, на это есть весьма веская причина.

– Как скажете, сэр.

Я ощущал, что ему была не по нутру нагнетаемая мною таинственность, тем не менее, она являлась неотъемлемой частью разработанного мною плана. Потрясенный тем, что я обнаружил в потайном коридоре, я испытывал невыразимое удовлетворение оттого, что мои прежние подозрения относительно брата Габриеля оказались далеко не беспочвенны. Воистину человеческое сердце преисполнено непознанных глубин.

День стоял по-прежнему пасмурным, и внутреннее убранство церкви, когда мы шли по нефу, выглядело на редкость мрачным. Из расположенных по бокам комнатам не было слышно монотонных голосов читающих молитвы монахов – очевидно, у них настал час отдыха. Вскоре я заметил брата Габриеля. Он наблюдал за работой служки, который начищал прикрепленную к стене большую металлическую пластину.

– Гляди, ярь-медянка вновь заблестела, – громким эхом пронесся по нефу зычный голос брата Габриеля. – Значит, состав брата Гая все-таки возымел действие.

– Брат Габриель, – обратился к нему я. – Сожалею, что мне все время приходится отсылать ваших работников. Но мне снова нужно с вами поговорить с глазу на глаз.

Глубоко вздохнув, он попросил служку удалиться. Я прочел надпись на латинском, которая была вырезана на пластине над изображением лежащей в гробу фигуры монаха.

– Насколько я понимаю, в этой стене был похоронен первый монах?

– Да. Причем эта гравировка имеет исключительную ценность. – Он бросил мимолетный взгляд на Марка, который, по моей просьбе, стоял вдали от нас, потом вновь обернулся ко мне. – К сожалению, она сделана из медного сплава. Но брат Гай придумал хороший состав, чтобы его почистить, – проговорил он с излишней поспешностью.

– Как много у вас забот, брат Габриель! И церковная музыка. И внутреннее убранство. – Я посмотрел на статую Доната, возле которой громоздились инструменты, потом на ремонтную люльку, прикрепленную веревками к галерее и колокольной башне. – Насколько я понимаю, у вас не слишком быстро продвигается работа. Очевидно, вы никак не придете к согласию с братом Эдвигом?

– Да. Но я уверен, что вы явились ко мне не за тем, чтобы обсудить наши с ним переговоры.

В его голосе послышалось раздражение.

– Верно, брат. Вчера я выдвинул против вас, как вы изволили выразиться, законное обвинение. Обвинение в убийстве. При этом вы заметили, что я выстроил ложную картину действий.

– Да, правильно. Я не убийца.

– Видите ли, брат Габриель... Дело в том, что мы, служители закона, нутром чуем, когда люди от нас что-то утаивают. И должен сказать, очень редко при этом ошибаемся.

Он внимательно смотрел на меня.

– Позвольте мне представить вам еще один сценарий. Так сказать, очередную цепь моих рассуждений. По мере того как я буду их излагать, вы сможете меня поправить, если я где-то ошибусь. Как вы считаете, это будет справедливо?

– Откуда мне знать, какую ловушку вы на этот раз мне приготовили?

– Обещаю, что никаких ловушек не будет. Итак, начнем с собрания монахов, которое состоялось несколько месяцев назад. Если вы помните, на нем приор Мортимус упомянул о монастырской темнице и потайном ходе, соединяющем кухню с лазаретом.

– Да, да, припоминаю.

Дыхание у него заметно участилось, он часто заморгал.

– Прежде вы им никогда не пользовались. Однако в тот миг, когда вы о нем услышали, у вас в голове начала зреть одна любопытная идея. Вы направились в библиотеку, втайне надеясь отыскать там древние планы монастыря. Я видел их собственными глазами в тот день, когда вы показывали мне библиотеку. Вы тогда здорово разволновались. По всей очевидности, потому, что мне не следовало их видеть. Я считаю, брат Габриель, что вы отыскивали на планах тот самый потайной ход. Я также утверждаю, что вы пошли туда и вырезали дырку в стене нашей комнаты. Повара подтвердили, что видели вас, когда вы пробирались туда тайком. Они видели вас как раз в том месте, где, как я теперь знаю, находится дверь в потайной ход.

Он облизал пересохшие губы.

– Вы не можете ничего мне возразить, брат.

– Я... я ничего об этом не знаю.

– Да ну? Неоднократно по утрам Марк слышал подозрительный шорох. Но я лишь посмеивался над ним, утверждая, что это шуршит мышка. Однако сегодня, исследуя нашу комнату, он обнаружил дверь и дырку для подглядывания в стене. Интересно, кто бы мог ее вырезать? Поначалу я даже заподозрил лекаря, но потом обнаружил кое-что на полу коридора возле так называемого поста наблюдения. И понял, что человек, который там стоял, пришел не за тем, что бы за нами следить. Он преследовал совсем иную цель.

Брат Габриель издал стон, который, казалось, вырвался из самых глубин его естества. Он как будто обмяк и в этот миг походил на куклу, которую враз лишили поддерживающих ее веревочек.

– Вы питаете слабость к молодым людям, брат Габриель. Должно быть, вы чересчур одержимы этой страстью, коль дошли до того, что стали наблюдать за тем, как одевается по утрам Марк.

Габриель закачался, и мне показалось, что он вот-вот упадет. Ему пришлось даже схватиться за стену рукой, чтобы удержать равновесие. Он побледнел как смерть, потом внезапно его лицо запылало.

– Это правда, – прошептал он. – О Господи Иисусе, прости меня грешного.

– Довольно странное путешествие приходилось проделывать вам по утрам. Не так ли? Идти в крошечной тьме через мрачную старую

клетушку, испытывая порочное возбуждение.

– Пожалуйста, пожалуйста. – Он поднял руку. – Только не говорите ему. Не говорите об этом своему юному помощнику.

Я придвинулся к нему на шаг ближе.

– Тогда расскажите мне все, что вы скрываете. Этот коридор является потайным ходом в кухню, где был убит мой предшественник.

– Я никогда не хотел быть таким, – прохрипел он, охваченный внезапной вспышкой страсти. – Но мужская красота меня издавна завораживала. С тех пор, как я увидел образ святого Себастьяна у нас в церкви. Он потряс мое воображение, я поклонялся ему с таким пылом, с каким иные юноши приковывают свои взоры к груди святой Агаты. Но у них всегда есть возможность вернуться к нормальному супружеству. Я же... в связи с этим... был обречен. Ради того, чтобы избавиться от искушения, я пришел сюда.

– В монастырь? – недоверчиво переспросил я.

– Да, – он тихо усмехнулся. – Здоровые молодые люди в наши дни не становятся монахами. За очень редким исключением, к каковому относятся несчастные создания. Таким был Саймон, который в миру не мог заработать себе на хлеб. Однако к нему я не испытывал никакого влечения. Равно как и к старику Александру. За последние годы я почти не грешил с другими мужчинами. И ни разу с тех пор, как в монастырь в последний раз приезжали посторонние. Посредством молитвы и духовной работы я научился обуздывать себя. Но однажды, когда сюда прибыли управляющие именьями нашего графства, я увидел... увидел красивого юношу. Он воспламенил меня с такой силой, что я не сразу сообразил, что делаю.

– И, как правило, приезжие останавливались в комнате, в которой ныне обитаем мы с Марком?

Он кивнул.

– Когда приор упомянул о потайном коридоре, я решил проверить, не пролегает ли он позади комнаты для гостей. Вы правы, я взялся изучать планы. Бог свидетель, я вырезал дырочку, чтобы любоваться мужской наготой во всей ее красе. – Он посмотрел на Марка, однако на этот раз злобным взглядом угодившего в ловушку зверя – Потом приехали вы. Я должен был взглянуть на вашего помощника. Он так хорош собой, что превосходил красотой всех своих предшественников. Сущий идеал. – Он заговорил быстро почти захлебываясь словами. – Я

отправился в коридор как раз в тот час, когда, по моему разумению вы должны были пробуждаться ото сна. Да простит меня Господь, но я был там вчера и в тот день, когда был похоронен бедняга Саймон. Сегодня утром я тоже был там. Просто не мог устоять. О, до чего же я докатился! Может ли человек более быть унижен перед Богом?

Он поднес ко рту кулак и начал кусать его, пока не выступила кровь.

Меня вдруг осенила догадка: он наблюдал и за мной, пока я переодевался. Видел мою горбатую спину, от которой Марк всегда из вежливости отворачивался. От этой мысли мне стало немного не по себе.

– Послушайте меня, брат Габриель, – подавшись вперед, начал я. – Марку я еще ничего не говорил. Но вы мне расскажете все, что касается здешних смертей. Расскажите все, что вы до сих пор от меня утаивали.

Убрав кулак ото рта, он в недоумении уставился на меня.

– Но, сэр, мне больше нечего вам рассказать. Мой позор был моей единственной тайной. Все остальное, что я вам говорил, было чистой правдой. Об этих ужасных делах я больше ничего не знаю. Я никого не выслеживал. Единственной причиной, подвигшей меня использовать потайной ход, было желание наблюдать за молодыми людьми, которые посещали наш монастырь. – Он судорожно вздохнул. – Я хотел просто любоваться ими.

– И больше вам нечего добавить? .

– Поверьте мне, нечего. Если бы я мог хоть чем-то помочь вам, чтобы раскрыть эти ужасные преступления, клянусь Богом, я бы это сделал.

Пристыженный своим признанием настолько, что едва мог это вынести, он, скрючившись, прислонился к стене. От сознания того, что след, по которому я шел, вновь оказался ложным, меня охватил приступ бессильного гнева.

– О Господи, – издав громкий вздох, яростно воскликнул я. – Брат Габриель, выходит, вы водили меня за нос! Я думал, что убийца – это вы.

– Да, сэр. Я знаю, вы хотите закрыть монастырь. Но умоляю вас только об одном. Не используйте в этих целях то, что я вам только что

сказал. Не допустите того, чтоб причиной конца Скарнси стали мои прегрешения.

– Бог мой, вы слишком преувеличиваете тяжесть своих грехов. Ваш порок не настолько страшен, чтобы за него преследовать даже в судебном порядке. Если монастырю суждено прекратить свое существование, этому будут совсем иные причины. Единственное, что меня до чрезвычайности огорчает, – это то, что человек может тратить свою жизнь на подобное идолопоклонство. Впрочем, вы не глупее любой другой твари под этими небесами.

От стыда он закрыл глаза. Потом поднял их, и по движению его губ я понял, что он читает молитву. Вдруг он удивленно открыл рот, а глаза его, обращенные к небу, распахнулись с недоумением. Озадаченный этой странной метаморфозой, я придвинулся ближе. То, что произошло в следующий миг, случилось настолько быстро, что я не имел возможности даже опомниться. Повернувшись ко мне, Габриель раскинул в стороны руки и, исторгнув громкий крик, бросится на меня.

Все что случилось потом, моя память запечатлела столь отчетливо и ярко, что даже сейчас, когда я пишу эти строки, мои руки начинают трястись. Габриель яростно толкнул меня в грудь, и я тотчас рухнул на спину, столь сильно ударившись о камень, что из меня чуть было не вышел весь дух. На какой-то миг я подумал, что он сошел с ума и решил прикончить меня одним ударом. Когда я поднял глаза, то успел увидеть лишь его безумный взор, потому что в следующее мгновение произошло непоправимое. Откуда-то сверху, со свистом разрезав воздух, на то место, на котором только что стоял я, приземлилась огромная каменная статуя, похоронив под собой брата Габриеля. До сих пор у меня в ушах стоит этот страшный грохот бьющегося камня, смешанный с жутким треском ломающихся костей.

Я приподнялся на локтях и, открыв рот, тупо уставился на обломки статуи святого Доната, страшной грудой засыпавшие тело ризничего. Из-под камней видна была лишь рука брата Габриеля да лужа расплывающейся по полу ярко-красной крови. Отвалившаяся от статуи голова лежала у моих ног и взирала на меня своими благочестивыми и исполненными печали глазами, под которыми виднелись нарисованные белой краской слезы.

Потом раздался истошный крик Марка:

– Прочь от стены!

Я поднял глаза вверх. На высоте пятидесяти футов прямо над моей головой раскачивался на краю навесной дорожки постамент – тот самый, на котором стояла статуя святого Доната. Я сумел лишь разглядеть, что за ним прячется какой-то человек в монашеском облачении. И едва я успел отползти, как на то место, где я только что лежал, рухнул камень. Бледный как смерть Марк бросился ко мне, чтобы помочь встать.

– Скорей поднимайтесь! – кричал он.

Я проследил за его взглядом. Мрачная фигура мчалась по галерее, направляясь к алтарю.

– Он спас меня. – Я уставился на груды обломков, потом перевел взор на лужу крови. – Он спас меня!

– Сэр, – порывисто произнес Марк, – убийца в наших руках. Он сейчас наверху. На навесной дорожке. Из нее только два выхода – по одной из двух лестниц. Тех, что находятся с двух сторон от крестной перегородки.

Пытаясь собрать воедино разбегающиеся мысли, я скользнул взглядом по каменным ступенькам.

– Да, ты прав. Случайно не видел, кто это был?

– Нет. Обыкновенная фигура в сутане с поднятым капюшоном. Если мы с вами поднимемся по разным лестницам, то сможем его окружить. Он в наших руках. Другого пути вниз нет. Вы в состоянии это сделать, сэр?

– Да. Только помоги мне встать.

После того как я поднялся на ноги, Марк поспешно вытащил меч. Я же, схватив свою трость, сделал несколько глубоких вдохов и выдохов, чтобы успокоиться и утихомирить бешено колотящееся сердце.

– Будем двигаться в одном направлении, но вдоль противоположных стен храма. И держать друг друга в поле зрения.

Поспешно кивнув, Марк кинулся к лестнице, что располагалась по правую руку от нас. Насилу оторвав взор от останков Габриеля, я бросился к той, которая находилась слева.

Я поднимался наверх медленно. Сердце мое так сильно билось, что я ощущал пульс даже в горле, а перед глазами плыли белые круги. Пришлось скинуть с себя тяжелый плащ и бросить его на ступеньки.

Едва я это сделал, как холод пробрал меня до костей, зато у меня появилась большая свобода движений, чтобы взбираться по лестнице.

Ступеньки вели к узкой площадке, сделанной из железной крученой сетки и пролегающей вдоль стен храма. Взглянув вниз, я увидел перед алтарем и гробницами святых мерцающие свечи, гору обломков и красную лужу крови Габриеля. Навесная дорожка, по которой я ныне двигался, была не более трех футов шириной, и ее единственным ограждением являлись железные перила. Впереди небрежной кучей валялись инструменты каменотеса и веревки, державшие корзину мастеровых, которая была прикреплена к противоположным стенам храма и свободно раскачивалась в воздухе. Проклиная про себя скудное освещение, я, прищурившись, взгляделся в полумрак, однако никого не увидел, хотя чутье мне подсказывало, что кто-то там есть или, по крайней мере, должен быть. Осторожно, чтобы не потерять равновесия, я наклонился и начал пробираться под веревками.

Впереди меня находился помост семи футов шириной, который касался верхнего края крестной перегородки и простирался от одной стороны нефа до другой. На нем стояли статуи, которые прежде я видел только снизу. Оттуда они казались совсем маленькими, теперь же, когда я взирал на них в непосредственной близости, выяснилось, что они имеют натуральную величину.

Крепко держась за перила, я миновал крестную перегородку. Каждый мой шаг отзывался скрипом металлического ограждения. Однажды я не на шутку напугался, ощутив, как оно сильно задрожало под моей рукой, но тут же постарался успокоиться, убедив себя, что площадка, на которой я нахожусь, вполне безопасна, поскольку каменотесы на ней уже работали. Правда, я также знал, что обрушившиеся камни могли расшатать перила, и от этой мысли мне снова становилось не по себе.

На противоположной стороне храма, вытянув вперед руку с мечом, двигался по навесной дорожке Марк. Мы подступали к преступнику с двух сторон. Теперь ему было от нас не уйти, он угодил в ловушку. Предвкушая долгожданную встречу, я взмахнул тростью и еще крепче сжал ее в руке. Ноги у меня дрожали, и я усилием воли пытался успокоиться.

Вглядываясь в полумрак храма, я продолжал идти вперед. Ничего. Ни единого звука. По мере приближения к верхней части церкви дорожка изгибалась полукругом, и через некоторое время, стоя у противоположных стен алтаря, мы с Марком в недоумении уставились друг на друга. Нас разделяло не более пятидесяти футов, тем не менее между нами никого не было. Мой юный приятель глядел на меня изумленным взором.

– Он убежал в этом направлении. Я это точно видел, – сказал он.

– Ну и куда же он делся? Во всяком случае, в этой стороне церкви никого нет. Должно быть, ты ошибся. Он ушел другим путем. В сторону двери.

Я обернулся и проследовал взглядом вдоль дорожки, по которой я только что двигался: ее конец был полностью поглощен мраком.

– Клянусь жизнью, он был здесь.

– Ладно, ладно. – Я глубоко вздохнул. – Успокойся. Если он в противоположной стороне церкви, от нас он все равно не уйдет. Я уверен, что по лестницам никто не спускался. В противном случае мы бы это слышали. Идем в другую сторону.

– Может, нам лучше спуститься вниз? Один из нас мог бы позвать кого-нибудь на помощь.

– Нет. Одному невозможно держать в поле зрения обе лестницы сразу. В таком большом помещении убийца, спустившись вниз, без труда сможет скрыться из виду.

Развернувшись, мы тем же путем отправились в обратном направлении. Глаза у меня болели оттого, что приходилось усиленно вглядываться в темноту. Когда я миновал крестную перегородку, внутри у меня что-то екнуло. Однако что именно меня насторожило я понял лишь некоторое время спустя. На площадке стояло не три статуи, как обычно, – святого Иоанна-Крестителя, Господа нашего и Пресвятой Девы Марии, – а четыре.

Едва я остановился и обернулся, как в воздухе что-то просвистело и ударило о стенку позади меня. К моим ногам упал кинжал, и мне все стало окончательно ясно. Тот, кого я принял за стоящую посередине скульптуру, оказался живым человеком, облаченным в одежду бенедиктинца. Когда я опомнился, эта мрачная фигура уже карабкалась через ограждение, взбираясь на навесную дорожку. Я бросился за ним вдогонку, но, к несчастью, обо что-то споткнулся и

упал на перила. На секунду моя голова и плечи повисли над пропастью, и я в ужасе уставился вниз, поскольку от пола меня отделяло весьма внушительное расстояние. Когда же мне наконец удалось восстановить вертикальное положение, монах уже скрылся из виду и, судя по грохочущим шагам на лестнице, спускался вниз.

– Марк! – закричал я. – Сюда! Он уходит!

За эти несколько минут Марк успел удалиться на весьма приличное расстояние, поэтому подоспел слишком поздно – преступник уже несся по противоположной от него лестнице вниз. Звук его удалявшихся шагов раздавался как раз за той стеной, возле которой находился я. Оправившись от небольшого потрясения, я кинулся вслед за ним, однако оказался у подножья ступенек одновременно с Марком, который к этому времени уже успел спуститься по другой лестнице.

– Он был наверху крестной перегородки! – крикнул ему я. – Стоял рядом со статуями. Не видел, часом, кто это был? Он уносил ноги, как очумелый.

– Нет, сэ, не видел. Когда я подоспел, он уже мчался по лестнице вниз. – Марк уставился на крестную перегородку. – Должно быть, он успел взобраться на нее, пока мы поднимались по лестницам. О Господи Иисусе! И как только он отважился стоять там без всякой поддержки и перил!

– Его расчет был прост. Он полагал, что реформаторы питают неприятие к скульптурам и потому невольно отвращают от них свои взоры. Что ж, сегодня придется нам признать свое поражение. Теперь он скрылся.

Я посмотрел на кинжал, который подобрал по дороге. Это было острое, без всяких украшений, стальное оружие. Самое обыкновенное – ни надписи, ни клейма. Сжав его в руке, я так сильно ударил кулаком по стене, что руку пронзила острая боль.

– Послушайте, сэ. А как же насчет Габриеля? Разве вы уже не считаете его убийцей? И скажите, что вы нашли там, в потайном коридоре?

Я заколебался.

– Видишь ли, я ошибся. Жестоко ошибся. У него не было никаких тайн. Теперь еще один человек пострадал вместо меня. Нас постигла еще одна смерть, несмотря на мои молитвы. – И, с гневом посмотрев на купол, я добавил: – Но клянусь, она станет послед ней.

ГЛАВА 26

Я приказал, чтобы четыре оставшихся в живых старших монаха явились в церковь. Аббат Фабиан, приор Мортимус, брат Эдвиг и брат Гай выстроились напротив нас с Марком. Служки принялись разгребать груды камней, под которой лежал брат Габриель. Как ни странно, я сумел довольно стойко вынести это ужасное зрелище и при этом старался не упустить ничего из того, что происходило вокруг меня. Я подмечал все оттенки чувств, которые испытывали в те жуткие минуты монахи. Брат Гай с приором Мортимусом сохраняли бесстрастный вид, меж тем как лицо брата Эдвига исказила гримаса отвращения. Что же касается аббата, то он оказался слабее иных братьев. Он отвернулся, и его стошнило. Я велел монахам следовать за мной. Мы вошли в небольшой кабинет Габриеля, где на полу стопками громоздились книги, которые покойный подготовил для переписывания. Там до сих пор, печально прислонившись к стене, стояла разбитая статуя пресвятой Девы. Я спросил о том, где находились монахи за час до обрушения скульптуры.

– Они могли быть где угодно, – ответил приор. – Это был час отдыха. Мало кто отважится выходить на двор в такую погоду. Большинство предпочитают сидеть в своих кельях.

– А как дела у Джерома?

– Он со вчерашнего дня под замком в своей келье.

– А где были вы четверо?

Брат Гай сообщил, что занимался своими делами в лазарете и рядом с ним никого не было. Приор Мортимус пребывал в своем кабинете, тоже в одиночестве. Брат Эдвиг заверил нас, что находился в казначейском доме и что двое его помощников могут это подтвердить. Аббат отдавал распоряжения своему управляющему. Я внимательно глядел на каждого из них, ибо знал, что даже тому, кто имеет неопровержимые доказательства невиновности, доверять нельзя. Угрозой или убеждением каждый из них мог склонить своих подчиненных ко лжи. Монахи могли покрывать друг друга. Конечно, я мог бы допросить каждую служку и монаха, но на это бы ушла уйма времени. Да и к чему бы это привело? Понимая безрезультатность

подобных попыток, я внезапно ощутил себя совершенно беспомощным.

– Выходит, вы обязаны жизнью брату Габриелю? – первым нарушил тишину приор Мортимус.

– Да.

– Но почему? – удивился он. – Почему он это сделал? При всем моем уважении к вам, я не могу понять, что заставило его пожертвовать своей жизнью ради вас?

– Возможно, в этом нет ничего удивительного. Мне кажется, что ему сумели внушить, будто его собственная жизнь мало чего стоит.

При этих словах я пристально посмотрел на приора.

– Что ж, весьма надеюсь, что подобный поступок поможет ему избежать Божьей кары. У него накопилось слишком много грехов. Они мешали ему сохранять душевное равновесие.

– Не исключено, что в глазах Божьих его грехи окажутся не так уж велики.

В этот миг раздался робкий стук. В дверной щели появилось перепуганное лицо монаха.

– Прошу прощения, но господину эmissару прибыло письмо от судьи Копингера. Посыльный говорит, что оно срочное.

– Очень хорошо. А вас, джентльмены, прошу пока не расходиться. Марк, пойдем со мной.

Двигаясь по храму к выходу, мы заметили, что тело Габриеля уже перенесли в другое место, а двое служек с помощью нагретой в котлах воды смывают кровь с мощенного плиткой пола. За дверью нас ожидала целая толпа служек и монахов, которые уставились на нас вопросительными взорами. Чрезвычайно взволнованные происшествием в церкви, они все что-то бормотали, выдыхая в морозный воздух большое облако серого пара. Среди них я увидел брата Ателстана, взгляд которого светился откровенным любопытством. Охваченный невыразимой тревогой, брат Септимус пребывал в крайнем замешательстве и, ломая себе руки, то и дело озирался по сторонам. Увидев нас, брат Джуд велел толпе расступиться. В сопровождении монаха, который пришел к нам сообщить о послыльном, мы прошествовали сквозь строй братии к

сторожевому дому, у которого нас поджидал привратник Багги. В его острых маленьких глазках светился немой вопрос.

– Посыльный сказал, что это чрезвычайно срочно, сэр. Надеюсь, вы простите, что пришлось прервать ваше собрание. Это правда, что брат Габриель погиб по неосторожности? – не удержался Багги.

– Нет, господин Багги. Это не был несчастный случай. Он погиб, спасая меня от убийцы.

Взяв у него из рук письмо, я отошел на середину двора, где чувствовал себя в большей безопасности, остановился, чтобы его прочесть.

– Через час здесь соберутся люди со всей округи, – сказал Марк.

– Что ж, очень хорошо. Прошло время тайн. Пора людям узнать правду.

Вскрыв печать, я достал из конверта единственный листок и, наскоро пробежав по нему глазами, встревоженно закусил губу.

Копингер начал собирать сведения. Он приказал сэру Эдварду и другому местному землевладельцу, упомянутому в этой книге, явиться к нему лично. И получил ответ, что из-за снежных заносов они отрезаны от внешнего мира и потому прибыть к нему не могут. Но поскольку до них доехал посыльный, то сам собой напрашивался вывод, что они тоже могли выбраться из своих имений. Поэтому Копингер послал за ними еще раз. Из всего вышесказанного явствует, что они намеренно тянут время. Значит, у этих людей существует довольно веская причина, чтобы скрываться.

– Теперь вы можете открыто выступить против брата Эдвиги.

– Нет, еще не время. Боюсь, этот скользкий змей еще может вывернуться. А я хочу раз и навсегда лишиться его этой возможности. Дабы он не мог сослаться на то, что все мои обвинения являются всего лишь догадками и предположениями. Я должен противопоставить ему неопровержимые доказательства. Но при подобных условиях, чтобы получить их, мне потребуется не день и не два. – Я свернул письмо. – Марк, кто знал о том, что мы с тобой собирались идти в храм сегодня утром? Помнишь, я говорил тебе у пруда, что нам надо идти в церковь?

– Помнится, неподалеку от нас находился приор Мортимус. Правда, к тому времени он уже отошел от нас на довольно большое расстояние.

– Может, у него такой же острый слух, как у тебя. Все дело в том, что, кроме нас с тобой, никто не знал о что мы туда направляемся. Однако давай все-таки предположим, что кто-то об этом прослышал. И поднялся наверх, чтобы спрятаться в засаде, поджидая меня.

Он призадумался.

– Но откуда кто-то мог узнать, что вы остановитесь именно на том месте, куда впоследствии обрушилась статуя?

– Ты прав. О Господи, я уже ничего не соображаю. – Я потер лоб. – Ладно. А что, если убийца поднялся наверх совсем по иной причине? Что, если он решил избавить мир от моей персоны именно в тот момент, когда я остановился на том самом месте, где меня могла бы накрыть статуя? То есть просто воспользовался случайно подвернувшейся ему возможностью?

– Но зачем ему вдруг понадобилось туда забираться?

– Послушай, а кто был лучше всех осведомлен о работах, которые велись под руководством ризничего?

– Насколько мне известно, все текущие дела монастыря находятся в ведении приора Мортимуса.

– Пожалуй, мне следует с ним потолковать с глазу на глаз. – Я замолчал, убирая письмо в конверт. – Но прежде, Марк, я должен тебе кое-что сказать.

– Да, сэр.

Я внимательно посмотрел на него.

– Это касается письма, которое ты передал Копингеру. Насчет земельных сделок. Кроме всего прочего, я попросил его навести справки о возможности отчалить в Лондон морем. Чтобы добраться туда сухопутным путем, при данной погоде потребуется добрая неделя. Однако после того, что я узнал из письма Джерома, у меня возникла крайняя необходимость как можно скорее увидеться с Кромвелем. Вот я и подумал, может быть, в ближайшее время отсюда направляется в Лондон какое-нибудь судно, и, как ни странно, оказался прав. Одно из них, груженное хмелем, выходит из гавани с вечерним приливом. В Лондон оно должно будет прибыть через два дня, а на третий – отправиться в обратный путь. Если мне повезет с погодой, то в лучшем случае я буду отсутствовать только четыре дня. Я не могу упустить этой возможности. Однако хочу тебя попросить на это время остаться здесь.

– Неужели вы уедете прямо сейчас?

Меня внезапно охватила неодолимая нервозность, и, не в силах взять себя в руки, я начал ходить взад-вперед.

– Я обязан воспользоваться этой возможностью, – как будто оправдываясь, начал я. – Пойми, король не имеет никакого представления о том, что творится за этими стенами. Если Джером успел передать еще какие-нибудь письма и они дошли до короля, то Кромвелю может грозить большая беда. Поверь, я не хочу тебя оставлять здесь одного. Но я должен это сделать. К тому же у меня есть еще одна причина для отъезда. Помнишь тот меч?

– Тот, что нашли в пруду?

– Да. Так вот, на нем есть клеймо ремесленника. Мечи, подобные этому, всегда изготавливаются по заказу. Если мне удастся найти того, кто его выковал, я смогу отыскать и заказчика. Пока это единственная зацепка, которая у меня есть.

– Если не считать продажи монастырской земли, которую вы могли бы вменить в вину брату Эдвигу. Но сделать это мы сможем только после того, как получим от Копингера подтверждение этих сделок.

– Да, верно. Знаешь, сколько ни пытаюсь, не могу себе представить, чтобы брат Эдвиг работал без сообщника. Уж слишком уверенно он держится.

Марк призадумался.

– Между прочим, Синглтона вполне мог убить брат Гай. Мне кажется, он вечно что-то темнит. Хотя вроде бы ничего дурного за ним и не водится. Кроме того он очень высокий, следовательно, вполне подходит для этой роли.

– Да, ты прав. Но почему именно он?

Возьмем, к примеру, потайной коридор. Он без труда мог воспользоваться им в ту ночь, чтобы попасть на кухню. Для этого ему не понадобился бы даже ключ.

Я вновь задумчиво потер лоб.

– Но это мог сделать не только он, – возразил я. – Улики ведут нас в разных направлениях. Для того, чтобы что-то утверждать, мне нужно иметь в своем распоряжении больше доказательств. И клянусь, я сделаю все, чтобы добыть их в Лондоне. Но мне придется оставить тебя здесь. Я хочу тебя попросить перебраться в дом аббата. В мое

отсутствие проверяй все письма. И тщательно следи за всем, что будет здесь происходить.

Он метнул в меня быстрый взгляд.

– Вы хотите, чтобы я находился как можно дальше от Элис.

– Я всего лишь хочу удалить тебя от опасности. Кстати сказать, можешь занять комнату старика Гудхэпса. В ней есть все необходимое для человека твоего возраста. – Я вздохнул. – И еще. Мне в самом деле хотелось бы, чтобы ты оставил Элис в покое. У нас с ней был о тебе разговор. Я объяснил ей, что ваши отношения могут разрушить твое будущее.

– Вы не имели права, сэр, – с внезапной горячностью обрушился на меня он. – У меня есть право самому решать свою судьбу!

– Нет, Марк, нет у тебя такого права. У тебя есть только обязанности. Обязанности перед своей семьей и собственным будущим. Я прошу, вернее, приказываю тебе переехать в дом аббата.

Его голубые глаза, пленившие когда-то беднягу Габриеля, смотрели холодно и отчужденно.

– Как же, помню ваш похотливый взгляд, когда вы на нее смотрели. В голосе Марка сквозило явное презрение.

– Я умею держать себя в руках, – возразил я.

Он окинул меня с ног до головы оценивающим взглядом.

– Просто у вас не было ни единой возможности.

Я стиснул зубы.

– С каким удовольствием я дал бы сейчас тебе хорошего пинка и вышвырнул отсюда прочь! Да, пожалуй, именно это мне и следовало бы сделать, не будь у меня необходимости оставить тебя здесь в свое отсутствие. Итак, ты собираешься делать то, что я тебе сказал?

– Я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь отыскать убийцу. Однако не стану обещать вам больше ничего, кроме этого. – Он глубоко вздохнул. – Я намереваюсь просить руки Элис Фьютерер.

– Тогда, возможно, нам с тобой придется расстаться, – тихо ответил я. – Клянусь плотью Господа, при всем моем желании я не смогу умолять лорда Кромвеля вернуть на службу человека, женатого на безродной девке. Это будет просто невозможно.

Он ничего не ответил. В глубине души я знал, что даже при самом худшем стечении обстоятельств, даже после того, что он только что сказал, я все равно найду возможность взять его к себе на службу и

подыщу ему с Элис комнату в Лондоне. Но говорить ему об этом тогда я считал преждевременным. Вместо этого я так же холодно посмотрел на него.

– Собери мои вещи, – произнес я. – И запрягай Канцлера. Надеюсь, дорога вполне сносная, чтобы добраться до города верхом. А пока я хочу переговорить с приором. После этого сразу отбываю в Лондон.

С этими словами я развернулся и оставил его одного. Я был бы не прочь побеседовать с приором в присутствии Марка, но после того, что между нами произошло, решил этого не делать.

Монахи по-прежнему ожидали меня в кабинете Габриеля. Выглядели они удручающе. Более всего меня поразила их разобщенность: аббат, высокомерие которого еще сильнее пошатнулось; брат Гай со свойственной ему суровостью и замкнутостью; приор с казначеем, по-прежнему заправлявшие жизнью монастыря, но не питавшие друг к другу дружественных чувств, в чем я лишней раз убедился в тот миг. Все они как будто были лишены внутреннего стержня, и это казалось мне довольно странным, особенно если учесть, что речь шла о духовном братстве.

– Хочу вас поставить в известность, – обратился я к монахам, – что ныне я отбываю в Лондон. Мне нужно доложить о состоянии дел лорду Кромвелю. Я вернусь через пять дней. На время своего отсутствия я передаю все свои полномочия Марку Поэру.

– Но как вы собираетесь добраться туда и вернуться обратно за пять дней? – поинтересовался приор Мортимус. – Говорят, что дорога завалена снегом вплоть до Бристоля.

– Я поеду морем.

– А что вы собираетесь обсуждать с лордом Кромвелем? – с нескрываемым раздражением осведомился аббат.

– Некоторые частные вопросы. И еще хочу вам сказать, что пора огласить обстоятельства смерти брата Габриеля. Кроме этого, я обдумал, как поступить с телом Орфан Стоунгарден, и пришел к заключению, что его следует передать для захоронения госпоже Стамп. Прошу вас, займитесь этим вопросом в мое отсутствие.

– Но тогда весь город узнает, что она умерла в стенах монастыря, – ужаснулся аббат, которому подобные решения всегда давались с большим трудом.

– Да, вы правы. Однако дела зашли слишком далеко, чтобы продолжать держать их в тайне.

Он поднял руку и, одарив меня взглядом, исполненным выработанного годами высокомерия, произнес:

– Я протестую, господин Шардлейк. Вопросы, подобные этому, касаются каждого члена нашего братства, поэтому их надлежит прежде всего обсуждать со мной как главой монастыря.

– Прошли те времена, господин аббат, – коротко ответил я. – Все свободны, господа. Кроме приора Мортимуса.

Все вышли. Аббат по дороге к двери бросил на меня безучастный, хотя и несколько недоуменный взгляд. Скрестив руки на груди, я обернулся к приору, призвав на помощь остатки разума.

– Мне долго не давал покоя один вопрос. Кто бы мог знать о том, что я собираюсь идти в храм? – начал я. – И, поразмыслив, вдруг вспомнил, что, когда я говорил со своим молодым помощником, рядом с нами находились вы.

Приор неестественно рассмеялся.

– К тому времени я уже ушел.

Я внимательно наблюдал за ним, но не обнаружил в его лице ничего, кроме гнева, смешанного с недоумением.

– Да, это так, – продолжал я. – По всей очевидности, человек, который сбросил статую, специально меня не поджидал, а преследовал иную цель. Кто, по-вашему, мог иметь причину, чтобы подняться туда?

– Никто. До тех пор, пока мы не пришли к согласию относительно проведения ремонтных работ, мастеровым там нечего делать. Равно как и всем остальным.

– Мне бы хотелось, чтобы вы проводили меня наверх. Хочу еще раз взглянуть на то место.

Я вспомнил про потерянный след – золото, которое должно быть где-то спрятано, если мои предположения насчет сделок с землей оказались верны. Не находится ли оно где-нибудь там, наверху? Может, именно эта причина заставила убийцу туда подняться?

– Ваше право, сэр.

Я подошел к лестнице и начал по ней подниматься. Когда мы приблизились к навесной площадке, мое сердце вновь бешено заколотилось. Внизу служки по-прежнему отмывали пол и окунали красные от крови швабры в бадью с водой. И это все, что осталось от

человека, подумал я. Внезапно меня охватил столь сильный приступ тошноты, что мне пришлось крепко вцепиться в перила.

– Вам нехорошо?

Приор Мортимус находился в двух шагах от меня. Вдруг меня кольнула страшная мысль: если он на меня набросится, то перевес будет на его стороне, ибо он явно превосходит меня физически. В этот миг я пожалел, что не взял с собой Марка.

– Нет, – отмахнулся я от него. – Все хорошо.

Я посмотрел на грудку инструментов, которые валялись там, где прежде стояла статуя, потом перевел взгляд на люльку-корзину.

– Сколько времени прошло с тех пор, как здесь проводились какие-нибудь работы?

– Корзинка с веревками была поднята сюда два месяца назад. Мы это сделали для того, чтобы работники могли подобраться к статуе, которая находилась в весьма плачевном состоянии. Нужно было отодвинуть ее и исследовать трещину. Корзина подвешена к стене и башне при помощи движущихся веревок. Это воистину гениальное устройство. Его изобрел один ремесленник. Работы уже были в полном разгаре, когда их приостановил брат Эдвиг. И надо сказать, был совершенно прав. Он упирал на то, что брат Габриель должен был предварительно согласовать свои планы с ним. Тем самым он дал ризничему понять, кто этом деле главнее.

– Опасная работенка, – сказал я, посмотрев веревки.

– Пожалуй, вы правы, – пожал плечами он. – Гораздо безопасней было бы использовать леса. Но лично я не могу даже помыслить о том, чтобы наш казначей утвердил стоимость столь дорогостоящих работ.

– Похоже, вы недолюбливаете брата Эдвига, – небрежно заметил я.

– Да как вообще его можно любить? Этого толстого мерзкого хорька, который только и делает, что повсюду охотится за каждым пенни?

– Скажите, он часто советуется с вами по поводу движения денег в монастыре?

Я не сводил с него внимательного взгляда.

– Он не советуется ни с кем, кроме аббата, – осторожно пожал плечами приор. – Зато не жалеет наше время, заставляя отчитываться за каждый потраченный фартинг.

– Понятно. – Я отвернулся, чтобы взглянуть на колокольную башню. – А как вы добираетесь до колоколов?

– С нижнего этажа туда поднимается лестница. Если хотите, могу вам показать. Навряд ли работы теперь будут продолжены. Брат Габриель загубил не только себя, но и все это дело.

Я в недоумении поднял бровь.

– Скажите, приор Мортимус, как вы можете так сильно скорбеть по девушке-служанке и не выказывать никакого сочувствия по поводу смерти брата по вере, с которым провели бок о бок много лет?

– Я уже однажды говорил вам, что долг монаха в этой жизни в корне отличается от обязанностей обыкновенной женщины. – Он твердо посмотрел на меня. – И, прежде всего, он обязывает его не быть извращенцем.

– Я чрезвычайно рад, брат приор, что вы не являетесь мировым судьей короля.

Он повел меня сначала по ступенькам вниз, а потом через дверь к длинной винтовой лестнице, которая поднималась до высоты крыши. Мы взбирались по ней довольно долго, и прежде, чем попали в узкий деревянный коридор, упирившийся еще в одну дверь, я порядком запыхался. Через незастекленное окно открывался головокружительный вид на окрестности: белые поля и леса – с одной стороны и серое море – с другой. Должно быть, на протяжении многих миль не было более высокого места, чем то, на котором ныне находились мы. За окном жалобно завывал ветер и, задувая в пустой проем, шевелил нам волосы.

– Нам сюда, – сказал приор, и мы вошли в пустую комнату с дощатыми полами, в которой я увидел свисавшие сверху толстые колокольные веревки.

Подняв глаза, я выхватил взглядом тусклые очертания огромных колоколов. Посреди комнаты находилось обнесенное перилами большое круглое отверстие. Когда я подошел к нему, передо мной раскинулся еще один захватывающий дух вид на лежащую внизу церковь. Мы находились так высоко, что маячившие внизу люди казались нам муравьями. В двадцати футах от нас висела корзина с инструментами и ведрами, прикрытыми большой тряпкой. Веревки, которые ее держали, были протянуты через находящееся посреди

данной комнаты отверстие и привязаны к мощным, прикованным к стенам креплениям.

– Если бы не эта дыра, – заметил приор, – колокольный звон мог бы оглушить всякого находящегося здесь. Работающим в этой комнате служкам подчас приходится затыкать уши.

– Могу себе представить, если от этого звона гложут уши даже у тех, кто внизу. – Я увидел ведущую вверх небольшую деревянную лестницу. – А эти ступеньки, очевидно, ведут к самой колокольне?

– Да, – ответил приор. – Они служат специально для тех, кто там работает. Вернее, следит за тем, чтобы колокола содержались в порядке.

– Давайте-ка мы с вами по ним поднимемся. Только мне хотелось бы, чтобы вы пошли первым.

Лестница привела нас еще в одну комнату, в которой перилами ограждались уже сами колокола. Прикрепленные к крыше большими кольцами, они были воистину огромными, каждый по величине намного превосходил человеческий рост. Здесь так же, как в первом помещении, все было на виду и ничто не могло быть спрятано. Я подошел к колоколам, стараясь держаться как можно дальше от ограды, которая была довольно низкой. Тот колокол, что находился ко мне ближе остальных, был покрыт орнаментом. К нему была прикреплена дощечка с надписью на каком-то иностранном языке.

– Arrancado de la barriga del infiel, ano 1059, – вслух прочел я.

– Извлечено из живота язычника, – сказал приор Мортимус.

Я вздрогнул, ибо его голос раздался прямо у меня над ухом.

– Сэр, – произнес он, – я хотел бы вас кое о чем попросить. Вы обратили внимание на аббата? На то, как он держался?

– Да.

– Все эти происшествия его окончательно сломили. Ему уже не под силу вести дела монастыря. Когда встанет вопрос о его замене, лорду Кромвелю потребуется преданный человек. Человек твердой воли. Я слышал, что своим сторонникам в монастырях он оказывает всяческую поддержку.

При этих словах он бросил на меня многозначительный взгляд. Не скрывая своего удивления, я покачал головой:

– Приор Мортимус, неужели вы и впрямь думаете что после всего, что здесь произошло, этому дому будет дозволено продолжать свое

существование?

– Но как же это... – Вид у него был потрясенный. – Этого никак не может быть. Я хочу сказать, что наша жизнь... что не может же она так просто взять и прекратиться. Ведь нет такого закона, который заставит нас сдаться. Я знаю, ходят слухи, что монастыри скоро закроют. Но этого нельзя делать. – Он отчаянно замотал головой. – Ни в коем случае.

Он придвинулся ко мне еще на шаг, прижав к перилам, и отвратительный запах его грязного тела ударил мне в нос.

– Приор Мортимус, – сказал я, – будьте так любезны, отойдите в сторону.

Взглянув на меня с изумлением, он отступил, освободив мне проход.

– Но послушайте, сэр, – не унимался он. – Я могу спасти этот дом. Это вполне в моих силах.

– Все, что касается судьбы монастыря, мне надлежит обсуждать исключительно с лордом Кромвелем. – В ту жуткую минуту я подумал, что приор может сбросить меня вниз, и от этой мысли во рту у меня пересохло. – Я уже все посмотрел – все, что мне было нужно. Здесь ничего нельзя спрятать. Поэтому давайте спускаться вниз.

Мы шли по лестнице в полной тишине. Не помню, чтобы когда-нибудь я испытывал такую радость, как в тот миг, когда ощутил под ногами землю.

– Вы собираетесь в путь прямо сейчас? – поинтересовался приор.

– Да. Но на время своего отсутствия я передаю все свои полномочия Марку Поэру.

– Когда будете говорить с лордом Кромвелем, не могли бы вы упомянуть о том, что я вам недавно сказал? Я мог бы стать его верным человеком.

У меня есть множество других вопросов, которые требуется обсудить с ним, – коротко ответил я. – А теперь мне пора.

Я развернулся и быстрым шагом направился в лазарет. Потрясение, связанное со смертью Габриеля, неожиданно овладело мной с полной силой. Двигаясь по коридору к своим покоям, я вдруг почувствовал, что у меня сильно закружилась голова и начали заплетаться ноги. В комнате я не нашел Марка, хотя все мои вещи были собраны. В походной корзине лежали бумаги, еда в дорогу и запасная сорочка.

Едва я присел на край кровати, как с головы до ног меня охватила сильная дрожь. Я почувствовал, что не могу больше сдерживать рвущихся наружу рыданий, и дал им полную волю. Я рыдал по Габриелю, по Орфан, по Саймону и даже по Синглтону. А также от ужаса, который сковал меня в своих объятиях.

Вскоре я ощутил, что мне стало легче. Я как раз умывал лицо из чаши с водой, когда в дверь постучали. Я подумал, что ко мне пришел попрощаться Марк, но это оказалась Элис. Увидев мое покрасневшее лицо, она не могла сдержать своего удивления.

– Сэр, привели вашу лошадь. Пора отправляться в город, если вы хотите поспеть на лодку.

– Благодарю вас.

Взяв дорожную корзинку, я встал с кровати. Девушка стояла прямо напротив меня.

– Сэр, мне не хотелось бы, чтобы вы уезжали.

– Я должен, Элис. В Лондоне мне надлежит найти ответы, которые положат конец этим ужасам.

– Вы имеете в виду меч?

– Да, меч. – Я глубоко вздохнул. – Пока меня не будет, по возможности старайтесь никуда не отлучаться. Оставайтесь здесь, в лазарете.

Она ничего не ответила. Я поспешил прочь, опасаясь что если задержусь еще на одно мгновение, то могу сказать ей что-нибудь такое, о чем впоследствии пожалею. Помнится, она проводила меня каким-то странным взглядом, смысл которого я в тот миг не сумел постичь. За дверью меня ожидал конюх, который держал под уздцы Канцлера. Увидев меня, конь приветственно заржал и весело замахал мне белым хвостом. Я погладил его по лоснящемуся боку: хоть одно существо в этом месте было искренне радо моему появлению. Оседлав его, как обычно, с некоторым трудом, я направил коня к воротам, ненадолго остановился и, обернувшись, окинул довольно долгим взглядом заснеженный монастырский двор, потом кивком попрощался с Багги и выехал на дорогу.

ГЛАВА 27

Путешествие в Лондон прошло без каких-либо приключений. Дул попутный ветер, и сильное течение быстро несло наше двухмачтовое грузовое судно по ленивым серым волнам, столь же мрачным, что и нависшее над нами небо. В открытом море было еще холодней, чем на побережье, и я почти все время провел в маленькой каюте, которую оставлял лишь тогда, когда рев волн становился особенно громким. Лодочник оказался весьма хмурым типом, который за все путешествие проронил не более нескольких слов. Ему под стать был и помощник, тощий парень, который в корне отвергал всякую мою попытку завести разговор о жизни в Скарнси. Я заподозрил в нем ярого паписта, ибо неоднократно заставлял его на палубе, когда он что-то бормотал себе под нос и перебирал при этом четки, которые тотчас прятал в карман, завидев меня.

Мы провели в море две ночи, которые я крепко проспал, завернувшись в теплый плащ с одеялом. Безусловно, не обошлось без помощи снадобья брата Гая. Только оказавшись за пределами монастыря, я ощутил, каким тяжелым гнетом была для меня жизнь в постоянном страхе среди царивших в нем бесчинств. Неудивительно, что в подобной атмосфере мы поссорились с Марком. Впрочем, было еще не все потеряно, и при нормальных обстоятельствах, когда всему этому кошмару придет конец, наши отношения еще могут быть улажены. По моим соображениям, Марк уже должен был обосноваться в домике аббата. Безусловно, на все мои распоряжения относительно Элис он махнул рукой. В этом я ничуть не сомневался, это явствовало даже из того, что он сказал мне на прощание. Мне вдруг пришло на ум, что девушка может рассказать ему о моих чувствах, которые я оказался не в состоянии скрыть от нее, когда мы ходили с ней на болото. Эта мысль повергла меня в очень неприятное расположение духа. Безусловно, меня не покидала тревога за их безопасность, но я тешил себя мыслью, что все образуется. Если Марк будет оставаться в доме аббата – хотя, разумеется, от посещений лазарета он ни за что не откажется, – а Элис, в свою очередь, будет тихо исполнять свои

обязанности, ни у кого не появится ни малейшего повода причинить им вред.

Мы прибыли в Биллингсгейт на третий день, после небольшой задержки в устье Темзы, в ожидании очередного прилива. Берега реки были покрыты снегом, хотя, на мой взгляд, сугробы были меньше, чем в Скарнси. Пока я стоял на палубе, то успел заметить, что у берегов образовалась довольно толстая корка льда. Проследив за моим взглядом, лодочник впервые за все путешествие обратился ко мне со словами:

– Сдается мне, что Темза опять замерзнет. Как это случилось прошлой зимой.

– Пожалуй, вы правы.

– Помнится, в минувший год по замерзшей Темзе король со всем двором катался верхом на конях. А вы, сэр, видали это зрелище?

– Нет, я был на службе. В суде.

Тем не менее я вспомнил, как это событие описывал мне Марк. В те времена он как раз подвизался в Палате перераспределения монастырского имущества, когда до него дошла весть о том, что король всем двором собирается прокатиться верхом по льду, начиная от Уайтхолла и кончая Гринвичским дворцом, в котором проходили рождественские празднования. Он также обязал присоединиться к своему путешествию служителей Вестминстерского аббатства. Разумеется, за этим умыслом скрывались и некие политические мотивы. Так, на время празднеств было объявлено перемирие с северными повстанцами и их вождем Робертом Аском. Король обеспечил его надежной охраной, чтобы тот прибыл в Лондон на переговоры с ним. Подобным жестом Генрих Восьмой, по всей очевидности, хотел показать всем горожанам, что никакие повстанцы не способны нарушить его праздничного веселья. Марк при каждом удобном случае вспоминал, о том, как чиновников Палаты вместе с кипами документов буквально согнали к руслу реки. Им приходилось долго понукать своих лошадей, ибо те сильно упирались, не желая ступать на лед.

Лошадь Марка чуть было не сбросила его, когда мимо пронесся на своем боевом коне король. И неудивительно, ибо это была довольно внушительных размеров фигура, в особенности в сравнении с

сопровождая его королевой Джейн, мчавшейся на маленьком коне в дамском седле. За ними верхом и в повозках следовали длинной шеренгой придворные и слуги, которые с криками и визгом подстегивали своих скакунов, направляя их по скользкому льду. К этой шумной процессии, за которой из окон домов наблюдала добрая половина Лондона, наряду с прочими чиновниками присоединился и Марк. Его коллегам надлежало лишь принять участие в этом спектакле и тем же вечером отбыть по Лондонскому мосту назад вместе документами и бухгалтерскими книгами. Помнится, я обсуждал это событие с Марком спустя несколько месяцев после того, как Аск был подвергнут аресту за государственную измену.

«Ходят слухи, будто его собираются живым повесить в цепях в Йорке», – говорил Марк.

«Он повстанец. Взбунтовался против самого короля».

«Но зачем тогда было обеспечивать его надежной защитой? Видели бы вы, как он веселился на Рождество вместе со всем двором».

«*Circa regna tonat*», – процитировал я. – «Вокруг тронов всегда гремит гром».

Начался прилив, и наша лодка тронулась с места. Лодочник направил ее к середине реки, и вскоре на горизонте показался шпиль собора Святого Павла, а за ним замаячили покрытые снегом крыши десяти тысячного города.

Прежде чем сесть в лодку в Скарнси, я отвел Канцлера в одну из местных конюшен, поэтому по прибытии в Лондон мне пришлось идти домой пешком. Солнце клонилось к закату. Меч, который монахи достали со дна пруда, висел у меня на боку и при ходьбе то и дело постукивал по ноге. Хотя Марк и одолжил мне ножны, они оказались малы для меча, да и вообще я не привык носить на себе оружие.

Никогда прежде я не испытывал такого облегчения, как в тот день, когда оказался среди лондонской толпы. До чего же приятно было затеряться в ней! В особенности после долгого пребывания в центре внимания людей, одержимых страхом и ненавистью. При виде родного дома мое измученное сердце возликовало, еще более целительное действие оказало на него приветствие встретившей меня у входа Джоан. Мой приезд явился для нее неожиданностью, поэтому на ужин в доме не нашлось ничего иного, кроме старой вываренной курицы.

Тем не менее я испытывал несказанную радость снова сесть за родной стол. Сразу после скромной трапезы я отправился спать. В моем распоряжении был всего один день, за который мне предстояло переделать уйму дел.

На следующее утро я выехал из дому прежде, чем зимнее солнце успело подняться над горизонтом. Оседлав старую кобылку, которую мы держали при доме, я направился в Вестминстер. К тому времени как я прибыл в контору Кромвеля, судя по множеству горевших свечей, в ней уже кипела бурная жизнь. Я доложил одному из клерков по имени Грей, что мне необходимо срочно увидеться со своим господином.

– Но у него сейчас герцог Норфолкский.

Скривив губы, Грей указал глазами в сторону кабинета Кромвеля.

Я удивленно поднял брови. Герцог был негласным главой той части двора, которая оказывала сопротивление проводимым церковным реформам. Этот высокомерный аристократ являлся заклятым врагом Кромвеля. Я был до глубины души поражен тем, что он снизошел лично прибыть сюда с визитом.

– Тем не менее это очень срочно, – продолжал настаивать я. – Не могли бы вы передать ему, что мне непременно нужно его сегодня увидеть?

Чиновник смерил меня любопытным взглядом:

– Вы хорошо себя чувствуете, господин Шардлейк? Что-то вид у вас чересчур усталый.

– Все в порядке. Понимаете, мне весьма необходимо переговорить с лордом Кромвелем. Прошу вас передать ему, что я готов встретиться с ним в любое удобное для него время.

Грей знал, что без причины я никогда не осмеливался отрываться от работы своего господина. Поэтому он осторожно постучал в дверь и вошел в кабинет, а спустя несколько минут вышел и сообщил мне, что лорд Кромвель будет ждать меня в одиннадцать часов в своем доме в Степни. Я был бы не прочь навестить своих коллег по работе, чтобы узнать от них о том, что произошло за последнее время в суде, а заодно с помощью знакомой и привычной обстановки изгладить из памяти впечатления недавнего прошлого, однако мне предстояли другие дела.

На небе едва занялся рассвет, когда я, поправив на боку меч, уже скакал в Тауэр.

Первоначально я имел твердое намерение посетить гильдию оружейных мастеров. Однако, обстоятельно поразмыслив, решил этого не делать. Дело в том, что, подобно всем прочим организациям такого толка, она также погрязла в горах бумаг, содержание которых хранилось в строгой секретности. Чтобы добыть из них нужные сведения, требовалось потратить чуть ли не целый день. К счастью, у меня появилась иная, более интересная мысль. Я вспомнил, что на одном из приемов, который состоялся несколько месяцев назад, мне довелось познакомиться с одним оружейным мастером по имени Олднолл, которого мне отрекомендовали как человека, обладающего непревзойденными знаниями в своей области, и ярого сторонника Кромвеля. Бумага, удостоверяющая мою личность как эмиссара главного правителя Англии, позволила мне благополучно миновать ворота, расположенные в Лондонской стене, и беспрепятственно войти в Тауэр. Через замерзший ров я пересек мост и направился к крепости – скоплению небольших строений, каждое из которых значительно уступало в размерах самому крупному из них – Белой башне. Посещать это место мне всегда было не по душе, ибо, пересекая ров, я всегда думал о тех, у кого обратного пути через него не было.

Львы в королевском зверинце ревели и рычали требуя завтрака, и к ним уже спешили по заснеженной лужайке двое одетых в золотисто-красные камзолы смотрителей. Они несли большие ведра, доверху наполненные требухой. Вспомнив свою недавнюю встречу с собаками в монастырской прачечной, я невольно содрогнулся. Оставив лошадь в конюшне, я стал подниматься по лестнице в Белую башню. В Большом зале сновали чиновники и люди в военной форме. Двое стражников тащили вниз в темницу какого-то полоумного старика в разорванных одеждах. Я предъявил свой документ сержанту, и он сопроводил меня в кабинет Олднолла.

Оружейных дел мастер был угрюмым, одетым в военную форму мужчиной с суровым лицом. Оторвав мрачный взор от кипы разложенных на столе перед ним документов, он почтительно предложил мне сесть.

– Господь свидетель, мистер Шардлейк, что бумажной работы ныне у нас невпроворот, – произнес он. – Надеюсь, вы пришли не за тем, чтобы усугубить наше и без того нелегкое положение.

– О нет, господин Олднолл. Я пришел, чтобы задействовать ваш мозг. Если вы, конечно, не возражаете. Я к вам по поручению лорда Кромвеля.

Он весь обратился во внимание.

– Тогда я сделаю все, что в моих силах, чтобы вам помочь, – ответил он. – Насколько я понимаю, ваше дело не терпит отлагательства. Во всяком случае, я могу судить об этом уже по вашему внешнему виду. Должен заметить вам, сэр, что вы несколько напряжены.

– Да, это все замечают. И надо сказать, не без основания. Господин Олднолл, мне нужно узнать, кто это сделал.

С этими словами я вытащил из ножен меч и осторожно передал его своему собеседнику.

Тот склонил над ним голову, чтобы вблизи рассмотреть клеймо, после чего бросил на меня удивленный взгляд и вновь впился глазами в меч.

– Откуда вы его взяли? – наконец спросил он.

– Мы нашли его на дне монастырского пруда.

Подойдя к двери, он аккуратно прикрыл ее, после вернулся к столу и осторожно положил на него оружие.

– Вы знаете, кто его изготовил? – повторил свой вопрос я.

– О да.

– Он еще жив?

Олднолл замотал головой:

– Нет. Прошло уже восемнадцать месяцев с тех пор, как его призвал к себе Господь.

– Я хотел бы узнать все, что касается этого предмета. Для начала, скажем, то, что означают вырезанные на нем знаки и буквы.

Прежде чем ответить, оружейных дел мастер сделал глубокий вздох.

– Видите вот этот маленький оттиск в виде замка? – начал он. – Так вот, он означает, что мастер обучался в Толедо в Испании.

От удивления я широко раскрыл глаза.

– Выходит, владелец этого меча был испанцем?

– Совсем не обязательно, – покачал головой мастер. – В Толедо обучаются оружейному мастерству множество чужестранцев.

– В том числе англичан?

– Прежде среди них были и англичане. Я имею в виду, до начала церковных реформ. Однако в нынешние времена англичан в Испании не жалуют. Всякий, кто проходит обучение в Толедо, обычно ставит на своем оружии клеймо в виде мавританской крепости Альказар. В знак того, что их приняли в гильдию. Именно так поступил и этот человек. Посмотрите сюда. Это его инициалы.

– Д. С.

– Да. – Он внимательно посмотрел на меня, после чего добавил: – Джон Смитон.

– Господи Иисусе! Уж не родственник ли он того самого Марка Смитона, что был любовником королевы Анны?

– Это его отец. Я был поверхностно с ним знаком. Этот меч – одна из его работ, благодаря которой он получил доступ в гильдию. В тысяча пятьсот седьмом году, если не ошибаюсь. Значит, это был тот самый год, когда он изготовил данный меч.

– Однако я никогда не слышал, что отец Смитона был оружейных дел мастером.

– С этого ремесла он начинал. И надо сказать, был в нем весьма успешен. Однако несколько лет назад в результате несчастного случая частично потерял два пальца, из-за чего его руке стало недоставать силы. Поэтому ему пришлось бросить оружейное ремесло и заняться плотницким делом. Кстати сказать, он жил и работал в Уайтчепеле.

– Насколько я понимаю, ныне его уже нет в живых?

– Его хватил удар через два дня после казни сына. Помнится, люди говорили, что у него не осталось никого, кому можно было бы передать свое дело. Поэтому, полагаю, мастерская после его смерти была закрыта.

– Но должны же быть у него какие-нибудь родственники. Этот меч – довольно ценная вещь. Он дол жен быть частью его наследства.

– Да, пожалуй.

Я глубоко вздохнул.

– Выходит, смерть Синглтона неким образом связана с Марком Смитоном, – начал я рассуждать вслух. – И по всей очевидности, об

этом как-то узнал Джером. Теперь понятно, почему он поведал мне эту историю.

– Что-то я не очень вас понимаю, сэр.

– Видите ли, мне необходимо выяснить, кому был передан этот меч после смерти Джона Смитона.

– Для этого вам придется проехать к нему домой. Подобно большинству ремесленников, он жил над своей мастерской. Ныне она принадлежит новым владельцам которые выкупили ее у судебных исполнителей.

– Премного вам благодарен, господин Олднолл. Вы мне весьма помогли. – Взяв меч, я засунул его в ножны. – А теперь мне пора. У меня назначена встреча с лордом Кромвелем.

– Рад был вам помочь. И вот еще что, господин Шардлейк... Раз уж вы собираетесь увидеться с лордом Кромвелем...

Я поднял бровь. Вот так всегда: стоит людям узнать, что я собираюсь нанести визит Кромвелю, у них сразу появляется ко мне какая-нибудь просьба.

Это только на тот случай, если у вас будет такая возможность, – продолжал рассыпаться в любезностях он. – Не будете ли вы так добры попросить его посылать мне поменьше бумажной работы? Всю эту неделю я просиживаю до позднего вечера, составляя отчеты по изготовлению оружия. А между тем мне доподлинно известно, что у них в ведомстве уже имеются все необходимые сведения на этот счет.

– Я постараюсь для вас что-нибудь сделать, – улыбнулся я. – Хотя вы должны понимать, что без отчетов в наши дни никак не обойтись. Это своего рода знамение нашего времени. И невозможно идти против течения.

– Однако этот бумажный поток в конечном счете нас потопит, – горько заметил он.

Дом лорда Кромвеля, который он построил несколько лет назад, представлял собой внушительный замок из красного кирпича. В нем проживали не только его сын и жена, но десятки юных сынов его подопечных, которых он взял к себе на обучение. Мне уже доводилось там бывать прежде. Дом напоминал в миниатюре королевский двор со множеством слуг учителей, чиновников и бесконечных посетителей. Когда я приблизился к нему, то заметил толпящихся у входа

оборванцев. Слепой босоногий старик, протягивая руку, беспрестанно повторял:

– Подайте на пропитание. Подайте на пропитание.

Я слышал, что Кромвель, желая завоевать авторитет среди бедного населения Лондона, велел своим слугам раздавать милостыню через боковые ворота. Однако увиденная мною сцена вызвала у меня неприятное впечатление, ибо напомнила о дне подаваний в монастыре.

Оставив лошадь в конюшне, я в сопровождении управляющего, добродушного человека по имени Блитмен, вошел в дом. Сообщив, что лорд Кромвель немного задерживается, он предложил мне вина.

– С удовольствием, – ответил я.

– Скажите, сэръ, не желаете ли вы взглянуть на леопарда лорда Кромвеля? Господин обожает, когда посетители смотрят на его питомца. Он в клетке на заднем дворе.

– Да, я слышал о том, что он недавно приобрел подобного зверя. Покорно благодарю за предложение.

И он повел меня через деловую часть дома на задний двор. Никогда прежде мне не доводилось видеть леопарда, несмотря на то что я неоднократно слышал об этих легендарных пятнистых существах, которые могут перегнать ветер. Едва Блитмен с довольной улыбкой на устах вывел меня из дома, как в нос мне ударил сильный запах зверя, и почти одновременно с этим я оказался перед металлической клеткой площадью около двадцати квадратных футов. На ее каменном полу были разбросаны куски мяса, меж которых сновала туда-сюда огромная кошка. Ее тощая, но весьма мощная мускулатура, покрытая блестящей, с золотыми и черными пятнами, шкурой, свидетельствовала об огромной и жестокой силе. Как только леопард меня учуял, он сразу же обернулся и зарычал обнажив свои огромные желтые клыки.

– Страшный зверь, – сказал я.

– Моему господину он обошелся в пятнадцать фунтов стерлингов.

Большая кошка села и уставилась на нас, время от времени издавая грозный рык.

– Как его зовут? – осведомился я.

– О, никак. Было бы не по-божески давать такому монстру христианское имя.

– Бедняга. Ему, должно быть, холодно.

Из дома вышел мальчик в ливрее и, приблизившись к Блитмену, что-то шепнул ему на ухо.

– Лорд Кромвель вернулся, – сообщил тот. – Пройдемте. Он ждет вас в своем кабинете.

Бросив на леопарда прощальный взгляд, я вслед за Блитменом пошел в дом, отметив про себя, что господин Кромвель тоже пользуется репутацией человека страшного и беспощадного. Интересно, не преследовал ли он в приобретении данного зверя некий преднамеренный умысел?

Рабочая комната лорда Кромвеля с заваленными всякими документами столами представляла собой уменьшенную копию его кабинета в Вестминстере. Обыкновенно у нее был весьма унылый вид, но в этот день обстановку скрашивали солнечные блики, переливавшиеся на снегу раскинувшегося за окном сада. Проникая внутрь, они падали на лицо сидевшего за столом Кромвеля, еще сильнее подчеркивая его и без того грубую лепку. Когда я вошел, он бросил на меня весьма враждебный взгляд, который не предвещал мне ничего хорошего. Это было понятно и по его плотно сжатому рту и грозно выдвинутому вперед подбородку.

– Я ждал от вас вестей гораздо раньше, – холодно произнес он, не предложив мне даже сесть. – девять дней. А дело, судя по вашему виду, до сих пор не сдвинулось с места. – Его взгляд упал на мой меч. – Господи помилуй, да как вы осмелились войти ко мне с оружием?

– О нет, милорд, – стал объяснять я, поспешно вытаскивая его из ножен. – Это улика. Я должен был ее вам представить.

Я положил меч на стол рядом с иллюстрированной Библией, переведенной на английский язык, которая была открыта как раз на той странице, где были изображены объятые пламенем Содом и Гоморра.

Вслед за этим я поведал ему все, что мне удалось узнать за последние несколько дней, проведенных в Скарнси. Я рассказал ему о смерти Саймона и Габриеля, о найденном в пруду трупе девушки по имени Орфан Стоунгарден, о предложении аббата сдать, о моих подозрениях относительно земельных сделок и наконец о письме Джерома, которое я в знак доказательства в конце своего доклада

протянул Кромвелю. На протяжении всего времени, за исключением нескольких минут, пока он читал письмо, я находился под прицелом его испытующего взгляда. Когда я закончил говорить, он презрительно фыркнул:

– Господи Иисусе, да там у вас такое творится, что почище Бедлама будет. Надеюсь, к вашему возвращению ваш юный помощник еще не отправится к праотцам, – грубо добавил он. – Сколько мне пришлось потратить времени, чтобы правдами и неправдами отозвать Рича, и все впустую!

– Я счел необходимым сообщить вам о случившемся, милорд. В особенности после того, как обнаружил это письмо.

Он что-то про себя буркнул.

– Надо было Грею напомнить мне об этом картезианце О том, что он находится там, в монастыре. Впрочем с братом Джеромом мы еще разберемся. Что же касается писем, адресованных Эдварду Сеймуру, то они меня не слишком заботят. Теперь, когда королева мертва, семейство Сеймуров ищет моего покровительства. – Он подался вперед. – Больше всего меня тревожат неразгаданные смерти. Им надлежит положить конец. Я не хочу, чтобы были нарушены мои дальнейшие переговоры. Монастырь в Льюисе собирается добровольно сложить свои полномочия.

– Неужели?

– Я получил эти сведения только вчера. Документы об официальном его закрытии будут подписаны на ближайшей неделе. Именно по поводу данного дела я имел сегодня встречу с герцогом Норфолкским. Мы договорились с ним поделить земли между собой. По данным вопросам король не имеет никаких возражений.

– Надеюсь, вам удастся заключить выгодную сделку.

– Непременно. Имения в Сассексе перейдут ко мне, а в Норфолке – герцогу. Недалек тот час, когда жажда владения землей заставит заклятых врагов сесть за стол переговоров. – Он усмехнулся. – Лично я собираюсь поселить моего сына Грегори в прекрасном доме аббата. И сделать его владельцем аббатской земли. – Запнувшись, он вновь метнул в меня холодный взгляд. – Очевидно, вы, Мэтью, полагали, что повергнете меня в беспокойство. А на самом деле привели в еще лучшее расположение духа.

– Нет, сэр. Я знаю, что дела у меня продвигаются чрезвычайно медленно. Но более трудной и опасной загадки мне еще не доводилось встречать.

– Зачем вам понадобилось притаскивать сюда этот меч?

Я рассказал ему о своем открытии и о состоявшемся ранее разговоре с Олдноллом.

– Марк Смитон, – нахмурился он брови. – Не думаю что он может представлять опасность, находясь в могиле. – Лорд Кромвель обошел свой стол и взял в руки меч. – Добротное оружие. Не отказался бы такое иметь во времена своей юности, когда воевал в Италии.

– Между смертями в монастыре и Марком Смитоном должна быть какая-то связь.

– Я вижу только одну, – ответил он. – Связь Смитона со смертью Синглтона. А именно – месть.

Он ненадолго задумался, потом обернулся и, бросив на меня тяжелый взгляд, произнес:

– Этого не должна знать ни одна живая душа.

– Клянусь честью.

Сложив руки за спиной, он принялся ходить взад-вперед, так что полы его черной мантии развевались вокруг коленей.

– Когда в прошлом году Анна Болейн окончательно впала в немилость короля, мне надлежало действовать решительно и быстро. Поскольку поначалу я был на ее стороне, сторонники Папы стали пророчествовать и мое падение. И надо сказать, небезуспешно, ибо король начал прислушиваться к ним. Поэтому мне пришлось помочь ему изыскать способ, как отделаться от супруги. Надеюсь, вы понимаете, о чем я говорю?

– Да, да, разумеется, понимаю.

– Мне удалось убедить его в том, что она повинна в прелюбодеянии. Это означало, что ей можно было вменить в вину измену и приговорить к смертной казни, не затрагивая вопросов религии. Однако для этого нужно было представить необходимые доказательства и произвести публичный суд.

Я слушал его молча, не сводя с него глаз.

– Тогда я взял наиболее верных мне людей и каждого прикрепил к одному из выбранных мною друзей королевы: Норрису, Уэстону, Бреретону, ее брату Рочфорду и... – Смитону. В их задачу входило

заставить каждого из приближенных Анны предоставить признание, или нечто в этом роде, что могло служить доказательством их любовной связи. Синглтон был тем самым человеком, которого я приставил к Марку Смитону.

– Ему пришлось выдумать какую-то историю против Смитона?

– Что касается Смитона, то склонить его к даче ложных показаний против королевы оказалось гораздо легче, чем остальных. В душе он был совсем ребенок. И признался в прелюбодеянии после первой пытки в Тауэре. Такой же, какую я применил к картезианцу, который, должно быть, и вправду видел в тюрьме этого парня. Ибо все, что он пишет в своем послании о Смитоне, является истинной правдой.

По мере продолжения рассказа его голос становился все более задумчивым..

– Одним из посетителей Смитона был не кто иной, как Синглтон. Полагаю, картезианец видел, как тот заходил в камеру Смитона. Я намеренно послал его к осужденному в ночь перед казнью, дабы удостовериться, что в своей последней речи на плахе – между прочим, с этой традицией уже пора кончать – мальчишка не откажется от своего признания. Для этого ему лишний раз напомнили о том, что, если он скажет что-нибудь лишнее, его отцу будет несдобровать.

Я потрясенно уставился на своего господина.

– Выходит, люди говорили правду? Королева Анна и все эти люди были невиновны?

Он обернулся ко мне, и яркий луч света, выхватив его лицо, навсегда запечатлел в моей памяти его страшные беспощадные глаза.

– Разумеется, они были невиновны, – сказал он. – Хотя никто этого не осмеливается произнести вслух, об этом знает весь мир. Равно как знали и судьи. Это было, пожалуй, известно и самому королю, хотя он не мог себе в этом признаться, дабы не омрачить свою благочестивую совесть. Господи, Мэтью, вы слишком наивны для своей должности. Вы свято верите в реформы, однако вам не хватает пылу. Лучше б вам быть таким, как я: лишенным предрассудков, но исполненным большей страсти.

– Да, я свято верил в справедливость приговора. И много раз подтверждал это словами.

Лучше поступать так, как поступает в таких случаях большинство людей. Но при этом держать язык за зубами.

– Возможно, я об этом смутно догадывался. В глубине души, – тихо произнес я. – Очевидно, некоторой части моего естества Бог еще не достиг.

Кромвель бросил на меня острый взгляд, лицо его выражало крайнее недовольство.

– Значит, Синглтон был убит из мести, – проговорил я. – Кто-то лишил его жизни тем же способом, каким была казнена Анна Болейн. Но кто бы это мог быть? – Мне тотчас пришла в голову одна мысль. – Кто посещал Смитона в камере? Помимо священника, приходившего исповедовать Смитона, Джером упоминал еще двоих.

– Я предоставлю вам все имеющиеся у нас документы Синглтона. Вы сами найдете в них необходимые сведения о семье Смитона. Обещаю прислать их вам домой в ближайшие два часа. А пока отправляйтесь в мастерскую, некогда принадлежавшую старику Смитону. Думаю, это будет правильней всего. Вы когда собираетесь возвращаться в Скарнси? Завтра?

– Да. Лодка отправляется на рассвете.

– Если до отъезда что-нибудь выясните, дайте мне знать. И еще, Мэтью...

– Да, милорд.

Он переместился из полосы солнечного света, и его глаза вновь вспыхнули яростью и силой.

– Твердо удостоверьтесь в том, что вы нашли убийцу. Стишком долго я держу в неведении короля. Поэтому, когда мне придется ставить его в известность о случившемся, я должен буду назвать имя преступника И наконец поставить печать на деле закрытия данного монастыря. Надеюсь, что хоть в этом вопросе вы кое-чего достигли.

– Да, милорд, – сказал я и, слегка поколебавшись, добавил: – Скажите, а что происходит с теми, кто добровольно складывает свои полномочия?

Он мрачно улыбнулся.

– То же самое, что со всеми другими. Аббат с монахами получают денежное содержание. Служкам придется позаботиться о себе самим. Что же касается храмов и прочих монастырских зданий, могу поделиться с вами тем, что я задумал произвести с Льюисом. Я собираюсь направить туда одного мастера, который имеет опыт по части разрушения домов, чтобы он сровнял все церковные сооружения

с землей. А когда монастырские земли окончательно перейдут в руки короля, мы начнем сдавать их в аренду. В каждый договор я собираюсь включить пункт, который будет обязывать арендатора убирать с лица земли находящиеся на его территории церковные здания. Для этого им будет достаточно просто снести крыши и позволить местным жителям растащить все остальное для собственных нужд. Вскоре от нелепого векового ритуала не останется и следа. Разве что несколько развалин в память о могуществе короля.

– Но среди монастырских строений некоторые являют собой прекрасные образцы архитектуры.

– Ни один уважающий себя джентльмен не сможет жить в церкви, – раздраженно проговорил Кромвель. – Надеюсь, вы не собираетесь обратить меня в паписта, Мэтью?

– Никоим образом, милорд.

– Тогда ступайте. И не обманите на сей раз моих ожиданий. Не забывайте, что в моей власти не только построить карьеру служителя закона, но также и разрушить ее.

Он вновь посмотрел на меня испытующе.

– Обещаю, что больше вас не подведу, милорд.

Взяв со стола меч, я вышел.

ГЛАВА 28

Когда я уезжал из Вестминстера, в голове у меня царила сущая неразбериха. Я перебирал в памяти имена всей монастырской братии, пытаюсь найти возможную связь с семейством Смитонов. Любопытно, мог ли Джон Смитон встречаться с братом Гаем в Испании тридцать лет назад?

Пока я размышлял над этим и другими вопросами, мое сердце все больше наполнялось мрачным гнетущим чувством. Прежде я свято верил в то, что Кромвель не имеет никакого отношения к тем антихристианским действиям, которые приписывались ему по делу Анны Болейн. Теперь же он не только признался без зазрения совести, что они имели место, но сделал это с такой легкостью, будто речь шла о делах самых обычных. Причем упрекать Кромвеля в своих заблуждениях я не имел никакого основания, ибо знал, что взрастил их в собственном сознании сам.

Моя лошадь медленно и неуверенно двигалась по ледяной колее и, не одолев и половины пути по Флит-стрит, остановилась и яростно замотала головой. Впереди дорогу перегородила толпа горожан. Окинув ее взглядом, я увидел, как двое констеблей сражаются юношей-подмастерьем, который, отчаянно сопротивляясь, кричал своим обидчикам во всю глотку:

– Вы, вавилонские слуги, ловите избранных чад Божьих! Но справедливость восторжествует! И могущество ваше будет низвергнуто!

Связав ему руки за спиной и продолжая его пинать ногами, стражи порядка поволокли парня прочь. Кое-кто из толпы проводил его проклятиями, другие, напротив, бросили вдогонку возгласы одобрения:

– Держись крепче, брат! Избранники Господа одержат победу!

Сбоку от меня остановился еще один всадник, и, обернувшись к нему, я узнал Пеппера. С этим служителем закона мне довелось повстречаться в тот незапамятный день, с которого началась моя миссия в Скарнси.

– О, Шардлейк, – дружелюбным тоном воскликнул Пеппер, с лица которого никогда не сходило насмешливое выражение. – Судя по крикам, они взяли еще одного евангелиста. Впрочем, из его воплей скорее следует то, что он анабаптист.

– Насколько я понимаю, объявлена охота на проповедников-самозванцев? Всего несколько дней меня не было в Лондоне, а за это время произошло столько событий.

– Как только в Лондоне начались разговоры об анабаптистах, король приказал брать всех подозреваемых. Нескольких из них он не прочь отправить на костер. Говорят, от них вреда еще больше, чем от папистов.

– В наше время нигде не найти безопасного места.

– Воспользовавшись случаем, Кромвель решил объявить всеобщую облаву. Карманники, мошенники, самозванцы-проповедники – все они в эту страшную пору отсиживаются в своих конурах. Главный правитель желает их всех истребить на корню. Но только когда наступит подходящее время. Помните ту старуху с говорящей птицей, которую мы с вами однажды повстречали?

– Ну да. Кажется, с тех пор прошла целая вечность.

– Оказалось, вы были совершенно правы. Птичка повторяла слова, которым ее обучили хозяева. Так вот, подобных пернатых прибыло в город целых два судна. В Сити об этом сегодня только и говорят. Чуть ли не каждый городской житель желает приобрести для своего дома такую диковину. Словом, старухе предъявили обвинение в мошенничестве и, должно быть, скоро ее подвергнут порке. Послушайте, где вы все это время пропадали? Не иначе как грелись у камина в наше холодное время?

– Нет, Пеппер. Я был в деревне. Отлучался на несколько дней по поручению лорда Кромвеля.

– Говорят, он уже подыскивает королю новую невесту, – произнес он, надеясь выудить из меня свежие слухи. – Ходят толки о германских князьях, Гессе или Кливес. Это связало бы нас с лютеранами.

– Лично я об этом ничего не слышал. Как я уже сказал, мне пришлось отлучаться из города по делам лорда Кромвеля.

– Крепко же он вас загружает. – Он с завистью поглядел на меня. – Как думаете, не найдется ли у него и для меня какой-нибудь работенки?

– Очень может быть, Пеппер, – ухмыльнулся в ответ я.

Вернувшись домой, я начал просматривать почту, с которой накануне не имел возможности подробно ознакомиться. Несколько писем касались тех судебных дел, которые я вел. Люди с нетерпением ожидали ответов на волнующие их вопросы. Среди прочих было письмо от моего отца. Из-за худого урожая прошлым летом наша ферма принесла маленький доход, и отец подумывал о новых землях под пастбища. Он выражал надежду на то, что мое дело процветает, а Марк вполне справляется со своими обязанностями в Палате – я ни разу не обмолвился в своих посланиях о его недостойном проступке. Отец также писал, что в деревне ходят слухи о том, что разрушение монастырей будет продолжаться. Отец Марка по этому поводу выражал свое одобрение, полагая, что при подобном состоянии дел его сын не останется без работы.

Отложив письмо в сторону, я хмуро уставился на огонь в камине. Мои мысли снова вернулись к Марку Смитону. Я представил себе, как он, невиновный ни в каком преступлении, был вынужден претерпевать муки пыток. Потом в моем сознании возник образ Джерома, которому тоже довелось испытать ту же участь. Неудивительно, что он питал ненависть ко всему институту власти, который я в своем лице представлял. Выходит, все, что он говорил, было истинной правдой. Выходит, он изначально знал о том, какая связь существует между Синглтоном и Марком Смитоном. Иначе зачем было ему рассказывать мне эту историю? Между тем он поклялся, что никто из обитателей монастыря не убивал Синглтона. Я пытался восстановить в памяти точную фразу, которую он тогда произнес, но не успел собраться с мыслями, поскольку как раз в этот миг в дверь постучали и в комнату вошла Джоан.

– Вам письмо, сэ. От лорда Кромвеля.

– Благодарю вас, Джоан.

Я взял у нее конверт и перевернул его: на оборотной стороне значился гриф «Совершенно секретно».

– Сэр, – нерешительно начала она, – могу я вас кое о чем спросить?

– Да, конечно.

Я улыбнулся ей в ответ, ибо на ее круглом лице отпечаталось явное беспокойство.

– Мне хотелось бы знать, все ли у вас хорошо, сэр? У вас очень встревоженный вид. И еще. Как господин Марк? Жив ли он и вполне ли здоров?

– Надеюсь, что да, – ответил я. – Однако о его будущем ничего определенного сказать не могу. Он изъявил желание покинуть Палату.

Она кивнула.

– Это меня ничуть не удивляет, сэр.

– Да? А меня удивляет.

– Могу себе представить, каким несчастным он там был. Простите меня, сэр, но я слыхала, что это худое место. И что оно кишит алчными людьми.

– Возможно. Но подобных мест в стране слишком много. И если мы все будем их избегать, отсиживаясь у домашнего огня, то очень скоро превратимся в нищих. Вы так не считаете?

Она покачала головой:

– Но господин Марк не такой, как все, сэр.

– Чем же он отличается от других? Послушайте, Джоан, уж не попали ли вы под влияние его чар? Как прочие дамы, которых ему удалось обольстить?

– Нет, сэр, – ответила она, явно уязвленная моим замечанием. – Меня он ничуть не обольстил. Все дело в том, что мне, быть может, дано лучше понимать его, чем вам. И поэтому я вижу, что под его любезной внешностью прячется нежная и очень ранимая душа, а всякая несправедливость доставляет ему боль. Я даже подумала, что, возможно, в отношениях с той девушкой он искал случая избавиться от Вестминстера. Понимаете, сэр, он человек очень высоких идеалов. Подчас мне кажется, что даже слишком высоких, чтобы жить в нашем жестоком мире.

– А я думал, что только у меня высокие идеалы, – грустно улыбнулся я. – Но как раз сегодня розовую завесу сорвали с моих глаз.

– Простите, сэр?

– Нет, ничего, Джоан. Просто мне нужно срочно прочесть это письмо.

– Да, конечно. Извините меня, сэр.

– Не стоит извиняться. И еще, Джоан. Спасибо вам за заботу.

Я достал из конверта письмо. Оно состояло из записей и отчетов Синглтона, которые он посылал Кромвелю, сообщая о продвижении дела Марка Смитона. Чем больше я погружался в их содержание, тем более ясно вырисовывалась передо мной картина специально подготовленной для Марка ловушки, расставленной для того, чтобы, выудив из него ложные показания, предать его смерти. Обвинение королевы в любовной связи с человеком столь скромного происхождения, каковым являлся музыкант, писал Синглтон, могло вызвать громкую шумиху. Должно быть, это придавало особую важность разработанному им вместе с Кромвелем плану. В отношении Синглтона к Смитону явственно прослеживалось граничащее с насмешкой пренебрежение. Казалось, он считал молодого музыканта сущим глупцом, наивным ягненком, которого нетрудно будет принести в жертву. Беднягу притащили в дом Кромвеля, разбили о стенку его лютию, после чего, раздетого донага, на всю ночь бросили в подвал. Однако для того, чтобы заставить его клятвенно подтвердить ложные показания, пришлось прибегнуть к пыткам. Узнав эти страшные вести, я стал молить Бога, чтобы невинному страдальцу было послано спасение на небесах.

Записи Синглтона содержали сведения о семье юноши. Из них явствовало, что его мать давно умерла. В живых из родственников мужского пола остался только отец. У Джона Смитона была старшая сестра, проживавшая в какой-то деревне, но вследствие некогда имевшей место между ними ссоры они не поддерживали отношений на протяжении нескольких лет. Синглтон указывал, что отсутствие родственников было одним из тех обстоятельств, которое играло им на руку, ибо позволяло распоряжаться судьбой юноши по собственному усмотрению, не вызывая ненужных подозрений.

Я положил письмо обратно в конверт. Потом в моей памяти всплыла картина похорон Синглтона. Перед моим внутренним взором снова предстал гроб, и я опять увидел, как опустившаяся на него крышка закрыла лицо покойного. Однако на этот раз ощутил не горечь потери, а некую радость. В подобном состоянии духа я отдал распоряжение Джоан, чтобы она подготовила мне лошадь: пора было нанести визит в Уайтчепел. Когда же я облачился в плащ и вышел за порог своего дома, у меня словно появился иной смысл существования, некая цель, к которой я должен был стремиться. Это

должно было отвлечь меня от царившего в голове хаоса, и я ощутил внезапное облегчение.

ГЛАВА 29

Местечко под названием Уайтчепел находилось на немалом расстоянии от Лондонской стены, поэтому путь до него оказался довольно долгим. Это была быстро растущая деревушка, заполненная доброй сотней огороженных плетнями и мазанных штукатуркой домиков, из труб которых тянулись тонкие струйки дыма. Суровая погода для данного края явилась сущим бедствием. Глядя на замученные голодные лица жителей, я заметил, что для многих из них это испытание стало непосильным. Должно быть, от сильного мороза колодцы замерзли, ибо я заметил, что женщины носят с реки в свои дома ведра с водой. Поскольку я не понаслышке знал, что посещать здешние места джентльменам небезопасно, то предусмотрительно надел одежду из дешевой ткани. Улица, на которой стояла некогда принадлежавшая Смитонам кузница, была одной из лучших и состояла из нескольких мастерских. Как следовало из отчета Синглтона, упомянутое семейство проживало в расположенном по соседству с кузницей двухэтажном доме, поэтому отыскать их дом, у которого ныне был новый хозяин, мне удалось без труда. Уже издалека я, что ставни с лицевой стороны здания не только закрыты, но заколочены гвоздями и замазаны краской. Привязав лошадь к придорожному шесту, я подошел к дому и слегка постучал в хлипкую деревянную дверь.

Вскоре мне ее отворил бедно одетый молодой человек с растрепанными волосами и бледным лицом с впалыми щеками. Он без всякого участия осведомился о причине моего визита, однако, когда я сказал, что представляю ведомство Кромвеля, неожиданно переменился в лице и яростно замотал головой.

– Мы ничего не сделали, сэ, – начал оправдываться он. – Здесь нет ничего такого, что могло бы вызвать у лорда Кромвеля какой-либо интерес.

– Вас ни в чем не обвиняют. – Я попытался успокоить его мягким голосом. – Мне нужно всего лишь задать вам несколько вопросов, вот и все. Это касается бывшего владельца данного дома. Джона Смитона. Тех, кто окажет мне помощь, ожидает вознаграждение.

Он по-прежнему глядел на меня с подозрением, тем не менее пригласил меня войти.

– Простите, что у нас такой беспорядок, сэр, – забормотал молодой человек. – Но я остался совсем без работы.

Комната, в которую он меня привел, имела чрезвычайно убогий вид. Было понятно, что некогда она служила мастерской, поскольку представляла собой длинное помещение с низкими потолками, каменные стены которого почернели от многолетней сажи. Столярный верстак ныне служил столом. В комнате было холодно, ибо исходящий от нескольких окаменевших угольков огонек давал столько же тепла, сколько и дыма. Кроме верстака, нескольких поломанных стульев и соломенных матрацев, никакой другой мебели не было. Возле огня уютилось трое тощих ребятишек с мамой, которая качала на руках кашляющего младенца. Когда я вошел, они хмуро и безучастно поглядев на меня. Единственным источником света было маленькое окно в дальнем конце комнаты, которое в свое время служило витриной магазина. Внутри царил полумрак. Едва я вошел, как в нос мне ударил едкий запах дыма, смешанного с мочой. Словом, представшая предо мной удручающая картина вмиг наполнила мое сердце щемящей горечью и тоской.

– Давно вы здесь обитаете? – осведомился я у молодого мужчины.

– Восемнадцать месяцев. С того времени, как умер старый владелец. Человек, который купил этот дом позволил нам пожить в этой комнате. В спальнях покоях, тех, что находятся наверху, живет другая семья. А сам землевладелец господин Плэсид проживает в Стрэнде.

– Вы знаете, кем был сын старого владельца?

– Да, сэр. Марк Смитон, который согрешил с великой блудницей.

– Насколько я понимаю, этот дом наследники Смитона продали господину Плэсиду. А вы не знаете, кто именно это сделал?

– Наследницей была одна пожилая дама. Когда мы сюда въехали, то вон там лежала куча вещей господина Смитона. Всякая всячина, в том числе одежда, серебряная чаша и меч...

– Меч?

– Да, сэр. Они лежали в одной куче. – Молодой человек указал на угол. – Господин Плэсид сказал, что за ними приедет сестра Смитона и

заберет их. Поверьте, мы к ним даже не прикасались. Боялись, что нас могут отсюда выставить вон.

– Мы их не трогали! – воскликнула сидящая у огня молодая женщина; у нее вновь раскашлялся ребенок, и она прижала его к себе. – Тихо, тихо, Страх-Божий.

Я трудом сдерживал внезапно нахлынувшее на меня волнение.

– Вы говорите, одна пожилая дама? И когда она сюда приезжала?

– Несколько недель назад. Она сама из какой-то деревни. Мне показалось, что в Лондоне ей было неудобно. С ней вместе был служитель закона.

– А вы, часом, не помните, как ее зовут? – поспешно спросил я. – Или хотя бы в какой части страны она проживает? Может, место ее обитания называется Скарнси?

Он покачал головой.

– Прошу прощения, сэр. Но я помню только то, что она прибыла из какой-то деревни. Она была невысокого роста, тучная, русоволосая. На вид я бы дал ей больше пятидесяти. Она почти все время молчала. Потом они забрали свои вещи, в том числе меч, и ушли.

– А вы не помните имени того человека, с которым она приезжала?

– Нет, сэр. Помню только, что, когда он вручил ей в руки меч, она посетовала на то, что у нее нет сына, которому она могла бы его передать.

– Что ж, очень хорошо. Мне бы только хотелось, чтобы вы взглянули на меч, который сейчас находится у меня. Нет, не волнуйтесь. Я собираюсь его достать только затем, чтобы показать его вам. Скажите, не этот ли самый меч тогда забрала с собой упомянутая вами дама?

При этих словах я положил оружие убийства на верстак.

Молодой человек стал внимательно его рассматривать, а сидевшая у огня женщина, продолжая качать ребенка, встала и подошла к нам.

– На первый взгляд он точь-в-точь такой, как тот, – прищурившись, сказала она. – Сэр, мы вытаскивали его из ножен только из любопытства. Уверяю вас, мы ничего с ним не делали. Да, конечно, это он.

Узнаю эту золотую рукоять, да и эти значки тоже. Это точно он.

– Мы были уверены, что это дорогая вещь, – добавил мужчина. – Правда же, Элизабет?

Я положил меч в ножны.

– Благодарю вас обоих. Вы оказали мне неоценимую услугу. Мне очень жаль, что у вас болен ребенок.

Я потянулся, чтобы к нему прикоснуться, но женщина, в предупредительном жесте подняв руку, меня остановила:

– Не надо ее гладить, сэ. Ее жизнь висит на волоске. Она не оправится от кашля. У нее горячка. От этой болезни мы уже потеряли одного ребенка. Тихо, тихо, Страх-Божий.

– У нее какое-то странное имя.

– Его дал ей наш викарий. Большой сторонник реформ. Он утверждает, что, если мы будем давать детям такие имена, это поможет нашей жизни в миру. Идите сюда, дети. Станьте прямо.

Трое ребятишек с раздутыми от голода животами и тощими ногами выстроились перед нами в ряд, после чего их отец, поочередно указывая на них пальцем, произнес:

– Усердие, Настойчивость, Покорность.

Я кивнул и сказал:

– Каждый из них заслужил по шесть пенсов. А вам за помощь три шиллинга.

Я отсчитал необходимую сумму денег и передал ее им.

Дети охотно схватили свои монеты, а мать с отцом от неожиданно свалившейся на них удачи не могли вымолвить ни слова в ответ. Потрясенный увиденным зрелищем, я развернулся и поспешно покинул нищенское жилище, после чего взобрался на лошадь и поехал прочь.

Жалкая сцена еще долго преследовала меня, однако сетовать по этому поводу не имело никакого смысла. Поэтому я счел за благо обратить свои мысли к вновь открывшимся в моем деле обстоятельствам. Дама, наследовавшая меч Смитона, та единственная дама, у которой была причина для мести, как выяснилось, была особой довольно пожилого возраста. Но среди обитателей монастыря не было ни единой женщины за пятьдесят, за исключением двух старых прислуг, которые были высокими и худыми, что никак не соответствовало данному молодым человеком описанию. Среди тех, с кем я встречался в Скарнси, под портрет интересующей меня дамы подходила лишь госпожа Стамп. Однако роковой удар меча требовал

немалой силы, и вряд ли его могла нанести женщина преклонных лет, да к тому же низкого роста. Тем не менее Синглтон в своих записях утверждал, что, кроме сына, других родственников мужского пола у покойного Джона Смита не было. Я покачал головой.

Из-за рассеянности, охватившей меня после посещения этого дома, я не заметил, как моя лошадь направилась в сторону реки, а когда обнаружил это обстоятельство, решил не менять курса, ибо ехать домой мне еще не хотелось. Втянув в себя свежий воздух, я не знал, чему верить: либо это было плодом моего воображения, либо в самом деле потеплело?

Я проскакал мимо заснеженного пустыря, на котором разбила лагерь небольшая кучка безработных. По всей очевидности, разместились они здесь не случайно: в расположенных поблизости доках подчас требовались временные рабочие. Соорудив навес из плавника и мешковины, они ютились вокруг костра и, завидев меня, окинули недружелюбным взглядом, а их тощая рыжая шавка, зайдясь неумным лаем, бросилась наперерез моей лошади. Та, замотав головой, дико заржала. Один из тех, кто сидел у костра, кликнул собаку, и та тотчас вернулась на место. Я поспешил прочь, ласково похлопывая лошадь по боку, чтобы она быстрее успокоилась.

Мы спустились вниз к реке – туда, где возле причаливавших кораблей суетились разгружавшие их рабочие. Помнится, темные лица некоторых из них напомнили мне брата Гая. Я остановил лошадь напротив пришвартованного к причалу большого океанского судна, квадратный нос которого украшала обнаженная фигура расплывшейся в широкой улыбке русалки. Мужчины волокли из трюма ящики и коробки. Любопытно, из какого дальнего уголка земного шара прибыл этот корабль? Взирая на огромные мачты и судовое снаряжение, я с удивлением обнаружил воронье гнездо и клубящееся над ним облачко дыма. Вьющиеся завитки тумана, как я в следующий миг понял, исходили от воды, и теперь я явственно ощущал поток теплого воздуха.

Поскольку моя кобыла снова проявила признаки беспокойства, я, развернувшись, направил ее по улице, которая сплошь состояла из складских помещений, в сторону Сити. Однако вскоре мне вновь пришлось остановиться. Мое внимание неожиданно привлек странный шум, напоминавший некие крики, перемежающиеся с визгом и

гомонам причудливых голосов. Слышать эти неестественные звуки в заполненном туманом месте было, по меньшей мере, странно. Подстрекаемый любопытством, я привязал лошадь к шесту и направился к амбару, из которого, по моим предположениям, и раздавались эти душераздирающие вопли.

Вскоре через открытую дверь я увидел ужасающую картину: все помещение до отказа было забито птицами. Они сидели в больших железных клетках, каждая высотой с крупного мужчину. Я сразу понял, что пернатые были той же породы, что и птица пожилой дамы, о которой недавно мне напомнил Пеппер. И таковых тут было видимо-невидимо, я бы сказал, несколько сотен, всех размеров и расцветок: красные, зеленые, золотистые, голубые и желтые. Однако их состояние, мягко говоря, оставляло желать лучшего. У каждой из них были подрезаны крылья, подчас до самых костей, причем сделано это было изуверским образом, отчего их изувеченные конечности были покрыты свежими ранами. Иные птицы, наполовину облысевшие, с сочившимся из язв и глаз гноем, были явно больны. Бедняги сидели на прутьях, меж тем как посреди клетей, возле огромных куч помета валялись трупы их собратьев. Но самое ужасное было даже не столько зрелище, сколько крик пернатых. Одни из них исторгали невероятно жалкие вопли, будто взывая о конце своих страданий, другие оглашали воздух человекоподобными голосами, среди которых явственно можно было различить слова на латинском, английском и других неизвестных мне языках. Две птицы, те, что сидели наверху клетей, вели между собой престранный диалог.

– Попутный ветер, – беспрестанно кричала одна из них.

– *Maria, mater dolorosa*, – с девонским акцентом отвечала другая.

Я стоял, не в силах отвести взгляд от ужасной картины, до тех пор пока меня не дернула за плечо чья-то грубая рука. Обернувшись, я оказался лицом к лицу с облаченным в засаленный камзол моряком.

– Чего вам здесь надо? – резко произнес он, глядя на меня с подозрением. – Если вы насчет торговли, то вам надо пройти к господину Фолду.

– Нет, нет. Я просто ехал мимо и услышал шум. Поэтому решил справиться, что бы это могло значить.

– Не правда ли, напоминает Вавилонскую башню. – широко улыбнувшись, заметил моряк. – Одержимые бесами голоса говорят

между собой на разных языках. Я вам даже больше скажу. Спрос на этих птичек у джентри с каждым днем все больше растет. Чуть ли не каждый уважающий себя дворянин желает заполучить для забавы такую игрушку.

– Однако вид у них чрезвычайно жалкий.

– Там, откуда они прибыли, этого добра хоть пруд пруди. Часть из них погибла при перевозке. Иные помрут здесь от холода. Слабые создания, что ни говори. Но зато какие красавчики, не правда ли?

– Откуда вы их привезли?

– С острова Мадейра. Один португальский купец проведал, что в Европе на них вырос спрос. Вы бы видели, каким товаром торгует этот тип, сэр. Представляете, привозит полные лодки негров из Африки. А потом продает их в качестве рабов бразильским колонистам.

Моряк расхохотался, обнажив сверкающие золотом зубы.

Холод и зловоние, разившее из складского помещения, подстегнули меня поспешно закончить разговор. Извинившись перед своим собеседником, я поскакал прочь, еще долго преследуемый птичьим хором, голоса которого имели невероятное сходство с человеческими.

Миновав Лондонскую стену, я въехал в город и окунулся в серую дымку тумана. Капель громко барабанила по грязным лужам. Я остановил коня у входа в церковь. Издавна я взял себе за правило ходить на службы не реже раза в неделю. Ныне же, когда со дня моего последнего посещения прошло более десяти дней, я остро ощущал потерю душевного равновесия. Побуждаемый желанием поскорее исправить это положение, я спешил и вошел в дом Божий.

Это был один из наиболее богатых городских храмов, который особенно жаловали лондонские купцы. Многие из них были яркими сторонниками реформ, поэтому внутреннее убранство уже претерпело некоторые преобразования. Так, к примеру, в них уже не горели свечи, а изображения святых на алтарной перегородке были замазаны краской и заменены библейским стихом: «Господь знает, как избавить праведника от искушения и как воздать нечестивому в день суда». Храм был пуст. Миновав крестную перегородку, я вошел в алтарь, который теперь был начисто лишен всяческих украшений, а дискос с чашей для причастия стояли на самом обычном, без единого элемента декора, столе. На аналое лежал свежий экземпляр Библии,

прикрепленный к нему цепочкой. Умиротворенный знакомой окружающей обстановкой, являвшей собой яркий контраст церкви в Скарнси, я с облегчением опустился на скамью.

Изменения претерпели не только украшения храма. С того места, на котором я сидел, моему взору открывалась гробница прошлого века – два каменных гроба, стоявших один поверх другого. На верхнем из них красовался портрет богатого купца с пышной бородой в добротных одеждах, упитанного и цветущего. На нижнем – изображение того же купца, но в виде высохшего трупа в лохмотьях того же самого одеяния с надписью: «Такой я есть сейчас, таким я был когда-то; каким я есть сейчас, таким же станешь ты».

Пока я взирал на каменную гробницу, у меня перед глазами всплыла картина разлагающегося тела Орфан в тот миг, когда Марк достал его из воды. Потом эту картину сменили рахитичные дети, с которыми я повстречался в бывшем доме Смитона. И мерзкое, до тошноты отвратительное чувство овладело всем моим естеством. Неужели наша революция не имела других достижений, кроме замены имен святых на такие, как Страх-Божий и Усердие? Я вспомнил, что Кромвель упоминал о создании ложных свидетельств, призванных предавать невинных людей смертной казни. Потом в моей памяти всплыл рассказ Марка о том, как в Палату хлынула целая армия алчных льстецов, рассчитывавших урвать свой кусок пирога при делении монастырских земель. Наш новый мир отнюдь не являл собой христианское сообщество и никогда бы не смог таковым стать. Он был ничуть не лучше своего предшественника, который также зиждился на силе и тщеславии. И тут перед моим внутренним взором появились пестрые хромоногие птицы, визжавшие и кричавшие, точно безумные, друг на друга. Почему-то они сразу напомнили мне королевский двор, наводненный папистами и реформаторами, которые подняли точно такой же шум и гвалт в борьбе за власть. В своей предумышленной слепоте я отказывался видеть то, что происходило у меня перед глазами. Неудивительно, что люди испытывают неодолимый страх перед мировым хаосом и разверзшейся в потустороннем мире бездной. Чтобы успокоить и убедить себя, что нам ничего не грозит ни в этом мире, ни за его пределами, чтобы объяснить себе страшные тайны бытия, мы начали утешать себя иллюзиями.

И тут меня осенила догадка. Образ моего прежнего мировосприятия мешал мне видеть правду происходящего в Скарнси. Я был привязан к хитросплетению собственных предположений, касающихся устройства мира, но стоило убрать всего лишь одно из них, как кривое зеркало тотчас же сменилось кристально чистым и ясным отражением. Это повергло меня в такое удивление, что я невольно открыл рот. Я внезапно понял, кто был убийцей Синглтона и почему он это сделал. И едва это случилось, как все стало на свои места. Я знал, что у меня слишком мало времени. Однако в течение последующих нескольких минут я продолжал неподвижно сидеть с открытым ртом, тяжело дыша. Потом встал и, оседлав коня, погнал его во всю прыть обратно в Тауэр – к тому месту, где, по моим предположениям, должна была находиться последняя частица мучившей меня головоломки.

Когда я подъехал ко рву, уже сгустились сумерки Зеленая башня была залита светом горящих факелов. Я почти вбежал в Большой зал и напрямик направился в кабинет господина Олднолла. Он все еще сидел за рабочим столом, аккуратно переписывая что-то из одного документа в другой.

– Господин Шардлейк! Надеюсь, вы провели плодотворный день. Во всяком случае, не в пример мне.

– Мне нужно срочно поговорить с тюремным надзирателем темницы. Не могли бы вы проводить меня к нему? К сожалению, я очень спешу, чтобы искать его без посторонней помощи.

Очевидно, о важности моего дела говорило выражение моего лица, ибо господин Олднолл не задумываясь откликнулся на просьбу.

– Я отведу вас, – произнес он.

Взяв большую связку ключей, он вышел из кабинета, и я пошел за ним вслед. Проходя мимо охранника, он прихватил факел. После того как мы миновали Большой зал, господин Олднолл спросил меня, не доводилось ли мне прежде бывать в подземной тюрьме.

– К счастью, нет, – коротко ответил я.

– Весьма мрачное место. И я не помню, чтобы когда-нибудь там находилось столько людей, как сейчас.

– Да. Куда мы только катимся?

– К стране, наполненной безбожными преступниками-папистами и полоумными евангелистами. Пора их всех вздернуть на виселице.

Чем больше мы спускались по узкой винтовой лестнице, тем больше воздух наполнялся едкой сыростью, стены были покрыты зеленой слизью, матово блестящие капли воды стекали по ним, словно струи пота. Судя по всему, мы опустились ниже уровня реки.

В конце лестницы находились железные ворота, за которыми я увидел освещенное факелами помещение, где вокруг заваленного бумагами стола толпились люди. Когда один из них, в одежде охранника, приблизился к нам, Олднолл обратился к нему через решетку:

– Здесь эмиссар главного правителя. Ему требуется срочно переговорить с главным тюремным надзирателем, господином Ходжисом.

Охранник открыл ворота.

– Проходите, пожалуйста, сэр. Господин Ходжис сейчас весьма занят. Дело в том, что сегодня прибыло слишком много анабаптистов. Из-за них у нас теперь работы невпроворот.

Он проводил меня к столу, за которым вместе с другим стражем закона высокий худощавый мужчина по имени Ходжис вносил поправки в какие-то документы. По обеим сторонам комнаты находились тяжелые деревянные двери с закрытыми на засов маленькими окошками. Было слышно, как за одним из них кто-то громко читал Библию:

– На руках понесут тебя, да не преткнешься о камень ногою твоею; на аспида и василиска наступишь; попирать будешь льва и дракона...

[11]

Надзиратель поднял голову и произнес:

– А ну-ка, заткнись! Ты чего, по кнуту соскучился?

Голос стих, и надзиратель, обернувшись ко мне, слегка поклонился в знак приветствия.

– Прошу прощения, сэр. Пытаюсь рассортировать доносы на новых заключенных. Некоторых из них завтра надлежит доставить на допрос к лорду Кромвелю. Боюсь, как бы не послать к нему не тех, кого надо.

– Мне нужны сведения о заключенном, который находился здесь восемнадцать месяцев назад, – сказал я. – Надеюсь, вы еще помните Марка Смитона?

– Вряд ли я когда-нибудь смогу позабыть то время, сэр, – подняв бровь, ответил тот. – В Тауэре не часто пребывает сама королева Англии. – Он запнулся, собираясь с мыслями. – Да, в ночь перед казнью Смитон находился здесь. Мы получили распоряжение держать его вдали от других узников. Помнится, у него было несколько посетителей.

– Да, – кивнул я. – Например, Робин Синглтон, который приходил, чтобы удостовериться, не вознамерился ли Смитон отказаться от своего признания. А также другие. Кстати, у вас остались о них какие-нибудь записи?

Обменявшись взглядом с Олдноллом, надзиратель неожиданно прыснул со смеху.

– О да, сэр. В наше время приходится вести учет всех и вся. Верно я говорю, Томас?

– Причем по меньшей мере дважды.

Он послал куда-то одного из своих подчиненных, который вернулся несколько минут спустя с тяжелой книгой в руках. Главный надзиратель открыл ее и начал читать.

– Шестнадцатое мая тысяча пятьсот тридцать шестого года. – Он пробежал пальцем по странице сверху вниз. – Да, Смитон находился как раз в той самой камере, в которой ныне сидит вон тот урод, – он кивнул в сторону двери, из-за которой недавно слышались библейские стихи, а теперь было тихо.

– Итак, кто же все-таки посещал заключенного Смитона в последний день его жизни? – с нетерпением осведомился я, заглядывая в книгу через плечо надзирателя.

Он слегка поежился, прежде чем вновь наклониться над книгой. Очевидно, горбун и для него был дурным знаменем.

– Смотрите, Синглтон приходил в шесть. Другой посетитель, отмеченный как «родственник», – в семь, а священник – в восемь. Это был наш местный брат Мартин. Он приходил, чтобы исповедовать приговоренного перед смертной казнью. Чтоб этого Флетчера нелегкая забрала! Сколько раз твердил ему записывать всех без исключения по именам.

Я пробежал пальцем сверху вниз по странице, изучая глазами имена других узников.

– Джером Уэнтворт по имени Джером Лондонский, монах лондонского Чартерхауса. Да, он тоже здесь. Но меня интересует все, что касается так называемого родственника, господин Ходжис. Причем очень срочно. Кто такой ваш Флетчер? Один из стражников?

– Ну да. Он терпеть не может бумажной работы. И почти не умеет писать.

– Он сейчас на службе?

– Нет, сэр. Отбыл на похороны отца в Эссекс. Вернется только завтра днем.

– И в какое точно время?

– В час дня.

В отчаянии я укусил себя за палец.

– К этому времени я уже буду в море. Дайте мне бумагу и перо.

Я наскоро нацарапал две записки и передал их Ходжису.

– Здесь я изложил свою просьбу к Флетчеру. Пусть опишет все, что он помнит о том человеке, который, назвавшись родственником, посещал покойного накануне казни. Вы должны дать ему понять, что эти сведения могут оказаться жизненно важными. И если он сам не сможет написать, пусть за него это сделает кто-нибудь другой. После этого попрошу вас переправить его письмо вместе вот с этим, моим, лорду Кромвелю. Чтобы доставить ответ Флетчера мне в Скарнси, ему потребуется самый быстрый наездник. Ибо ныне, когда снег тает, дороги чертовски плохи. Однако хороший всадник сумеет добраться до меня сухопутным путем к тому времени, как я прибуду туда на лодке.

– Я сам лично доставлю письмо лорду Кромвелю, господин Шардлейк, – пообещал Олднолл. – С большим удовольствием прогуляюсь по свежему воздуху.

– Прошу простить меня за Флетчера, – извинился Ходжис. – Сейчас столько бумажной работы. Подчас просто невозможно исполнять все, как положено.

– Позаботьтесь о том, чтобы я получил от него ответ на мою просьбу, господин Ходжис.

Развернувшись, я собрался уходить и вслед за Олдноллом покинул темницу. Когда мы поднимались по лестнице, я услышал, что человек, сидевший в той же камере, в которой некогда пребывал Смитон, вновь изрек цитату из Библии, но вскоре был прерван – раздался удар, за которым последовал душераздирающий крик.

ГЛАВА 30

К счастью, на обратном пути в Скарнси нам благоволил попутный ветер. Едва мы вышли в море, как туман рассеялся, нашу лодку подхватил легкий юго-восточный поток воздуха и устремил вниз по течению. Температура воздуха поднялась на несколько отметок, так что после ледящего холода прошлой недели погода казалась почти теплой. Лодочник загрузил судно готовой одеждой и металлическим инструментом и, очевидно по этой причине, пребывал в весьма неплохом расположении духа. Когда к вечеру следующего дня в дымке горизонта показался берег, мое сердце заколотилось от волнения: мы почти прибыли к месту. Размышляя о том, что мне предстоит в ближайшем будущем, я пришел к выводу, что мои дальнейшие действия будут зависеть от того, насколько быстро успеет прибыть в Скарнси посыльный из Лондона. Назрела острая необходимость еще раз поговорить с Джеромом. И хотя на протяжении двух последних дней я старательно подавлял в себе всякое беспокойство о Марке и Элис, ныне оно вновь овладело мной с прежней силой. Уж не случилось ли чего-нибудь с ними?

Когда мы плыли мимо болота в сторону пристани Скарнси, туман сгустился еще сильнее, так что почти ничего невозможно было разглядеть. Лодочник робко попросил меня поработать веслом, чтобы оттолкнуть лодку от берега, когда мы подойдем к нему слишком близко, и я согласился. Раз-другой весло застревало в грязи, сквозь которую сочились струйки тающего снега. Когда мы наконец причалили, я испытал несказанную радость. Лодочник помог мне выбраться на сушу и поблагодарил за помощь. Возможно, за последнее путешествие он несколько изменил свое нелестное отношение к одному из еретиков, сторонников реформации.

Первым делом я решил посетить судью Копингера. Тот как раз собирался отужинать в обществе жены и детей и пригласил меня присоединиться к их трапезе, но я отказался, сославшись на недостаток времени. Тогда он проводил меня в свой уютный кабинет.

– Не случилось ли чего-нибудь еще в монастыре за время моего отсутствия? – осведомился я сразу после того, как он закрыл за собой дверь.

– Нет, сэр.

– Все живы и здоровы?

– Насколько мне известно, да. Но зато у меня есть новости насчет продажи церковной земли.

Он достал из ящика стола пергаментный свиток и передал его мне. Развернув его, я стал изучать написанный каллиграфическим почерком документ, скрепленный ярким оттиском красной монастырской печати. Там говорилось о передаче солидной части пахотных земель, расположенных на другой стороне Даунса, сэру Эдварду Уэнтворту за сто фунтов стерлингов.

– Это чрезвычайно дешево, – пояснил Копингер. – Хорошая сделка.

– Однако о ней нет ни слова ни в одной из бухгалтерских книг, которые я имел возможность видеть.

– Из этого следует только то, что мы имеем дело с мошенничеством, сэр. – Он довольно улыбнулся. – Словом, я решил прихватить с собой констебля и отправиться домой к Эдварду Уэнтворту с личным визитом. Должен заметить, что мое появление его не на шутку встревожило. При всем своем высокомерии он понимал, что я имею полное право его арестовать. Поэтому не прошло и получаса, как он отдал этот документ, скуля о том, что приобрел землю честным путем.

– С кем он вел переговоры в монастыре?

– Кажется, его управляющий имел дело с казначеем. Вы же сами знаете, Эдвиг сует свой нос везде, где речь идет о деньгах.

– Но печать на документе должен был поставить сам аббат. Или кто-то другой.

– Да. Кстати сказать, один из пунктов соглашения говорит, что в течение некоторого времени никто не вправе разглашать его содержания. Арендаторам предписано по-прежнему продолжать платить ренту управляющему монастыря, который, в свою очередь, должен будет передавать ее сэру Эдварду.

Тайные сделки сами по себе не являются противозаконными. Однако сокрытие их от королевских ревизоров уже считается преступлением. – Я свернул пергамент и положил его к себе в сумку. –

Вы хорошо поработали, господин Копингер. Я вам чрезвычайно благодарен. Продолжайте наводить справки в том же духе. И пока никому ничего не говорите.

– Я приказал, чтобы Уэнтворт сохранил мой визит в тайне. Если он не хочет нажить себе неприятности от лорда Кромвеля. Уверен, он будет держать язык за зубами.

– Ну и славно. Я скоро приступлю к активным действиям. Сразу после того, как дождусь вестей из Лондона.

Прежде чем произнести следующую фразу, Копингер слегка прочистил горло.

– Вас желает видеть госпожа Стамп, сэр. Я имел неосторожность сказать ей, что вы должны вернуться сегодня днем. Поэтому она с утра засела у нас на кухне, поджидая вашего приезда. Она сказала, что не сдвинется с места, пока не встретится с вами лично.

– Хорошо, я уделю ей несколько минут. Кстати говоря, какими силами вы располагаете здесь, в городе?

– Констебль с его помощником и трое моих осведомителей. Но зато в городе есть верные сторонники реформации, которых при необходимости можно будет призвать к нам на помощь. – Он прищурился. – А вы что, полагаете, могут возникнуть серьезные затруднения?

– Надеюсь, что нет. Но думаю, что очень скоро нам придется начать аресты. Возможно, вам придется оповестить своих людей о том, что они нам могут понадобиться. И удостовериться в том, что городская тюрьма готова к приему новых заключенных.

Он кивнул, расплывшись в довольной улыбке.

– С превеликим удовольствием увидел бы за решеткой некоторых монахов. И еще одно, сэр. – Он кинул на меня многозначительный взгляд. – Когда вся эта заваруха закончится, не могли бы вы за оказанную вам помощь отрекомендовать меня лорду Кромвелю? Мой сын уже достаточно взрослый, мне хотелось бы отправить его в Лондон.

– Видите ли, – криво усмехнулся я, – боюсь, что при нынешних обстоятельствах моя рекомендация вряд ли будет иметь какое-либо значение для главного правителя Англии.

– О, – разочарованно выдохнул он.

– А теперь мне бы хотелось, чтобы вы проводили меня к госпоже Стамп.

– Не возражаете потолковать с ней прямо на кухне? У нее такие грязные башмаки. Боюсь, она перепачкает мои ковры.

Копингер проводил меня на кухню, где, попивая из кружки эль, сидела госпожа Стамп. Хозяин велел двум любопытным горничным оставить нас одних и вслед за ними вышел и сам.

Пожилая дама сразу перешла к делу.

– Прошу прощения, что отнимаю у вас время, сэр. Но я хочу просить вас об одном одолжении. Два дня назад мы похоронили тело Орфан в церковном саду.

– Рад, что ее бедное тело наконец обрело покой.

– Я сама заплатила за погребение, но на могильную плиту у меня не хватило денег. Вот я и подумала, сэр. Учтывая ваше сочувствие к тому, что с ней произошло, не могли бы вы найти шиллинг на дешевенькое надгробие?

– А во сколько обойдется дорогое?

– Два шиллинга, сэр. Я распорядюсь, чтобы вам прислали расписку о получении.

Я отсчитал ей два шиллинга.

– К сожалению, вся моя миссия в последнее время сводится исключительно к подаяниям, – с горечью в голосе произнес я. – Тем не менее мне хотелось бы, чтобы у этой девушки было хорошее надгробие. Однако за мессу я платить отказываюсь.

– Орфан не нужны никакие мессы, – фыркнула госпожа Стамп. – Мертвым вообще наплевать на мессы. Ныне она уже обрела спасение в Господе.

– Вы говорите как истинная сторонница реформы, госпожа Стамп.

– А я таковой и являюсь, сэр. И весьма этим горжусь.

– Кстати говоря, – небрежно бросил я, – вы бывали когда-нибудь в Лондоне?

– Нет, сэр. – Она посмотрела на меня озадаченно. – Зато однажды я доехала до самого Уинчелси.

– И в Лондоне у вас нет никаких родственников.

– Вся моя родня живет в здешних краях.

– Я так и думал, – кивнул я в ответ. – Не волнуйтесь, госпожа Стамп.

Проводив ее, я наскоро попрощался с Копингером, у которого заметно поубавилось угодливости после того, как он узнал, что я не пользуюсь благосклонностью Кромвеля. Забрав у конюха Канцлера, я поскакал по утопающей в тумане тропинке в сторону монастыря.

Чем ближе я подъезжал к монастырю, тем теплее становился воздух. Сгущались сумерки, и Канцлер двигался осторожно, чтобы не поскользнуться на слякотной тропинке. Вокруг было тихо, если не считать журчания стекающих в болото ручейков тающего снега. Вскоре мне пришлось спешиться и вести коня рядом: я не хотел, чтобы Канцлер в темноте угодил в трясины. Вдалеке в тумане уже замаячила монастырская стена и горящий в сторожевом домике Багги тусклый свет. Привратник быстро отозвался на мой стук и вышел с факелом в руке.

– Наконец-таки вы вернулись, сэр. В такую ночь опасно ездить верхом.

– Я очень торопился.

– Я ввел коня в ворота.

Прибыл ли посыльный с сообщением для меня?

– Нет, пока никого не было.

– Вот проклятье! Я жду человека из Лондона. Как только он появится, сразу же мне сообщите. Не важно когда, будь то ночью или днем.

– Хорошо, сэр. Будет сделано.

– И вот еще что. Прежде чем вы получите от меня дальнейшие распоряжения, ни один человек – слышите, ни один – не должен покидать стен монастыря. Вы меня поняли? Если кому-нибудь вздумается уехать, немедленно посылайте за мной.

Он подозрительно на меня посмотрел.

– Это приказ, сэр?

– Да, – вздохнул я. – Не случилось ли за эти несколько дней каких-нибудь происшествий, Багги? Все ли живы и здоровы? Как дела у господина Марка?

– Все живы и здоровы, сэр. А господин Марк сейчас в доме аббата. – Он внимательно посмотрел на меня, и в свете факела я заметил странный блеск его глаз. – Но зато кое-кого мы не досчитались.

- Это что еще значит? Только не надо со мной говорить загадками.
- Я имею в виду брата Джерома. Вчера он вышел из кельи. И исчез.
- Вы хотите сказать, сбежал?

Багги невесело рассмеялся.

– Этот тип далеко не убежит. Он даже не появлялся у моих ворот. Очевидно, прячется где-то в окрестностях монастыря. Уверен, приор скоро его найдет.

– Господи Боже мой, его надо взять живым! – воскликнул с досадой я.

У меня из-под носа ускользнула возможность допросить единственного свидетеля, который, возможно, видел посетителей, приходивших к Марку Смитону накануне казни. Мне оставалось уповать только на вести из Лондона.

– Знаю, сэр. Но теперь все делается не так, как надо. Служка, приставленный к нему, позабыл закрыть на замок дверь. Понимаете, сэр, убийство брата Габриеля стало для всех нас последней каплей. Мы все здесь насмерть перепуганы. И к тому же повсюду ходят слухи, что нас скоро закроют.

– В самом деле?

– Ну да. А разве не так, сэр? Все к тому идет, если учесть случившиеся за последнее время убийства. К тому же поговаривают, будто король прибирает к себе монастырские земли. А вы что на все это скажете, сэр?

– Помилуйте, Багги. Неужто вы в самом деле считаете, что я буду с вами обсуждать дела политической важности?

Вид у него был явно уязвленный.

– Прошу прощения за мою дерзость, сэр. Но... – запнулся он.

– Ну?

– Люди толкуют, будто монахам после закрытия монастыря будет начислено денежное содержание, а служки будут выброшены на дорогу. Мне уже без малого шестьдесят, сэр. У меня нет ни семьи, ни лавки. А в Скарнси работы не найти.

– Меня не интересуют всякие сплетни, Багги, – мягко ответил я. – Скажите, ваш помощник здесь?

– Дэвид? Да.

– Попросите, чтобы он отвел моего коня в конюшню. Для начала я зайду к аббату.

Я проводил взглядом юношу, который осторожно повел Канцлера по скользкому снегу в конюшню. Мне припомнился наш последний разговор с Кромвелем. В самом деле, Багги наравне с прочими работниками монастыря останется не у дел, будет пущен по миру, если не найдет себе другой работы. Я вспомнил тот день, когда ездил в приют для бедных и видел, как нищие, нанятые на временную работу, расчищали дорогу от снега. Хотя я не питал к Багги особой симпатии, но видеть его, лишенного всяческих проявлений собственного превосходства, рядом с ними мне бы не хотелось. Думаю, он не вынес бы и нескольких месяцев такой жизни.

Я ходил взад-вперед, сжимая в руке меч Джона Смитона, когда возле стены среди тумана явственно обозначился чей-то силуэт.

– Кто это? – резко выкрикнул я.

Брат Гай сделал шаг вперед. На голове у него был капюшон, надетый так глубоко, что лица почти не было видно.

– А, это вы, господин Шардлейк. Уже вернулись, – произнес он со свойственным ему акцентом.

– Что вы делаете тут в темноте?

– Вышел подышать свежим воздухом. Весь день мне пришлось провести у постели старого брата Пола. Бедняга умер час назад. – Он перекрестился.

– Мне очень жаль.

– Настал его час. Под конец он как будто впал в детство. Заговорил о гражданских войнах прошлого века, Йорке и Ланкастере. Говорил, что видел старого короля Генриха Шестого, который, дескать, бродил по улицам Лондона во времена своей реставрации и нес какую-то чепуху.

– Теперь у нас сильный король.

– В этом никто не сомневается.

– Я слышал, что Джером сбежал.

– Да, приставленный его охранять мальчишка забыл закрыть дверь на замок. Но вы не волнуйтесь, его непременно найдут. Даже в таком большом месте долго скрываться невозможно. Бедняга, он оказался слабее, чем можно было подумать на первый взгляд. Ночь под открытым небом не пойдет ему на пользу.

– Он безумец. И может быть опасен для окружающих.

– Служки больше не желают исполнять свои обязанности. Братия тоже. Они беспокоятся из-за того, что может с ними случиться.

– А как Элис?

– Нормально. Эти дни мы с ней трудились не покладая рук. Сейчас, при перемене погоды, страхи одолевают здесь всех и каждого. С болота потянуло какой-то непонятной мерзостью.

– Скажите, брат, вы когда-нибудь бывали в Толедо?

Гай пожал плечами.

– Разве что в детстве, когда родители переезжали из города в город. До того как мне исполнилось двенадцать, во Франции мы не ощущали себя в безопасности. Да, точно, мы были в Толедо совсем недолго. Я запомнил большой замок и грохот железа, раздающийся как будто сразу из тысячи мастерских.

– А вы часом не встречали там англичан?

– Англичан? Что-то не припомню. Но не потому, что в те времена их там не было. Тогда в Испании было полно англичан. Это теперь их там днем с огнем не найдешь.

– Верно. Испания стала нашим врагом. – Я подошел к нему на шаг ближе, чтобы посмотреть в его темные глаза, однако они были непроницаемы. Я взял свой плащ. – Я вынужден вас покинуть, брат.

– Желаете вернуться в свою прежнюю комнату?

– Я еще не решил. Но на всякий случай протопите ее, чтобы там было тепло. Спокойной ночи.

Я двинулся в сторону дома аббата. Проходя мимо небольших монастырских строений, я нервно шарил глазами по мрачным теням, пытаюсь выхватить взглядом белое картезианское облачение. Что же на этот раз удумал сотворить брат Джером?

На мой стук вышел старый слуга. Он сказал, что аббат Фабиан дома и ныне занят важным разговором с приором, а господин Марк находится у себя в комнате. Потом проводил меня наверх в прежние покои Гудхэпса, которые к этому времени были очищены от всяких склянок и запаха немывтого старого тела. Марк сидел за столом, заваленным кучей писем. Я заметил, что волосы у него сильно отросли, и про себя решил, что, если он хочет вновь обрести современный вид, ему придется посетить в Лондоне мастера по прическам.

Он кратко меня поприветствовал, посмотрев на меня холодным и осторожным взглядом. Я почти не сомневался, что последние несколько дней они с Элис не упускали ни единого случая, чтобы побыть вместе.

– Просматриваешь переписку аббата?

– Да, сэръ. Ничего интересного. – Он внимательно на меня посмотрел. – Как дела в Лондоне? Что-нибудь удалось узнать о мече?

– Есть кое-что. Я сделал еще несколько запросов и ныне жду вестей из Лондона. Однако лорда Кромвеля ничуть не озаботило мое сообщение о письмах, которые Джером, возможно, неоднократно посылал Сеймурам. Кстати сказать, я слышал, что он сбежал.

– Да. Но приор вместе с молодыми монахами прочесал все вдоль и поперек. Я тоже им немного помогал, тем не менее мы не нашли никаких следов. Приор мечет молнии.

– Могу себе представить. Скажи, откуда сюда просочились слухи насчет закрытия монастырей?

– По всей очевидности, от одного человека из Льюиса, что остановился на постоялом дворе.

– Кромвель сказал, что этим все кончится. Очевидно, все эти толки – его рук дело. Наверняка он намеренно разослал своих людей по всей стране, чтобы те распространяли подобные слухи, нагоняя страх на другие монастыри. Но ныне они мне совсем не на руку. Придется попытаться уверить аббата в обратном. Убедить его в том, что для Скарнси еще не все потеряно. Что его могут еще оставить действующим. Пусть хотя бы на какое-то время он в это уверует.

Взгляд Марка стал еще отчужденней. Ложь явно была ему не по нутру. На ум мне невольно пришли слова Джоан о нем и его идеалистическом отношении к миру.

– Я получил письмо из дома, – сказал я, – Должно быть, урожай был совсем плох. Твой отец уповает только на то, что монастыри будут постепенно закрываться и это принесет членам Палаты больше работы.

Вместо ответа Марк с грустью посмотрел на меня.

– Пойду спущусь к аббату, – произнес я. – Пока оставайся здесь.

Аббат Фабиан сидел за рабочим столом напротив приора. Вид у них был такой, будто они уже долгое время обсуждали какие-то дела.

Фабиан выглядел как никогда изможденным и осунувшимся, а лицо приора было красным и раздраженным. При моем появлении они оба встали.

– Господин Шардлейк, сэра, очень рад вашему возвращению, – произнес аббат. – Удачно ли прошло ваше путешествие?

– Если считать, что лорд Кромвель не выразил никакого интереса к переписке Джерома, то можно сказать, что да. Однако я слышал, что этот негодяй сбежал.

– Я перевернул весь монастырь вверх дном, пытаюсь отыскать старого паршивца, – ответил приор Мортимус. – Понятия не имею, в какой норе он залег. Но уверен, через стену он не перелезал и мимо Багги не проходил. Должно быть, он где-то здесь.

– Интересно, что у него на уме?

– Именно об этом мы сейчас с приором и говорили, сэра, – покачал головой аббат. – Может, он выжидает случая, чтобы сбежать. Брат Гай полагает, что при его состоянии здоровья без пищи и на холоде он долго не протянет.

– А может, он выжидает случая, чтобы от кого-нибудь избавиться. Например, от меня.

– Я молю Бога, чтобы этого не случилось, – ответил аббат.

– Я сказал Багги, чтобы в ближайшие два дня никто без моего разрешения не покидал окрестностей монастыря. Проследите, чтобы об этом сообщили всем братьям.

– Но почему, сэра?

– Обыкновенная предосторожность. А теперь вот еще что. Я слышал, что из Льюиса сюда дошли слухи, которые теперь охватили весь Скарнси. Все только и говорят о том, что монастырь скоро закроют.

– Вы сами мне дали это понять, – вздохнув, произнес аббат.

Я слегка склонил голову.

– Насколько я понял из моей последней беседы с лордом Кромвелем, этот вопрос еще далеко не решен. Очевидно, я сделал преждевременные выводы.

Когда я сообщал им заведомую ложь, меня больно кольнуло чувство вины, однако я знал, что это необходимо было сделать. Мне не хотелось, чтобы страх толкнул кого-нибудь на весьма опрометчивые действия.

Лицо аббата просветлело, и искра надежды мелькнула в глазах приора.

– Значит, есть вероятность, что нас не закроют? – переспросил аббат. – Значит, еще не все потеряно?

– Можно сказать, что так. Во всяком случае, этот разговор еще преждевременен.

– Может, мне следует обратиться к монахам во время ужина с речью? – слегка подавшись вперед, произнес аббат. – Трапеза начнется через полчаса. Я мог бы сказать, к примеру, что пока у лорда Кромвеля нет никаких намерений нас закрывать.

– Пожалуй, это было бы неплохо.

– Постарайтесь хорошенько продумать, что вы собираетесь говорить, – предложил приор.

– Да, разумеется.

И аббат потянулся за бумагой и пером. Мои глаза упали на монастырскую печать, лежавшую рядом с его локтем.

– Скажите, господин аббат, всегда ли вы держите дверь этой комнаты открытой? Я имею в виду, вы не закрываете ее на замок?

– Да, – удивленно поглядел он на меня.

– А разве это разумно? Разве сюда не может кто-нибудь незаметно войти и поставить печать на любой документ?

– Но здесь всегда присутствуют служки, – возразил он – Никому не разрешается так просто сюда заходить.

– Никому?

– Никому, кроме монахов.

– Да, конечно. Что ж, очень хорошо. Позвольте мне вас покинуть. До ужина.

Ныне мне довелось еще раз стать свидетелем того, как монахи собрались в трапезной. Мне вспомнился мой первый вечер, проведенный в этом месте. Тогда еще Саймон Уэлплей в своем колпаке, стоя у окна, ежился при виде падающего на дворе снега. Сегодня за окном звенела капель, а на снегу виднелись черные проталины, в которые стекали крошечные струйки воды.

Занимавшие свои места за столом монахи были словно в воду опущены. У меня даже возникло такое ощущение, что за их облачением вообще отсутствует плоть. Стоя вместе с аббатом у

резного аналая, я неоднократно ловил на себе их враждебные и взволнованные взгляды. Когда Марк, направляясь к своему месту за столом, проходил мимо меня, я схватил его за руку.

– Аббат собирается сообщить, что король пока не намерен прибирать к себе Скарнси, – шепнул я ему по дороге. – Это важно. Я не хочу спугнуть с куста одну птичку. По крайней мере, пока.

– Как я от всего этого устал, – недовольно пробормотал он и, увернувшись от моей руки, сел на скамью.

От его откровенной грубости у меня загорелись щеки. Отложив в сторону записи, аббат Фабиан с повеселевшим румяным лицом сообщил братии о том, что слухи о закрытии монастыря не подтвердились и что лорд Кромвель в данное время вовсе не преследует подобного намерения относительно Скарнси, несмотря на имевшие в нем место жестокие убийства, расследование которых до сих пор продолжается. В завершение он попросил, чтобы никто из присутствующих не покидал окрестностей монастыря.

Но монахи восприняли его речь неоднозначно. Некоторые, в особенности люди более старшего возраста, вздохнули и с облегчением улыбнулись. Иные насторожились сильнее прежнего. Молодая поросль, брат Джуд и брат Хью, казалось, воспрянули духом, а на лице приора Мортимуса даже мелькнула искра надежды. Меж тем брат Гай недоверчиво покачал головой, а брат Эдвиг нахмурился.

Служки принесли ужин: густой овощной суп и тушеную баранину с ароматными травами. Я следил во все глаза за тем, чтобы мне положили первое и второе блюдо из общих котлов и никто ничего не подбросил в мои тарелки по дороге. Как только мы приступили к трапезе, приор Мортимус, который к этому времени уже осушил два стакана вина, обернулся к аббату и сказал:

– Теперь мы спасены, мой господин. Поэтому пора подумать о назначении нового ризничего.

– Побойтесь бога, Мортимус. Не прошло и трех дней, как бедняга Габриель отошел в лучший мир.

– Но ведь жизнь продолжается. Кому-то все равно придется заниматься реставрационными работами, вести переговоры с церковным казначеем, братом Эдвигом, не так ли? – Он указал своей серебряной чашкой на казначея, который по-прежнему сидел понурившись.

– Только при том условии, что вновь назначенный ризничий окажется более разумным, чем брат Габриель, и поймет, что мы не можем себе позволить слишком больших затрат.

– Когда речь заходит о деньгах, – обернулся ко мне приор, – скупее нашего казначея во всем королевстве днем с огнем не сыскать. Никак не могу взять в толк, почему ты был против того, чтобы развесить по стенкам леса, Эдвиг. Невозможно хорошо выполнить работу только при помощи веревок и люльки.

Почувствовав, что все обратили на него свои взоры казначей залился краской.

– Ну хорошо. Хорошо. С-согласен на то, чтобы для этих работ вы применили леса.

– Помилуй, брат, – рассмеялся аббат. – Что это вдруг с тобой стряслось? Ведь ты не один месяц спорил об этом с Габриелем. Тебя не трогали даже такие доводы, что могут погибнуть люди. Что это вдруг на тебя нашло?

– Этот вопрос касается содержания переговоров.

Казначей вновь с хмурым видом уткнулся в свою тарелку. А приор опрокинул в себя очередной стакан крепкого вина и, раскрасневшись, обернулся ко мне.

– Вы еще не слышали историю об Эдвиге и кровавой колбасе, сэр, – громко заявил он.

И без того багровое лицо казначея обрело коричневый оттенок.

– Уймись, Мортимус, – снисходительно произнес аббат, – будьте милосердны к своим братьям.

– Но в этой истории нет ничего немилосердного! Два года назад, когда наступил день подаяния, у нас не было мяса, чтобы раздать его нищим у ворот. Пришлось забить свинью, и брат Эдвиг не мог с этим смириться. Тогда пришел брат Гай. Он как раз пускал кровь у некоторых монахов и хотел ее использовать, чтобы удобрить свой сад. А вся история заключается в том, что Эдвиг предложил смешать эту кровь с мукой и испечь пудинг для нищих. Дескать, они все равно не узнают, что кровь эта была не от свиньи. А знаете, зачем ему это понадобилось? Только затем, чтобы оправдать стоимость скотины!

Приор зашелся гомерическим хохотом. |<

– В этой истории нет ни доли правды, – произнес брат Гай. – Я об этом уже говорил много раз.

Я посмотрел на брата Эдвигу. Он прекратил есть и сидел, склонившись над своей тарелкой, сжимая в руке ложку. Вдруг он громко треснул ею об стол и вскочил на ноги, сверкая безумными глазами.

– Эх, вы, олухи! – крикнул он. – Идиоты-богохульники! Единственная кровь, которую вам надлежит почитать, это кровь нашего Спасителя, Иисуса Христа. Кровь, которую мы принимаем во время таинства причащения на каждой мессе в виде преобразенного вина. На этой крови держится весь этот мир! – Его пухлые ладони были сжаты в кулаки, на лице одна гримаса беспрестанно сменялась другой, и заикание чудесным образом исчезло. – Идиоты, больше у нас с вами не будет никаких месс. Какой смысл цепляться за соломинку? Как вы могли поверить этой лжи? Поверить тому, что Скарнси будет продолжать действовать, когда собственными ушами слышали о том, что происходит в округе с такими монастырями, как наш? Непроходимые тупицы! Король нас всех уничтожит!

Стукнув кулаками по столу, он быстро развернулся и пошел прочь.

Когда за ним захлопнулась дверь, в комнате повисла гнетущая тишина. Я тяжело вздохнул.

– Приор Мортимус, я называю это государственной изменой. Пожалуйста, возьмите с собой нескольких работников и поместите брата Эдвигу под арест.

На лице приора запечатлелся неопиcуемый ужас.

– Но помилуйте, сэр. Он не сказал ничего предосудительного относительно власти короля.

– В самом деле, сэр, – резко подался вперед Марк, – в его словах не было никакой измены.

Я сурово посмотрел на аббата Фабиана.

– Исполняйте приказ.

– Ради всего святого, делайте, как он говорит, – сказал тот.

Приор, сжав губы, покорно встал из-за стола и вышел из трапезной. Мгновение я сидел молча, склонившись над столом и ощущая на себе пристальные взоры всех присутствующих. Потом встал и, сделав Марку знак следовать за мной, направился к двери. Когда я открыл ее, то увидел, что приор ведет за собой группу кухонных работников. Они направлялись в сторону казначейского дома.

В это мгновение кто-то коснулся моей руки. Резко обернувшись, я увидел перед собой Багги. Лицо его было исполнено решимости.

– Сэр, прибыл посланник.

– Что? – не понял я.

– Всадник из Лондона здесь, – пояснил тот. – Никогда не видел человека, столь сильно перепачканного в грязи.

На мгновение я задержал взгляд на приоре Мортимусе, который как раз стучал в дверь казначейского дома. Я колебался, не зная, куда прежде идти – за ним или к прибывшему из Лондона посланнику. Вдруг передо мной все поплыло, а в глазах заплясали мошки. Сделав глубокий вдох, я обернулся к Багги, который все это время не спускал с меня глаз.

– Пошли, – сказал я и направился в сторону сто рожки.

ГЛАВА 31

Посланник сидел в доме привратника и грелся у огня. Несмотря на то что он с головы до пят был заляпан грязью, я узнал в нем молодого человека, который разносил письма в конторе Кромвеля. Главный правитель Англии уже узнал о том, что рассказал в своем отчете тюремный надзиратель.

Когда молодой человек встал, я увидел, что он слегка дрожит, очевидно, от усталости.

– Господин Шардлейк? – с легким поклоном спросил он.

Я кивнул, ибо от напряжения не мог вымолвить ни слова.

– Мне велено передать это лично вам в руки.

Он протянул мне бумагу, скрепленную печатью Тауэра. Повернувшись к нему и Багги спиной, я вскрыл письмо и прочел послание, состоящее из трех строк. Их содержание лишь подтвердило мои худшие ожидания. Напустив на себя хладнокровный вид, я вновь обернулся к Багги, который все это время не спускал с меня своего внимательного взгляда. Молодой человек тем временем вновь отошел к огню.

– Господин сторож, – произнес я, – этот человек проделал долгий путь в седле. Распорядитесь, чтобы ему была выделена на ночь хорошая теплая комната и пища, если таковая ему понадобится. – Обернувшись к молодому человеку, я спросил: – Как вас зовут?

– Хэнфорд, сэр.

– Возможно, вам придется доставить еще одно послание завтра утром. Вы были молодцом. Быстро справились со своей задачей.

Покидая сторожевой дом, я скомкал в кармане полученное послание и быстрым шагом пересек двор. Теперь я знал, что должен делать, но никогда еще у меня не было так тяжело на сердце.

Я остановился, ибо краем глаза заметил какое-то странное шевеление. Я так быстро развернулся, что, потеряв равновесие, чуть было не свалился в грязь. Уверен, что сработало мое былое чутье, тем не менее я никого и ничего не обнаружил.

– Кто здесь? – резко выкрикнул я.

Ответа не последовало. Стояла гробовая тишина, если не считать звука капли. Туман сгущался и, клубясь над домами, окутывал их, придавая призрачные очертания и окружая мерцающие тускло-желтым светом окна радужным ореолом. Прислушиваясь ко всякому шороху, я направился в сторону лазарета.

Постель брата Пола была разобрана, а слепой монах сидел рядом на стуле с понурой головой. Его толстый собрат почивал глубоким сном. Больше в комнате никого не было. Помещение, в котором брат Гай готовил свои снадобья, было пусто. Все монахи, по всей очевидности, по-прежнему пребывали в трапезной. Не иначе как арест Эдвиги вызвал в монастыре немалый переполох.

Я направился по коридору мимо моей прежней комнаты туда, где, по моим предположениям, должны были располагаться покои Элис. Из-под двери сочился слабый свет свечи. Постучавшись, я открыл ее и вошел.

Девушка сидела на низенькой кровати на противоположной стороне маленькой комнаты, в которой не было ни одного окна, и складывала одежду в большую кожаную корзину. Когда наши взгляды встретились, я прочел в ее огромных голубых глазах немой ужас. Какое я ощутил при этом горькое разочарование!

– Собираетесь в дорогу?

К моему удивлению, мой голос прозвучал довольно ровно. Элис ничего не ответила, а продолжала сидеть молча, схватившись руками за ручки корзинки.

– Итак, Элис, – мой голос задрожал, – Элис Фьютерер, девичья фамилия вашей матери была Смитон. Не так ли?

Лицо ее вспыхнуло, но она продолжала упорно хранить молчание.

– О, Элис, я отдал бы свою правую руку на отсечение, чтобы это оказалось неправдой. – Я сделал глубокий вздох. – Именем короля я должен арестовать вас за совершение злостного убийства его эmissара, Робина Синглтона.

Наконец она заговорила дрожащим от переполнявших ее чувств голосом.

– Это было не убийство, а акт правосудия. Если хотите, возмездие.

– Возможно, в ваших глазах это выглядело именно так. Ведь Марк Смитон, насколько я понимаю, доводился вам двоюродным братом?

Она посмотрела на меня. Глаза ее сузились, как будто в этот миг она решала какую-то важную задачу. Когда же она снова заговорила, от каждого сказанного ею слова веяло такой невыразимой жестокостью, какой я еще ни разу не слышал из уст женщины.

– Он был мне больше чем двоюродным братом. Он был моим любовником.

– Что?

– Его отец, брат мой матери, когда был молодым, отправился на поиски своей удачи в Лондон. Мама никогда не могла простить ему то, что он оставил семью. Когда человек, с которым я была обручена, погиб, я отправилась в Лондон, чтобы заявить о своем родстве, несмотря на то что мать всячески пыталась меня отговорить. Но я не могла найти у себя в городке никакой работы.

– И ваш дядюшка вас принял?

– Да. Джон Смитон и его супруга были очень добрыми людьми. Хорошими и добрыми. Они приютили меня в своем доме. Помогли устроиться на службу в одну аптекарскую лавку. Это было четыре года назад. Тогда Марк служил придворным музыкантом. Слава Всевышнему, что тетушка умерла от горячки прежде, чем в наш дом пришло это несчастье. По крайней мере, ей не довелось пережить весь этот ужас.

В глазах девушки показались слезы, но она смахнула их рукой и прямо посмотрела на меня. И снова я заметил в ее взгляде какое-то странное выражение, как будто она что-то пыталась просчитать, но что именно, я не мог понять.

– Впрочем, вы, эмиссар, должно быть, все это уже знаете. – Не помню, чтобы кто-нибудь из известных мне людей мог вложить столько презрения в одну-единственную фразу. – Иначе зачем бы вы были тут?

– До последнего часа ничего определенного я не знал. Меч вывел меня на Джона Смитона. Теперь я понимаю, зачем вы умоляли меня не ездить в Лондон в тот день, когда мы ходили с вами на болото. Какое-то время я пребывал в полном недоумении. Меня озадачило то обстоятельство, что, согласно документам, у Джона Смитона не осталось в живых ни одного родственника мужского пола, а его имущество отошло к пожилой даме. Должно быть, это была ваша мать? Не так ли?

– Да.

– Я ломал голову, перебирая в уме всех обитателей этого места и пытаюсь найти среди них того, у кого достало бы силы и умения обезглавить человека. В Лондоне я ничуть не продвинулся в этом вопросе! Но потом мне пришла одна мысль. А что, если у Джона Смитона была еще одна родственница? Все это время я исходил из того, что к преступлению причастен мужчина. Но потом понял, что его вполне могла совершить сильная молодая женщина. И эти размышления привели меня к вам, – печально заключил я. – Сообщение, которое я только что получил, подтвердило мои догадки. Оно говорит о том, что Марка Смитона в ночь перед казнью посещала некая молодая особа, описание которой вполне соответствует вам. – Я поглядел на нее, покачав головой. – Нет более тяжкого греха для женщины, чем тот, который совершили вы.

Голос ее снова зазвучал ровно, хотя теперь к нему примешивалась горечь.

– Неужели? Неужели это даже хуже, чем то, что совершил он?

Я восхищался тем, что ей удавалось так хорошо держаться, восхищался ее хладнокровием.

– Мне известно, что произошло с Марком Смитоном, – произнес я. – Кое-что мне рассказал Джером. Остальное я узнал в Лондоне.

– Джером? А он какое к этому имел отношение?

– Джером сидел в камере по соседству с Марком. В ту ночь, когда вы посещали приговоренного к смерти, он вас видел. И очевидно, сразу узнал вас, когда появился здесь в монастыре. Равно как узнал и Синглтона. Вот почему он назвал его лжецом и клятвopреступником. Очевидно, когда он говорил мне, что не знает ни одного человека, живущего в монастыре, который мог бы совершить такое злостное преступление это было нечто вроде особо изощренной насмешки с его стороны. Он знал или, по крайней мере, догадывался, что это сделали вы.

– Однако мне он ничего не говорил. – Она покачала головой. – И зря. Лучше б он это сделал, тогда бы хоть кто-нибудь узнал правду. Правду о том зле, которое творят ваши люди.

– Когда я приехал сюда, я не знал правды ни о Марке Смитоне, ни о королеве. Но в одном вы правы. Это было отвратительно и очень жестоко.

В ее глазах загорелась искра надежды.

– Тогда позвольте мне уйти, сэр. За то время, которое вы здесь провели, я вас немного узнала. И поняла, что вы не похожи на таких грубых типов, как Синглтон и прочие приспешники Кромвеля. Это меня удивляло. Послушайте, я всего лишь совершила акт правосудия. Пожалуйста, отпустите меня.

Я покачал головой.

– Не могу. Так или иначе, но вы совершили убийство. Я вынужден поместить вас под стражу.

– Сэр, – она продолжала с мольбой глядеть на меня, – если вы хотите узнать, как все было на самом деле, пожалуйста, выслушайте меня.

Мне следовало бы догадаться, что она намеренно тянет время, но я не стал ее перебивать. Дело касалось смерти Синглтона, загадки, которую я так долго пытался разгадать.

– Марк Смитон навещал родителей всякий раз, как только выпадала такая возможность. Из хора кардинала Уолси его перевели в придворные музыканты, и он оказался в личном распоряжении Анны Болейн. Бедный Марк, он так стыдился своего низкого происхождения. Но он не переставал посещать родителей. Если его голова помутилась от королевского великолепия, то в этом нет ничего удивительного. Оно совратило его так же, как вы собирались совратить Марка Поэра.

– Этого никогда не было и не будет. Вы должны были это понять.

– Марк брал меня с собой, чтобы показать, как снаружи выглядят большие дворцы, Гринвич и Уайтхолл. Но никогда не водил меня внутрь. Даже после того, как мы с ним стали любовниками. Он говорил, что мы можем встречаться только тайно. Но я и этим была вполне довольна. Однажды, когда я вернулась домой, закончив день в аптекарской лавке, у дома моего овдовевшего дядюшки толпилась группа солдат. Они кричали на него, пытаясь заставить его признаться, будто его сын сожительствовал с королевой. Когда я поняла, что происходит, то бросилась к Синглтону и ударила его с такой силой, что солдатам пришлось меня оттащить в сторону. – Она нахмурилась. – Тогда в первый раз я ощутила, какой гнев скрывается в моей душе. Меня оттолкнули в сторону, поэтому я не слышала, о чем они говорили с Джоном Смитоном. Но не думаю, что он рассказал им о наших с Марком отношениях. И вряд ли даже признался, что я доводилась

Марку двоюродной сестрой. В противном случае они явились бы и ко мне, чтобы силой заставить меня замолчать. Мой бедный дядюшка умер спустя два дня после смерти Марка. Я была на суде. Видела страх в глазах судей. Вердикт, который они собирались вынести, не подлежал никакому сомнению. Опровергнуть его никто бы не смог. Я пыталась навестить Марка в Тауэре, но мне не разрешали. Наконец главный тюремный надзиратель сжалился надо мной и разрешил посетить Марка в день перед казнью. Он лежал в этом ужасном месте, закованный в цепи, в лохмотьях, в которые превратилась его дорогая одежда.

– Знаю. Джером мне об этом рассказывал.

– Когда Марка арестовали, Синглтон сказал ему, если он признается в прелюбодеянии с королевой, то милостью короля получит отсрочку наказания. Помнится, Марк говорил мне, что все время его не покидала надежда на то, что закон его защитит. Ведь он впервые был заключен под стражу и ничего плохого не совершал! – Она усмехнулась. – Английский закон – это пытка в подвале! Вот что у нас называется законом. Его пытали до тех пор, пока весь мир для него не превратился в один протяжный крик боли. В конце концов он подтвердил то, что ему вменяли в вину. За это ему подарили две недели жизни, а потом отрубили голову. Я видела это собственными глазами. Я смотрела на казнь из толпы. Последнее, что он увидел перед смертью, было мое лицо. Я ему это обещала. – Она покачала головой. – Сколько было крови! Она огромной струей ударила в воздух. При этом всегда бывает много крови.

– Да. Вы правы.

Я вспомнил, что Джером мне рассказывал о любовных отношениях Смитона со многими женщинами. Образ возлюбленного, который нарисовала мне Элис, был чересчур идеализирован, однако я не мог ей об этом сказать.

– А потом здесь появился Синглтон, – подсказал ей я.

– Можете себе представить, какие мной овладели чувства в тот день, когда я шла по монастырскому двору и увидела, как он говорит с помощником казначея! Я уже прослышала, что к аббату приехал какой-то эмиссар, но еще не знала, что это он.

– И вы решили его убить?

– Я столько раз мечтала избавить мир от этого негодяя. Я просто знала, что должна была это сделать. Справедливость должна была восторжествовать.

– Обычно в этом мире происходит наоборот.

Ее лицо стало холодным и напряженным.

– Но на этот раз случилось иначе.

– Он вас не узнал?

– Нет, – рассмеялась она. – Он просто увидел, как какая-то девушка-работница несет мешок. А может, и вовсе меня не заметил. Я служу здесь более года, помогая брату Гаю. В Лондоне мне в работе отказали, поскольку я находилась в родстве со Смитонами. Пришлось вернуться обратно в дом матери. Она получила письмо от судьи и отправилась в Лондон, чтобы получить имущество своего брата. А вскоре после этого умерла. С ней случился удар, как прежде с моим дядей. И Копингер выселил меня из дома. Поэтому я приехала сюда.

– А здешние жители знают, что вы являетесь родственницей Смитонов?

– Дядя уехал из города тридцать лет назад, а мама сменила фамилию, когда вышла замуж. Вряд ли кто-то помнит, как нас прежде величали. К тому же я ни на кого из них не похожа. Я сказала, что работала в одной аптекарской лавке в Эшере, пока мой хозяин не умер.

– Меч остался при вас.

– Да. Я хранила его как память. В память об одном зимнем вечере, когда дядя показывал нам несколько приемов, которые используют меченосцы. Я мало что знала о балансировке, шагах и углах направления силы. Когда же я увидела Синглтона, то поняла, что непременно пуцу меч в ход.

– О Господи. Надо сказать, что вы обладаете завидным бесстрашием и мужеством.

– Это оказалось просто. У меня не было ключей от кухни, но я вспомнила историю о потайном коридоре.

– И сумели его отыскать.

– Да, после того как осмотрела все комнаты. Потом я написала анонимную записку Синглтону, сообщив, что являюсь осведомителем. Назначила ему встречу через несколько часов в кухне. Сказала, что являюсь тем самым человеком, который должен сообщить ему

сведения государственной важности. – Она улыбнулась такой улыбкой, что я невольно содрогнулся.

– Должно быть, он подумал, что эту записку прислал ему какой-то монах.

Улыбка померкла у нее на устах.

– Я знала, что будет много крови, поэтому пошла в прачечную и стащила оттуда одежду. Ключ от прачечной я нашла в ящичке стола моей комнаты еще в тот день, когда в ней поселилась.

– Этот ключ здесь однажды обронил брат Люк, когда у него завязалась схватка с Орфан Стоунгарден. Должно быть, с тех пор она хранила его у себя.

– Бедная девочка. Лучше б вы занялись поисками ее убийцы, а не Синглтона. – Она смотрела на меня в упор. – Я надела сутану, взяла меч и через потайной коридор прошла на кухню. Мы с братом Гаем лечили одного из старых монахов. Поэтому мне пришлось у него отпроситься на часок отдохнуть. Все оказалось очень просто. Я спряталась в кухне за буфетом и, когда он проходил мимо, нанесла ему роковой удар. – Она вновь улыбнулась, на этот раз радуясь совершению своего страшного злодеяния. – Предварительно я заточила меч, поэтому голова слетела с одного удара.

– Прямо как у Анны Болейн.

– Прямо как у Марка. – Выражение ее лица мгновенно переменилось, и она снова нахмурилась. – Сколько было крови! Я надеялась, что его кровь смоем мой гнев, но этого не случилось. Меня до сих пор преследует во снах образ брата.

Вдруг ее взгляд вспыхнул, и она вздохнула с облегчением. Кто-то схватил меня сзади за кисть и завел мою руку за спину. Я услышал, как на пол упал мой кинжал. Другой рукой неизвестный обвил меня за шею, и когда я опустил глаза, то увидел, что к моему горлу приставлен нож.

– Джером? – прохрипел я.

– Нет, сэр, – услышал я голос Марка. – Не надо кричать. – Он сильнее прижал нож к моему горлу. – Идите и садитесь на кровать. Только медленно.

Вместе с Марком мы пересекли комнату, и я осторожно опустился на низкую койку. Элис поднялась и, встав рядом с Марком, обняла его за плечи.

– Я уж думала, ты никогда не придешь. Мне долго пришлось заговаривать ему зубы.

Марк закрыл за собой дверь и остановился, держа нож в футе от моего горла. В мгновение ока он мог броситься вперед и перерезать мне глотку. Выражение лица у него было спокойным, но исполненным решимости.

– Так это ты был во дворе? – взглянул на него я. – Ты следил за мной?

– Да. Кто еще об этом знает, сэр?

Я чуть было не рассмеялся: он по-прежнему называл меня «сэр».

– Посланник, один из служащих Кромвеля. Содержание письма к данному времени уже известно и самому главному правителю. Выходит, ты давно знал, что это сделала она?

– Она рассказала мне об этом, когда мы были вместе в постели. В первый день после того, как вы отправились в Лондон. Я говорил ей, что вы очень умны. А также о том, что вы почти подобрались к разгадке. Мы решили, что нам нужно сегодня уехать. Если бы вы вернулись несколькими часами позже, вы бы нас просто не застали. Жаль, что этого не случилось.

– Отсюда не убежишь. В Англии нет места, где вы могли бы укрыться.

– А мы не собираемся оставаться в Англии. Нас ждет лодка на реке, чтобы увезти нас во Францию.

– Контрабандисты?

– Да – бесстрастно ответила Элис. – Я солгала вам. Друзья моего детства не утонули, и они остались моими друзьями. В море нас ждет французский корабль. Он подберет какой-то груз из монастыря завтра вечером, а сегодня за нами пришлют лодку.

Я удивился.

– Говорите, груз из монастыря? Вы знаете, кто его отправляет и что это за груз?

– Мне все равно. Мы подождем его на корабле до завтрашнего вечера. А потом отплывем во Францию.

– Марк, а ты знаешь, что это за груз?

– Нет. – Он закусил губу. – Прошу прощения, сэр. Сейчас, кроме Элис и нашего побега, меня ничто не интересует.

– Во Франции не любят реформаторов из Англии.

Он поглядел на меня с сожалением.

– А я не реформатор. И никогда им не был. По крайней мере, перестал таковым быть после того, как узнал правду о делах Кромвеля.

– Ты изменник, – произнес я, – ты предал короля и предал меня, который относился к тебе как отец.

Он вновь с жалостью посмотрел на меня.

– Я вам не сын, сэр. Ибо никогда не был согласен с вашей религией. Вы могли бы это понять, если бы прислушивались к тому, что я говорил, вместо того, что бы относиться ко мне как к резонатору, который лишь повторяет ваши мысли.

– Этого я от тебя не заслужил, – с негодованием произнес я. – И от вас, Элис, тоже.

– Никто не знает, что каждый из нас заслуживает, – с внезапной горячностью ответил Марк. – В этом мире нет ни справедливости, ни порядка. Вы сами могли в этом убедиться, если бы не были так слепы. После того, что я услышал от Элис, я знаю это наверняка. Поэтому четыре дня назад я решил сбежать вместе с ней.

Пока он это говорил, я успел заметить, как дергается его лицо. Я также видел стыд в его глазах и чувство привязанности ко мне, которое до сих пор еще не иссякло.

– Неужели ты стал папистом? Не так уж я слеп, Марк, как ты думаешь. Подчас я спрашивал себя, во что ты на самом деле веришь. И что ты теперь думаешь об этой женщине, осквернившей церковь? Ведь это были вы, Элис? Не так ли? Разве не вы после убийства Синглтона положили мертвого петуха на алтарь, чтобы запутать след?

– Да, я, – сказала она. – Но если вы думаете, что мы с Марком паписты, вы глубоко ошибаетесь. Реформаторы или паписты – все едино. Ваши современные верования, следовать которым вы принуждаете людей под страхом смерти, на самом деле являются не чем иным, как борьбой за власть, землю и деньги, к которым стремится каждый из вас.

– Но это не то, к чему стремлюсь я.

– У вас доброе сердце. Мне было нелегко вам лгать. Но что касается того, что ныне происходит в Лондоне, вы так же слепы, как новорожденный котенок. – В ее голосе жалость мешалась с гневом. – Вам следовало бы взглянуть на вещи глазами простого человека, но вы до этого никогда не снизойдете. Думаете, меня может волновать какой-

то храм после того, что я здесь нагляделась? Я испытывала больше жалости к петуху, которого зарубила, нежели сожаления о том, что положила его на алтарь.

– И что же теперь? – спросил я. – Вы убьете меня?

Марк с трудом сглотнул.

– Я этого не сделаю. Если вы меня к тому не вынудите. – Он обернулся к Элис – Мы его свяжем, заткнем тряпкой рот и спрячем в твоём шкафу. Его будут искать, но никто не догадается, что он может находиться здесь. Когда брат Гай обнаружит, что ты исчезла?

– Я сказала ему, что собираюсь рано лечь спать. Он не заметит моего отсутствия до семи утра, то есть того часа, когда я обычно появляюсь в комнате для приготовлений снадобий. А к тому времени мы уже будем в море.

Я судорожно пытался собраться с мыслями.

– Марк, пожалуйста, послушай меня. Ты забыл о брате Габриеле, Саймоне Уэлпее, Орфан Стоунгарден.

– Но к их гибели я не имела никакого отношения, – с пылкостью в голосе произнесла Элис.

– Знаю. Я предполагал, что существуют два убийцы, но действующих совместно. Но я никогда не думал, что здесь имели место два независимых преступника. Марк, подумай о том, что ты здесь увидел. Вспомни об Орфан Стоунгарден, которую вытащили из пруда. О Габриеле, которого раздавило камнем, как насекомое. О Саймоне, свихнувшемся и погибшем от яда. Ты помогал мне, ты был все время со мной. Неужели ты позволишь убийце уйти?

– Мы собирались оставить вам записку. Рассказать о том, что Синглтона убила Элис.

– Послушай меня. Где брат Эдвиг? Его взяли?

Марк покачал головой.

– Нет. Я шел за вами до двери трапезной и слышал, как вам сообщили о прибытии посыльного. Потом проводил вас в сторожку и последовал за вами, когда вы направились в лазарет. По дороге меня отвлек приор Мортимус. Он сообщил, что брата Эдвига в казначейском доме не нашли, равно как и в его покоях. По всей вероятности, он сбежал. Вот почему я так поздно пришел, Элис.

– Он не должен сбежать, – уверенно произнес я. – Он незаконно продавал монастырские земли. Я уверен, что он это делал за спиной

аббата. И где-то спрятал тысячи фунтов стерлингов. Эта лодка подготовлена им, чтобы совершить побег. Разумеется, пока она не прибыла, он должен был тянуть время. Он убил Саймона Уэлплея, потому что боялся, что тот расскажет мне об Орфан Стоунгарден и я его арестую.

Марк опустил нож. На лице у него отразилось крайнее изумление, и он весь обратился во внимание.

– Значит, ее убил брат Эдвиг?

– Да! Потом он пытался убить и меня в храме. При таких заснеженных дорогах могло пройти несколько дней, а то и недель, прежде чем прибыл бы кто-нибудь из Лондона, чтобы заменить меня. К тому времени он успел бы сбежать. Вы собираетесь отплыть в одной лодке с убийцей?

– Вы уверены в этом? – спросил Марк.

– Да. Я шел по ложному следу, который привел меня к брату Габриелю. Но то, что я только что сказал, истинная правда. То, что ты мне сейчас рассказал о лодке, стало последним штрихом в этой истории. Эдвиг – страшный убийца и вор. Ты не можешь позволить ему сбежать.

На какой-то миг он заколебался.

– Вы уверены, что брат Эдвиг убил девушку? – спросила Элис.

– Да, полностью. Это должен был быть один из старших монахов, которые посещали Саймона Уэлплея. Приор Мортимус и Эдвиг были неоднократно замечены в склонности к прелюбодеянию. Мортимус приставал и к вам, Элис, а брат Эдвиг – нет. Он боялся, что потеряет над собой власть. Как это произошло с ним в случае с Орфан.

Марк задумался.

– Элис, мы не можем позволить ему уйти.

Она в отчаянии посмотрела на меня.

– Они повесят меня. Или, что еще вероятней, сожгут на костре. Меня обвинят в колдовстве, раз я подбросила им петуха.

– Послушай, – начал Марк, – когда мы доберемся до лодки, мы потребуем, чтобы она сразу же отплыла. Тогда он со своим награбленным золотом далеко не уйдет. Никто не захочет ждать убийцу.

– Верно, – охотно поддержала его Элис – Мы можем так поступить.

– И он по-прежнему будет на свободе, – заметил я.

– Больше ничем не могу вам помочь, сэр, – глубоко вздохнув, произнес Марк. – Здесь все дело за вами. Его должны поймать вы.

– Нам пора, – с нетерпением напомнила ему Элис, – скоро начнется отлив.

– Еще есть время. На монастырских часах только восемь. Еще полчаса до полного прилива. У нас до статочного времени, чтобы перебраться через болото.

– Через болото? – не веря своим ушам, переспросил я.

– Да, – подтвердила Элис. – По той тропе, по которой я водила вас. Лодка ждет нас в дельте реки.

– Но этого нельзя делать! – ужаснулся я. – Разве вы не видите, какая стоит погода? Снег почти что растаял. Болото превратилось в непроходимую грязь. Я плыл по каналу сегодня днем и видел, как оно выглядело. А сейчас там и того хуже. Талый снег потоком стекает в Даунс. С каждым часом все больше сгущается туман. Вам ни за что не перебраться через болото. Поверьте мне.

– Я знаю все тропинки, как свои пять пальцев, – возразила она, – я смогу отыскать дорогу.

Несмотря на свои уверения, твердости в голосе у нее явно поубавилось.

– Марк, ради Бога, поверь мне. Вы идете навстречу верной гибели! Он глубоко вздохнул.

– Она знает дорогу. А разве здесь нас не ждет смерть?

Я тоже сделал глубокий вдох.

– Пусть она сбежит. Пусть она сейчас же уйдет. Дай ей такую возможность. Я не обмолвлюсь ни единым словом о твоей причастности к этому делу. Клянусь! Уверяю тебя, после того как эта заваруха закончится, я стану вашим сообщником. Буду готов рисковать собственной жизнью ради вас двоих. Но только не ходите на болото!

Элис в отчаянии посмотрела на Марка:

– Марк, не бросай меня. Я смогу провести нас обоих.

– Говорю же вам, не сможете! Вы не видели, как болото выглядит сейчас.

Марк смотрел то на меня, то на Элис, по выражению его лица было ясно, что его терзают сомнения. Я вдруг увидел, насколько он еще молод: он не мог вот так сразу решить свою судьбу и судьбу своей

возлюбленной. Наконец его лицо обрело твердость, и у меня упало сердце.

– Теперь мы должны связать вас, сэр. Я постараюсь, чтобы вам не было больно. Элис, где твоя ночная сорочка?

Она вытащила из-под подушки какую-то тряпку, и Марк с помощью ножа разрезал ее на длинные полоски.

– Ложитесь на живот, сэр.

– Марк, ради всего святого...

Он схватил меня за плечи и повернул к себе спиной. Быстро связал сначала руки за спиной, потом ноги.

– Марк, не ходи туда...

Это были последние слова, которые я ему сказал, потому что в следующий миг он затолкал мне в рот кляп, причем так глубоко, что я чуть не задохнулся.

Элис открыла дверцу небольшого буфета, и они засунули меня внутрь. На мгновение Марк остановился и бросив на меня сочувственный взгляд, сказал:

– Погоди немного. У него больная спина.

Элис в нетерпении наблюдала за тем, как он взял с кровати подушку и подсунул ее мне под лопатки так, чтобы мне было легче лежать скрюченным в шкафу.

– Мне очень жаль, – прошептал он.

С этими словами он отвернулся и закрыл дверцу шкафа, оставив меня в полной темноте. Мгновение спустя я услышал, как они осторожно закрыли за собой дверь.

Я чувствовал рвотные позывы, но знал, что, если это случится, я наверняка подавлюсь тряпкой. Поэтому откинулся на подушку и глубоко вдохнул через нос. Элис сказала, что брат Гай хватится ее не раньше семи часов утра. Значит, мне предстояло ждать своего спасителя долгих одиннадцать часов.

ГЛАВА 32

Дважды за эту долгую холодную ночь я слышал далекие крики. По всей очевидности, кто-то искал либо Эдвигу, либо меня с Марком. Не знаю, каким чудом мне удалось уснуть, однако я точно помню, что во сне мне привиделся Джером. Сотрясаясь от маниакального смеха, он склонился над моим связанным телом. От этого кошмара я тотчас проснулся и обнаружил, что по-прежнему лежу в крошечной тьме буфета и что в мои кисти больно впились самодельные веревки.

Я провел еще несколько часов без сна, прежде чем услышал чьи-то шаги в комнате. Собрав все свои силы, я ударил ногой в дверцу шкафа, и та, к моей радости, сразу распахнулась. Сморщившись от яркого света, ибо день уже был в разгаре, я уставился на брата Гая, который в свою очередь глядел на меня с неподдельным удивлением. Губы его невольно открылись, обнажив полный рот зубов, чем мог похвастаться далеко не каждый человек в его возрасте. Как ни странно, именно эта мысль, не имеющая никакого отношения к делу, пришла мне на ум в тот первый миг, когда я его увидел.

Он развязал меня и помог подняться на ноги, предупредив предварительно, чтобы я не делал быстрых и резких движений, ибо они могут повредить мою занемевшую спину. Потом проводил меня в мою комнату и усадил у огня – за ночь я продрог до самых костей. Я поведал ему обо всем, что произошло со мной накануне вечером. Когда брат Гай узнал, что убийцей Синглтона оказалась Элис, он тяжело опустился на кровать, издав тяжкий стон.

– Ведь я же сам рассказал ей о том потайном коридоре! Еще в первые дни ее появления у нас. Мне хотелось завести с ней разговор, потому что у нее был такой жалкий, такой растерянный вид. Казалось, будто у нее на всем белом свете нет ни одной родной души. Теперь мне об этом даже страшно вспомнить! Как я мог позволить ей заботиться о больных?

– Однако должен вам заметить, что корите вы себя совершенно зря. Потому что она ни для кого не представляла опасности, кроме Синглтона. Брат Гай, а где Эдвиг? Все еще на свободе?

– Он исчез так же бесследно, как Джером. Не исключено, что ему удалось сбежать. Когда прошлой ночью поднялась суматоха, Багги ненадолго отлучился со своего поста. К тому же казначей вполне мог уйти с другой стороны, по болоту. Одного не могу взять в толк: почему вы так настаивали на его аресте? Вам доводилось слышать слова и похуже тех, что говорил вчера Эдвиг.

– Он убил Габриеля. И Саймона. Полагаю, что и Орфан тоже. А на незаконных сделках сколотил себе целое состояние. Можно сказать, украл золото у монастыря.

От этого известия монах впал в оцепенение. Потом он опустил голову и, закрыв лицо руками, с горечью произнес:

– О Господи Иисусе, до чего докатилась эта обитель, коль стала пристанищем двух убийц?

– В любое иное время Элис никогда бы не совершила подобного преступления. Равно как не стал бы на эту тропу и Эдвиг, будь он уверен в своем завтрашнем дне. Поэтому на вашем месте я поставил бы вопрос иначе. До чего докатилась наша Англия? И во что превратился я сам, будучи ее частицей?

– После того как вы вчера приказали арестовать Эдвига, с аббатом Фабианом что-то произошло. Он как будто впал в забытие и стал просто невменяем. Словно совсем разучился говорить. Сидит у себя в келье и глядит в одну точку.

– Да, – тяжело вздохнул я. – Ему оказалось не под силу вынести то, что здесь произошло. Брат Эдвиг у него за спиной пользовался монастырской печатью и скреплял ею документы, связанные с продажей земли. При этом своих покупателей он клятвенно просил не разглашать тайны сделки. Должно быть, те искренне верили, что аббат полностью о ней осведомлен. – Я сделал над собой усилие, чтобы подняться. – Брат Гай, вы должны мне помочь. Мне нужно дойти до задних ворот монастыря. Хочу убедиться, что Элис с Марком благополучно миновали болото.

Поначалу он выразил сомнение относительно того, что я смогу совершить подобное путешествие, однако я настоял на своем решении, и ему пришлось помочь мне встать на ноги. Я взял свою трость, и мы вышли на двор. Над нами раскинулось серое пасмурное небо, воздух дышал сыростью и теплом. Внешний вид монастыря совершенно

переменился, кругом виднелись лужи и кучи грязи, которые вчера еще были сугробами.

Повсюду бродили туда-сюда люди. Увидев, что я, прихрамывая, вышел во двор, многие из них остановились и в недоумении уставились на меня. Первым ко мне бросился приор:

– Сэр! А мы уж думали, что вас постигла участь Синглтона. Куда подевался ваш помощник?

Меня обступили изумленные монахи и служки, и мне пришлось еще раз повторить историю, которую я только что в подробностях изложил брату Гаю. Потом я приказал приору Мортимусу послать за Копингером и, если выяснится, что Эдвиг в самом деле сбежал, попросить судью, чтобы он поднимал всю округу на поиски монаха.

Сам не знаю, как мне удалось одолеть расстояние, отделявшее монастырь от болота. Не будь со мной брата Гая, поддерживавшего меня за спину, которая после проведенной в буфете ночи нещадно болела, одному совершить такой подвиг мне было бы не под силу. Однако с его помощью я все же добрался до задних ворот и вышел наружу.

К моему крайнему изумлению, передо мной раскинулся вид на огромное озеро, простиравшееся на добрых полмили в ширину. Болота как такового не было, только ленточка быстрого течения выдавала речку, прорезавшую себе путь посреди этого обширного водного пространства, которое начиналось прямо у наших ног. Глубина его была невелика, не более фута выше уровня грязи, потому что из-под воды по-прежнему торчали колышущиеся на легком ветру камыши, но вся земля под водой превратилась в вязкую жижу.

– Гляньте сюда! – сказал брат Гай.

Он указал мне на человеческие следы, которые отпечатались в грязи у самых ворот. Одни из них были маленькими, другие – побольше, и те и другие вели к берегу, который ныне покрылся водой.

– О Боже! – воскликнул он. – Они отправились на болото!

– Вряд ли им удалось одолеть и сотню ярдов, – с ужасом подхватил я. – В особенности если учесть, что прошлой ночью был густой туман и все было покрыто водой.

– А это что? Вон там? – Брат Гай указал на какой-то плавающий неподалеку от нас предмет.

– Это светильник! Один из тех маленьких подсвечников, что стояли в лазарете. Должно быть, они прихватили его с собой. О Боже!

Стоило мне представить, что Марк и Элис, утратив твердую почву под ногами, ушли под воду и лежат где-то посреди раскинувшейся передо мной затопленной трясины, как я почувствовал, что больше не в силах без посторонней помощи держаться на ногах, и был вынужден схватиться за брата Гая. Монах помог мне опуститься на землю, и я продолжал сидеть на ней, тяжело дыша, до тех пор пока мои чувства не пришли в нормальное состояние. Когда я поднял глаза, то увидел, что брат Гай, скрестив ладони на груди и не сводя с плавающего на поверхности воды подсвечника, читает какую-то молитву на латыни.

Брат Гай проводил меня обратно в лазарет, потом настоял на том, чтобы я отдохнул и поел. После этого он еще долго ухаживал за мной, не отходя от меня ни на шаг. Подкрепившись, я почувствовал себя немного лучше, хотя сердце мое оставалось по-прежнему мертвым, словно камень. Я продолжал перебирать в памяти картины недавнего прошлого. Вспоминал о том, как мы с Марком обменивались шутками по дороге в монастырь, как вели спор у нас в комнате, как он обнимал Элис на кухне. Только теперь, когда его не стало, я сполна ощутил, насколько тяжела оказалась для меня эта утрата.

– Судя по следам, через задние ворота проходи ли только двое, – спустя некоторое время произнес брат Гай. – По всей вероятности, брат Эдвиг ушел другим путем.

– Да, пожалуй, – с горечью в голосе согласился я. – Может статься, что ему удалось ускользнуть через передние ворота, воспользовавшись случаем, когда Багги отлучился. – Меня одолело такое негодование, что я невольно сжал руки в кулаки. – Но я его все равно найду. Из-под земли достану. Пусть даже на это уйдет вся моя оставшаяся жизнь.

Раздался стук в дверь, и на пороге появился мрачный, как туча, приор Мортимус.

– Вы уже послали за Копингером? – осведомился я у него.

– Да, он скоро прибудет. Видите ли, сэр, мы нашли...

– Эдвига?

– Нет, Джерома. Он в храме. Хорошо было бы, если бы вы пошли и посмотрели на него сами.

– Но вы не сможете туда пойти, – воспротивился брат Гай, однако я отмахнулся и взялся за трость.

Я последовал за приором к храму, у входа в который собралась толпа. Некоторые из монахов, очевидно по приказу приора, стояли у дверей и следили, чтобы никто не мог в них войти. Протиснувшись через толпу, Мортимус первым проник в храм, а вслед за ним – я.

Внутри царил тишина, которую нарушали лишь звуки капли и чей-то тихий плач или, вернее сказать, жалкое причитание. Вслед за приором Мортимусом я прошествовал вдоль пустого, освещенного свечами нефа и остановился у одной из ниш, в которой некогда находилась церковная реликвия – рука Раскаявшегося Вора. На полу валялась гора костылей и подпорок. Лишь теперь я впервые заметил, что камень был пустотелым и в пространстве под ним вполне мог поместиться взрослый мужчина. Сидя на корточках и держа что-то в руках, внизу притулился Джером. Его белое облачение было грязным и рваным. Он издавал жалобный вой, и от него исходил ужасный запах.

– Я нашел его полчаса назад, – сказал приор. – Он заполз туда и снаружи прикрыл себя костылями.

– Когда я сегодня осматривал храм, то случайно вдруг вспомнил об этом месте.

– Что это у него в руках? Уж не...

– Да, – кивнул приор. – Мощи Раскаявшегося Вора.

Опустившись на колени перед Джеромом, я ощутил, как острая боль пронзила мои суставы. Теперь я видел, что картезианец держит в руках квадратный ларец, инкрустированный драгоценными камнями, которые переливаются разными цветами при свете свечей. В ларце лежал какой-то темный предмет.

– Брат, – мягко спросил я, – это ты взял реликвию?

Впервые за все время моего общения с этим человеком он ответил мне спокойно:

– Да. Она слишком дорога нам. Дорога для нашей Церкви. Она исцелила многих людей.

– Значит, ты взял ее, воспользовавшись всеобщим замешательством, которое последовало после убийства Синглтона?

– Я спрятал ее здесь, чтобы спасти. Чтобы спасти, – повторил он, сжав ее еще крепче. – Я знаю, что сделает с ней Кромвель. Он уничтожит эту святыню. Уничтожит то, что Господь послал нам в знак

своего прощения. Когда меня посадили под замок, я испугался, что вы ее найдете, и решил, что мне нужно во что бы то ни стало ее спасти. Теперь она потеряна. Потеряна навсегда. Я не могу больше сопротивляться. У меня больше нет сил, – с грустью закончил он.

Потом тряхнул головой и уставился невидящим взором в пустоту.

Протянув вперед руку, Мортимус коснулся плеча Джерома:

– Ну, давай, Джером, выходи. Все уже позади. Выбирайся и следуй за мной.

К моему изумлению, картезианец не стал сопротивляться. Превозмогая боль, он выкарабкался из ниши, волоча за собой костыль, и прежде, чем аккуратно поставить ларец на пол, прикоснулся к нему губами.

– Я отведу его обратно в келью, – сказал приор.

– Да, будьте так любезны, – кивнул я.

Не глядя ни на меня, ни на столь почитаемую им церковную реликвию, Джером, с трудом ковыляя, покорно пошел за приором Мортимусом вдоль нефа. Я проводил его взглядом. Если бы в свое время картезианец вместо того, чтобы играть со мной в свои игры, рассказал мне, что видел Элис в камере Марка Смитона накануне его смерти, я бы давно ее арестовал. А после раскрытия убийства Синглтона я быстрее бы вывел на чистую воду Эдвигу. Тогда бы Марк остался жив и не пришлось бы погибнуть Габриелю. Между тем я почему-то не испытывал по отношению к Джерому никакого гнева. Очевидно, все мои чувства уже истощились.

Преклонив колени, я стал разглядывать лежащий на полу ларец с реликвией. Он был щедро декорирован золотом и драгоценными камнями. Я еще никогда в жизни не встречал таких больших изумрудов. Сквозь стекло я увидел лежащую на подушечке из пурпурного бархата кисть, которая с помощью гвоздя с большой головкой была прикреплена к куску старого, почерневшего от времени дерева. Рука была такой же коричневой, какой становится мумия, меж тем по всем признакам она сохранила вид человеческой конечности, и на пальцах можно было даже разглядеть мозоли. Неужели это в самом деле рука раскаявшегося вора, который был распят на кресте рядом с Иисусом и перед смертью принял его как своего Спасителя? Я прикоснулся к стеклу, на мгновение предавшись безумной надежде на

то, что у меня исчезнет горб, уйдут боли в суставах и я стану таким же нормальным мужчиной, каким был бедняга Марк, которому я всегда завидовал. Однако ничего подобного не произошло, раздался лишь щелчок моего ногтя о стекло шкатулки.

Вдруг краем глаза я увидел, как в воздухе мелькнуло что-то маленькое и яркое, как золото, после чего это что-то звонко лязгнуло и завертелось на плиточном полу в двух футах от меня. Это оказался нобль, бывшая ныне в ходу золотая монета. Когда она перестала крутиться, я пригляделся и увидел, что с пола на меня взирает голова короля Генриха.

Я посмотрел вверх и увидел, что нахожусь прямо под колоколами, а надо мной свисают хитросплетения веревок и блоков, которые во время минувшей вечерней трапезы стали предметом недобрых шуток над Эдвигом. Но чего-то среди них все-таки не хватало. И я понял чего: люльки-корзинки. Очевидно, ее подняли на колокольню.

– Он там! – выдохнул я.

Так вот, значит, где он прятал золото! В этой самой корзине! Мне уже давно надо было внимательно исследовать ее содержимое. Посмотреть на то, что кроется под тряпками, еще тогда, когда я поднимался на башню вместе с Мортимусом. Пожалуй, лучшее место для тайника придумать было трудно. Теперь понятно, почему Эдвиг приостановил ремонтные работы.

Когда я взбирался по винтовой лестнице на колокольную башню вместе с приором Мортимусом, от страха у меня тряслись поджилки. Однако на этот раз я был движим жестокой и непоколебимой яростью, и это давало мне силу превозмочь вопиющую боль, исходящую от всех членов моего тела. Как выяснилось, чувства не покинули мое тело, а всего лишь на время притаились. Ибо ныне я исполнился столь невероятным гневом, какого не знал никогда прежде.

Пустая корзина валялась на боку на том месте, на котором я ожидал ее увидеть. Рядом с ней на полу лежали две золотые монеты. В комнате никого не было. Я посмотрел на ведущие к колоколу ступеньки и обнаружил на них еще несколько таких же монет. Мне стало ясно, что тот, кто находился наверху, наверняка слышал, как я взбирался сюда по лестнице. Неужели он засел в самой колокольне?

Предваряя свой путь тростью, я принялся осторожно подниматься по ступенькам. Повернув ручку двери, я быстро отступил назад и при

помощи той же трости толкнул ее вперед. И надо сказать, в своей предосторожности оказался совершенно прав, ибо находившийся по другую сторону человек тотчас швырнул в то место, где только что стоял я, потухший деревянный факел. Тот ударился о мою трость, не причинив ни ей, ни мне никакого вреда. В этот миг мой взор уперся в красное и ожесточенное лицо казначея, смотревшего на меня совершенно дикими глазами.

– Все кончено, брат Эдвиг, – сказал я. – Я знаю о вашем намерении бежать на корабле во Францию. Именем короля вы арестованы как вор и убийца!

Он отшатнулся, и я услышал его быстро удаляющиеся шаги, которые громко разносились по дощатому полу и сопровождались странным металлическим лязгом. Это меня несколько насторожило.

– Все кончено, – громко повторил я. – Отсюда нет другого выхода.

Я одолел последнюю ступеньку и заглянул внутрь, пытаюсь отыскать его глазами, но с того места, где я стоял, удалось разглядеть только половицы и огромные колокола за ограждением. На полу лежала еще одна горстка золотых монет.

Я понял, что положение безвыходное. Он не мог уйти отсюда, не миновав меня. Однако я тоже оказался в ловушке. Если бы я вздумал спускаться по винтовой лестнице вниз, то стал бы легкой добычей для человека, которого некогда принял за обыкновенного чиновника, трясущегося над каждым пенни. Но я ошибся, ибо на самом деле этот тип оказался способен на нечто большее. Размахивая перед собой тростью, я стал продвигаться в глубь комнаты.

Эдвиг находился на другой ее стороне. Когда я вошел, он сделал шаг вперед, и я заметил, что у него с плеч свисает веревка, к каждому концу которой привязаны кожаные походные корзины. Это они издавали металлический лязг, когда он двигался. Тяжело дыша, Эдвиг размахивал перед собой дубинкой, которую так крепко держал в правой руке, что костяшки пальцев побелели.

– Что вы задумали, брат? – обратился я к нему. – Прихватить денежки и сбежать во Францию, чтобы начать новую жизнь?

Я сделал еще один шаг ему навстречу, пытаюсь отвлечь его внимание, однако он держал ухо востро и продолжал угрожать мне своей деревяшкой.

– Н-н-нет! – Он стоял на прежнем месте и выкрикивал каждое слово, как ребенок, которого незаслуженно в чем-то обвинили. – Нет! Это назначенная мною цена за то, чтобы попасть на небеса!

– Что?

– Она все время отказывала мне, пока в меня не вселился Дьявол. Это он во всем виноват! Он наполнил мою душу гневом. И я ее убил! Вы даже представить себе не можете, до чего просто убить человека. – Он залился диким смехом. – Ребенком я столько раз видел, как убивают людей. Это открыло во мне двери Дьяволу. Тому, кто наполняет разум жаждой к-к-крови!

Его лицо стало темно-красным, а вены на шее вздулись. Потеряв над собой всякую власть, он перешел на истошный визг. Единственное, что могло отвлечь его внимание, был звон колоколов, но для этого я должен был как-то исхитриться к ним приблизиться.

– Вряд ли вам удастся убедить в этом судей, – выкрикнул я.

– В гробу я видал ваших судей! – Как только его голос сорвался на крик, заикание тотчас исчезло – Римский Папа, которого Бог поставил первосвященником на земле, разрешил приобретать искупление грехов за деньги. Как я уже говорил вам, Господь прощает наши души. Так сказать, сравнивает соотношение между дебетом и кредитом. Мой дар Ему столь велик, что Он непременно сделает меня своей правой рукой. Я преподнесу Франции сумму, которая будет исчисляться почти в тысячу фунтов стерлингов. Тысячу фунтов стерлингов, которые я с таким трудом сумел урвать из рук вашего еретика-короля. Это огромная заслуга в глазах Господа. – Он сверкнул на меня яростным взглядом. – И вы меня не остановите!

– Вы, очевидно, также полагаете, что это искупит ваш грех перед Саймоном и Габриелем?

Он направил в мою сторону острие факела.

– Уэлплей догадался, что я сделал с девчонкой. Рано или поздно он рассказал бы об этом вам. Поэтому ему пришлось умереть. Мне нужно было доделать работу до конца. А участь Габриеля должна была постичь вас, будьте вы трижды прокляты. Бог заставит вас за это ответить!

– Вы ненормальный! – крикнул я. – Ваше место в приюте для умалишенных. Там вы будете живым образчиком того, до чего доводит всякое извращение религии.

Едва я произнес эти слова, как Эдвиг схватил обеими руками дубинку и, исторгнув нечеловеческий крик, бросился на меня. Не будь у него за плечами тяжелой ноши, он, по всей вероятности, одолел бы меня сразу, но я умудрился отскочить в сторону. Потом он развернулся и повторил нападение. На сей раз я успел замахнуться тростью, но он своей дубинкой выбил ее у меня из рук, и она упала на пол. Теперь Эдвиг находился между мной и дверью. Угрожающе размахивая своей деревяшкой, он медленно надвигался на меня, а я отступал к ограждающим колокол низким перилам. Эдвиг как будто вновь обрел свое былое хладнокровие, я видел его черные зловещие глаза, которые с тщательностью счетовода оценивали расстояние между нами и высоту ограждения.

– Куда подевался ваш мальчишка? – со злобной усмешкой осведомился он. – Почему не защищает вас сегодня?

Он налетел на меня и с силой огрел по руке, которую я едва успел поднять, пытаюсь защититься. После чего он нанес мне сокрушительный удар в грудь, так что я упал назад и перевалился через перила.

До сих пор я вновь и вновь переживаю это падение в своих кошмарных снах. До сих пор отчетливо помню, как перевернулся в воздухе, пытаюсь ухватиться за него руками. Помню ликующий крик брата Эдвиг, звенящий у меня в ушах, и то, как мои руки ощутили под собой что-то твердое – как выяснилось позже, это был колокол – и как я буквально впился в его металлическую, украшенную орнаментом боковую поверхность ногтями, и это на какое-то время приостановило мое падение. Но ненадолго, ибо мои вспотевшие от ужаса руки начали скользить и я вновь устремился вниз.

Внезапно я почувствовал, как мои ноги во что-то уперлись. Я всем телом прильнул к колоколу и каким-то образом умудрился обхватить его, так что мои руки коснулись друг друга пальцами. Когда я взглянул вниз, то обнаружил, что стою на металлическом диске, прикрепленном к старому испанскому колоколу. Это зрелище повергло меня в еще большее отчаяние, и я что было сил приник к спасительному предмету.

Однако под действием моего веса колокол пришел в движение и, раскачиваясь из стороны в сторону, в конце концов ударился о соседний колокол, издав при этом оглушительный гул, который эхом прокатился по всей колокольне. Во время их столкновения я едва

удержался, чтобы не сорваться вниз. Когда же колокол двинулся в обратном направлении, я прилип к нему крепче прежнего. Краем глаза я заметил, что Эдвиг, сняв с себя корзину, собирает с пола рассыпанные монеты и время от времени бросает на меня злорадные взгляды. Он знал, что долго в таком положении я продержаться не смогу. Далеко внизу слышались голоса; по всей очевидности, люди, толпившиеся за дверью в церковь, ввалились внутрь, неожиданно услышав бой колоколов. Я не мог решиться посмотреть вниз. Колокол в очередной раз задел своего соседа, наполнив воздух мощным громом, и я испугался, что у меня лопнут барабанные перепонки. На сей раз удар оказался чересчур сильным, колокол затрясся, и я почувствовал, как мои ладони начали скользить, удаляясь друг от друга.

В этот миг я сделал самый отчаянный шаг в своей жизни. У меня была всего одна попытка, ибо я знал, что в противном случае мне грозит верная гибель. Единым махом я развел руки в стороны, перевернулся в воздухе и, упираясь ногами в площадку, которая послужила мне опорой для толчка, метнулся в сторону оградительных перил, всей душой устремившись к Господу и воззвав к Нему, возможно, в последний раз в своей земной жизни.

Ударившись о перила грудью, я ощутил, что из нее вышел весь воздух, а тело пронзила сильная дрожь. Вцепившись руками в ограждение, я изо всех сил рванулся вперед и каким-то чудом умудрился его преодолеть, ибо в следующий миг я уже лежал на полу, испытывая невероятную боль в предплечьях и спине. По другую сторону комнаты на коленях стоял Эдвиг, сжимая в руке горсть монет и сверля меня исполненным ярости взглядом. А колокола продолжали бить, оглушая нас звоном, от которого под нами сотрясались доски.

В мгновение ока казначей вскочил на ноги и, прихватив корзины, ринулся к двери. Я рванулся к нему и что было сил вцепился ему в глаза. Он отшвырнул меня в сторону, однако из-за тяжелых сумок потерял равновесие и, пошатнувшись, отпрянул назад так, что уперся спиной в перила аккуратно на том самом месте, на котором в свою роковую минуту стоял я. При этом поклажа соскользнула с его плеч за оградительную решетку. Исторгнув дикий рев, он быстро развернулся и успел поймать рукой веревку, которой были привязаны друг к другу кожаные корзинки. Поначалу ему удавалось их удерживать, но в

следующий миг они потянули его вниз. Когда же он на мгновение замер, балансируя на перилах, у меня мелькнула мысль, что он еще может спастись, если выпустит из своих рук сумки с золотом. Но он продолжал держать их мертвой хваткой. В конце концов груз перевесил его и потянул за собой. Он полетел головой вниз, ударившись о боковую поверхность колокола и огласив воздух истошным ревом, который, очевидно, свидетельствовал о его невыразимом гневе, вызванном тем, что ему придется предстать перед Творцом прежде, чем он успел преподнести ему свой великий дар. Подскочив к перилам, я увидел, как его грузное тело несло к земле, вертясь в воздухе, со вздыбленным вверх одеянием, посреди золотого дождя высыпавшихся из сумок монет. Толпа в панике бросилась врассыпную, и пол в один миг окрасился кровью, смешанной с золотым потоком.

От страшного зрелища меня бросило в жар. Тяжело дыша и перегнувшись через перила, я не мог оторвать взгляда от того, что происходило внизу. Помню, как толпа медленно и осторожно стала приближаться к месту происшествия. Кое-кто принялся разглядывать останки казначея, другие бросать взоры наверх, туда, где находился я. Затем, к своему величайшему разочарованию, я стал невольным свидетелем еще более покоробившего меня зрелища: монахи и служки, встав на четвереньки, начали горстями сгребать с пола золотые монеты.

ЭПИЛОГ

Февраль 1538 года.

Спустя три месяца

Когда я въехал в монастырский двор, то прежде всего увидел, что огромные колокола сняты и вынесены из храма. Ныне они представляли собой гору здоровенных металлических осколков, частично сохранивших остатки декора, которую подготовили для переплавки. Очевидно, пришлось проделать немалую работу, чтобы спустить их вниз, предварительно отсоединив от крепивших их к крыше больших колец. Представляю, какой стоял грохот, когда они упали с высоты вниз.

Немного поодаль от них, по соседству с кучей угля, была возведена каменная печь, в которой плавился свинец. Стоявшие на крыше мужчины сбрасывали вниз свинцовые полосы, которые внизу подбирали другие работники и швыряли в огонь.

Кромвель оказался прав: множество закрытых к началу зимы монастырей убедили прочих в том, что сопротивление бессмысленно, и ныне каждый день был ознаменован тем, что та или иная обитель объявляла о прекращении своего существования. Казалось, еще немного, и в стране не останется ни одного монастыря. Аббаты по всей Англии получили весьма солидное денежное содержание, меж тем как остальным членам братства были предложены выплаты куда более скромных размеров. Многочисленные слухи свидетельствовали о царившем повсеместно хаосе. Так, на постоялом дворе в Скарнси, где ныне остановился я, мне порассказали о том, как три месяца назад его покидали монахи. Добрых полдюжины из них были слишком стары и немощны, чтобы самостоятельно передвигаться. Сняв комнаты, они отказывались выезжать, пока у них не закончились деньги и не прибыл констебль вместе со своими помощниками, чтобы выставить их на улицу. Среди прочих был один толстый монах с изъязвленной ногой, в котором по описанию я сразу узнал бедного и глупого Септимуса.

Когда королю Генриху стало известно о событиях, происшедших в монастыре Святого Доната, он тотчас приказал сровнять его с землей.

Для этого Кромвель направил в Скарнси итальянского инженера по имени Портинари, успешно осуществившего подобные работы в монастыре Льюиса. Мне довелось слышать, что он был большим знатоком в этих делах. Так, к примеру, в Льюисе под его руководством был столь искусно заминирован фундамент, что здание церкви в мгновение ока превратилось в огромное облако пыли. Те, кто наблюдал за этим событием из Скарнси, говорили, что это было воистину ужасающее и столь завораживающее зрелище, что многие были весьма не прочь увидеть его еще раз.

Поскольку зима в тот год выдалась суровой, Портинари сумел направить своих людей и необходимое снаряжение к берегам Скарнси лишь с наступлением весны. Их прибытия ожидали через неделю. Однако приезд предварили чиновники Палаты, явившиеся затем, чтобы вывести все ценное, а также снять свинец с крыш и медь с колоколов. Представители их ведомства встретили меня у сторожевого дома, потребовав предъявить удостоверение. Судя по всему, ни Багги, ни прочих работников в монастыре уже не осталось.

Я был немало удивлен, когда Кромвель направил мне письмо с приказом отправиться в Скарнси в качестве надзирателя за производимыми там работами. Я почти не имел никаких вестей от него со времени своего короткого визита к нему в декабре минувшего года – мы с ним обсуждали тогда мое официальное сообщение. Помнится, он рассказал мне о том, как тяжело ему далось те полчаса, что он провел с королем, докладывая ему об имевших место в религиозном доме Скарнси убийствах и бесчинствах, – сведения, которые он долгое время утаивал от Генриха Восьмого. Ему также пришлось поведать историю о том, что мой молодой помощник сбежал вместе с убийцей прежнего уполномоченного Кромвеля. Может статься, что король отвесил своему главному правителю несколько оплеух, во всяком случае, насколько я слышал, рукоприкладство за ним нередко водилось. Так или иначе, но Кромвель вел себя со мной весьма бесцеремонно и распрощался, не сказав ни слова благодарности. Другими словами, я был лишен всякой благосклонности.

Хотя я до сих пор числился уполномоченным по делам Кромвеля, в моих услугах, по всей очевидности, он больше не нуждался, поскольку с насущной работой могли прекрасно справиться служащие Палаты перераспределения монастырского имущества. Я неоднократно

задавался вопросом, зачем Кромвелю вздумалось еще раз направить меня в эти места. Уж не затем ли, чтобы заставить вспомнить весь пережитый мною здесь ужас в отместку за те жуткие полчаса, которые он провел с королем? Во всяком случае, это было вполне в его духе.

Судья Копингер, ныне являвшийся арендатором бывших монастырских земель, стоял поодаль от меня, изучая вместе с неизвестным мне мужчиной планы. Направившись к нему, я по дороге встретил двух работников Палаты; они выносили из библиотеки связки книг и складывали в кучу на дворе, видимо предполагая сжечь их.

Копингер учтиво пожал мне руку.

– Эмиссар, как поживаете? Теперь у нас погода куда лучше, чем в то время, когда вы посещали нас в последний раз.

– Что правда, то правда. Уже почти весна. Впрочем, с моря еще дует холодный ветер. Как вы находите дом аббата?

– Прекрасно. Я обустроил его наилучшим образом. Должен заметить, аббат Фабиан поддерживал его в образцовом состоянии. Теперь, когда лишние постройки убрали, оттуда открылся великолепный вид на море. – Он махнул рукой в сторону монастырского кладбища, где несколько мужчин выкапывали надгробия. – Смотрите. Вон там я собираюсь построить загон для моих лошадей. Я приобрел монастырскую конюшню по сходной цене.

– Надеюсь, на эту работу вы наняли не работников Палаты, сэр Гилберт? – с улыбкой поинтересовался я.

На Рождество Копингеру пожаловали дворянский титул, и сам король оказал ему честь, коснувшись мечом его плеча. Кромвелю как никогда прежде нужны были преданные люди в графствах.

– Нет, нет. Это мои люди. Я плачу им из собственного кармана. – Он окинул меня высокомерным взглядом. – Очень жаль, что вы в свое время не пожелали остаться со мной.

– Эти места хранят дурные воспоминания. Я гораздо лучше себя ощущаю в городе. Надеюсь, вы меня понимаете.

– Что ж, очень хорошо, сэр, очень хорошо, – снисходительно закивал он мне в ответ. – Но надеюсь, что вы не откажетесь со мной отобедать. Я не прочь показать вам планы, которые остались от моих предшественников. Мы собираемся переделать некоторые здешние надворные постройки под небольшие загоны для овец. Но это будет возможно только после того, как снесут сам храм. Представляю, какое

это будет зрелище. Ждать осталось совсем недолго. Всего несколько дней.

– Это уж точно. А теперь прошу меня простить.

Я поклонился и, завернувшись поплотнее в плащ, поспешно удалился прочь.

Переступив порог двери, ведущей в бывшие монастырские помещения, я очутился в грязном, затоптанном коридоре. В трапезной за столом восседал ревизор Палаты. К нему беспрестанным потоком подходили подчиненные, принося то, что могло представлять какую-либо ценность на аукционе, который должен был состояться через два дня. Это были тарелки и позолоченные статуэтки, золотые кресты и гобелены, ризы, стихари и даже постельные принадлежности монахов.

В комнате, некогда служившей трапезной, не осталось никакой мебели, а вместо этого громоздились всевозможных размеров коробки и ящики. Расположившись спиной к камину, Уильям Гленч, как звали главного ревизора Палаты, обсуждал со своим писарем какую-то запись в лежавшей перед ним бухгалтерской книге. Это был высокий тощий мужчина в очках, с весьма суетливыми манерами – надо заметить, что слишком много подобного рода людей пригрела у себя Палата за последнюю зиму. Когда я представился, Гленч встал и отвесил мне официальный поклон, предварительно сделав какую-то пометку у себя в книге.

– По всей видимости, у вас тут все организовано наилучшим образом, – сказал я.

– Да сэр. У нас все схвачено. Вплоть до последнего горшка и кастрюли на кухне.

Его манера говорить на какой-то миг напомнила мне Эдвигу, поэтому я невольно вздрогнул.

– Насколько я понимаю, вы собираетесь сжигать эти книги. А не могут ли среди них оказаться те, которые представляют некоторую ценность?

– Нет, сэр, – уверенно заявил он, отрицательно помотав головой. – Все книги необходимо уничтожить. Это инструменты папистов. Ни одна из них не написана на чистом английском языке.

Отвернувшись от своего собеседника, я открыл первый попавшийся мне под руку сундук, который был наполнен церковными украшениями, и вытащил из него искусно гравированную золотую

чашу. Она оказалась одной из тех, которые Эдвиг бросил в пруд вслед за телом Орфан, чтобы люди сочли ее сбежавшей воровкой. Я повертел церковную утварь в руках.

– Это нельзя продавать, – сказал Гленч. – Все золото и серебро велено доставить в Тауэр на монетный двор, на переплавку. Сэр Гилберт пытался приобрести некоторые из этих вещей. Он нашел их очень красивыми украшениями для дома. Возможно, он прав, но тем не менее все эти безделушки являлись атрибутами папистского ритуала. Уж кому-кому, а ему об этом следовало бы знать.

– Да, – подтвердил я. – Это верно. Я положил чашу на место.

Двое чиновников принесли большую плетеную корзину, и писарь принялся выгружать из нее на стол монашескую одежду.

– Надо было ее сначала выстирать, – поморщился он, – а уж потом приносить.

Я почувствовал, что Гленчу не терпится вернуться к своим обязанностям.

– Ухожу, ухожу, – произнес я и добавил: – Прошу вас только удостовериться в том, что вы ничего не забыли.

Его оскорбленный взгляд принес мне мимолетное удовольствие.

Я миновал крытую аркаду и, не сводя внимательного взора с копошащихся на крыше храма работников, направился в его сторону. Ныне здание дома Божьего было окружено грудой сброшенных сверху осколков черепицы. Когда я вошел внутрь, то сразу отметил, что внутреннее пространство все еще освещается струящимся сквозь витражные окна мягким светом, который по-прежнему создает калейдоскопическую игру теплых красок на полу. Сверху сквозь грохот молотков доносились громкие голоса, которые эхом прокатывались по храму. Посреди нефа пол был разрушен и завален разбитой плиткой. Это было то самое место, на которое упал брат Эдвиг и куда впоследствии приземлились отрезанные от крыши колокола. Я взглянул наверх, на зияющую пустотой колокольную башню, и воспоминания нахлынули на меня с прежней силой.

Обогнув крестную перегородку, я увидел, что ни аналая, ни даже большого органа уже не было на прежнем месте. Печально покачав головой, я собрался уходить.

Но тут мой взор упал на притулившуюся в углу фигуру в сутане с капюшоном. Лицо монаха было повернуто в другую сторону. На

мгновение меня пронзил суеверный ужас: уж не сам ли брат Габриель вернулся с того света, чтобы оплакать руины своей прежней работы? Но в этот миг неизвестный обернулся, и я чуть не вскрикнул от страха, ибо поначалу вообще не увидел чьего-либо лица в капюшоне. Но в следующий миг оно обозначилось, и я узнал черты темного лица брата Гая. Он встал и слегка мне поклонился.

– Брат лекарь! – радостно воскликнул я. – А я чуть было не принял вас за призрака!

– В некотором роде так оно и есть, – мрачно улыбнулся он мне.

Я подошел к нему ближе и присел, жестом приглашая его присоединиться ко мне.

– Рад вас видеть, – произнес он. – Мне хотелось бы поблагодарить вас за назначенное мне годовое содержание, господин Шардлейк. Насколько я понимаю, оно было мне повышено не без вашего участия.

– В конце концов, вы были избраны аббатом после того, как Фабиан был объявлен неспособным занимать эту должность. И хотя вам довелось побыть аббатом всего несколько недель, это обязывало назначить вам более щедрое денежное обеспечение.

– Приор Мортимус был крайне недоволен тем, что братия избрала меня, а не его. Поэтому он вернулся обратно в Девон работать воспитателем в школе.

– Да благословит его Господь на этом пути.

– Я размышлял о том, насколько справедливо то, что я получил большее содержание, нежели другие братья, которым придется жить на пять фунтов стерлингов в год. И решил, что, даже если я откажусь от денег, им от этого ничего не прибавится. К тому же с моим цветом кожи жить в миру мне будет несладко. Я думаю сохранить за собой свое церковное имя Гай из Молтона и не возвращаться к мирскому имени Элакбар. Как вы считаете, дозvoлят ли мне это в случае запрета использовать предваряющее слово «брат»?

– Разумеется, дозvoлят.

– Только не надо чувствовать себя виноватым. Надеюсь, вы по-прежнему мне друг?

– Да, конечно, – кивнув, ответил я. – Если бы мне вновь приказали прибыть сюда в качестве эmissара Кромвеля, я бы не испытал при этом ни малейшего удовольствия. Ибо больше не имею никакого

желания таковым оставаться. – Я почувствовал, что меня забила дрожь. – Здесь холодно. Я замерз.

– Да, вы правы, – кивнул брат Гай. – Я тоже тут засиделся. Все время думал о монахах. О том, как они, сидя на этих самых скамьях в алтаре, молились и пели псалмы. И так продолжалось в течение четырех сотен лет. Корыстные, ленивые, преданные – среди них были всякие. Впрочем, – он указал наверх, откуда доносился грохот, – сейчас не время об этом говорить.

Едва я успел проследить за его взглядом, как от потолка отслоилась штукатурка и градом осколков повалилась вниз. И в тот же миг на полу заиграл ворвавшийся через образовавшуюся в крыше брешь веселый солнечный луч.

– Эй вы, недоумки, вы пробили дыру! – раздался громкий голос сверху. – Теперь будьте осторожны!

Гай издал странный звук, нечто среднее между вздохом и стоном. Я коснулся его руки.

– Пойдемте, пока на нас не свалилась остальная штукатурка.

Мы вышли на двор, и я увидел его лицо при дневном свете. Оно оказалось печальным, но спокойным. Мы двинулись в сторону дома аббата. Встретившийся нам по дороге Копингер довольно холодно поприветствовал брата Гая.

– Когда в конце ноября монахи покинули монастырь, сэр Гилберт попросил меня остаться, – начал рассказывать мне Гай. – Ему поручили приглядеть за этим местом до прибытия Портинари. Поэтому он обратился ко мне с просьбой о помощи. Вы не представляете, как разлился в январе рыбный пруд. Пришлось хорошо потрудиться, чтобы его осушить.

– Должно быть, здесь было трудно оставаться одному. В особенности после того, как все уехали.

– На самом деле нет – до тех пор, пока сюда не явились люди из Палаты и не начали свою работу.

– На протяжении всей зимы у меня было такое чувство, что этот дом просто ждет, пока вернутся монахи.

Позади нас на землю грохнулся большой кусок металла, и Гай невольно сморщился.

– Вы и впрямь надеялись, что это случится?

– Каждый человек на что-то надеется, – пожал плечами он. – К тому же мне совершенно некуда идти. Все это время я ожидал разрешения уехать во Францию.

– Если за этим дело встало, то я, пожалуй, мог бы оказать вам содействие.

– Нет, – покачал он головой. – Все выяснилось неделю назад. Мне отказали. Насколько я знаю, речь идет о заключении нового соглашения между Францией и Испанией против Англии. Теперь мне следует подумать о том, чтобы сменить эту сутану на камзол с чулками. Хотя для меня это весьма непривычно после стольких лет служения в церкви. Да к тому же еще надо отпустить волосы!

Он снял капюшон и провел рукой по лысой макушке, которую окаймляло со всех сторон кольцо черных с проседью волос.

– Что же вы намерены делать?

– Хочу уехать отсюда в ближайшие дни. Я не могу глядеть на то, как разрушают эти стены. Как стирается с лица земли целый город. Как превращают его в ярмарку, в базар. До чего же, должно быть, они нас ненавидели! – Он вздохнул. – Возможно, я уеду в Лондон. Во всяком случае, там столь экзотические лица, как у меня, не такая уж редкость.

– Вы вполне могли бы заняться там врачеванием. В конце концов, вы ведь получили специальное образование в Лувене.

– Но примут ли меня в коллегия докторов? Или хотя бы в гильдию аптекарей? Меня, бывшего монаха с лицом цвета грязи? – Приподняв бровь, он грустно улыбнулся.

– У меня есть знакомый лекарь. Один из моих бывших заказчиков. Если хотите, замолвлю ему о вас словечко.

– Благодарю. – Поколебавшись, он улыбнулся. – Буду вам очень признателен.

– И могу помочь вам с комнатами для жилья. Перед вашим отъездом я дам вам свой адрес. Заезжайте ко мне. Хорошо?

– А вы не слишком рискуете тем, что поддерживаете со мной отношения?

– Я больше не буду работать на Кромвеля. Вернусь к частной практике. К тихой жизни. Возможно, снова возьмусь за кисть.

– Будьте осторожны, Мэтью. – Он бросил взгляд через плечо. – Боюсь, неразумно с вашей стороны позволять себе вести дружескую

беседу со мной на глазах сэра Гилберта.

– Вернее сказать, продажного Копингера. Я прекрасно знаю, как себя вести, чтобы не нарушать закон. И хотя я не могу быть реформатором, каковым был прежде, но также не считаю себя и обращенным папистом.

– В наши дни, увы, это никого не может защитить.

– Возможно. Однако если нельзя чувствовать себя в безопасности, что на самом деле так, то я, по крайней мере, попытаюсь использовать свое небезопасное положение для того, чтобы продолжить частную практику на дому.

Мы дошли до дома аббата, ныне принадлежавшего Копингеру. Садовник аккуратно подстригал розы и разравнивал конский навоз под кустами.

– Много ли земли арендовал Копингер? – осведомился я.

– Да, много. Причем весьма дешево.

– Ему повезло.

– А вас не представили к какой-нибудь награде?

– Нет. Я исполнил приказание Кромвеля. Поймал убийцу, вернул украденное золото и заставил монастырь сдаться. Однако сделал это недостаточно быстро – Я запнулся, вспомнив об усопших. – Да, в самом деле, недостаточно быстро.

– Вы сделали все, что было в ваших силах.

– Очень может быть. Знаете, я часто думаю, что сумел бы раньше разоблачить Эдвигу, если бы не испытывал к нему такой неприязни, из-за чего старался быть беспристрастным. Мне и сейчас трудно понять, как мог этот человек, столь любящий точность и порядок, оказаться на поверку столь необузданным и диким. Вероятно, он использовал этот порядок, эту одержимость цифрами и деньгами, для того чтобы контролировать свои порывы. Наверное, он и сам боялся своих кровавых грез.

– Думаю, вы правы.

– Однако эта одержимость цифрами в конечном счете лишь усугубляла его безумие, – вздохнул я. – Вскрывать запутанную правду всегда непросто.

Гай кивнул:

– Это требует терпения, мужества, усилий. Если вы в самом деле хотите найти истину.

– Вы знаете, что Джером умер?

– Нет. Я ничего не слышал о нем с тех пор, как его увезли в ноябре.

– Кромвель заточил его в ту самую тюрьму, в которой погибли от истощения его собратья. Вслед за ними вскоре ушел в мир иной и он.

– Да упокоится в Господе его измученная душа. – Брат Гай замолчал и нерешительно посмотрел на меня, после чего произнес: – А вы, часом, не знаете, что стало с мощами Раскаявшегося Вора? Их увезли вместе с Джеромом.

– Нет, не знаю. Полагаю, что драгоценные камни были изъяты, а ковчег отдан на переплавку. Сама же Рука к данному времени, должно быть, уже сожжена.

– Это была рука Вора. Это свидетельство неопровержимо.

– Вы по-прежнему полагаете, что она могла творить чудеса?

Он ничего не ответил, и в течение некоторого времени мы молчали. Мы вошли на кладбище, где рабочие вскрывали надгробия. Я увидел, что фамильные склепы жителей Скарнси превращены в груды развалин.

– Скажите, – спросил наконец я, – как сложилась судьба аббата Фабиана? Я знаю только то, что ему не назначили аббатского годового содержания, поскольку не он подписывал документ об отречении.

Гай печально покачал головой.

– Его забрала к себе сестра. Она работает швеей в городе. Его состояние ничуть не улучшилось. Время от времени он заявляет о том, что собирается отправиться на охоту или нанести визит местным землевладельцам. И ей с трудом удается его уговорить не делать этого, указывая на его нищенскую одежду. Кроме нее и старой клячи, которую он собирается всякий раз оседлать, теперь у него нет ничего.

– «Так проходит мирская слава», – процитировал я.

Я заметил, что мыдвигаемся в сторону фруктового сада, за которым уже виднелась монастырская стена. Я остановился, ощутив, как внутри у меня что-то перевернулось.

– Вернемся назад? – мягко осведомился Гай.

– Нет, давайте еще пройдем вперед.

Мы подошли к воротам, за которыми начиналось болото. Я достал связку ключей и отворил ворота. Выйдя наружу, мы уставились на раскинувшийся перед нами унылый ландшафт. От последствий ноябрьского половодья не осталось уже и следа, и ныне перед нами

пролегала тихая и мрачная топь; заросли камыша, отражаясь в стоячих лужах, слегка колыхались на легком ветерке. В реке прибыла вода, и на ее маленьких волнах покачивались чайки, распушив свои перья в потоках движущегося с моря ветра.

– Они являются мне во сне, – тихо заговорил я. – Марк и Элис. Я вижу, как они бултыхаются в воде. Как их затягивает трясина. Как они зовут на помощь. И просыпаюсь обычно от собственного крика. – Мой голос оборвался. – В некотором смысле я любил их обоих.

Брат Гай посмотрел на меня долгим взглядом, после чего достал из-под сутаны свернутый и сильно помятый лист бумаги и протянул его мне со словами:

– Я долго думал, показывать вам или нет. Боялся, что это может вас больно ранить.

– Что это?

– Письмо. Оно появилось у меня на столе месяц назад. Когда я вернулся в свой аптекарский кабинет, оно уже там лежало. Полагаю, что какой-то контрабандист подкупил кого-нибудь из людей Копингера, что бы тот доставил данную бумагу мне. Это от нее, хотя написано его рукой.

Развернув, я начал читать письмо, написанное аккуратным крупным почерком Марка Поэра.

«Брат Гай,

Я попросила написать это письмо Марка, ибо у него это получится лучше, чем у меня. Я пошлю его через одного человека в городе, который иногда приезжает во Францию. Вам лучше не знать, кто это.

Умоляю простить меня за то, что пишу вам. Мы с Марком живы и живем во Франции. Но я не скажу, где именно. Не знаю, каким чудом нам удалось перейти через болото той ночью. Один раз Марк упал, и мне пришлось его вытаскивать. Тем не менее нам посчастливилось добраться до лодки.

В прошлом месяце мы поженились. Марк немного говорит по-французски и быстро совершенствует язык, поэтому мы надеемся, что вскоре ему удастся получить какую-нибудь должность в этом маленьком городе. Мы с ним очень счастливы, и я постепенно обретаю в душе мир, который я утратила с тех пор, как умер мой

кузен, хотя я отнюдь не уверена, что этот мир когда-нибудь оставит нас в покое.

Конечно, до всего этого вам нет никакого дела, сэр, но мне хотелось бы, чтобы вы знали: самым ужасным для меня было обманывать вас – человека, который меня защищал и многому научил. Мне очень жаль, что пришлось это сделать. Однако мне ничуть не жаль того человека, которого я убила. Он заслужил смерти, если вообще можно такое сказать о человеке. Я не знаю, куда вас забросит судьба, но я молю нашего Господа Иисуса Христа оберегать и защищать вас, сэр.

Я свернул письмо и тупо уставился на реку.

– В нем ни слова обо мне.

– Это письмо она писала мне. Они, очевидно, не знали, что я когда-нибудь вас увижу.

– Значит, они живы и здоровы, чтоб им неладно было. По крайней мере, теперь меня хоть не будут мучить кошмары. Могу я сообщить об этом отцу Марка? Он вне себя от скорби по сыну. Просто намекну на то, что Марк жив.

– Конечно.

– Она совершенно права. В этом мире нет ни одного надежного укрытия. Нет ничего определенного. Подчас я думаю о брате Эдвиге, о его безумии. Как он мог дойти до того, что решил купить у Бога прощение своих убийств за две сумки краденого золота? Возможно, мы все слегка сумасшедшие. Библия говорит, что Бог создал человека по своему образу, но я думаю, что мы создаем и переделываем его в соответствии с представлениями, которые удовлетворяют наши постоянно меняющиеся нужды. Интересно, знает ли Он об этом? И хочет ли об этом знать? Все исчезает, брат Гай, все проходит.

Мы стояли молча, наблюдая за плавающими на реке чайками, а позади нас слышался приглушенный стук ломающегося свинца.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Уничтожение английских монастырей в 1536—1540 годах происходило под руководством главного правителя Англии Томаса Кромвеля. После проведения ревизии монастырей, в ходе которой был собран обширный материал в пользу их разрушения, в 1536 году Кромвель представил парламентский закон о роспуске небольших монастырей. Однако когда его агенты начали проводить закон в действие, на севере Англии вспыхнул мощный вооруженный бунт, так называемое Паломничество Милосердия. Генрих Восьмой вместе с Кромвелем подавили восстание, призвав обманным путем его вождей на переговоры и подготовив за это время армию для уничтожения повстанцев.

Штурм более крупных монастырей был предпринят год спустя и производился подобно тому, как описано в данном романе. Причем в первую очередь давление со стороны властей было направлено на наиболее уязвимые христианские дома. В качестве орудия устрашения использовали монастырь в Льюисе, сдавшийся в ноябре 1537 года – факт, который для дальнейшего хода реформ имел решающее значение. В последующие годы один за другим были переданы в руки короля остальные христианские дома, и к 1540 году все они были ликвидированы. Монастырские здания подвергались разрушению, но предварительно с их крыш чиновники Палаты перераспределения монастырского имущества снимали свинец. Монахи получали денежное содержание, а особо строптивые из них встречали со стороны властей довольно жестокое обращение. Уполномоченные Кромвелем чиновники, как правило, обращались с обитателями монастырей достаточно грубо, поэтому служители церкви испытывали перед ними гораздо больший страх, чем монахи Скарнси перед Шардлейком. Однако Скарнси не был заурядным монастырем, а Шардлейк – типичным представителем ведомства Кромвеля.

Бытует общепринятое мнение, что обвинение в прелюбодеянии королевы Анны Болейн было сфабриковано Кромвелем для Генриха Восьмого, которому она наскучила. Марк Смитон был одним из тех, кому Кромвель отвел роль ее подставных любовников. Он был

единственным из них, кто признал свою вину. Его отец был плотником. То, что некогда он был оружейных дел мастером, я придумал сам.

Отношение историков к английской Реформации по-прежнему остается противоречивым. Прежде они сходились во мнении, что Католическая церковь пришла к такому упадку, что определенного рода радикальные реформы были не только насущны, но и неизбежны. Однако в последнее время этот взгляд был подвергнут сомнению со стороны таких писателей, как Хейг и Даффи ^[12], которые в своих трудах нарисовали картину преуспевающей и весьма популярной среди народа Церкви. На мой взгляд, Даффи чересчур романтизирует средневековую католическую жизнь. Примечательно то, что эти ученые почти не касаются вопроса уничтожения монастырей. Последнее большое исследование этой темы было сделано Дэвидом Ноулзом ^[13]. В этой исключительной работе профессор Ноулз, который сам являлся католическим священником, утверждает, что легкая жизнь, преобладавшая в большинстве крупных монастырей, была сущей дискредитацией веры. Порицая насильственное уничтожение монастырей, профессор Ноулз тем не менее считает, что они настолько отделились от своих основополагающих идеалов, что не заслуживали продолжения своего существования в данной форме.

Никто достоверно не знает, как англичане в целом относились к Реформации. Так, если весь Лондон и частично юго-восток страны захватило мощное протестантское движение, то на севере и на западе по-прежнему оставался в силе католицизм. Однако находившаяся между ними большая часть населения по-прежнему оставалась *terra incognita*. Лично я считаю, что основная масса простых людей, скорее всего, воспринимала спускавшиеся сверху прогрессивные перемены подобно тому, как видели их Марк и Элис. Они считали, что насаждаемые сверху правящим классом реформы, имевшие своей целью навязывать народу свой образ мысли и действий, ничем не отличались от прежних. Что же касается перемен, то ими Англия воистину не была обделена. Сначала умами людей завладел прогрессивный протестантизм, потом при Марии Тюдор произошел возврат к католицизму, а во времена Елизаветы Первой вновь вернулся протестантизм. Неудивительно, что люди стали относиться к подобным вещам цинично. С одной стороны, они хранили молчание, а с другой – никто не интересовался тем, что они думали. Кроме того,

Елизавета, по всей вероятности, не желала пробивать окна в человеческие души посредством огня и топора, как это делали ее предшественники.

Однако небольшая часть общества извлекла для себя пользу от Реформации. Это были «новые люди», зарождающиеся классы капиталистов и бюрократов, которые обрели собственность, не имея благородного происхождения. Полагаю, что таких, как Копингер, в средневековой Англии эпохи Тюдоров было достаточно много. В результате Реформации произошли такие крупные перемены в классовом составе общества, каких оно не знало на протяжении всей своей истории. Данная тема в наши дни считается несвоевременной, и упоминать о классовом составе общества в исторических дискуссиях считается дурным тоном. Однако времена меняются, а вместе с ними меняется и общепринятая точка зрения.

Примечания

1

Эразм Роттердамский (1469—1536) – гуманист эпохи Возрождения; сыграл большую роль в подготовке Реформации, выступал против религиозного фанатизма.

[note 1](#)

2

Общественное движение в Европе XVI века, получившее название Реформации, было направлено против католической церкви; в частности, отрицались права церкви на владение земными богатствами.

[note 2](#)

3

То есть из испанских колоний в Америке.

[note 3](#)

4

Так проходит мирская слава (лат.).
[note 4](#)

5

Вульгата – латинский перевод Библии, используемый в католической церкви.

[note 5](#)

6

Не утратишь трудностей (лат.).

[note 6](#)

7

«И нечистые духи, вышедши, вошли в свиней; и устремилось стадо с крутизны в море... и потонули в море». От Марка, 5, 13.

[note 7](#)

8

От англ. orphan – сирота.

[note 8](#)

9

Иова, 22, 13—14.

[note 9](#)

10

«Сумма против язычников», «Сумма теологии».
[note 10](#)

Псалтирь, 90, 13.
[note 11](#)

12

Haigh C . English Reformations. Oxford University Press, 1993; Duffy
E . The Stripping of the Altars. Yale University Press, 1992.

[note 12](#)

13

Knowles D . The Religious Orders in England: The Tudor Age.
Cambridge University Press, 1959.

[note 13](#)

FB2 document info

Document ID: f45878c1-8df3-49t4-9598-fedc989e09e5

Document version: 1

Document creation date: 2006-01-15

Created using: FB Tools software

OCR Source: Библиотека Старого Чародея, Распознавание и
вычитка – Валерий

Document authors :

- Black Jack

Source URLs :

- <http://www.oldmaglib.com/>

About

This book was generated by Lord KiRon's FB2EPUB converter version 1.0.28.0.

Эта книга создана при помощи конвертера FB2EPUB версии 1.0.28.0 написанного Lord KiRon